

АЛЕКСАНДР ВОИНОВ

ВАТУТИН







АЛЕКСАНДР ВОИНОВ



ВАТУТИН

ПОВЕСТЬ, РАССКАЗЫ

ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА • 1969

P2
B65



ПЯТЬ ДНЕЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1



Как давно он не видел Москвы! Всего полгода, а кажется, что очень, очень давно в последний раз проезжал по этим улицам. Как-то странно видеть спокойно идущих прохожих, красный светофор, перед которым послушно замирает машина. Удивительное несоответствие между размеренностью жизни большого города и душевным состоянием человека, который только что приехал с фронта. Хочется стремительно мчаться вперед, не обращая никакого внимания на правила уличного движения.

Вот уже и площадь Дзержинского. Вот угловой дом, который в начале войны какой-то художник раскрасил под лужайку. Желтые и зеленые полосы, смытые дождями, поблекли и стали серо-грязными. Впрочем, стены сохранились, но внутри все разбито прямым попаданием бомбы. Немецкий летчик бомбил ночью, под сильным зенитным обстрелом, и ему все равно было, куда бросать свой груз, лишь бы скорее уйти.

Машина быстро огибает площадь и сворачивает в Театральный проезд. Может быть, заехать сначала домой, в Большой Ржевский? Вот обрадуется Татьяна! Выбежит навстречу, замрет от радости: с неба свалился...

А вот и Большой театр. Бронзовые кони рвутся в стремительном полете. В сквере на скамейках сидят люди, а по дорожкам вокруг высоких клумб с поздними цветами бегают дети.

Ватутин вспомнил, как год тому назад, когда гитлеровцы таранными ударами пробивались вперед по Волоколамскому шоссе, он ненадолго приехал в Москву. Город эвакуировался. Поезда один за другим уходили на восток. В этом сквере было пустынно. Но, проходя мимо, он вдруг заметил двух садовников — пожилого муж-

чину и молодую женщину, которые сосредоточенно взрыхляли землю и пересаживали в клумбы цветы, не обращая никакого внимания на то, что делалось вокруг. И в этой работе, казалось уже никому не нужной, было столько достоинства и спокойствия, что он навсегда запомнил неизвестных ему людей, олицетворявших собой твердую веру народа в то, что город сдан не будет.

Ватутин обернулся. Позади него сидел адъютант Семенчук, молодой майор, чем-то неуловимо похожий на самого Ватутина: простое крестьянское лицо, широкие скулы; подражая своему начальнику, он даже говорить научился неторопливо и спокойно. Ватутина иногда забавляло это его стремление к солидности и обстоятельности. Но он уже привык к особенностям характера своего неизменного спутника по фронтовым дорогам и снисходительно относился к его слабостям.

— Ну, Семенчук, куда поедем? — спросил он.

— Домой, товарищ командующий! — помолчав, сказал Семенчук. — Отдохнете!.. Пообедаете!..

Ватутин взглянул на часы: в его распоряжении оставалось полчаса.

— Нет, Яков Владимирович, не поеду я сейчас домой, — сказал он и виновато пожал плечами. — Ты уж скажи Татьяне Романовне... пусть не сердится. — Он сунул руку в боковой карман и вытащил плитку шоколада. — А это отдай Лене, только пусть до обеда не ест. Понял?..

— Понял, товарищ командующий! — улыбнулся Семенчук. — Значит, к обеду вас не ждать?

— Нет, нет, — быстро ответил Ватутин, — обязательно подождите. Я думаю, больше двух часов меня не задержат.

— Куда же вы сейчас?

— А вот заведите меня на Красную площадь, а дальше я уже сам дойду.

Ватутин вышел из машины у Исторического музея и остановился на краю тротуара. Здание музея казалось безлюдным. И пешеходов немного. Обогнув угол, он медленно пошел к Красной площади. Как-то странно было видеть огромную площадь, свидетельницу шумных парадов и демонстраций, притихшей и опустевшей. Вот из-под арки Спасской башни выскочила машина, за ней другая. Промчавшись, скрылись на улице Куйбышева. И опять тихо.

Ватутин смотрел, как огромные стрелки часов на Спасской башне, подрагивая, приближались к четырем. У него было в запасе еще минут двадцать. Он мог стоять, смотреть, думать...

Вдруг он увидел, как рядом со Спасской башней отворилась дверь и на площадь вышла смена караула у Мавзолея. Два солдата шагали один в затылок другому, держа на плече винтовку. Рядом шел разводящий. Солдаты были почти одни на площади, но держали себя так, словно на них смотрел весь мир. В тишине гулко звучали удары кованых сапог о мостовую. Вот солдаты поравнялись с невысокой оградой. Неслышная команда четко повернула их налево. Вот они подошли вплотную к старым часовым, остановились, замерли. Взяли винтовку к ноге. В это мгновение часы на Спасской башне стали гулко отбивать время. Старые часовые сделали шаг вперед, навстречу друг другу, и на их место встала новая смена. Еще одна неслышная команда. Еще один поворот. Старая смена ловко вскидывает винтовки на плечо и, мерно отбивая шаг, во главе с разводящим направляется к Спасским воротам.

Ватутин знал о том, что тело Ленина увезено из Москвы. Но эта торжественная церемония у пустого Мавзолея показалась ему символической: придет время, и Ленин вернется в свой вечный дом.

— Николай Федорович, здорово!

То, что этот оклик относится к нему, Ватутин понял не сразу. Он смотрел на площадь, провожая глазами удаляющийся караул, но мысли его были далеко. Однако перед ним стоял высокий человек в кожаном пальто и военной фуражке. На его тонком носу плотно сидели большие роговые очки, которые очень не шли к продолговатому бледному лицу.

— Ты что ж, Николай Федорович, старых друзей перестал узнавать, — сказал человек и протянул ему крепкую руку, — загордился, вижу, совсем!

— А! Антон Никанорович, — улыбнулся Ватутин. — Привет, привет!.. Давненько мы с тобой не виделись.

— Да, уж года три! С самого Киева...

— Где ж ты сейчас, все, небось, директорствуешь?

— Директорствую, — как-то устало и хмуро усмехнулся Антон Никанорович. — Ну, а ты все командуешь?

Ватутин кивнул головой. Помолчали. Антон Никанорович неловко топтался на месте.

— А я теперь на Урале, — сказал он, — работаю по близкой тебе специальности — танки и самоходки делаю...

— Ах, вот как! То-то у меня на фронте танков маловато!.. Это, оказывается, ты их делаешь?

Антон Никанорович вдруг взорвался:

— Ну это ты брось, Николай Федорович! Мало!.. Это у тебя на фронте, может быть, и мало... Я не знаю, сколько тебе дают. А у меня каждые пятнадцать минут с конвейера сходят хочешь — танк, хочешь — самоходка.

— А куда же ты их деваешь?

— Куда?!. Ты об этом не у меня, а у Ставки спроси.

— Вот распалился, — примирительно сказал Ватутин, — если дела у тебя так хороши — радоваться надо!

Директор мрачно взглянул на Ватутина из-под очков.

— Радоваться, — зло усмехнулся он. — Я работаю. Из шкуры лезу вон, а меня все греют. Мало!.. Мало!.. Мало!.. Давай быстрее!..

— Кто же тебя греет?

— Как кто? — удивился Антон Никанорович. — Государственный Комитет Обороны греет. Вызвали и высыпали выговор. А теперь иди по ветерку и думай... — Он сокрушенно помотал головой: — Лучше уж самому на фронт идти. Там, по крайней мере, или грудь в крестах, или голова в кустах.

— Кресты на грудь ты, конечно, больше любишь, — улыбнулся Ватутин. — Попал бы ко мне на фронт, я бы из тебя человека сделал. Какое у тебя звание?

— Да вот сказали, дадут звание генерал-майора. Ты, говорят, начальник военного завода, должен иметь звание.

Ватутин насмешливо прищурил глаза.

— Ну, генерал-майора я бы тебе сразу не дал!.. Загордишься. К тебе и не подступиться будет.

— Генералом я еще не был, не знаю, — парировал удар Антон Никанорович, — а вот что касается танков — могу сказать. Последний выпуск тридцать четвертых видел? Это мои танки. Гордиться есть чем.

— Да, танки хороши. А за что же тебя все-таки выговором наградили? А? — лукаво спросил Ватутин.

Антон Никанорович глубоко вздохнул.

— Требуют, чтобы я каждые десять минут по танку давал. А я пока не могу. У меня народ знает как рабо-

тает. Днем и ночью! В холодных цехах. Ведь мы, можно сказать, на голом месте завод построили. Ну, прощай, Николай Федорович!.. Ты, я вижу, за назначением приехал?

— Почти угадал, — усмехнулся Ватутин.

— А у меня примета такая. Раз генерал без адъютанта гуляет — значит одну должность сдал, а другую ему еще не подобрали.

— Верная примета, Антон Никанорович. Ого, опаздываю! — Ватутин пожал своему старому знакомому руку и быстро пошел через площадь.

Антон Никанорович посмотрел, как удаляется невысокая, плотная фигура Ватутина, постоял, а затем, глубоко засунув руки в карманы, пошел через площадь к гостинице «Москва».

...Через четверть часа Ватутин беседовал с Василевским, который подробно объяснял ему замысел новой операции.

По этому замыслу силы трех фронтов — Юго-Западного, Донского и Сталинградского — должны будут окружить группировку противника в районе Сталинграда, и не только окружить, но и уничтожить. Ставка поручает Ватутину новый, Юго-Западный фронт, занимающий участок от Клетской до Верхнего Мамона, протяжением в сто пятьдесят километров. Василевский предложил Ватутину продумать действия нового фронта и представить в Ставку свои соображения...

2

Незадолго до войны Ватутин получил в Кремле из рук Калинина орден Ленина. Он долго потом стоял у железной ограды перед дворцом и смотрел на Москву, хорошо видную отсюда, с вершины холма. Был морозный февральский вечер, и бесчисленные огни то собирались в причудливые гроздья, то вновь рассыпались. Это была какая-то веселая и безмолвная переключка, словно в большом океанском порту скопилось множество кораблей и, прежде чем разойтись, они обменивались сигналами.

А сейчас, когда Ватутин вышел из той же двери, из залитого светом подъезда, где, казалось, все было так же, как полтора года назад, — ковры, паркет, блестящий мрамор лестницы, то сразу же утонул в темноте. Холодный

ветер спутал полы шинели и бросил ему в лицо горсть лишнего снега.

Впереди угадывались зубчатые кремлевские стены, а за ними громоздились очертания крыш и домов. Справа медленно ползли через темную громаду моста синие подслеповатые огни автомобильных фар. А в небе неподвижно стояли аэростаты заграждения, казавшиеся темными сгустками тьмы.

Машина выехала через Боровицкие ворота и устремилась на улицу Фрунзе. Да, Татьяна, наверно, заждалась. Он пробыл в Кремле гораздо больше, чем предполагал. Признаться, когда он ехал в Москву, то не представлял себе всего размаха предстоящей ему работы.

Ватутин пытался заставить себя думать о самых разных вещах, стараясь подавить волнение и войти в привычное состояние уравновешенности. И вдруг вспомнил, что, уезжая с Воронежского фронта, забыли передать, чтобы в тридцать восьмую армию направили боеприпасы. Ну, теперь это сделают и без него. А план нового удара на Коротояк! Придется позвонить по ВЧ... Но о чем бы он ни думал, мысли его пеминуемо возвращались к одному и тому же, к разговору, который был с ним в Кремле! Он идет навстречу огромным и пока еще неизвестным событиям...

Луч прожектора медленно шарил по небу. Вот он легко коснулся аэростата, и тот вспыхнул ярким серебряным светом. Машина свернула на Арбатскую площадь и остановилась у светофора.

Ватутин видел тени людей, спешивших по пешеходной дорожке к метро. Вот проковыляла старуха с сумкой, вот какой-то молодой человек и девушка прошмыгнули у самых фар и, весело о чем-то говоря, исчезли из виду.

Наконец перекресток очистился, и вот уже замелькали силуэты знакомых домов на улице Воровского. Еще несколько минут, и он увидит свой подъезд.

3

Услышав шорох шагов в прихожей, Татьяна выглянула из кухни. На ее круглом лице возникло бабье, плачуще-радостное выражение. Она с размаху, забыв положить скалку, которой раскатывала лапшу, бросилась ему на шею.

— Коленька!

— Бить будешь? — спросил, улыбаясь, Ватутин, обнимая ее и целуя. — Наконец-то добрался...

— Боже ты мой! — сказала Татьяна, продолжая обнимать его, — замучилась я совсем! На дорогах бомбят, а тебя все нет и нет...

— Да разве быстро доберешься, — досадливо сказал Ватутин, снимая шинель, и привычным движением, не глядя, повесил ее на вешалку, — все время останавливали. Товарищ командующий, помогите эшелон протолкнуть... Товарищ командующий, куда снаряды везти. Пока до Липецка добрался, больше суток потерял. Вот Семенчука спроси, все время крутились.

— О причинах задержки в пути Татьяне Романовне все уже доложено! — Семенчук стоял в глубине коридора, поскрипывая сияющими сапогами, и улыбался.

— А Лена где? — спросил Ватутин, заглядывая через плечо Татьяны в приоткрытую дверь, за которой виднелся стол с беспорядочной кучей книг, словно высыпанных на него из мешка.

— В школе! Ходит во вторую смену. — Татьяна, вспомнив о том, что продолжает еще держать скалку, метнулась на кухню. — Я сейчас... сейчас!.. Обед уже готов.

Ватутин торопливо прошел по короткому коридору и распахнул дверь в комнату детей.

Вот она — эта кровать, застланная серым ворсистым одеялом; подушка в белой наволочке лежит ровненько. Как дорого бы он сейчас дал, чтобы не видеть этой отрешенной аккуратности!

— Татьяна! — Он выглянул в коридор: — От Вити есть письма?..

— Посмотри на этажерке!

Легко сказать, посмотри на этажерке. Да разве в этой грудке старых тетрадей и порванных учебников что-нибудь найдешь. Случайно раскрыл одну из тетрадей, увидел жирную тройку, написанную красным карандашом, и в сердцах хлопнул. Нет, девица, видно, отбивается от рук. С ней придется серьезно поговорить.

Как всегда удачливый, Семенчук острым взглядом прощупал все закоулки этажерки и первым заметил на верхней полке, под пустой фаянсовой вазой для цветов, синеватый конверт.

Ватутин вынул из конверта вчетверо сложенный листок, исписанный детскими каракулями, и долго вчитыв-

вался в слова, с трудом их разбирая. Виктор писал из лесной школы, что уже начал ходить без костылей, но воспитательница Мария Гавриловна не разрешает ему долго играть с ребятами.

У мальчика туберкулез ног. А началось все с обычной простуды. Всегда, когда Ватутин думал о Викторе, его не покидало ощущение вины, словно в чем-то он не до конца исполнил свой отцовский долг.

— Такие-то вот дела, Семенчук! — проговорил он, вкладывая письмо в конверт. — Наука-то наша во многом еще мало разбирается, — и пальцем тихонько подозвал его к себе. — На сколько приехали, спрашивала?

— Интересовалась.

— А ты что ответил?

Руки Семенчука сделали округлое движение, словно он пальцами ощущивал шар.

— Сказал, что по усмотрению командования.

Ватутин кашлянул. Его всегда удивляла в Семенчуке хватка профессионального адъютанта, вот уж не скажешь лишнего слова.

— Поедем на рассвете! Пока молчи, а то опять попадет.

Лицо Семенчука мгновенно приняло бесстрастное выражение. Может быть, у него в Москве были какие-то свои, личные дела, и он рассчитывал на несколько дней, но тут же привычно подчинился обстоятельствам.

— Если тебе нужно, иди, — сказал Ватутин, угадав, что Семенчук из деликатности о чем-то умалчивает, — и забирай машину...

— К каким часам приехать? — деловито спросил Семенчук.

— В шесть ноль-ноль — у подъезда!

У всех свои дела. Татьяна Романовна не стала его удерживать. Через минуту Семенчук, стремительно накинув шинель, уже сбегал по ступенькам лестницы.

— Ну, Татьяна, — сказал Ватутин, входя в кухню, — ты что-то мне редко писать стала!

— Да и ты не очень часто пишешь, — улыбнулась она. — Где будем обедать? В столовой?

— Сядем здесь! — Ватутин примостился к небольшому кухонному столику, покрытому старой рыжеватой клеенкой в подпалинах от горячего чайника. — Давненько домашней лапши не ел. — Он втянул носом запах супа. —

Как же быть с Витькой? — спросил он, следя за тем, как Татьяна разливает лапшу по тарелкам.

— Нарезь хлеба! — сказала Татьяна.

Ватутин нагнулся к столу, раскрыл дверцы, достал большую белую кастрюлю, в которой хранился хлеб, плотно прикрытый крышкой, чтобы не высыхал, и, взяв с полки кухонный нож, стал нарезать аккуратные ломтики.

Татьяна поставила перед ним тарелку и присела напротив, подперев щеки полными руками.

— А ты? — спросил Ватутин.

— Ешь, ешь, — сказала Татьяна, — а рюмочку налить?

— И рюмочку!..

Она поставила перед собой тарелку и налила по рюмочке из бутылки, которую принесла из столовой, и они выпили, чокнувшись, как полагается, а Ватутин, хлебнув лапши, блаженно улыбнулся.

А потом постепенно завязался разговор о Викторе, о Ленке, которая хоть и старается, но в школе у нее не все ладится, о стариках, которые застряли в деревне Чепухино, у немцев, и судьба их до сих пор неизвестна...

Семейные дела! Во фронтовых заботах они временами отходят словно в небытие, и все же вплавлены в его жизнь: отними у него эти заботы — что станет с его душой?

— Что же будет, Коля? — спросила Татьяна. — Так и будем отступать? — И она взглянула на него с затаенной тревогой: — Может быть, забрать Ленку и уехать к Вите? Там все же подальше...

Вот он, проклятый вопрос. Он не может от него уйти даже дома, даже в своей семье. Как ей ответить? Еще час тому назад, склонясь над картой, он вместе с другими генералами искал ответа на этот вопрос для всей страны.

Татьяне нет дела до стратегических замыслов, ее не интересует, сколько солдат, танков и самолетов в его подчинении, ей совершенно неважно знать, какой генерал назначен командовать армией, а какой смещен за неспособность, ее беспокоит только одно — что будет с ее семьей, с ее мужем, с ее детьми, с ней самой, наконец.

Ватутин потупил взгляд.

— Я думаю, тебе не следует уезжать из Москвы, — проговорил он.

— Ты меня не утешай, — сказала Татьяна, — лучше скажи прямо! — Она протянула руку и дотронулась до

его руки. — Коленька, возьми меня с собой!.. И Ленку тоже. Лучше, если мы будем все вместе...

— Нет, — проговорил Ватутин, — сейчас нельзя вам на фронт! Погоди...

— Что же будет?!. Что будет?!. — Татьяна отодвинула от себя тарелку и поднялась. — Ты все от меня скрываешь!.. Все!..

— А что я могу тебе сказать? Как повернется война?.. Есть еще надежда, Татьяна!..

— Да не о том я тебя спрашиваю! У тебя, наверно, какие-нибудь неприятности?

— Нет! Большое доверие оказали. Если наше дело получится, изменится все!.. Все!.. — повторил он, устремив скованный взгляд в угол, мимо Татьяны.

Поняв, что большего от него не добьется, она виновато улыбнулась.

— Значит, оставаться здесь? — спросила только для того, чтобы по-женски подчиниться его воле.

— Оставайся! — коротко сказал он. — А еще тарелочку нальешь?!

Она живо поднялась, поправила сбившуюся прядь, и Ватутин подумал, что косы у той девушки, с которой он когда-то сидел на берегу беспокойно петляющей Чепухинки, были гуще. Сколько же минуло лет? Почти двадцать. С декабря ему пошел уже сорок второй. Он еще полон сил. Привык к бессонным ночам, к непрерывному преодолению подчас внезапных, как ловушка, трудностей.

Когда-то, под Воронежем, когда он только что впервые принял фронт, гитлеровцы стали разбрасывать листовки, называя его штабным генералом, и пророчили поражение войскам, которыми он командует.

Может быть, именно в дни сражений на Среднем Дону к нему пришла зрелость. Одно дело отдавать приказ: «Ни шагу назад», другое — суметь внушить войскам веру в победу. А для того нужно не только уметь всегда трезво оценить обстановку, но и навязать сильному противнику свою волю.

— О чем ты все думаешь? — спросила Татьяна.

Он улыбнулся:

— Борюсь!.. Есть такой генерал Вейхс. Он сейчас командует немецкой группировкой. Так вот он не дает мне покоя... Никогда его в глаза не видел, а все время о нем думаю.

— Хитрый он, наверно...

— Не без этого. Как бы тебе так объяснить... Он думает, что со Сталинградом уже покончено, что теперь дело за Москвой и Кавказом. А мы с ним не согласны. Мы думаем по-другому.

— Как?

— Как?! — Он усмехнулся: — Объяснил бы тебе, Танечка, но какой из тебя стратег! Ты даже с одной Леной и то управиться не можешь.

Она засмеялась:

— Давай меняться заботами.

Боже! Как хорошо все-таки приехать домой, так бы и просидел всю ночь на этой вот кухоньке. Пора бы, наконец, и Лене возвратиться. Хватит ей там прыгать!..

Звонок!.. Телефон!.. Его взгляд напряженно уставил ся в одну точку.

Татьяна быстро поднялась, вышла из кухни и тут же вернулась.

— Тебя к телефону, — тревожно сказала она, — и замерла на пороге, пропустив его мимо себя.

— Ватутин слушает! — донесся из глубины квартиры его окрепший голос. — Хорошо! Хорошо!.. Слушаю!.. Сейчас приеду. Только попрошу выслать машину. — Короткое молчание, очевидно, опустив на рычаг трубку, думал. — Татьяна! Быстрее сюда!..

Она мигом оказалась на пороге спальни.

— Что, Коленька?..

— Товарищ Сталин вызывает!.. Где новый китель?

— В шкафу!

Он стремительно распахнул шкаф. Вынул тщательно расправленный на плечиках новый китель и придирчиво осмотрел.

— Подглады! Смотри, грудь измялась!..

Приняв китель, она продолжала стоять в дверях.

— А сапожная мазь есть? — спросил он, вытаскивая из книжного ящика шкафа сапоги с твердыми голенищами.

— Есть! — сдавленным голосом проговорила она.

— Ну что ты стоишь?

— Коленька, а зачем тебя вызывают?

— Успокойся!.. Будем докладывать план. Да торопись, через пятнадцать минут за мной приедут.

Она исчезла, а он, как в юношеские годы, когда, бывало, его вызывал к себе начальник военной школы, стал до блеска надраивать щеткой и без того сияющие новым хромом сапоги.

Через пятнадцать минут он уже стоял у подъезда, невысокий, печальственно замкнутый, привычно подавляя волнение.

Домой он вернулся поздно ночью, когда Лена уже спала, а рано утром, поцеловав ее спящую в лоб, спустился по лестнице в сопровождении Семенчука, который нес за ним портфель с бумагами.

Татьяна, накинув на плечи пальто, вышла проводить.

Он поцеловал ее коротко, застенчиво, стесняясь Семенчука и шофера.

— Следи за Леной! — строго сказал он. — А Виктору я напишу с фронта.

Машина свернула на улицу Воровского и исчезла за выступом дома...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Пока вездеход со скоростью торопящихся волов нырял по ухабам раскисшей дороги, Ватутин хмуро оглядывал необозримые степи, расстилавшиеся вокруг, и представлял себе, как будет сложно организовать за каких-нибудь три недели все то, что приказано ему Ставкой. На пути ему попало несколько застрявших в разъезженных колеях грузовиков. Одни из них, нещадно газуя, тщетно пытались вырваться из тяжелой, густой грязи, других безнадежно засосало в топь на полколеса.

Всю дорогу от аэродрома до Филонова, где формировался штаб фронта, Ватутин молчал, ничем не выдавая своего отношения к тому, что видит, и только Семенчук, сидевший сзади, тихо чертыхался, когда машину встряхивало особенно сильно. Он полагал, что за шумом мотора командующий его не слышит.

Уже стало смеркаться, когда машины подъехали к небольшому домику на дальнем краю пристанционного поселка.

Отсюда, с дороги, виднелись вагоны на железнодорожных путях, разрушенная водокачка, каменный остов сожженного служебного здания.

Завидев незнакомого генерала, часовой что-то крикнул в приоткрытую дверь. И через несколько мгновений по ступенькам деревянного крыльца сбежал молодой высокий генерал-майор. Широко и твердо ступая, он быстро пошел навстречу Ватутину, храня на своем лице напряженно-приветливое выражение.

— Генерал-майор Иванцов! Здравия желаю, товарищ командующий! С прибытием! — громко, по-строевому представился он.

— Да уж с прибытием, — покачал головой Ватутин, — чуть не утонули на этой проклятой дороге. — Он взглянул на приземистые дома по сторонам улицы: — Значит, это и есть штаб?

— Так точно, товарищ командующий! Квартира вам уже приготовлена!

Комната, куда Иванцов ввел Ватутина, была почти пуста. Только по углам стояли раздвижные фанерные столы на тонких ножках — обычное походное штабное имущество, основное достоинство которого легкость и портативность.

Командиры, сидевшие за столами, встали, и Ватутин, поздоровавшись с ними, прошел в следующую комнату, которая отделялась от первой тонкой фанерной перегородкой. Здесь тоже не было ничего, кроме самого необходимого: у окна стоял легкий походный стол; большую часть его занимала карта. В углу притулился покрытый сургучными потеками большой железный ящик.

Не снимая шинели, Ватутин присел на табурет около стола, положил фуражку на подоконник, а Иванцов остановился напротив, у стены, с интересом и невольной настороженностью рассматривая нового командующего.

Этот невысокий, плотный человек с широкими скулами и устало прищуренными, узкими глазами казался ему замкнутым и хмурым, может быть, даже чем-то недовольным.

С чего он начнет разговор? Начнет расспрашивать о делах или с ходу обрушится на какие-нибудь непорядки, которые, наверно, уже заметил по пути...

— Бобырев приехал? — спросил Ватутин, усталым движением потирая лоб.

— Нет, товарищ командующий! Прислал сообщение, что прибудет через два дня.

— Так! Так!.. — вздохнул Ватутин, — сюда дьявольски трудно добраться! Чайком, что ли, угостили бы, — улыбнулся он. — С утра еду и еду, — все докладывают, а «товарищ командующий» от голода едва на ногах держится.

Иванцов приоткрыл дверь и тихо отдал приказание.

Ватутин встал, скинул шинель и повесил ее на гвоздь у притолоки. На том же гвозде пристроил свою новую, с туго натянутым верхом фуражку и повернулся к Иванцову с видом человека, который, приехав, уже никуда не торопится.

Теперь Иванцов мог лучше разглядеть командующего. У него не было той осанки, которая берется невесть откуда у некоторых людей, как только они достигают высокого положения. Не спеша достал из кармана гребенку, домовито причесался и снова подсел к столу, с которого уже была убрана карта. Вместо нее появились стаканы, большой дымящийся чайник и тарелки с закуской.

— Ну, товарищ Иванцов, присаживайтесь, поговорим о жизни! — Ватутин сжал ладонями горячий стакан чая, зябко повел плечами и откинулся к спинке стула, наслаждаясь теплом и покоем. — Жарко, даже в сон бросает! Натопили! Как в сандуновских банях!..

Они сидели за столом уже добрых полчаса, а Ватутин и не думал переходить к делу. Он расспрашивал Иванцова, откуда тот родом, где воевал, на каких фронтах и под чьим начальством. Иванцов рассказывал, называл имена своих командиров и товарищей, а Ватутин слушал, чуть приподняв брови и покачивая головой. Он знал почти всех, о ком говорил Иванцов. С одним он встречался на маневрах, с другим учился в академии, с третьим работал в Генштабе, с четвертым сталкивался на фронтах... Как велика и как тесна земля!..

Ватутину были приятны эти воспоминания. Они уводили его то в давно минувшие годы, то вдруг заставляли касаться совсем недавних событий. И так было хорошо сидеть в этой жарко натопленной и ярко освещенной комнате и знать, что никуда больше ехать уже не нужно.

Ватутин отодвинул стакан, встал, подошел к окну и приоткрыл занавеску. К стеклу прижалась плотная тьма — ни огонька. «Ну и глухомань, — подумал он. — Трудно, трудно здесь будет...»

Вдруг где-то вдалеке вспыхнул острый луч прожектора, нащупал небо, а затем так же неожиданно упал в темноту и погас.

— Товарищ командующий, все готово!

Ватутин оглянулся. Иванцов отодвинул чайник, тарелки и раскладывал на столе карту. Ватутин сразу отметил, что велась она с профессиональной точностью и обстоятельностью.

Он нагнулся над картой и долго рассматривал бесчисленные знаки, флажки, линии, цифры, они оживали под его взглядом и складывались в систему, в которой были свои удачи и просчеты, сила и слабость. Во всем этом еще предстоит разобраться, понять, воображением проникнуть в замыслы противника, который тоже, черт побери, думает, хитрит, выискивает слабые места в обороне.

— Где она хранится? — спросил он, бросив на Иванцова внимательный взгляд.

— У меня лично, — ответил Иванцов, — под замком...

Ему показалось, что именно сейчас и начнется тот откровенный разговор, во время которого решится многое и, может быть, его личная судьба. Останется ли он работать с Ватутиным или после приезда нового начальника штаба Бобырева будет отчислен в резерв? Но ни по лицу, ни по голосу командующего ничего нельзя было угадать. Ватутин стал неутоимо и требовательно расспрашивать о самых разных вещах — о том, сколько и каких частей пришло, куда они направлены, как обстоит дело с переправами через Дон, как дела на плацдарме у Клетской. «Дрянненький плацдарм», — обронил он. И эти мимоходом брошенные слова объяснили Иванцову не меньше, чем если бы Ватутин стал подробно объяснять замысел Ставки. «Будем наступать», — подумал Иванцов, и сразу все то, что он делал, проклиная свое сидение на этом полустанке, наполнилось новым, большим содержанием.

Иванцов стал уже по-иному, с увлечением, докладывать Ватутину о составе создающейся в этом районе группировки, невольно исходя из замысла, о котором он еще толком не знал, но сущность которого так неожиданно приоткрылась ему.

Ватутин слушал и хитро поглядывал на Иванцова; его взгляд как бы говорил: «Не старайся, не старайся, все равно ничего не скажу».

Ватутин позвонил по ВЧ Еременко: «Как в Сталинграде?» — «Положение тяжелое. Гитлеровцы в полукилометре от командного пункта. Будем держаться, — ответил Еременко, — но если можно, поторопись».

Ватутин положил трубку и нахмурился.

— Товарищ Иванцов! Я должен быть в войсках, на месте. А вы как можно быстрее берите в руки управление. У нас совсем мало времени. — Он замолчал, сдвинул брови и покусывая нижнюю губу.

В середине дня Ватутин был уже в районе Клетской. По дороге заехал в штаб армии Коробова, немного обогрелся, отдохнул. Затем вместе с командармом и начальником артиллерии фронта генералом Грачевым, которого он взял с собой, выезжая из Филонова, поехал в дивизию Чураева, занимавшую рубежи по южному берегу Дона.

Участок, на котором располагалась эта дивизия, и прилегающие к нему участки соседних соединений были наиболее выгодными плацдармами для нанесения главного удара.

Против наших частей здесь оборонялись итальянские и румынские дивизии. Большинство солдат в них насильно мобилизовано фашистами, а потому, естественно, войска эти были менее стойкими и упорными в бою.

Кроме того, отсюда открывался самый короткий путь к Калачу.

Над этим много раздумывал Ватутин. Но для того чтобы принять окончательное решение, он должен был все увидеть своими глазами, взвесить, что называется, на ладони...

День выдался на редкость холодный. С низких туч падал не то дождь, не то снег. Колеса машин вязли в липкой грязи. Впереди шла машина Ватутина. За ней, фырча и разгоняя в обе стороны волны грязи, двигались еще два вездехода. В одном ехал Грачев с офицерами оперативного отдела, в другом — автоматчики охраны.

Генерал-лейтенант Коробов, уже немолодой, несколько тучноватый человек, сидел позади Ватутина, чуть наклонившись вперед, чтобы удобнее было разговаривать с командующим. Ветер сек ему лицо, Коробов морщился и тяжело дышал открытым ртом.

Холмы сменялись оврагами, под колесами вездехода пенистыми бурунчиками взвихрялись узкие безымянные речки, а затем опять до бесконечности повторялось одно и то же — овраги, речки, холмы. Изредка мелькали деревни, покинутые жителями. Приказ Ставки о выселении из прифронтовой полосы уже был выполнен.

— Смотрите, сирота остался, — сказал Ватутин, указывая рукой на плетень, окружавший небольшую выбеленную и еще не успевшую потемнеть от дождей хатку.

Коробов посмотрел в ту сторону и улыбнулся.

На плетне сидел большой красногрудый петух и, кося черным круглым глазом, смотрел на приближающуюся машину. Когда машина подошла совсем близко, он встрепнулся, захлопал крыльями, прыгнул с плетня и быстро побежал между грядками куда-то в глубь двора.

— Петух-партизан, — сказал Коробов, и в машине зашевелились.

Ватутин и раньше встречался с Коробовым, но это были случайные встречи — на маневрах или где-нибудь на совещаниях. Были годы, когда Коробов занимал более высокие посты, чем Ватутин. Однако работать вместе им никогда еще не приходилось.

Ватутин знал, что Коробов человек умный и опытный. Когда в Ставке решался вопрос, кого назначить командующим армией, которая должна будет действовать на главном направлении, имя Коробова ни у кого не вызывало сомнения. Этот человек справится.

Сейчас Коробов оказался в подчинении у Ватутина, но Ватутин отдавал себе отчет в том, что за плечами у Коробова не меньше боевого опыта, чем у него самого, а уж если говорить о командном стаже, то стаж этот наверняка больше. Поэтому с первых же минут встречи в штабе армии Ватутин заговорил с командармом просто, по-товарищески, с доверием к опыту и с уважением к годам.

Коробов быстро угадал желание Ватутина сойтись с ним поближе и охотно пошел ему навстречу. Правда, многое в новом командующем было ему еще не ясно. Коробов терпеть не мог сухости, чиновничьей педантичности, мелочной придирчивости и на всякое новое начальство смотрел с некоторым опасением: не проступят ли ненароком признаки этих неприятных болезней. Одно дело — аккуратность, точность и требовательность, совсем дру-

гое — административный восторг, неумное стремление к выполнению каждой буквы инструкции.

Он часто вспоминал одного начальника склада на станции Сиверская, под Ленинградом. Когда гитлеровцы провались со стороны Луги, этот начальник решил сжечь склад, так как вывезти его уже было невозможно. А в складе лежали новые кожаные регланы, сапоги, командирское обмундирование. Летчики с соседнего аэродрома, узнав, что все добро должно с минуты на минуту уничтожить, прибежали к начальнику склада и стали просить переменить им старое обмундирование на новое, выдать сапоги и регланы. Но начальник категорически отказал. «Не могу, товарищи. Как хотите, не могу. Срок носки у вас еще не вышел. Раздам новое обмундирование, а меня обвинят в разбазаривании государственного имущества. Нет, нет, и не просите, буду действовать согласно приказу. Сожгу и составлю акт». И он сжег склад, полный добра, составил акт и был горд тем, что имущество не досталось противнику. Когда Коробов узнал об этом подвиге чиновничьего усердия, он живо прогнал исполнительного интенданта из армейских тылов на передовую — пусть поживет вместе с солдатами, может быть, наберется ума.

За обедом в штабе армии Коробов к слову рассказал об этой истории Ватутину. Результат был неожиданный. Ватутин невесело усмехнулся.

— А вы, Михаил Иванович, оказывается, либерал, — сказал он хмуро. — Я бы на вашем месте в штрафбат его отправил.

«Так-с», — подумал Коробов, и настроение у него заметно улучшилось.

3

Они въехали в опустевшую станицу, раскинувшуюся вдоль дороги, которая вела к дивизии Чураева. Стоявшие далеко друг от друга сады и хатки избегали по склону невысокого холма. По другую сторону его — там, куда вела дорога, блестела река — один из бесчисленных притоков Дона.

Машины поднялись на холм, стало видно, что вдоль дороги, теснясь поближе к переправе, собралось много грузовиков, доверху нагруженных ящиками, а шоферы столпились у первой машины, тесным кольцом окружив

какого-то человека в черном пальто; один из всех он был одет в гражданское.

Ватутин повернулся к Коробову, который, приподнявшись с места, пристально смотрел на дорогу. Лицо командарма выражало недоумение и досаду.

— Что за базар? — спросил Ватутин.

Коробов негромко выругался.

— Бестолковщина, — сказал он сквозь зубы. — Обком партии по нашей просьбе оставил здесь на несколько дней бригаду плотников — мост укрепить, чтобы тяжелая техника могла пройти. Да вот, видите, случилось что-то.

— А вы своего человека сюда послали?

— Как же! Капитана Арсеньева. Опытного мостовика.

Вездеход подошел к грузовикам. Теперь Ватутин разглядел человека в черном пальто. Невысокий, рыжебородый, он независимо смотрел на Ватутина, видимо чувствуя себя в своем гражданском пальто как за надежной броней.

Коробов крикнул:

— Товарищ Арсеньев! Подойдите-ка сюда!..

От толпы отделился невысокий капитан со смуглым живым лицом.

— Слушаю, товарищ командующий! Здравствуйте...

— Здравствуйте, товарищ Арсеньев! Что здесь происходит?

— С мостом неладно, товарищ командующий!

— Разве его не починили?

— Починили, товарищ командующий! А часа полтора тому назад «юнkers» сбросил несколько бомб и опять развалил.

— Так надо скорей восстановить!

Арсеньев развел руками.

— Да вот тут председатель сельсовета — он плотниками командует — возражает. Требуется, чтобы мы сюда теперь своих людей прислали. А сам хочет уходить. И работников своих уводит.

— А много там работы?

Арсеньев замялся.

— Ну этой бригаде, пожалуй, возни на целый день хватит!

— Это они по хатам стоят? — спросил Ватутин. Он заметил, что трубы нескольких хат дымятся.

Арсеньев оглянулся:

— Они, товарищ генерал... Уж лучше бы мы своих людей сюда прислали, чем с гражданскими связываться. Я уже позвонил в штаб...

Чутьем бывалого военного Арсеньев понял, что раз командующий армией сидит позади, то генерал, занявший место рядом с шофером, наверняка еще более высокий начальник. Но своего генерала он знал, а этого видел впервые.

Ватутин быстро подтвердил все его догадки.

— Попросите-ка сюда председателя сельсовета, товарищ капитан, — сказал он, выходя из машины; из второй машины уже вылезал Грачев: раз уж остановка, то он должен быть поближе к командованию. Но Ватутин махнул ему рукой: «Сидите». Грачев как-то по-стариковски покорно тряхнул головой и снова опустился на сиденье.

В это время Арсеньев быстро подошел к человеку в черном пальто и что-то сказал ему. Тот не спеша направился к Ватутину, но, не дойдя до него, остановился, внимательно поглядывая на генералов.

— Вы председатель сельсовета? — спросил Ватутин. Человек ему не очень понравился, и он уже приготовился учинить ему крепкий разнос.

— Я председатель, — ответил человек и с достоинством пригладил растрепанную ветром рыжую бороду.

— Почему не хотите восстанавливать мост?

— А мы уже свою работу сделали, товарищ начальник! Он тут каждый день летает, так нам тут и сидеть? — сказал председатель, подразумевая под презрительным «он» немецкие самолеты.

— Так, — усмехнулся Ватутин. — Это ваше личное решение или всей бригады?

— Мое решение! Я тут председатель. Мне отвечать, мне, стало быть, и соображать.

— Значит, решение единоличное, — с раздражением сказал Ватутин. — Какая же вы Советская власть, если вы единолично решения принимаете?

— А у меня весь сельсовет ушел. Я один тут остался.

— Как один? А плотники?

— И у плотников можете спросить, они то же скажут. Не можем мы здесь больше оставаться!..

— Как ваша фамилия? — спросил Ватутин.

— Михеев Степан Сидорович.

— А я командующий фронтом Ватутин. Вы, товарищ Михеев, член партии? Вам обком это дело поручил?

— Да, я партийный, товарищ генерал. Уже двадцать лет партийный, — в сердцах ответил Михеев. — Мой сельсовет всегда первый не то что в районе, а во всей области. А что касается моста, вы своих людей сюда пришлите. У нас семьи под Саратов ушли. Одни бабы да дети. Догонять мы их должны. Сыновья-то наши у вас теперь, в армии. А тут одни старики остались да калеки. Не могу я их больше задерживать!.. Нам двести верст пешком пагать...

— А ну позовите казаков сюда, — сказал Ватутин, с невольным уважением глядя на этого ершистого председателя.

— Сейчас позову, — с готовностью ответил Михеев и торопливо зашагал к ближайшей хате.

Он взбежал на крыльцо, что-то крикнул в приоткрытую дверь, рысдой пересек улицу, постучал в раму окна, и тотчас же на дорогу стали выходить люди.

Ватутин переглянулся с Коробовым. Да, Михеев говорил правду. Это действительно были старики. Самому молодому, наверное, не меньше пятидесяти пяти лет. Одни держали в руках лопаты, у других за поясом заткнуты топоры. Большинство было в стеганых ватниках. Люди сильно устали — потемневшие сизые лица, понурые плечи...

— Тут все? — спросил Ватутин.

— Точно так, — ответил Михеев, шагнул вперед. — Вот и вся моя команда, товарищ начальник. Народу не так чтоб много, а если на года посчитать, так лет ей тысячи полторы с гаком.

Он сказал это весело, но никто не улыбнулся.

Ватутин подошел к казакам поближе.

— Ну что, отцы, замучились? — спросил он, поворачиваясь к старику с кустистой седой бороденкой, стоявшему к нему поближе. Казак невозмутимо сворачивал самокрутку. За поясом у него торчал большой топор. — Как ты теперь, старик, до своих добираться будешь?

— Своим паром, товарищ генерал, — спокойно ответил старик, — построю наших орлов в походную колонну — и айда!

— Ты, я вижу, старый солдат!

— Да еще в гражданскую воевал.

Ватутин помолчал, поглядывая на стоявших перед ним людей. Казаки в свою очередь глядели на него с любопытством и с затаенным вниманием, как бы стараясь понять, чего можно ожидать от этого генерала: говорит как будто и приветливо, а что у него на уме — неизвестно.

— Спасибо вам, товарищи, за то, что починили мост, — сказал Ватутин.

— А за что спасибо, — отозвался высокий, худой старик с лопатой на плече — он держал ее как винтовку, — был мост, а теперь дырка.

— Ну, это уж не по вашей вине. А вы сделали что могли. Можно и по домам!

— По домам! — засмеялся рябоватый казак, у которого старая солдатская шапка была лихо сдвинута на левое ухо, — вот мой дом — рядом! Хоть сейчас на печь задезай...

К Ватутину придвинулся старик с лопатой:

— Товарищ начальник, может, разрешите нам отседова не уходить! Разорение нам — и только! Всему колхозу разорение на Саратов идти...

— Нет, нет, товарищи, — строго сказал Ватутин. — Надо уходить отсюда. Нельзя вам здесь оставаться. Ведь фронт же рядом.

На него вдруг надвинулся из задних рядов невысокий седой казак, очевидно, самый старей и самый почтенный из всех. И по тому, как он шел, тяжело ступая по грязи большими, не раз чиненными сапогами, нахмутив густые, вьющиеся в разные стороны брови, Ватутин понял, что он не зря прокладывает себе дорогу вперед.

Кто-то потянул старика за рукав:

— Степаныч, куда ты?

Старик молча рванул рукав и подошел вплотную к Ватутину.

— Значит, немца и сюда пустишь, начальник, — произнес он хриплым, простуженным голосом. — Заранее себе отступление готовишь. А нам тебе мост строить, чтобы легче убегать было! Пол-России немцу отдали. А теперь и мне, старику, куда глаза глядят из дому уходить!..

Наступила тишина. Ватутин смотрел на простые бородатые крестьянские лица. Таким же, как этот сердитый старик, был и его собственный дед. И его отец ходил в

таких же порыжевших сапогах. Люди, стоящие перед ним, думают, что если он генерал, то он какой-то особенный. А у него самого не так уж далеко отсюда, в деревне Чепухино, занятой гитлеровцами, остались старуха мать и родные сестры. И кто знает, какова будет их судьба, если враг дознается, кем им приходится генерал Ватутин.

— Нет, отцы, — сказал Ватутин, — не бывать здесь врагу. Не придет он сюда. Не пустим!

— А зачем же нам тогда уходить? — крикнул казак, куrivший самокрутку. — Зачем нам хаты свои бросать?.. Землю нашу!..

Ватутин помедлил. Сказать всего он не мог, но понимал, что народ ждет от него ответа, который был бы убедителен и правдив.

— Видели вы, наверно, — сказал он, — что по этой дороге идут войска. Танки, пехота, артиллерия?.. Видели или нет?

— Видели, — раздались голоса.

— Много войск?

— Да, гремят каждую ночь, — сказал дед с лопатой. Лопату он теперь воткнул в землю и опирался на нее всей тяжестью своего старого, но крепкого тела.

— А зачем войска идут, догадываетесь?

Казаки заулыбались. Ватутин почувствовал, что настроение их меняется, но сердитый старик опять испортил все дело.

— А солдаты всю войну идут — сначала туда, а потом отсюда, — сказал он хриплым голосом.

Ватутин невольно посмотрел на него с досадой:

— Ты, отец, зря в народе веру подрываешь...

Старик хмуро промолчал, а рыжебородый председатель подошел к Ватутину и сказал доверительно:

— У Петра Степаныча сына убили... Да и сам он дважды кулаками раненный... Обидно человеку!..

Ватутин подошел к старику и положил ему на плечо руку.

— Одно могу тебе сказать, Петр Степаныч, не будет врага в этой деревне. И когда вернешься сюда, хата твоя будет цела...

На дороге показались два грузовика. На первом ехали бойцы, на втором громоздились какие-то бревна и доски. Доехав до колонны машин, они остановились. Ка-

питан Арсеньев, радуясь, что все у него так складно и хорошо получилось, доложил, что можно приступить к работе.

— Сколько вам потребуется времени? — спросил Коробов.

— Да примерно часа через полтора все будет в порядке.

— Давайте, давайте быстрее.

Ватутин обернулся:

— Одну минутку, товарищ Арсеньев. Ведь машины обратно пойдут пустыми?

— Да, товарищ генерал!

— Посадите казаков и подвезите, куда им надо! Только смотрите: накормите их как следует!..

— Слушаюсь!

Арсеньев пошел к машинам. Через минуту, обогнув по обочине колонну, они скрылись за поворотом дороги.

— Ну, отцы, до свидания, — сказал Ватутин, — идите пока по хатам. Грейтесь! Вас тут не забудут...

Но старики топтались на месте и не расходились. Они смотрели на Михеева, который в раздумье почесывал бороду.

Вдруг Петр Степаныч решительно положил лопату на плечо.

— Ты, начальник, нас в хату не гони, — сказал он сердито, — мы сами туда дорогу найдем... Пойдем, соседи, подсобим, что ли, ребятам, — обратился к казакам, — все быстрее дело пойдет. Так, что ли, Спдорыч?

Михеев на мгновение задумался. Голова его склонилась набок, один глаз совсем скрылся под морщинистым веком.

— Что ж, можно, — сказал он негромко, — при наличии машинного транспорта и здесь успеем и своих нагоним...

В руках у него откуда-то появился топор. Он решительно взмахнул им и крикнул:

— А ну, товарищи, за мной!..

И быстро пошел по тропинке между хат. Казаки двинулись за ним и скоро исчезли из виду.

Ватутин усмехнулся:

— Ишь ты! «При наличии машинного транспорта!» А ведь прав, ничего не поделаешь. Бережет своих лю-

дей... Ну что ж, товарищ Коробов, поедем дальше? Только где нам теперь переезд найти?

Однако Семенчук уже выяснил, что южнее есть еще один мост через Дон. Машины одна за другой развернулись, и небольшая колонна двинулась по новому направлению.

Ни Ватутину, ни Коробову не хотелось говорить. Ватутин смотрел прямо перед собой — на дорогу, бегущую под колеса, но не видел ее. Мысль — тяжелая, неотвязная — мешала ему. Да, старик казак сказал много жестких слов. Однако старики поскрипели, поворчали, но честно исполнили все, за что взялись. И еще раз пошли на мост, хотя никто уже не просил их об этом. Они — народ. Они могут требовать ответа от каждого и вот потребовали... Кажется, он все-таки плохо объяснил, почему им надо отсюда уходить.

Но потом они все поймут.

Он повернул голову к Коробову:

— Как вы думаете, Михаил Иванович, поймут они?

— А как же, — отозвался Коробов, — поймут и оценят как надо.

И по тому, как быстро ответил ему Коробов на этот отрывистый и неясный вопрос, Ватутин почувствовал, что оба они думали об одном.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Чем ближе линия фронта, тем ощутимей жизнь огромной армии. Оставленные жителями хаты не пустуют. В них на недолгий походный отдых останавливаются солдаты. Удивительно уютно курятся светлым дымком трубы. Издали кажется, что деревня живет своей обычной неторопливой жизнью. Но стоит подъехать ближе, и очарование мирной жизни сразу исчезает, везде видны признаки сложного и вместе с тем простого военного быта. Весело бежит к колодезю, гремя ведрами, молодой боец в овчинном полушубке. Ведро он держит ловко, чуть расставив руки. Видно, дело это ему обычное и приятное. Заглянет в колодец и вспомнит свою далекую деревню. А вот чуть дальше стоит у плетня оседланный конь, стоит, засунув черную морду с белым пятном на лбу почти по глаза в торбу с овсом, которая висит у него на шее. Во

дворах, под навесами, за домами — машины, кухни, повозки, расседланные кони.

— Конники? — спрашивает Ватутин.

— Конники, — подтверждает Коробов.

Ватутин внимательно присматривается к громоздкому хозяйству кавалерии и представляет себе, как все это должно выглядеть сверху, с самолета. Как будто маскировка удачная.

— Хорошо, что лошадей во дворах мало. Но где же они тогда? — спрашивает Ватутин удивленно. — Неужели по конюшням да по сараям? А фураж где прячут?

Коробов не успевает ему ответить. В одной из ближайших хат распахиывается окно, оттуда выглядывает длинная лошадиная морда, и тотчас же раздается радостное ржание. Оскалив зубы, лошадь тянется к кусту, на котором ветер треплет последние желтые листья.

— Вот это явление! — восклицает Ватутин.

Коробов лукаво улыбается и, пригнувшись к Ватутину, говорит:

— Ничего не поделаешь, товарищ командующий. Ради маскировки и в хату иногда приходится заводить. Другого выхода нет. Самое распроклятое дело конницу и танки вот на такой лысой местности прятать.

Ватутин кивнул головой. Негоже, конечно, лошадей вводить в хату. Но уж лучше пусть пока лошади побудут в хате, чем противник. А вот — танки. Танк в хату не спрячешь. С танками много хлопот, придется еще думать и думать.

— Вот она — «рама»! Летит, проклятая! — говорит адъютант и тревожно смотрит в небо.

«Фокке-вульф» с двумя фюзеляжами и желтыми крестами на крыльях, вынырнув из-за облака, летит на северо-восток метрах в восьмистах от земли.

Из-за холмов забили зенитки. Вокруг «фокке-вульфа» повисают белые облачка, похожие на клочки мыльной пены. Самолет вдруг входит в крутое пике. У Ватутина радостно екает сердце: «Сбили!» Но, не дойдя метров сто до земли, «фокке-вульф» резко взмывает вверх и снова скрывается за облаками.

— Промазали, — с досадой говорит Ватутин.

Он знает, что будет еще долго продолжаться молчаливая борьба, вызывающая напряжение всех сил, ума, прозорливости и находчивости. Войска будут подходить и ма-

скироваться, а противник будет упорно их искать. И так до самого последнего часа.

— Над каким районом он пролетел? — спросил Ватутин, снова оборачиваясь к Коробову. — Ведь здесь должна быть наша танковая бригада!

— Так точно, товарищ командующий, — быстро ответил Коробов, — как раз над танками и пролетел.

Ватутин покачал головой.

— Надо бы заехать в бригаду. Посмотреть, как там идут дела.

Коробов взглянул на часы:

— Очень уж задержимся, товарищ командующий!

Но Ватутин настоял на своем. Ему хотелось все увидеть своими глазами. Доклады и донесения — дело нужное, даже необходимое. Но все же лучше, где только можно, побывать самому. Понять, представить себе, что сделано и что предстоит еще сделать.

Найти танковую бригаду оказалось не так уж сложно. Танки проложили по целине глубокую колею, и вездеход быстро бежал по ней, проскакивая овраги и огибая по-осеннему темные холмы.

Танковая бригада не входила в состав армии Коробова. Знакомство с ней должно было занять много времени. Но для того чтобы взглянуть, как расположены в балках танки, Ватутин готов был сделать любой крюк.

И вот машина выезжает на пригорок.

— А ну притормози, — говорит Ватутин водителю.

Усатый шофер послушно нажимает на тормоза.

Вот и танки. Они рассредоточены, стоят в выемке неглубокого оврага. Над ними натянуты маскировочные сети, лежит дерн. Это, конечно, маскировка, но не такая уж надежная, чтобы противник не смог ее разгадать.

— Смотрите, товарищ Коробов, а вот это здорово придумано! — Ватутин указывает в глубину оврага, где танки почти целиком спрятаны в нишах, выкопанных в обрывистых склонах. — Этого уж сверху не разглядишь. Да, в землю, в землю уходить надо! Другого выхода нет.

2

В дивизию Чураева командующий фронтом и его группа прибыли часа на два позже, чем их ожидали.

В танковой бригаде у Ватутина нашлось столько дел, что, если бы ему не ехать дальше, на передний край, он,

наверное, просидел бы там целый день. Но время было рассчитано по часам и минутам.

Как только Ватутин вошел в блиндаж командира дивизии Чураева, он сразу понял, что здесь готовились к его приезду: Об этом говорили и торжественно-подтянутые фигуры командиров, и новые разложенные на столе карты, и даже свежие, еще не высохшие пятна от воды на тщательно вымытом дощатом полу.

Полковник Чураев представился Ватутину с обдуманной точностью и четкостью. Это был человек лет сорока пяти, высокий, с уверенной и значительной осанкой. Щеки занимали добрых три четверти полного лица Чураева, и от этого черты его казались мелкими. Однако профиль с высоким лбом и прямым носом был красив. Чураев знал это и потому изредка небрежным движением руки приглаживал и без того тщательно расчесанные на пробор светлые волосы, поворачивая при этом голову чуть боком к собеседнику.

Чураев, если можно так сказать, был человеком удачи. Он начал войну майором, начальником штаба полка, и хотя с первого дня войны ни разу не был в тылу, лишь несколько недель (в разное время) пробыл в армейском и фронтовом резерве, военные беды — ранения, контузии, служебные неполадки — как-то миновали его. К тому же он был храбр и не терялся в самые критические минуты боя.

Коробов не случайно привез Ватутина именно к Чураеву. Он считал, что Чураев скорее, чем кто-либо другой, сумеет принять командующего, сумеет обстоятельно доложить, тактично ответить на все вопросы, тем более, что дивизия находилась как раз на том участке, откуда армии предстояло нанести главный удар.

Жарко натопленный блиндаж сразу наполнился людьми. Стало тесно и душно. В углу, склонившись над телефонами, дежурные телефонисты выкрикивали: «Уфа» слушает...», «Самарканд», куда пропал!», «Тамбов», позови Петрова!...» Штаб дивизии жил обычной напряженной жизнью. Начальник штаба дивизии подполковник Рябчий, человек кряжистый, неторопливый в движениях, достал из планшета какие-то листки и молча протянул их Чураеву. Ватутину понравилось, что Рябчий отдает распоряжения и действует так, словно здесь нет начальства.

— Ну, докладывайте, товарищ Чураев! — сказал он.

В землянке наступила тишина. Генерал Грачев, командующий артиллерией фронта, придвинулся ближе к Коробову, чтобы дать место в общем кругу начальнику разведки армии полковнику Дробышеву, полному и очень подвижному человеку, который все время незаметно, но настойчиво давил его в бок локтем. Начальник оперативного отдела армии полковник Абгаров, тщательно выбритый, но с таким сизым лицом, какое бывает только у жгучих брюнетов, порывисто вытащил было из планшета записную книжку и карандаш, но тут же, заметив, что длинное, сухое лицо начальника политотдела армии Шибачева стало строгим, вспомнил распоряжение Коробова ничего не записывать, быстро спрятал записную книжку и карандаш в планшет и сделал вид, что очень озабочен царапиной на гладкой поверхности его целлулоидной пластины.

Каждый из присутствующих здесь генералов и офицеров был не новичком и понимал, что командующий фронтом вместе с командующим армией не приедут сюда так вот — зря, да еще прихватив с собой столько офицеров из штаба армии. Значит, что-то готовится большое и важное. Недаром ведь на этот участок фронта прибывают новые части.

Чураев начал подробно, по всем правилам докладывать обстановку. Фразы его, как всегда, были круглы, закончены, со множеством «что», «который», «несмотря», «ввиду» и «тем более». «Говорит, как и пишет», — подумал Коробов, и ему стало неловко. Он посмотрел на Ватутина и по выражению лица командующего понял, что тому тоже не по вкусу эта плавная, обтекаемая речь.

Коробов слегка поморщился. «Попроще бы, покороче!» Он даже коротко махнул Чураеву рукой: дескать, закругляйся! Но Чураев ничего не заметил. Казалось, красноречие его не иссякнет до завтрашнего утра.

Однако долго говорить Чураеву не пришлось.

— Хватит, товарищ полковник! — резко прервал его Ватутин. — Обстановку я не хуже вас знаю. Доложите-ка лучше о состоянии своей дивизии.

Густая краска залила щеки Чураева. Он вынул платок и стал тщательно вытирать лоб. В блиндаже наступила тягостная пауза. Все поняли, что Чураеву придется держать трудный экзамен. Почувствовал это и сам Чураев.

Обычная уверенность мгновенно покинула его, голова приобрела нормальную посадку, голос стал как будто тоньше, речь сбивчивее, он то и дело поглядывал на хмуро сдвинувшего брови Коробова, как бы ища у него поддержки. К командарму он привык и всегда считал, что тот его ценит и доверяет ему. Что же касается самого Чураева, то, говоря по правде, доверие и уважение к товарищам не было сколько-нибудь заметной чертой его характера. С командирами полков он обычно держался сухо, в глубине души считая, что, если дать им полную свободу, они неизбежно завалят все на свете. Не случайно же он старше их по званию и по служебному положению.

С этой точки зрения он должен был бы считать каждого своего начальника умнее и достойнее себя. Но это как-то не приходило ему в голову. Напротив, он был склонен в пределах допустимого критиковать действия начальства — однако, сохраняя благоразумие, предпочитал критиковать не тех начальников, которым был непосредственно подчинен. Недовольство Ватутина беспокоило его до крайности.

Утратив некоторую долю самоуверенности, Чураев стал говорить точнее, и теперь ответы его более или менее устраивали Ватутина и Коробова. Но остальных командиров, которые и без доклада Чураева отлично представляли себе состояние дивизии, интересовал вовсе не его доклад, а то, чего хочет добиться от комдива Ватутин.

Следя за вопросами, которые командующий задает Чураеву, они улавливали, что за ними таится какая-то невысказанная и пока еще неясная, но совершенно определенная цель. Почему вдруг командующий спросил Чураева, хорошо ли изучены подходы к обороне противника и удобен ли на участке дивизии ввод танков; эти вопросы были как будто вполне естественны, но однако же после них в землянке повеяло каким-то новым ветром. Все оживилось, заулыбались. Да, не зря, не зря приехали командующий фронтом и командарм! В самом деле, не век же сидеть на этом богом забытом плацдарме!..

Ватутин почувствовал веселое оживление за своей спиной и на мгновение умолк. Уж не сказал ли он чего-нибудь лишнего? — подумалось ему. Поняв движение Ватутина, Коробов успокоительно кивнул ему головой:

— Это они, товарищ командующий, соскучились тут, — с улыбкой сказал он, — наступать хотят!

— Наступать! — повторил Ватутин. — Все хотяг наступать. А пока придется посидеть в обороне и подумать о том, — он строго поглядел на Чураева, — как укреплять свои рубежи. И особенно позаботиться о разведке.

Коробов оглянулся и поискал глазами Дробышева.

— Товарищ полковник! Это по вашей части!

Дробышев сделал шаг вперед, ловко козырнул и сказал на весь блиндаж бодро и зычно:

— Есть, позаботиться о разведке, товарищ командующий!

И зачем только природа наделила его таким могучим голосом! Ватутин повернулся к Дробышеву всем корпусом.

— Кстати, о заботе... Вы, полковник, уточнили уже номера частей, которые гитлеровцы подвели к переднему краю взамен отведенных в тыл?

Дробышев смутился.

— Не все, товарищ командующий! — помедлив, ответил он.

— А какие именно уточнили?

Дробышев виновато молчал. Ватутин сердито прищурил глаза:

— Стало быть, ничего еще не уточнили. Ясно! Так вот запомните, товарищ Дробышев, по моим данным, сюда пришли девяносто седьмая немецкая и четырнадцатая румынская дивизии. Проверьте еще раз.

Дробышев быстро сделал пометки в блокноте и как-то боком скользнул за спины командиров. Генерал Грачев облегченно вздохнул и расположился несколько поудобнее — наконец-то полковник не будет его больше толкать в бок. После долгого пути по холоду здесь, в тепле, Грачева разморило и неудержимо тянуло ко сну. Он привалился к бревенчатой стене и, думая, что ни Ватутин, ни Коробов этого не видят, дремотно закрыл глаза, стараясь, однако, не заснуть по-настоящему и не пропустить ничего важного из того, о чем говорили.

Наконец Ватутин перестал задавать Чураеву вопросы, и разговор стал общим. Чураев облегченно вздохнул, сложил карту и передал ее Рябчему, который при этом сочувственно мотнул головой.

Это сочувствие было приятно Чураеву и в то же время почему-то обидно.

...Пока он размышлял, как может отразиться приезд командующего фронтом на ходе дальнейших событий, на

судьбе его дивизии и на его собственной судьбе, Ватутин думал почти о том же. Готова ли к боям дивизия Чураева? Не отозвать ли ее, покуда есть время? Войска привыкли к обороне. А им придется идти вперед, нанося удар невиданной силы. Как перестроить сознание людей, оставляя до поры до времени в глубокой тайне план наступления?

Словно угадывая мысли Ватутина, Коробов негромко сказал:

— Товарищ командующий, а не пойти ли нам в сторону хутора Поднижний? Оттуда хорошо видно расположение противника.

— Пойдемте, — с готовностью сказал Ватутин и, поднявшись, стал застегивать бекешу.

Они еще не успели выйти из землянки, как на пороге появился немолодой сутуловатый человек в забрызганной грязью шинели. Очевидно, он только что прибыл с передовой. Поблескивая очками, плотно сидевшими на тонком, с горбинкой носу, стал сбивчиво извиняться за опоздание.

Увидев его, Коробов широко улыбнулся.

— А! Профессор! Где же это вы пропадаете? — И, повернувшись к Ватутину, пояснил: — Замполит комдива Чураева, товарищ Кудрявцев.

Кудрявцев подошел и смущенно представился сначала Коробову, а затем Ватутину. С точки зрения устава это было не вполне правильно, но, глядя на квадратные очки без оправы, на сухощавую, слегка склоненную вперед фигуру, Ватутин думал не о нарушении устава. Где он видел этого человека?.. Ну да, да, конечно...

— А ведь я вас знаю! Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Кудрявцев! — сказал он приветливо. — Как же! Такой специалист по международному положению! Да еще старый знакомый!.. Москвич!

— Так точно. Москвич, — кивнул головой Кудрявцев, он несколько растерянно смотрел на Ватутина, припоминая, где с ним встречался.

— Не помните? — спросил Ватутин. — Ну, где же вам всех слушателей запомнить! А вот мы все вас помним. Вы часто к нам в Генштаб лекции читать приезжали!

Кудрявцев застенчиво и даже как будто виновато улыбнулся.

— Ну, я уже полностью переквалифицировался. — сказал он шутливо, — отпросился из университета на фронт.

— А вы сейчас из какого полка? — спросил Ватутин.

— Был у Дзюбы, товарищ командующий. Ходили вместе с секретарем парткомиссии. В партию принимали...

— И много приняли?

— Семь человек. А вот одному пришлось отказать. Кандидат с просроченным стажем. Тут такая история непонятная получилась...

— История? — Ватутин с интересом взглянул на этого еще недавно глубоко штатского человека. Странно видеть его в шинели... Но, судя по той уважительности, с которой обращается к нему Коробов, он и здесь работает хорошо.

Кудрявцев снял запотевшие очки и стал протирать их платком.

— Я бы не сказал, что он трус, этот Яковенко, — проговорил Кудрявцев задумчиво, — но вел он себя как настоящий паникер. Был в разведке, увидел три танка, а доложил, будто в засаде стоит двадцать.

— Но ведь не один же он был в разведке, — сказал Коробов. — А другие что?

— Дело в том, что именно ему приказали просмотреть одну балку. Добрался он до места... Вдруг на него выполз танк, за ним другой... Разведчик скорей назад. Прибежал — глаза на лбу. Танки, говорит, идут! Сколько? Двадцать! Откуда тут может быть двадцать танков? Командир разведки решил проверить. Ну и выяснилось — три танка, а не двадцать.

— Бывает, — сказал Коробов, — парень, наверное, еще не обстрелянный.

Ватутин покачал головой.

— Нет, вся беда в другом. — Он оглянулся: — Где Шибаев?

— Я здесь, товарищ командующий, — ответил из дальнего угла Шибаев и быстро подошел к Ватутину, комкая в руке только что закуренную папиросу.

Его длинное, жесткое, почти безгубое лицо слегка покрасовело. Он весь вытянулся.

Коробов, должно быть, заметил эту перемену. Он едва уловимо поморщился и отвел в сторону глаза.

— Послушайте, товарищ Шибаев, — сказал Ватутин, — у нас тут очень важный разговор!.. Да курите, ку-

рите, а то еще шинель прожжете. — Он усмехнулся, однако Шибаев тут же бросил папиросу и наступил на нее ногой. — Послушайте, что про одного разведчика рассказывают!

— Уже слышал! Что прикажете предпринять, товарищ командующий?

Ватутин, чуть приподняв брови, поглядел на него.

— Что предпринять? А это вы с Кудрявцевым обсудите... Пора уж научиться этой арифметике... А со счета пусть немцы сбиваются!

3

В штабе полка Ватутин задержался недолго и двинулся дальше на передний край, пригласив Коробова, Чураева, командира полка Дзюбу и начальника штаба. Теперь, когда он шел по земле, которая будет участком прорыва, он внимательно вглядывался в каждую неровность, рассматривал в бинокль дальние холмы, стремясь представить, как развернутся события, когда войска пойдут вперед. Его сильно беспокоило, правильно ли определен передний край обороны противника: может быть, это ложный, а подлинный где-то глубже? В случае ошибки артподготовка пройдет впустую, части окажутся под огнем. Будут тяжелые, напрасные потери, возможен и полный провал атаки.

Командиры докладывали, а Ватутин слушал, кивал головой, иногда переспрашивал, а сам думал не о десятках орудий, которые установлены для обороны, а о тех сотнях и тысячах, которые начнут наступление. Да, скоро, скоро все здесь неузнаваемо изменится. Постепенно в его представлении складывалась группировка в том виде, в каком ей предстояло вступить в сражение.

В вышине завизжала мина и с оглушительным ударом разорвалась за небольшим старым амбаром, одиноко темневшим в поле.

— Переждем, товарищ командующий, — сказал Коробов, — противник, наверное, заметил движение.

Ватутин прыгнул в ближний окоп, в котором у миномета сидели несколько солдат. Пожилой сержант, круглолицый, рябоватый, в коричневом от земли и дыма костров полушубке, быстро отставил котелок, из которого ел суп, поднялся и толково доложил, чем заняты его солдаты. Разобраться, где здесь главное начальство, ему бы-

ло трудно, и поэтому докладывал он не Ватутину и не Коробову, а обоим, стараясь не глядеть ни тому, ни другому в лицо.

— Как ваша фамилия? — спросил Ватутин сержанта.

— Дикий, товарищ генерал.

— Расскажите, сержант, какая у вас задача? — Заметив, что солдаты перестали есть, отложили ложки и слушают, он махнул им рукой: — А вы обедайте, товарищи.

Однако солдаты продолжали рассматривать незнакомого генерала.

Дикий повернулся в сторону противника и, указывая на дальние холмы, опоясанные несколькими рядами колючей проволоки, спокойно и вразумительно сказал:

— Мой сектор обстрела, товарищ генерал, от того дерева, что справа, до дороги. Я должен вести огонь по движущимся целям.

— А что находится в вашем секторе, знаете?

— Вон у дерева — три блиндажа. Там человек сорок румын. А по краю — за проволокой — у них дзоты...

— Ну а где у противника проходит передний край? Разведали?

— Знаем, товарищ генерал. Здесь у них только посты стоят, а настоящие-то укрепления метров на двести дальше. Там им удобнее. Три высоты! И на каждой дзоты!

— Так, так, — опять сказал Ватутин. — Ну а вот если в наступление отсюда пойти? Удобно будет? Как, по-вашему?

Сержант заулыбался. Неспроста генерал к нему обратился за советом. Сам все понимает, а испытывает.

— А лучшего места и не подобрать, товарищ генерал. Сюда бы только артиллерии побольше. Да прямой наводкой разбить все ихнее хозяйство. Взорвать вон те минные поля за проволочными заграждениями. А потом — идти себе...

4

Выйдя из окопа, Ватутин вдруг остановился и подождал к себе комдива.

— Вот что, товарищ Чураев, по-моему, где-то на этом участке должен быть мой брат Павел. Вы о нем ничего не слышали?

— Как же, товарищ командующий, — с готовностью ответил Чураев, — Дзюба об этом напомнил, как только мы из блиндажа вышли. Он тут неподалеку, служит в саперной роте. Прикажете вызвать?

— Нет, нет, — сказал Ватутин, — не надо. Я сам к нему пойду. Товарищ Дзюба, проводите меня... А вы, товарищи, идите, — обратился он к сопровождавшим, — я минут через двадцать нагоню вас.

Дзюба, а за ним Ватутин быстро запагали по узким тропинкам между блиндажами.

— Где здесь у вас Павел Ватутин? — спросил Дзюба попавшегося навстречу немолодого сапера, который, увидев генерала, поправил висевший на ремне через плечо автомат и приложил руку к козырьку.

— Ватутин тут, в блиндаже, товарищ командир.

— Пошлите его сюда!

Сапер приоткрыл дверь в землянку и крикнул:

— Павел! Выходи! Да побыстрее!.. Дело есть!..

Из глубины землянки тотчас ответил хрипловатый, простуженный голос:

— Чего кричишь? Мне еще через час заступать!

— Эх, ты! — с досадой сказал боец и опять приоткрыл дверь. — Выходи, тебе говорят! Генерал вызывает.

На этот раз в землянке раздался дружный смех по крайней мере десяти человек.

— А какой генерал, — крикнул кто-то, — генерал-полковник или генерал армии?

В землянке твердо решили, что дневальный шутит, и никто не выходил. Тогда Дзюба шагнул вперед, толкнул дверь и скрылся за нею. Почти тотчас из землянки убежал Павел, на ходу натягивая шинель и от волнения не попадая в рукава. Невысокий и шуплый, с редкими рыжеватыми волосами на подбородке, он был чем-то похож на отца, каким Ватутин помнил его в детстве. Он похудел и постарел за те два года, что они не виделись.

Увидев Николая совсем рядом, на тропинке, Павел смущенно приостановился, стараясь застегнуть шинель, но крючки не попадали в петли.

— Здорово, Павел! — сказал Ватутин и, подойдя, обнял его и поцеловал в колючую щеку.

Теперь из землянки высыпали все, кто там был. Кто-то побежал за командиром части.

— Нет, нам тут не поговорить, — с досадой сказал Ватутин, — пойдем, Павел, сядем где-нибудь в сторонке.

Павел пошел рядом с Ватутиным. Он был горд и рад, что брат его вспомнил и нашел вот здесь, в землянке. По правде говоря, он давно где-то в глубине души затаил обиду на Николая. Ему казалось, что брат, став большим человеком, забыл его и младшего брата Афанасия, который служил в танковых войсках.

Братья шли по тропинке рядом, оба одного роста, а Дзюба деликатно отстал, чтобы не мешать их беседе. Он смотрел на них и думал: как странно складывается судьба людей. Один брат командует фронтом, а другой — простой солдат.

Наконец по другую сторону холма нашлось местечко, где можно было спокойно поговорить.

Ватутин снял фуражку и провел платком по вспотевшему лбу. Да, ходить по переднему краю, ползать по траншеям, взбираться на холмы — это требует привычки. И сейчас, когда наконец он привалился спиной к какому-то бревну, почувствовал, как гудят ноги. Павел присел на старый снарядный ящик и улыбочиво смотрел на Николая... Давненько, давненько они не виделись. Здесь, где их никто не мог слышать, Павел вновь ощутил себя старшим братом, главой большой ватутинской семьи.

— Ну, здорово, Коля, — сказал он, скручивая из газеты козью ножку. — Надолго ты сюда? Проездом или работать?

— Работать, — сказал Ватутин.

— Чем будешь командовать?

— Фронтом.

— Так, — одобрительно усмехнулся Павел, — значит, я под твою команду поступаю... Это даже хорошо... Если тебя наверху затрет, шли в случае чего телеграммку: браток, выручай! Жми, Павлуха, на противника с правого фланга!.. А я уж не подведу...

Оба засмеялись.

— Хорошо, — сказал Ватутин, — буду считать тебя отдельной армией...

Павел затаился саднящим дымом, закашлялся и как-то примолк. Ватутин взглянул в его иссеченное морщинами, обветренное лицо и по пытливому огоньку в глубине глаз понял, что брат сейчас задаст ему тот самый важный и самый трудный вопрос, на который он не сможет ответить.

— Что с матерью и сестрами? — спросил Павел.

Ватутин виновато приподнял руки.

— Не знаю, Паша!.. Я посылал за ними машину в Чепухино, их даже погрузили, но вывезти не удалось...

— Почему? — сурово спросил Павел.

— Немцы перерезали дорогу.

— А ты это откуда знаешь?

— Шофер рассказал. Перебрался через линию фронта и обо всем доложил...

Павел хмуро взглянул на Ватутина:

— Что ж раньше ты не смог этого сделать? Ведь за тебя мать и Лену, может, теперь повесят...

— Да, если дознаются, кто я такой, плохо им будет...

Павел плотно сжал обветренные губы и смотрел куда-то через плечо Ватутина.

— Так уж случилось, — сказал Ватутин, чувствуя, что прощения брата ему не получить, — немцы продвинулись быстрее, чем я ожидал...

Павел усмехнулся:

— Это ты перед своим начальством оправдывайся, чего ожидал, а чего нет. А мать у нас одна. Я тебе как старший брат говорю: недоволен я тобой, Николай... Оторвался ты от семьи...

— Что ты, Павел!

— Да, да! — упрямо повторил Павел, и на его впа-
лых щеках запрыгали желваки, — ты загодя об этом дол-
жен был подумать. Я и Афанасий из дома ушли... — Он
помолчал и вдруг спросил: — А что с Афанасием, зна-
ешь?..

— Нет, — почувствовав недоброе, сказал Ватутин. —
А что?

— Ранен он тяжело на Волховском фронте... Письмо
получил из госпиталя...

Ватутин устало опустил плечи. Да, все очень безра-
достно. Большая была у них семья. Помнит — в детст-
ве — двадцать человек садились за стол... Он представил
себе Афанасия, но почему-то не взрослым, а тем белоку-
рым коротконогим мальчишкой, который однажды уселся
у задних ног коня, и Николай страшно испугался, что
конь его лягнет. Николай в это время держал в руках
большой кусок спелого и сочного арбуза. Этим-то куском
он поманил коня, и тот отошел от Афоньки. Хрустнув
коркой, конь сожрал арбуз, а Николай в сердцах так под-

дал спасенного столь дорогой ценой Афоньку под зад, что тот дико заревел...

— Как? Выживет? — спросил Ватутин.

— Не знаю!.. Ответа еще не получил.

— Сегодня же запрошу.

— Запроси, — сказал Павел, — а потом мне черкни записку... Ну а Татьяна как?..

— Вот был в Москве — виделись... Здорова...

— Пиши от меня привет... Ей и ребятам...

— Хорошо...

Павел снова полез в карман за кисетом и стал не спеша сворачивать папиросу, просыпая крошки табака на предупредительно подстеленный клочок бумаги.

— Махорку куришь? — спросил Ватутин.

— Махорку. Нам командирского пайка не положено.

— Ну, табачку я тебе пришлю...

— Спасибо, — улыбнулся Павел, — а то бывает маловато — старшина у нас прижимистый... Так на каком же фронте мы теперь будем?

— На Юго-Западном...

— Так, — сказал Павел, — значит, ты наш командующий?!

— Ваш, — кивнул Ватутин.

— Ну смотри, командуй так, чтобы мы вперед пошли...

— Буду стараться, — улыбнулся Ватутин и поднялся, — ну, прощай, Павел... Хорошо, что мы с тобой встретились. Не сердись на меня, если и буду где поблизости, а не зайду. Много у меня сейчас дел...

— А я за себя и не сержусь, — сказал Павел, — вот о матери и сестрах нам с тобой еще подумать надо.

...Издали Дзюба видел, как братья сели по сторонам заброшенного окопа, лицом друг к другу. В их движениях была какая-то неуловимая схожесть. Они говорили так минут пятнадцать, иногда посмеивались, иногда грустно покачивали головами. Потом встали, и тут Ватутин с силой привлек к себе Павла, поцеловал и, повернувшись, пошел по тропинке к Дзюбе. Павел остался стоять на краю окопа, провожая его взглядом. Потом тоже повернулся и зашагал к землянке.

В блиндаже Павла с нетерпением ожидали солдаты. Как только он вошел, его засыпали вопросами. Всем казалось, что Ватутин не мог не рассказать брату о том, что их волновало больше всего, — когда начнется наступ-

ление и будет ли второй фронт. Павел отговаривался. «Да мы таких дел и не касались. Говорили все о делах семейных». Но ему никто не поверил.

— А когда тебя браток командиром сделает? — задал ему кто-то каверзный вопрос. — Слово скажет, и сразу тебя — в капитаны...

Павел рассердился:

— Да бросьте вы языки чесать! Как был солдатом, так и останусь. Он небось две академии кончил, а я четыре зимы в школу ходил. Он — при месте, я — при месте. Вот хорошего табаку прислать действительно обещал.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Генерал Рыкачев сердито посасывал потухшую папиросу и, насупившись, смотрел в одну точку перед собой. Сухощавый, прямой, с чуть вздернутыми кверху плечами, он выглядел моложе своих пятидесяти пяти лет. И, очевидно, знал это. Во всей его осанке, в быстроте и четкости движений, в тщательности, с которой были расчесаны начавшие редеть черные виски, даже в манере держать папиросу — небрежно и картинно, — во всем чувствовалось желание если уж не быть, то по крайней мере казаться молодым.

Судя по гряде окурков, которые лежали в пепельнице, стоявшей на краю стола перед Рыкачевым, разговор затнулся.

Ватутин усталым движением расстегнул верхние пуговицы кителя и откинулся на спинку скрипучего стула.

— Что вы все время киваете на Воронежский фронт, — сказал он с затаенным раздражением. — Там были одни условия, здесь другие. Там мы главным образом сдерживали противника, теперь же у нас совсем иная задача. Я пока еще не могу говорить обо всем подробно... Но думаю, вы и сами догадываетесь...

Рыкачев кивнул головой и сухо улыбнулся.

— Отчасти догадываюсь, товарищ командующий. Так, зазря, меня в это растреклятое место, где ни дорог, ни мостов, с армией бы не послали. Но разговор наш имеет для меня важное значение. Я продолжаю считать, что ослаблять фланги в большом сражении и собирать все си-

лы на одном участке за счет других — очень рискованное дело...

— Не спорю, рискованное. — Ватутин сердито прищурил глаза: — Но чего же вы-то хотите? Вы хотите, чтобы мы везде были одинаково сильны? Это невозможно и совсем необязательно, товарищ генерал. Да, совсем необязательно, — повторил оп. — Могу сказать наверное, что к началу сражения мы еще не будем иметь преобладающего перевеса в силах. Но даже самый незначительный крен в нашу сторону надо уловить и разумно использовать. — Он нетерпеливо передернул плечами: — А вы требуете каких-то идеальных несбыточных условий. Их нам никто не создаст. И требовать ничего лишнего мы не должны... Риск, вы говорите... Да, конечно. Но риск естественный, оправданный, необходимый... Не забывайте, что мы с вами и направлены-то для того, чтобы взять на себя всю ответственность. И решать. Решать не только за себя, но и за противника. Не подчиняться обстановке, а создавать ее. Навязывать противнику свою волю...

Ватутин не сдержался и слегка стукнул кулаком по столу.

Он прекрасно понимал, что в основе этого нескончаемого спора лежит вовсе не какая-то особая стратегическая концепция, а просто-напросто самолюбивое желание его собеседника доказать во что бы то ни стало, что и у него тоже есть свои собственные взгляды, принципы, установки и что, если бы его оценили как следует, по заслугам, он, Рыкачев, должен был бы занять в армии гораздо более видное положение... А кем был тогда, когда Рыкачев командовал дивизией, этот нынешний командующий фронтом? Мальчишкой! Курсантом! Если бы Ватутин утверждал, что фланги ослаблять нельзя, то Рыкачев всеми способами отстаивал бы то, против чего сейчас так просто возражает...

Этот затянувшийся бесплодный спор все больше и больше раздражал Ватутина. В конце концов хватит переливать из пустого в порожнее. Если Рыкачев считает, что должность командарма ему мала, пусть обращается в Ставку и требует повышения. А здесь надо не болтать, а работать.

Чтобы Рыкачев как-нибудь ненароком не угадал, о чем он думает, Ватутин отвел в сторону глаза и стал пристально и напряженно смотреть куда-то в угол. И тут-то

Рыкачев угадал. Он вдруг заметил и этот странный, как будто невидящий взгляд, и прикушенную губу, и жедваки, которые остро выдавались на скулах под туго натянутой кожей. Заметил и неожиданно для самого себя испугался.

Мысль о том, что Ватутин понял подоплеку их спора, была ему мучительно неприятна.

«Прекратить! Прекратить немедленно!» — твердил себе Рыкачев. А сам против воли тянул все ту же канитель, с каждой минутой теряя последний задор и не находя способа отступить с честью.

Помощь пришла неожиданно. Хлопнула дверь, и на пороге появился Бобырев, усталый, с бледным от ночной работы лицом и как будто испуганный. В руках он держал какой-то листок бумаги.

— Разрешите доложить, товарищ командующий, — сказал он, подходя к столу, — серьезное упущение... Прошу посмотреть!..

— Что это? — сердито спросил Ватутин, беря листок в руки. — Что это?! — Вдруг его лицо и шея стали наливаться краской. — Откуда это у вас? — крикнул он и вскочил с места.

Рыкачев облегченно вздохнул. Бобырев появился как раз в самую нужную минуту и отвлек внимание Ватутина.

— Где вы это взяли, черт подери? Ведь этому названия нет!

Бобырев указал в сторону занавешенного окна.

— На полевой почте, товарищ командующий, у писаря!

— У писаря!.. — воскликнул Ватутин. — Список всех прибывших частей — у писаря? Где он его взял?

— Понимаете, какое дело, товарищ командующий... — сказал Бобырев. — Как только часть прибывает, она сразу же регистрируется на полевой почте! Таков порядок!..

Ватутин зло взглянул на Рыкачева.

— Ничего себе порядочки! Мы голову ломаем, как скрыть от противника создающуюся группировку. А простой писарь знает больше, чем весь штаб...

— Виноват, товарищ командующий, — сказал Бобырев, мрачней, — я только вчера приехал. Просто не предполагал, что такая щель может оказаться.

— Да ведь это же преступление! — Ватутин еще раз пробежал глазами листок, густо покрытый лиловыми

кудрявыми строчками. — Ну где у нас гарантия, что подобный список не попал в руки противника?

— Писарь утверждает, что это единственный документ, который он составил.

— Проверьте! Самым строгим образом!

— Слушаюсь, — сказал Бобырев.

— Ну а вы, товарищ Рыкачев, — повернулся Ватутин к командарму, — вы уверены, что на вашей армейской почте такое не происходит?

— Не уверен, товарищ командующий, — признался Рыкачев. — Это ведь не нами заведено. Все почты работают по одной инструкции.

— Так скорее поезжайте к себе и наведите порядок! Изымите все списки. Полевая почта не должна ничего знать! Никакой переписки. Все, что касается подготовки операции, осуществлять лишь путем личных приказов. В части посылайте особо доверенных людей. И строго следите за тем, чтобы они не знали больше того, что им положено по должности. Идите. Завтра же доложите мне о принятых мерах!

Рыкачев быстро попрощался и вышел вслед за Бобыревым.

Ватутин некоторое время сидел задумавшись. Всего неделя, как он приехал на эту затерявшуюся в донской степи станцию, а кажется, будто прошел год. Так много трудностей, неприятных неожиданностей, тяжелых забот. Кажется, все до мелочей продумано и учтено, и вдруг прорыв там, где его и не ждали.

Ватутин глухо, с надрывом закаплялся. Его знобило. Никто не знал, что он вот уже третий день болен. А он не хотел, просто не мог об этом сказать. Он встал и открыл дверь в небольшую комнатку.

Вся обстановка этой комнаты состояла из длинного стола, на нем лежала широкая, примятая на углах карта местности. Тот участок фронта, которым командовал Ватутин, был нанесен на карту особенно тщательно до стыка с Воронежским фронтом у Новой Калитвы. Местами красно-синяя черта линии фронта проходила вдоль восточного берега Дона, то как бы вдаваясь в глубину расположения противника, то отходя назад.

Кроме стола в комнате стояли два старых скрипучих стула. На одном из них лежал толстый, выдавший виды

кожаный портфель. Вот и все, что было в крошечной боковушке этой деревенской хаты, на вид точно такой же, как и тысячи других. Стены давно не белены, окна маленькие, из обрезков стекла. Но знал бы противник, что делается в этом непримечательном на вид домике, пошел бы на любые жертвы, только бы стереть его с лица земли.

О том, что происходило в этой комнате, кроме Ватутина, члена Военного совета и начальника штаба знали считанные люди. Здесь отрабатывался план наступления фронта с севера на юг.

Ватутин прикрыл за собой дверь и подошел к столу, за которым, согнувшись, работал Иванцов, теперь начальник оперативного отдела.

— Ну как? Идет работа? — спросил Ватутин, стараясь подавить в себе глухое раздражение, вызванное утомительным разговором с Рыкачевым и этой дурацкой историей с полевой почтой.

— Да не очень, товарищ командующий, — ответил Иванцов.

— Так, так, — сказал Ватутин, низко склоняясь над столом, — что же тут получается?

— Здесь все, как вы приказали, товарищ командующий. Полная расстановка сил для удара левым крылом фронта.

Работа, которую выполнял Иванцов, была не только важна сама по себе, она была своеобразным экзаменом на зрелость. Иванцов внимательно посмотрел на Ватутина: доволен ли командующий? Тот стоял, бессильно опираясь на стол, и медленно вытирал платком выступившую на лбу испарину.

— Товарищ командующий, вы больны?

Ватутин, словно его поймали на чем-то нехорошем, быстро сунул платок в карман и рассердился.

— Этот вопрос не по существу, товарищ Иванцов. Давайте докладывайте!..

Иванцов вздохнул и расправил карту.

— Положение таково, товарищ командующий. Начальник артиллерии фронта доложил, что для осуществления вашего замысла требуется направить на левый фланг армии Коробова всю артиллерию, которая выделена нам из резерва Главного Командования, и забрать артбригаду из соседней армии.

— Дальше!..

— Затем, так как тут особенно плохо с дорогами, нам придется для переброски грузов использовать автотранспорт двух соседних армий. Я предлагаю взять три автобатальона у Гапоненко.

— У Гапоненко! — усмехнулся Ватутин. — Да ведь он же вззоет! И прав будет. Как можно оставить целую армию почти без машин!

Он поднял глаза от карты и в упор взглянул на Иванцова. Он прекрасно понимал, куда клонит начальник оперативного отдела. Хитер мужик! Такт ему не позволяет прямо сказать: «Товарищ командующий, в вашем замысле есть серьезные погрешности».

— Да, — произнес Ватутин задумчиво, — надо думать, товарищ Иванцов, надо еще думать!..

Он тяжело опустился на стул. Неудержимо тянуло лечь. Болело горло. В висках стучало. Но он справился с недомоганием и, подперев рукой налитую болью голову, стал рассматривать пеструю вязь линий, значков, стрелок...

Он долго молчал. Молчал и Иванцов, выжидая. Ватутин снова закашлялся, болезненно поморщился. Иванцов теперь окончательно убедился в том, что командующий болен, — и не на шутку, — и про себя решил, что, как только выйдет отсюда, сразу же вызовет врача.

— Какие данные о сосредоточении войск? — спросил Ватутин, когда кашель его наконец отпустил.

— Получено донесение от командира танкового соединения Родина, он начал разгрузку танков.

— Хорошо, — сказал Ватутин и вдруг зябко повел плечами. — А не кажется ли вам, что у нас здесь холодно-вато? Печку бы затопить, что ли...

— Да, верно, товарищ командующий, — быстро согласился Иванцов, хотя самому ему было жарко и он полчас тому назад сказал ординарцу, что можно прекратить топить. — Я сейчас распоряжусь...

— Черт подери! Что же это я расклеился, — выругался Ватутин про себя, когда Иванцов вышел. — Лучшего времени не нашел. Этакая напасть!..

Он закрыл лицо руками и так сидел до тех пор, пока не услышал в соседней комнате шаги.

— Приказал, товарищ командующий, — сказал Иванцов, входя. — Сейчас затопят. Я и чайку погорячей распорядился принести...

— Вот за это спасибо. Что я хотел сказать вам? Да, предупредите Родина, что передвигаться он должен только по ночам. Эх, метель бы сейчас! Да только солдатам пришлось бы совсем туго! Такое бездорожье, хуже, пожалуй, во всей стране не встретишь! Ну, вернемся к главному. Итак, мы нанесем сразу основной удар двумя кулаками. Одним на участке Распопинская, Клетская. Здесь ширина прорыва будет километров двенадцать. Другим — со стороны Большой — высота 219,5. Тут также километров десять. Мы прорвемся на большую глубину. Расчленим противника расходящимися ударами и сразу же поставим его в самые невыгодные условия. Он вынужден будет драться без связи с соседями, каждая часть в одиночку. Попробуем-ка! Мне кажется, это хорошо!

— Слушаю, товарищ командующий, — сказал Иванцов. — Но не прикажете ли повернуть армию, которая у нас на правом фланге, на случай контрудара с запада? Ведь наверняка, когда мы замкнем окружение, гитлеровское командование будет пытаться прорваться к Паулюсу!

Ватутин кивнул головой.

— Да, вы правы. Но одной армии нам в этом случае будет маловато. Когда окружение замкнется, нам придется значительные силы рокировать на правый фланг, вот сюда, в сторону Верхнего Мамона, с тем чтобы нанести новый удар и отбросить противника еще дальше. — Он взял карандаш. — Ну, давайте трудиться. Надо продумать все до конца. Ставка ждет нашего доклада...

За тонкой стенкой раздались чьи-то громкие голоса. Там как будто спорили. Иванцов встал и быстро пошел к двери.

— Это к вам, товарищ командующий. Врач! Ольга Михайловна.

— Кто ее вызвал?

Иванцов усмехнулся, но прямо на вопрос не ответил.

— Все интриги, интриги, — шутливо махнул рукой Ватутин и поднялся. — Ну ладно! Все равно мне от нее не избавиться. Иду.

Он поднялся и пошел к двери, как-то неуверенно ступая.

2

— Вот вы в моей власти!

Ватутин оглянулся. Ольга Михайловна стояла слева от него, между распахнутой дверью и окном. Он сразу ее

не заметил. В туго подпоясанной гимнастерке она казалась гораздо моложе своих лет, а ей было уже за сорок. Черты ее лица нельзя было назвать правильными — узкий овал, небольшой, короткий нос, который она произвольно морщила, когда о чем-нибудь думала. Все дело было в глазах — темных и блестящих. Они смотрели как-то удивительно прямо, освещая лицо и делая его красивым. Глаза часто меняли свое выражение, они смотрели то беспокойно, то ласково, то сурово. Ватутину нравилась в Ольге Михайловне та, подчас резкая, прямота, которую он называл про себя мужской... И все же в этой женщине было что-то, находившееся за пределами его понимания. Когда ему сказали, что Ольга Михайловна — жена Рыкачева и у них уже двадцатилетний сын, танкист, он поразился. Как могла эта живая, умная женщина полюбить такого самоуверенного сухаря? И невольно он перенес на нее часть той настороженности, с которой относился к Рыкачеву. Друзья в Генштабе однажды намекнули ему, что Рыкачев интригует против него, но так ничего толком не сказали, а он не поинтересовался. Однако сегодня он так явно почувствовал беспокойство командарма, его тайную тревогу, тщательно скрываемую смятенность, что невольно вспомнил о предупреждении. Смутное недовольство Рыкачевым еще больше укрепилось, когда он увидел Ольгу Михайловну, державшую в руках небольшую медицинскую сумку. «Сначала муж, а потом жена, — зло подумал он, — тут у меня прямо засилье Рыкачевых». Но, сдержанный от природы, ничем не выдал своих мыслей.

— Ну вот я в вашей власти, Ольга Михайловна, — сказал он, улыбнувшись. — Не велите казнить, велите правду говорить.

— Что с вами? — спросила она, и, посмотрев в ее блестящие, серьезные глаза, Ватутин невольно перевел взгляд на Семенчука, который тревожно ждал, что ему прикажут делать, мало ли что может понадобится при осмотре.

— Знобит что-то! Очевидно, простудился, — сказал Ватутин. — Наверно, ничего серьезного!..

— Это уже не вам решать, Николай Федорович, — Рыкачева выразительно повернулась к Семенчуку.

— Есть! — мгновенно понял тот и вышел отдать распоряжение часовому никого не впускать в дом, а Ольга

Михайловна, неторопливо раскрыв на столе сумку, вынула из нее трубку.

— Ну, больной, снимите гимнастерку...

Ватутин вздохнул и стал покорно стягивать гимнастерку.

— Повернитесь ко мне спиной, дышите... — И Ватутин почувствовал, как пониже левой лопатки тупо уперся прохладный железный раструб, и от этого по спине пробежала изморозь. «Наверное, температура», — подумал он и вдруг спросил:

— А мужа видели?

— Дышите глубже, — проговорила Ольга Михайловна. — Еще раз... еще... Теперь повернитесь... А он был здесь? Когда?

— Час тому назад, — сказал Ватутин, — был у меня...

— Хорошо... Вздохните глубоко... Еще раз... Теперь затаите дыхание... — Она долго слушала его сердце, а Ватутин, боясь передохнуть, смотрел на светлую прядь, лежащую среди ее иссиня-черных волос. Как-то он подумал, что прядь специально выкрашена, но теперь он ясно видел, что это седые волосы.

Наконец Ольга Михайловна разрешила ему одеться. Пока он натягивал гимнастерку, она что-то записывала в свою книжечку.

— Вам надо немедленно лечь, Николай Федорович, — сказала она. — У вас может начаться воспаление легких...

Ватутин рассердился:

— Может!.. А я должен ехать в армию.

— Вам никуда ехать нельзя. — Она говорила так спокойно и так независимо, что Ватутин вдруг почувствовал себя просто рядовым пациентом, с которым у врача разговоры коротки.

— Ну, Ольга Михайловна, — взмолился он, — я не могу сейчас лежать... У меня каждая минута на учете.

— У всех на учете, — спокойно сказала она. — Нам спорить не о чем. Вы сейчас же ляжете!

— Это надолго?

— Если сейчас — дня на три... А не послушаетесь — месяц.

— Но делами мне можно заниматься?

— Только самыми неотложными.

— Я прикажу поставить около кровати телефон.

— Ставьте...

Она забрала сумку и вышла. За дверью ее ждал Семенчук. Ватутин слышал, как они о чем-то тихо посоветовались. Потом хлопнула дверь, и, взглянув в окно, он увидел, как докторша спускается с крыльца.

ГЛАВА ПЯТАЯ

До войны Марьям хотела стать летчицей. Но ей было только семнадцать лет, и в аэроклуб ее не взяли. А потом война, тяжкие дни отступления, эшелон с женщинами и детьми, который пять раз нещадно бомбили немцы, гибель отца, убитого в бою под Житомиром, маленький уральский городок, где тесно, голодно и неудобно.

Марьям с матерью поселились в крошечной комнатухе, вернее, в углу, отрезанном от жилья хозяев фанерной, не доходящей до потолка перегородкой. Мать все время болела и считала, что жить ей осталось уже немного. Она уговаривала Марьям положить ее в больницу, а самой уехать в Куйбышев, поступить в медицинский институт. Но Марьям и слышать об этом не хотела. На окраине города начал строиться танковый завод, эвакуировавшийся откуда-то из центра, и она решила пойти туда работать. Ее поставили на бетон, в девичью бригаду под начало рябого, угрюмого демобилизованного по случаю тяжелой контузии бетонщика. Бетонщик сильно заикался, некстати мигал и тряс головой, но работал как зверь, не давая пощады ни себе, ни своим подручным. С девчатами он никогда не разговаривал, только бранился и страшно выкатывал глаза, когда что-нибудь получалось не так.

Впрочем, про Марьям он говорил, что она девчонка принципиальная, и уважал ее. Уважал за то, что она была сурова, как он, честна, упряма и ни разу не позволила себе уклониться от трудного дела.

У бетонщика Марьям училась смешивать цемент и песок. Выяснилось, что это как будто несложное дело не так-то легко дается в руки. У него есть свои тайны. Надо быть очень умелым и искусным мастером, чтобы серый и вязкий раствор стал крепок и надежен.

В эту осень и зиму Марьям почти всегда ходила в ватных штанах и стеганой куртке. Волосы она остригла коротко, почти по-мужски. Незнакомые шоферы часто принимали ее за мальчишку и кричали:

— Эй, паренек! Как здесь проехать к четвертому цеху?

Она оборачивалась, и машина вдруг начинала буксовать: шоферы почему-то никак не могли сдвинуть ее с места.

Марьям не обращала на это ни малейшего внимания. Ей и в голову не приходило, что на нее можно заглядеться. А между тем это было так. Лицо у нее было правильное, овальное, с каким-то удивительно чистым румянцем, который не мог скрыть даже слой цементной пыли. Карие глаза смотрели прямо и открыто и лишь изредка улыбались, но в этой улыбке было что-то задумчивое, простодушное и щедрое. Высокая, крепкая, она была бы отличной физкультурницей, если бы занималась спортом постоянно. Но даже и теперь, в эту трудную зиму, достав у кого-нибудь лыжи, она бегала на них по пустынным холмам, постепенно переходившим в отроги гор, видневшихся на горизонте. Были причины, по которым она считала необходимым хоть изредка тренироваться...

Марьям много работала, и постепенно руки ее привыкли к тяжелому труду. Вскоре ее сделали бригадиром. Теперь она стала старшей на бетономешалке. В подчинении у нее оказалось пять девушек и трое парней. Все комсомольцы, но по возрасту Марьям была среди них самой младшей. Ей еще не исполнилось и девятнадцати лет.

Летом Марьям хотели забрать из бригады и сделать секретарем комсомольского бюро завода. Она отказалась. «Пока не достроим завод, никуда не уйду». И вот наконец цехи были построены, танки начали сходить с конвейера. Бригада распалась сама собой. Марьям поступила на курсы и вскоре встала к токарному станку.

Но мысль — все та же, настойчивая, постоянная мысль — жила в ней... Она списалась с теткой, которая жила в Красноуфимске, и отвезла к ней мать, а сама перешла в общежитие. Теперь ей не надо было заниматься хозяйством, стоять в очереди у булочной, торопиться по вечерам домой. Она поступила, как и многие девушки, на курсы медсестер, стала посещать стрелковый кружок.

Впрочем, это не мешало ей заботиться о матери. Каждые две недели она относил на почту почти все заработанные деньги, оставляя себе только на самое необходи-

мое. А когда завком вручил ей премию за перевыполнение плана, эта премия вся целиком — и отрез на юбку, и две рубашки, и полотенца, и хорошие конфеты — при первой же оказии была отправлена в Красноуфимск.

Девчата в общежитии говорили, что Марьям совершенно невозможно понять. Она никогда не рассказывала о своих переживаниях, и трудно было себе представить, что у нее на сердце: печаль или радость. Даже ближайшая ее подруга, Валя Кузнецова, часто становилась в тупик. «Ну и характер у тебя, Марьям, — говорила она, — железный!!!» И только однажды Валя застала ее плачущей. Марьям лежала в общежитии, на своей узкой койке, а рядом на полу валялось письмо — скомканный солдатский треугольник. Валя подняла его, но успела прочитать лишь последние строки и подпись. Но и этого оказалось достаточно. Так вот, значит, какое дело! Марьям любит. Она дала слово Феде Яковенко, а он теперь упрекает ее в неверности. Если бы только знал этот долговязый и глупый детина, как она тут живет! Коротка же у него память! Ведь и года еще нет, как он уехал отсюда, где на месте завода лежал пустырь, на котором по ночам посвистывали суслики. И что Марьям нашла в этом Феде: тощий, бровастый, кадык выдается чуть ли не на версту, голова маленькая, а руки длинные. И он еще смеет писать такие письма!..

— Да что, в самом деле! Есть о чем реветь! — сказала Валя, протягивая Марьям желтоватый, крупно исписанный листок, и в ту же минуту осеклась. Она увидела разъяренное, искаженное болью лицо Марьям, и все слова, которыми она хотела утешить подругу, мгновенно куда-то исчезли.

— Отдай! — Марьям вырвала письмо из ее рук и убежала за дверь.

А через час она вернулась совершенно спокойная, и глаза у нее были такие холодные, суровые и отчужденные, что Валя до самого вечера не набралась духа заговорить с ней. А наутро было уже не до того — много дел, много разных забот и хлопот...

Шли дни, они слагались в недели и месяцы. После случая с письмом Марьям стала еще строже, и никто из парней не мог сказать, что ему удалось добиться у нее хоть какого-нибудь успеха. А добивались многие.

В октябре директора завода Антона Никаноровича Шефедьева вызвали в Москву. Когда он вернулся, работы стало еще больше. Танкисты приходили прямо в цехи, садились в машины и уезжали на железнодорожную станцию грузить танки на платформы, уже готовые к отправке.

И вдруг по заводу разнеслась неожиданная весть. Делегация рабочих повезет эшелон танков под Сталинград. Марьям оживилась. Она сразу же пошла к парторгу и сказала прямо и просто, что непременно хочет ехать. Ее включили в список без разговоров. Это право она завоевала своим трудом.

Но за два дня до отъезда ее вызвал начальник цеха. Заболели двое рабочих, ей нужно встать на конвейер. Марьям побледнела, откинула голову и так стояла несколько секунд, словно окаменев. Начальник решил, что ей дурно, бросился к шкафчику с лекарствами. Но она отвела его руку со стаканом воды и сухо усмехнулась.

— Что вы, пустяки какие! Но мне надо ехать. Я должна. И я все равно уеду, слышите?

Он взглянул ей в глаза и отступил. Такая прямая и страстная сила желаний была в этих ясных, по-детски чистых глазах с голубоватыми белками... Нет, такую не сломишь. Знает, чего хочет, и умеет хотеть. Он для порядка поворчал, немного, сказав, что ей следует побольше думать о матери и о работе, а на фронте вполне обойдутся и без нее. Но раз уж ей так захотелось, ладно, пусть едет. Тем более что заслужила...

Делегатов провожали речами и музыкой. Новенькие зеленые тридцатьчетверки стояли на уходящих вдаль платформах. На каждом танке большими белыми буквами было написано, на чьи средства он построен. Перед отъездом Валя Кузнецова долго обнимала Марьям и плакала. «Ты не вернешься, — говорила она, — я знаю, ты останешься там».

Марьям молчала. Она смотрела через головы людей на крыши поселка, на высокое здание цеха, поблескивавшего множеством стекол в лучах холодного солнца, смотрела, словно навсегда прощалась со всем, что стало ей здесь так дорого за эти трудные годы.

— Я буду тебе писать, Валечка, — сказала она, — а когда выйдешь замуж за Васю, обязательно сообщи.

В этом ответе было ее решение.

Эшелон двигался к фронту медленнее, чем этого хотелось делегации. Директор, Антон Никанорович, с каждой станции посылал тревожные телеграммы в Москву, требовал «зеленой улицы». Но к Сталинграду двигались сотни эшелонов с артиллерией, танками, войсками. В этом огромном движении был свой порядок, и никакой «зеленой улицы» эшелону не давали. Антон Никанорович наконец смирился.

Когда эшелон достиг Куйбышева, из Государственного Комитета Обороны пришла телеграмма с уточнением участка фронта, куда должны быть направлены танки. Эшелон направлялся через Саратов на Юго-Западный фронт. Кто командует этим фронтом, Нефедьев еще не знал. Однако он огорчился. Ему хотелось, чтобы его танки пошли прямо в Сталинград. Такой наказ он получил от рабочих.

Делегация, сопровождавшая танки, была невелика — всего десять человек. В нее входили главным образом пожилые рабочие — заводские кадровики. Марьям была единственной представительницей молодежи и единственной на всю делегацию женщиной. Ее берегли и заботились о ней наперебой. Молодой майор, командовавший танкистами, которые ехали в том же эшелоне и должны были сразу же по прибытии сесте на машины, подарил ей старый, но еще вполне годный ребристый плем. Она надела его, и майор с восторгом заявил, что теперь она совсем похожа на танкиста. Все в вагоне звали майора попросту Колей и снисходительно относились к тому, что он ухаживает за Марьям. А ей с ним было весело, хорошо и просто.

После Куйбышева началась полоса затемнения. С непривычки странно было видеть темные окна и синие лампочки на станционных платформах.

Когда эшелон миновал Саратов и повернул на юг, поезд попал под бомбежку. Это было ночью. Сначала вражеские самолеты сбросили ракеты, осветившие все вокруг мертвенно белым светом. Потом ухнула одна бомба, за ней — другая. В соседнем купе зазвенели стекла, и в вагон ворвался холодный ветер. Часто забили зенитки, установленные в начале и в конце состава. Марьям бросилась к разбитому окну и выглянула наружу. Откуда-то из-за угла вагона в темное небо неслась огненная цепочка разноцветных огней. Это было страшно и красиво.

— Почему не остановят поезд? — испуганно сказал в темноте чей-то голос.

Кто-то сжал ее локоть.

— Ложись на пол! Убить могут!..

Но она продолжала стоять у окна. Ее — убить! Это невозможно. Она не чувствовала ни малейшего страха. Только сердце стучало часто-часто и дышать было трудно. В душе закипала обида и даже злость. Что же это? Стреляют зенитки, рвутся бомбы. А ты покорно и беспомощно жди. Нет, она так не хочет! Не согласна — и все тут! А поезд между тем то набирал скорость, то сбавлял ее, очевидно обманывая вражеских пилотов. Эх, быть бы сейчас машинистом или хоть кочегаром, который подбрасывает уголь в топку!..

Стрельба кончилась так же быстро и внезапно, как началась. Самолеты улетели. Состав продолжал громыхать. Казалось, ничто не могло его остановить.

В вагоне зажгли синий фонарь. Пострадавших как будто не было. Осколок бомбы пробил раму окна и застрял в потолке. К счастью, оказалось, что разлетелось в куски лишь одно стекло. Антон Никанорович при помощи старого слесаря вытащил из пазов вторую раму, и в вагоне опять стало тепло.

А через несколько минут в вагон принесли на руках командира танкистов — молодого майора. Он был тяжело ранен из пулемета, которым вражеский летчик обстреливал эшелон. Военный врач, пожилой полный человек, при свете карманных фонарей и «летучей мыши», расстегнул его шинель, разрезал гимнастерку. Марьям стояла рядом и видела, как у врача дрожали руки. В самом деле, было что-то удивительно нелепое в том, что этот, еще недавно полный жизни веселый человек беспомощно лежал на узкой скамейке, запрокинув голову назад.

— Я его перевяжу, — тихо сказала Марьям. — Я умею...

Врач склонился над майором и прижался ухом к его худой, почти мальчишеской груди. Он слушал долго-долго, потом поднялся и тяжело сел на противоположную скамейку.

Марьям все поняла и в темноте одела майора. Руки у него были еще теплые и удивительно покорные. Казалось, он просто притворяется, чтобы почувствовать ласковую заботу девушки, которая ему так нравилась...

На ближайшей станции поезд остановился, и майора похоронили недалеко от насыпи. Делегаты и танкисты тихо стояли вокруг могилы. Ветер осторожно перебирал волосы на голове лежавшего перед ними майора. Гроба не было. Тело завернули в брезент. Потом десять танкистов выстроились в ряд и дали залп из пистолетов.

Могила зарыли, постояли еще немного и вернулись в эшелон.

Через десять минут поезд двинулся дальше. Марьям сидела у окна и, не отрываясь, смотрела на новую для нее, как будто одичавшую от войны землю. Рука сама собой поглаживала старый ребристый шлем, который лежал у нее на коленях.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

В ушах Ватутина еще слегка шумит, как будто близко вьется назойливый комар. Приходится напрягать волю, чтобы совладать с усталостью, слабостью, связывающей движения и мысли. А все эта подлая болезнь! Она отняла столько сил и так не вовремя навалилась...

За окном с грохотом прошли танки. Чуть дрогнули половицы, дверь скрипнула и приоткрылась. В щель заглянуло и тут же скрылось круглое лицо заместителя начальника штаба Кунина. Затем Ватутин услышал, как он громким шепотом кому-то сказал:

— Конца не видно!

Чья-то рука осторожно прикрыла дверь. Ватутин взглянул на своего собеседника — генерал-майора, человека уже в летах, со многими орденами на груди. Тот сидел прямо, держался спокойно и даже уверенно, но по тому, как напряженно двигались его нахмуренные седоватые брови, по землистой бледности, по сухому частому покашливанию Ватутин понимал, что генерал волнуется, что ему не так-то легко вести этот тяжелый для него разговор. Вернуться в Москву в отдел кадров? Перед самым началом крупной операции?! Какова бы ни была причина, конечно, все решат, что его просто-напросто убрали с фронта: не подошел, не справился...

Уже многое переговорено, многое вспомнано. Когда они вместе учились в Полтавской военной школе, их койки стояли рядом. Береговой был тогда совсем еще

молодым, но не очень расторопным курсантом. Ему часто попадало от курсового командира. Далеко ушли те времена, далеко, но при воспоминании о них на душе становится тепло и немножко грустно...

Держится Береговой с подчеркнутой официальнойностью, очевидно, не хочет навязывать командующему старой дружбы. И все же Ватутин улавливал в этом пожилом мрачном человеке что-то очень знакомое, напоминающее давние годы юности. Вот так же сурово и покорно смотрел он себе под ноги, когда, бывало, курсовой командир назначал его за какую-нибудь провинность дневалить вне очереди. И так же обиженно и угрюмо шевелились его выпуклые, густые, но тогда блестящие черные брови...

— Я понимаю, товарищ командующий, — говорил между тем Береговой, покашливая и покусывая жесткие усы, — может быть, прошлые ошибки мешают мне занять тот пост, на котором я их совершил. Тогда пусть мне об этом скажут прямо, пусть поставят на такое дело, с которым я могу справиться. Но в такие дни я не могу больше сидеть в резерве...

— В какие?.. — спросил Ватутин, постукивая карандашом по столу.

— Я не имею права вторгаться в планы командования, — с неожиданной запальчивостью сказал Береговой, — но я вижу, что идет сосредоточение войск, и могу делать свои выводы...

— Свои выводы, конечно, вы можете делать. — Ватутин улыбнулся: — Так чего же вы хотите, Степан Петрович? — спросил он, переводя разговор в другое русло. — Немедленного назначения?

— Да, товарищ командующий. Или уж пусть отправят в Москву, в резерв... Я не могу больше ждать!

Ватутин встал и обошел вокруг стола. Встал и Береговой. Он был на целую голову выше командующего и шире его в плечах. Чуть сутулясь, он сосредоточенно смотрел Ватутину в лицо, ожидая решения.

— Хорошо, — сказал Ватутин, помолчав, — я подумаю Степан Петрович... Сейчас у меня народ собирается. Дам ответ завтра...

— Слушаюсь! — четко ответил Береговой. — Можно идти, товарищ командующий?

Ватутин вдруг улыбнулся и сильно хлопнул его по плечу.

— Ну и раздобыл же ты на генеральских харчах, Береговой!.. Не дай бог, тебя ранят, четверем санитарам не унести!

— А меня уже однажды ранили, товарищ командующий! — Лицо Берегового внезапно подобрело, он улыбнулся и словно помолодел. Ватутин даже удивился этому мгновенному превращению.

— Ну и как? — спросил он.

— Пять, товарищ командующий! Пять тащили и кряхтели! Желаю здоровья, товарищ командующий!

2

— Куда смотришь?

— На Балканы, — мрачно ответил Ватутин и повернулся от окна к члену Военного совета фронта Соломатину. Соломатин стоял в дверях и посасывал свою короткую трубку.

Командармы только что разъехались. Разговор был большой и напряженный. Еще не оправившись до конца от болезни, позавчера вечером Ватутин отправился в штаб Рокоссовского на Военный совет фронтов. Представители Ставки собрали здесь командующих фронтами и членов Военных советов, чтобы еще раз уточнить план предстоящей операции. Много часов подряд план обсуждался во всех деталях. Нужно было разработать задачу, решаемую каждым фронтом на месте, договориться о взаимодействии трех фронтов, наметить окончательные сроки. Было решено Юго-Западному и Донскому фронтам перейти в наступление девятнадцатого ноября, а Сталинградскому — двадцатого.

Вернувшись, Ватутин собрал командармов, чтобы сообщить им директиву Ставки, ввести их в курс многих обстоятельств, которые надо иметь в виду при подготовке наступления. Крайне важно было проверить, правильно ли расставлены силы.

Ватутин утомился. Особенно трудно пришлось с Рыкачевым и Гапоненко. Первый, как всегда, говорил длинно и только для того, чтобы говорить; другой шумел и доказывал, что, отнимая у него стрелковую дивизию и передавая ее Коробову, командование фронта поступает неправильно. Нельзя ослаблять его армию. Гапоненко был человек хозяйственный и прижимистый. Он всегда требовал себе про запас лишнюю дивизию, лишний полк

и терпеть не мог, когда у него что-нибудь отбирали. Впрочем, на этот раз он был не так уж неправ. Его армии предстояло прорвать очень сильные укрепления, которые противник строил несколько месяцев. Ватутин, пожалуй, даже согласился бы с ним, но он получил строгое указание из Москвы передать Коробову именно эту дивизию.

Почему? Ватутин и сам не мог вразумительно ответить. Он должен выполнять приказ точно, как рядовой солдат. И все же, выполняя его, он невольно думал о том, почему, собственно, нужно издалека, за тысячи километров, указывать, какую дивизию и куда поставить. Разве здесь, на месте, ему, командующему фронтом, не виднее, как и где расставить войска? К тому же ведь на фронте постоянно находятся представители Ставки.

Ватутин принял к исполнению указание, но в споре с Гапоненко не чувствовал себя твердо. Сначала он не хотел говорить, по каким мотивам переводит дивизию, но когда Гапоненко его допек, не выдержал и сказал сухо и строго, что это приказ, а он не подлежит обсуждению.

Однако, добившись своего, Ватутин в глубине души был встревожен. Армия Гапоненко оказывалась ослабленной, и он решил посоветоваться с Соломатиным.

Конечно, ни один фронт не может жить и действовать, что называется, самостийно, в отрыве от других фронтов. Он находится в их системе, действует по общему стратегическому плану Верховного Командования, и каждый командующий фронтом должен соотносить свои действия с задачами, определяемыми Ставкой. Но ведь он, Ватутин, даже от командиров рот требует самостоятельности, инициативы, чувства личной ответственности.

Слегка покачиваясь с носка на каблук, Соломатин наблюдал за Ватутиным, который, наклонившись над картой, что-то отмечал карандашом, рассчитывал, прикидывал. Наконец лицо его как будто просветлело.

— Ну, нашел выход?

— Намечается. Все зависит от подхода резервов. Направляю сюда танковую бригаду. Она укрепит стыки армий... — Ватутин отошел от карты и устало присел на стул. — Трудно бывает работать, Ефим Григорьевич, очень трудно. Все мы говорим, что люди — главный капитал, а на деле кое-кто поступает совсем ипаче. Не ценят

людей и не доверяют им как надо. Возьмем хотя бы судьбу Берегового. Ведь его так зажали, деваться человеку некуда. И кто зажал? Тот самый Рыкачев, который считает, что его самого несправедливо обошли и затирают.

— Да, да, — кивнул Соломатин. — Рыкачев добрых полчаса уговаривал меня забрать у него Берегового. Боится, что тот завалит дело. Никак не может ему какую-то давнюю ошибку простить.

— Вот именно. Боится простить! А ты знаешь, в чем вина Берегового? Однажды он чрезмерно растянул фланги дивизии и оказался под ударом... Ошибка, разумеется, но ведь и у Рыкачева таких ошибок не мало.

— Н-да. — Соломатин медленно прошелся по комнате: — А что, если перевести его к Коробову? Коробов мужик умный, широкий. И не перестраховщик.

Ватутин живо поднял голову от карты:

— А что ты думаешь! Идея!..

В комнате наступило молчание. За стеной попыхивал движок, и свисающая с потолка лампа ярким светом заливала комнату, освещая большую белую печь, лежанку и выцветшие фотографии на стене, забытые хозяевами. У окна стоял стол с двумя телефонами и книгами, которые Ватутин читал в немногие свободные минуты.

Позвонил с Донского фронта Рокоссовский, спросил, как идут дела у Ватутина. Затем принесли оперативные сводки. Никаких признаков значительного передвижения частей на стороне противника не замечено.

Часов в пять утра Соломатин отправился к себе, а Ватутин вышел проводить его на крыльцо. Занималась утренняя заря. Вот уже проступили волнистые очертания невысоких холмов, в небе стали меркнуть звезды.

В этот ранний час было так удивительно тихо, как бывает на широких равнинах, когда ночь словно уже прошла, а день еще не наступил.

Ватутин полной грудью вдыхал чистый холодный воздух. Слева, в нескольких шагах от него, неподвижно стоял автоматчик из охраны. Ватутин не видел его лица, но по росту, по ширине могучих плеч догадался, что это сержант Фомиченко.

— Фомиченко!

— Я, товарищ командующий, — зычно отозвался сержант.

— Ночь-то какая, Фомиченко, а!

— Тихая ночь, товарищ командующий, далеко слышно!

— А ты что же слышишь, сержант?

— Ветер от Сталинграда дует... И будто громче там сегодня бьют, товарищ командующий...

Ватутин прислушался. Ни одного звука далекой канонады. Только посвист ветра доносит со степи удаляющийся лязг трактора-тягача.

— Придумываешь ты, Фомиченко, — говорит Ватутин, — ничего не слышно, до Сталинграда далеко!

Фомиченко молчит, но по его молчанию Ватутин чувствует, что автоматчик остался при своем мнении. Ватутин улыбается. Уже многие командиры и солдаты говорили ему, что в тихие ночи сюда через десятки и даже сотни километров доносится грохот битвы. Он не спорил с ними, понимая, что эти люди слушают не ушами, а сердцем. Что ж, если говорить правду, он и сам днем и ночью слышит дальний гул сталинградских пушек.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Последний отрезок пути от Балашова поезд тащился чуть ли не десять часов. Утро выдалось на редкость скверное. Падал липкий снег с дождем. Низкие тучи висели над землей, и от этого медленно кружившаяся за окнами степь казалась особенно сумрачной и пустынной.

Однако в вагоне повеселели. Денек был явно нелетный, так что после всех потрясений минувшей ночи можно было отоспаться и отдохнуть душой.

Когда поезд стал приближаться к станции Филоново, Антон Никанорович собрал в своем купе всех членов делегации и еще раз строго предупредил, как надо вести себя по прибытии на фронт. Всем держаться вместе. Никто не должен отлучаться без особого на то разрешения.

За эти дни тревожного и трудного пути делегаты сблизились и даже, пожалуй, подружились. На огромном заводе многие из них не были даже знакомы, а сейчас им казалось, что они знают друг друга давным-давно.

Вот, например, начальник сборочного цеха Тимофей Тимофеевич Супрун. До сих пор Марьям думала о нем,

как о человеке сухом и нелюдимом, а он, оказывается, совсем не такой, добр, скромен и задумчив. И никакой сухости в нем нет, просто немного застенчив. Они поспорили на несколько отвлеченную тему: бывает ли любовь вечной, а счастье полным. У Супруна на эти вопросы были свои, довольно-таки скептические взгляды, у Марьям — свои. Она не сомневалась ни в вечной любви, ни в возможности полного счастья. Очевидно, в различии их позиций сказывался возраст и особенности биографий. Супруну было далеко за пятьдесят. В вагоне шутили, что на его круглой и лысой голове осталось так мало волос, что пора наконец пересчитать их и взять на учет, а Марьям только начинала жить.

Однако после гибели майора ей было уже не до споров. Она больше думала, меньше говорила, смотрела в окно или делала вид, что читает книгу. Ей хотелось побыть одной, сосредоточиться и понять до конца что-то очень важное и большое, что прошло совсем рядом, вплотную, отбросив на всю ее жизнь густую тень. В первый раз видела она смерть своими глазами, в первый раз ощутила по-настоящему, как она мгновенна и непоправима...

А в соседнем купе старый токарь Василий Ильич Щербаков и бригадир сборки танков Африкан Фадеич Белобородко, человек тоже пожилой, с брюшком, забивали «козла», азартно стуча костяшками о крышку большого чемодана, который заменял им стол. Подальше, в другом конце вагона, хором пели песни. Каждый коротал время как мог.

Когда поезд стал подходить к Филоново, стук костяшек прекратился, а песня замолкла. Начались быстрые сборы: укладывались чемоданы, увязывались вещевые мешки. Все говорили между собой вполголоса, словно боясь нарушить значительность минуты. Антон Никанорович, одетый в черное кожаное пальто, уже стоял в коридоре у окна и, почти прижавшись щекой к стеклу, старался заглянуть вперед, чтобы первым увидеть тех, кто будет встречать эшелон.

Поезд замедлял движение. Мимо окон проплывали разрушенные станционные постройки, кирпичные стены диспетчерского поста с черными языками копоти вокруг оконных впадин, руины какого-то склада. А потом замелькали на путях пустые платформы и товарные ваго-

ны с настежь открытыми дверями. Их, очевидно, уже успели разгрузить.

Антон Никанорович на мгновение оторвался от окна и повернул к стоявшим за его спиной делегатам вдруг сразу изменившееся, ставшее строгим и серьезным лицо.

— Товарищи! Мы приехали! Готовьтесь выходить!

Кто-то с другого конца коридора ему ответил:

— А как нас встречать будут? С музыкой?

Нефедьев погрозил в ту сторону пальцем, и шутник примолк.

— Марьям, поди-ка сюда!

Марьям оглянулась. За ее спиной в опустевшем купе стоял парторг Коломийцев. Он недавно вернулся с фронта и потому был в военной шинели. В бою под Новгородом рядом с ним разорвалась мина. Чудом уцелели глаза. На худощавом обожженном лице синела россыпь точек от ввевшегося в кожу пороха. Правая нога была сильно повреждена, он заметно прихрамывал.

— Что тебе?

— Да поди же сюда.

Марьям вошла в купе. Коломийцев нагнулся к ней и доверительно сказал:

— Мы с Антоном Никаноровичем решили, что если надо будет выступать с речью, то от имени комсомола и молодых рабочих скажешь ты. Понимаешь?

Марьям испугалась. Говорить речь — да еще на фронте!..

— Что же я скажу?

— Ну как это что? Расскажешь, кто нас сюда послал и как люди делали эти танки... В общем, сама сообрази.

— Ладно. Попробую!..

Но все получилось не так, как ожидали делегаты. Поезд вдруг остановился. Антон Никанорович быстро соскочил с подножки на землю и сразу же устремился к небольшой группе военных, которые, пересекая пути, направлялись к эшелону.

Марьям вышла из вагона вслед за Коломийцевым и увидела, как Нефедьев сначала обнял, а затем стал горячо трясти руку невысокого генерала, которого окружало еще несколько начальников. По всему было видно, что он среди них главный.

— Кто это? — спросила она Коломийцева, который, поставив свой потертый чемодан около ног, смотрел на

генерала удивленным и радостным взглядом, словно встретил старого знакомого.

— Это генерал Ватутин. Он у нас на Северо-Западном начальником штаба был, — сказал Коломийцев, не оборачиваясь.

— Ну а тех, кто с ним, ты тоже знаешь? Вот этого в очках, например? — допытывалась Марьям.

— Нет, этого не знаю.

Пока Нефедьев здоровался с командованием фронта, перед платформами уже выстроились танкисты. Они стояли в два ряда в синих комбинезонах и черных шлемах. Заместитель погибшего майора, капитан Калашников, скомандовал «Смирно» и, пружиня шаг, пошел навстречу генералам.

Марьям издали смотрела, как, вытянувшись в струнку и приложив руку к шапке, Калашников рапортует Ватутину.

Ватутин принял рапорт и повернулся к танкистам. Должно быть, он поздоровался с ними, потому что десятки голосов разом крикнули: «Здрас...»

— А вот и наши товарищи, — сказал Нефедьев, подводя генералов к делегатам, которые, немного смутившись, продолжали стоять у вагона. — Это наши герои, передовики. Что ни человек, то золото.

— Здравствуйте, товарищи, с приездом! — приветливо сказал Ватутин и первым протянул руку Марьям. Она робко ответила на его пожатие. Было ужасно неловко от того, что эти щедрые слова: «Герои, передовики, что ни человек, то золото» относятся не к каким-то незнакомым людям, глядящим на нее с плаката, а к ее товарищам и даже к ней самой.

Дальше все пошло как в сказке — стремительно, неожиданно и счастливо. Их рассадили по машинам, Марьям попала в легковую, и повезли прямо туда, где был расположен штаб фронта.

Приникнув к окошку, Марьям во все глаза глядела по сторонам и никак не могла себе представить, что эта проселочная дорога, мокрые кусты, поля, летящие по сторонам, — все это уже и есть фронт. Ну да, самый настоящий фронт, только что не передний край. Значит, они сбываются, наши заветные желания, только надо сильно захотеть!

Радостно встревоженная, уверенная, что теперь судьба будет подчиняться ей во всем, вошла она в дверь, указанную командиром.

Предчувствие чего-то очень хорошего не покидало ее ни на минуту. Никогда за все пережитые ею два десятка лет не испытывала она такого полного, такого захватывающего ощущения жизни. Все — большое и малое, что удалось ей испытать и запомнить, что радовало и сердило ее, все милые ей люди — и мама, маленькая, робкая, постаревшая, и строптивый, упрямый Федя Яковенко, и Валя, которую она представляла себе почему-то только такой, какой видела в последние мгновенья на станции — заплаканной, со сбившимся платком и рассыпавшимися волосами, — все это соединилось в ее сознании в одно неразрывное целое. Это и была ее жизнь, жизнь, за которую отвечает только она сама и которую надо прожить как можно лучше, все равно, будет ли она длинная или короткая.

И мысль о том, что они с Федей в ссоре, что он почему-то не верит ей и не пишет больше, показалась ей просто невыносимой, до того шла она вразрез с новым строем ее души — простым, счастливым и ясным.

А ведь он где-то здесь, Федя, в этих краях... Месяц тому назад тот раненый лейтенант, что привез от него письмо, говорил ей, где стоит их часть, и даже называл эту самую Балашовку. Правда, письмо добиралось до нее долго. Их давным-давно могли перевести куда-нибудь совсем в другую сторону... Ну а вдруг он еще здесь, на этом фронте? Что, если бы разыскать его? Она упросила бы Антона Никаноровича отпустить ее к нему на день. Нет, даже на один только час, чтобы самой увидеть Федю и все сказать ему...

Через час гостей позвали обедать в хату командующего фронтом. Когда Марьям вошла, в небольшой комнате, посреди которой стоял стол, составленный из трех небольших, покрытый несколькими наложенными краями скатертями, было уже полно народу.

Неизменный дорожный спутник Марьям, Тимофей Тимофеевич Супрун издали помахал ей рукой.

— Марьям, иди сюда! Мы тебе место оставили.

— Как вы сказали? Марьям? — заинтересовался один из командиров. — Это какое же имя?

— Казахское, — ответила Марьям.

— Вы разве казашка?

— Нет. — Марьям покачала головой. Она привыкла к тому, что имя ее вызывает некоторое удивление, и начала объяснять, как объясняла уже много раз: — Я не казашка, но мой отец после гражданской войны служил в Казахстане, дрался с басмачами. Под Талды-Курганом его очень тяжело ранили, и он непременно погиб бы, если б не одна тамошняя женщина. Она его выходила, помогла добраться до своих, а ее потом убили за это... Вот в память этой женщины меня потом и назвали Марьям.

Она говорила негромко, но чувствовала, что к голосу ее прислушиваются. В глазах, обращенных к ней, блеснуло внимание.

— Занятно! — сказал Нефедьев, когда она замолчала. — А я и не знал. Что ж ты мне никогда не рассказывала?

— А вы не спрашивали.

Вокруг засмеялись. Ватутин хлопнул Нефедьева по плечу и сказал усмехаясь:

— Вот ведь какое дело, Антон Никанорыч! Не спросишь — не расскажут. И всегда оно так. Спрашивать, спрашивать нам надо побольше, а то с нас спросится.

Он издала, чуть прищутив один глаз, лукаво и добродушно посмотрел на Марьям, и сердце у нее вдруг екнуло.

«А что, если сказать ему про Федю? — подумала она. — Так просто подойти и сказать... Это ничего, что он командующий фронтом, даже еще лучше. Если он прикажет, Федю непременно найдут...»

Выбрать минутку, когда Ватутин окажется один, было не так-то легко. А между тем обед шел к концу. Вот-вот встанут из-за стола, разойдутся — и пиши пропало!

И вдруг Нефедьев, который сидел рядом с Ватутиным, отодвинул тарелку, сказал, что пойдет на ВЧ поговорить с заводом, и направился к двери. Марьям даже охнула тихонько: вот она, минута! Ну будь что будет! Она стремительно поднялась и подошла к Ватутину.

Ватутин взглянул на нее веселым, сузившимся от улыбки взглядом.

— Ну как, девушка! Хорошо устроились? — спросил он.

— Спасибо, очень хорошо, — ответила она. — Гораздо лучше, чем дома.

И тут, как назло, к Ватутину подошел Семенчук и положил перед ним раскрытую папку с какими-то бумагами.

— Товарищ командующий! К вам срочное дело, — сказал он, пристально взглянув на Марьям, и она поняла, что ей надо отойти от стола, на котором лежат секретные бумаги.

Вздыхнув от огорчения, она отступила на шаг, другой. Нет, дальше она не уйдет! Лучше постоять и подождать здесь.

Ватутин прочитал бумагу и сердито поморщился.

— Подумать только! — сказал он строго. — Сообщают только через шесть часов. Передайте ему мой приказ: о таких случаях сообщать немедленно.

Он вернул адъютанту папку и вновь обернулся к Марьям. Очевидно, сообщение было неприятное, потому что в глубине его небольших серых глаз еще таилось затаенное недовольство. Ох, не до нее ему сейчас. Марьям уже хотела было отойти, но Ватутин, поняв ее движение, встал и пододвинул стул.

— Садитесь, — сказал он, — на войне всегда происходит что-нибудь неожиданное и неприятное... У вас кто-нибудь есть на фронте?

Как помог он ей этим вопросом! Она опустила на стул и, сложив руки на коленях, взглянула на Ватутина тем робким и вместе с тем уважительным взглядом, с каким ученик смотрит на своего учителя, готовясь спросить у него о чем-то особенном, своем, не относящемся к программе. Ватутин это заметил и кивком головы поощрил ее.

— Ну, ну?..

— У меня к вам... большая просьба... Я не знаю даже, как объяснить, — сбивчиво начала она. — Мне нужно узнать, к кому здесь обратиться... Мне надо выяснить, служит ли на вашем фронте... один человек... простой солдат.

— Солдат? — переспросил Ватутин. — Это дело довольно сложное. Кто он — пехотинец, сапер, танкист?

— Он писал мне, что разведчик. Его фамилия Яковенко! Федор Яковенко!..

— Странно, эта фамилия мне что-то знакома, — нахмурил брови Ватутин, — Яковенко... Яковенко... Постойте! Кто мне о нем говорил? — Он вдруг энергично взмахнул рукой: — Как же! Есть такой Яковенко. Правильно!.. Разведчик.

— А его зовут Федор? — спросила Марьям, удивляясь тому, что Ватутин знает солдата.

Ватутин усмехнулся:

— Вот как зовут его, право, не знаю. Но это можно быстро выяснить.

Он подозвал Семенчука и, коротко объяснив, в чем дело, приказал ему навести справку.

Марьям обрадовалась. Как все оказалось просто! Она так широко улыбнулась, что Супрун, глядевший на нее с другого конца комнаты, подумал, что эта улыбка относится к нему, и улыбнулся в ответ.

— Ну, вот дело и сделано, — сказал Ватутин, видимо довольный тем, что смог оказать ей услугу. — А кто он вам? Родственник?

— Нет.

Марьям не прибавила ничего больше, и Ватутин понимающе умолк.

После обеда выяснилось, что торжественное вручение танков корпусу Кравченко состоится только через три дня, а пока делегатам предлагают поехать по частям, встретиться с солдатами.

Марьям обрадовалась: значит, у нее есть время! Если Федор найдется, она успеет побывать у него. Между тем у Нефедьева кроме выступлений перед солдатами оказались и другие важные заботы. Он не просто в гости приехал на фронт. По заданию Государственного Комитета Обороны он должен был встретиться с танкистами и в боевых условиях проверить, как действуют новые усовершенствования, которые внесены в конструкцию танков. К вечеру, захватив с собой Супруна, Прокопыча и Василия Ильича, он уехал в штаб Рыкачева.

2

Марьям пригласили в дом, где ей уже была приготовлена койка.

— Мы вас поселим вместе с нашей врачихой, — сказал ей по дороге комендант штаба, пожилой подполковник, едва заметно хромавший на левую, очевидно ране-

ную, ногу, — женщина она суровая, но молодежь любит. Вы с ней будьте поласковей...

Марьям улыбнулась. В тоне ее провожатого было что-то отеческое, наставительное, но к кому оно относилось, к ней или к врачихе, Марьям так и не поняла. Впрочем, это и не имело значения.

— Сюда, сюда, девушка!

Вслед за подполковником Марьям поднялась на крыльцо небольшого старого дома, прошла низкие темные сенцы и вступила в маленькую комнатку.

— Прошу, как говорится, любить и жаловать, — прогудел подполковник, останавливаясь посередине комнаты, — вот ваши апартаменты. Познакомьтесь, это майор Ольга Михайловна! Так сказать, наш штабной костоправ...

Навстречу Марьям с табуретки поднялась стройная моложавая женщина с темными глазами, которые смотрели удивительно мягко и приветливо. Она протянула Марьям руку:

— Здравствуйте! А я вас жду с утра. Мне говорят — будет гостья... Молоденькая и хорошенькая...

— Как видите, мы вас не обманули, — сказал подполковник и козырнул Марьям. — Ну, счастливо оставаться. Приятно побеседовать! А у меня еще дела!

Он шумно вышел, плотно прикрыв за собой дверь. Оставшись наедине с незнакомой женщиной, Марьям вдруг смутилась. Она поставила чемодан посередине комнаты и опустилась на край табуретки так, словно должна была быстро уйти.

Но через несколько минут она уже весело смеялась. «Суровая врачиха» оказалась женщиной общительной, с юмором. Она рассказала занятную историю об этом самом коменданте штаба, который однажды решил проверить бдительность охраны, а в результате минут сорок лежал посередине огромной лужи, куда, невдалеке от своего поста, его уложил бдительный часовой. А так как часовой разгадал немудреную хитрость коменданта, то и не торопился с вызовом начальника караула.

Комната, где поселилась Марьям, была небольшой, с одним оконцем, по бокам которого вдоль стен стояли койки, застланные зелеными ворсистыми одеялами. Поближе к окну был придвинут небольшой стол, покрытый белой скатеркой, а на нем в стеклянном графине рдели ветки спелой рябины. И оттого что в комнате было чи-

сто и прибрано с той тщательностью, в которой чувствовались женские руки, Марьям как-то быстро расположилась к своей новой знакомой.

Ольга Михайловна согрела чайник, и скоро они беседовали о жизни, попивая горячий чаек из больших эмалированных кружек. У Ольги Михайловны нашлись конфеты, а Марьям достала баночку с вишневым вареньем, которую на всякий случай захватила с собой.

Марьям рассказывала ей о своем детстве, о матери, о жизни на заводе, не говорила только о Феде. А именно о нем ей и хотелось говорить. С того момента, как возникла надежда, что его можно найти, она вся внутренне напряглась. Не забудет ли майор навести справку, а если наведет, то знает ли, где ее найти? Если бы она могла, то побежала бы сама искать адъютанта. Как только за окном кто-нибудь проходил, Марьям быстро поворачивала голову, а однажды человек прошел быстро, и она невольно привстала, чтобы его рассмотреть.

— Вы кого-нибудь ждете? — спросила Ольга Михайловна, удивленно взглянув на Марьям.

— Нет, нет, — быстро ответила она, — просто мне показалось, что прошел один из наших.

Ольга Михайловна много расспрашивала ее, но почти ничего не говорила о себе. Однако Марьям заметила на подоконнике, рядом с ее койкой, портрет красивого молодого парня, лет двадцати. Он был чем-то неуловимо похож на Ольгу Михайловну, а непокорно свисающим на лоб светлым вихром напомнил Федю.

— Это ваш брат? — спросила Марьям, беря портрет в руки.

Ольга Михайловна помедлила с ответом.

— Это мой сын Валька, — сказала она.

— Ваш сын!.. Такой большой! — удивилась Марьям.

— Да, такой большой! — улыбнулась Ольга Михайловна. — Не хотела признаваться, да не могу.

— А где он?

— Здесь, на фронте... Уже танкист...

— Танкист?! — Марьям с новым любопытством стала рассматривать фотографию.

Валька был изображен на ней в пиджаке и в белой рубашке без галстука, с расстегнутым воротом. У него было такое юное лицо, что трудно было представить, каков этот мальчик в военной форме.

Ольга Михайловна взяла фотографию из рук Марьям и поставила ее на место.

— Это все мое богатство.

— А где ваш муж? — спросила Марьям. Ей казалось, что у этой женщины должен быть хороший и тоже красивый муж. Такая женщина не может быть несчастлива.

— Он тоже на фронте, — сказала Ольга Михайловна.

— И вы получаете от него письма?

— Изредка получаю, — кивнула она.

— Он вас, наверно, очень любит.

Ольга Михайловна заглянула в ее чашку.

— Дайте-ка я вам налью, Марьям. Хотите сгущенного молока?

— Нет, нет, я люблю сгущенное молоко есть прямо из банки.

Ольга Михайловна достала из шкафа открытую банку и поставила перед Марьям. Та зачерпнула полную ложку, долго не могла оторвать ее от длинной золотистой змеи, которая тянулась вслед за ложкой, а когда наконец справилась, даже закрыла глаза от удовольствия.

— Ну и сладкоежка, — засмеялась Ольга Михайловна, — совсем как мой Валька...

В сенях застучали чьи-то шаги, кто-то стал шарить по двери в поисках ручки. Ольга Михайловна встала и распахнула дверь.

— Входите!

На пороге появился Семенчук. Он немного запыхался от быстрой ходьбы. По улыбке на его лице Марьям сразу поняла, что он пришел с хорошей вестью. В руках он держал голубой бланк телеграммы.

— Добрый вечер, — сказал Семенчук, кивая Ольге Михайловне. — Так вот я вам пришел доложить, дорогая делегатка... Найден ваш Яковенко! Служит он в дивизии Чураева.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, — стараясь скрыть волнение, сказала Марьям.

— Да нет, я отлучился на минутку. Командующий может вызвать.

— А как его зовут, вы узнали? — все еще недоверчиво спросила Марьям.

Семенчук взглянул на телеграмму.

— Федор Николаевич.

— Это он, — сказала Марьям, и глаза ее радостно заблестели. — А мне можно будет с ним встретиться?

Семенчук как-то смущенно посмотрел на нее.

— Вообще-то, конечно, можно, — сказал он.

— А почему вы говорите так неуверенно?

— Нам, видите ли, сообщили, что он ранен. Правда, не очень серьезно, но все-таки находится в госпитале.

— Тогда уж я обязательно должна его повидать, — настойчиво сказала Марьям. — Обязательно! Это... это дорогой для меня человек. Очень вас прошу, товарищ майор. Помогите мне добраться до госпиталя, — повторила она, вдруг ясно представив себе, как Федя лежит на койке, весь перевязанный бинтами, беспомощный и одинокий.

Семенчук смягчился и сказал, что поговорит об этом в Политуправлении. Очевидно, завтра утром в армию Коробова поедет кто-нибудь из инструкторов и заберет ее с собой.

А когда он вышел, Марьям вдруг закрыла лицо руками.

— Что ты, Марьям, — мягко сказала Ольга Михайловна. — Вы наверняка увидите... Если хочешь, я постараюсь связаться с тем госпиталем, где он лежит.

Марьям быстро собралась и побежала искать Нефедьева, но его нигде не было. Как же быть? Она очень беспокоилась, что нарушит его строгий приказ — никуда не отлучаться без разрешения. Она разыскала в одном из соседних домов парторга Коломийцева, которого директор оставил вместо себя за старшего. Коломийцев писал письмо домой и так был занят своими мыслями, что не сразу понял, чего, собственно, она от него хочет, а когда понял, то посадил на письмо кляксу и чуть не сломал перо. Ехать в армию? Неизвестно куда? Одной? Это, голубушка, не увеселительная прогулка! Он колебался, брать ли на себя ответственность перед Нефедьевым за это разрешение. Но она с такой мольбой смотрела на него, так требовала, так сердилась и уговаривала, что он не выдержал и сдался: «Поезжай, но только на одни сутки. Туда и назад. И чтобы с места прислала телеграмму».

Марьям вернулась обратно, когда уже стемнело. В комнате не было света. Марьям решила, что Ольга Михайловна уже легла спать, и ошупью нашла свою

койку. Но хозяйка дома еще даже не раздевалась, а как оставила ее Марьям у стола, так она и просидела все это время.

— Вы думали? — спросила Марьям.

— Да, думала, девочка, — сказала Ольга Михайловна, и Марьям показалось, что она без нее плакала.

— Вы очень одиноки? — спросила Марьям, помолчав.

— Нет, что вы! Я не одинока... У меня ведь есть и сын... и муж...

— Вам очень трудно?..

— Нет, нет, — сказала Ольга Михайловна, — просто, глядя на тебя, я вспомнила и свою молодость... А это было очень, очень давно... — Она нашла в темноте руку Марьям: — Я желаю тебе счастья, Марьям. Настоящего, большого. Такого, какого ты достойна... Ты хорошая...

— Вы еще меня совсем не знаете...

— Я это чувствую... Вижу... Ну, не будем об этом говорить... Хорошо?

Марьям всю ночь не могла заснуть, и когда в семь часов утра за окном остановилась машина, она была уже совсем одета — в пальто и платке. Тихо, чтобы не скрипнуть половицами и не разбудить Ольгу Михайловну, она вышла на крыльцо и почти столкнулась в дверях с батальонным комиссаром, молодым человеком, лет двадцати семи, с еще свежим глубоким шрамом на левой щеке. Шрам этот очень старил его, левая сторона лица казалась на десять лет старше правой.

— Это вы едете? — спросил батальонный комиссар, критически оглядывая ее короткое черное пальто и светлую шерстяную косыночку, которой она повязала голову.

— Я, — сказала Марьям, робея под его придирчивым острым взглядом.

— А вы не замерзнете?

— Что вы? Я привыкла!

— Ну смотрите, — сказал он жестко, — в дороге не жалуйтесь... Вам бы лучше остаться и сперва достать полушубок.

— Нет, нет, — быстро ответила она, боясь, как бы и вправду батальонный комиссар не уехал без нее. — Говорю же вам, я привыкла. Мне не будет холодно.

— Тогда залезайте, — ответил он, повернулся и пошел к машине.

Он сел рядом с шофером, а Марьям одна на заднее сиденье. Машина тронулась.

Батальонный комиссар сидел молча, не оборачиваясь и не разговаривая с Марьям. Он был чем-то недоволен и раздражен.

В рассветных сумерках то и дело мелькали силуэты машин, груженных какими-то ящиками, тюками, сеном и еще чем-то, что Марьям не успела рассмотреть. Одни грузовики шли к фронту, другие — навстречу. Однако когда совсем рассвело, Марьям заметила, что машин на дороге почти не стало. Кругом расстилались пустынные поля. Высокие бело-серые облака плотно затянули небо. Дул холодный ветер, и Марьям чувствовала, как у нее все больше и больше коченеют ноги. Хотелось спросить батальонного комиссара, долго ли им ехать и когда они будут на месте, но он упорно молчал, а она не знала, как начать разговор.

Однако когда проехали несколько километров, батальонный комиссар вдруг обернулся.

— В Малиновке мне надо будет сойти, — сказал он, — а вот товарищ Воробьев, — он кивнул в сторону шофера, — довезет вас до места... Вы куда едете? Мне сказали, что в армейский госпиталь, — вдруг прибавил он, словно решив наконец завязать хоть какой-нибудь разговор.

— Да, я еду в госпиталь, — сказала Марьям, — а скажите, нам долго еще ехать?

— Я точно не знаю, где он, — ответил батальонный комиссар, сидя вполоборота к ней и неудобно повернув голову, так, чтобы видеть ее хоть одним глазом, — по дороге вы это уточните... В медицинском отделе штаба армии...

— А как же мне его разыскать?

— Ну, это несложно. Товарищ Воробьев вам поможет, — он опять кивнул на шофера, склонившегося над рулем. — К сожалению, сам я не могу. У меня важное задание...

Последние слова он произнес таким внушительным и серьезным тоном, что Марьям невольно подумала: «Наверное, он везет какой-нибудь секретный приказ, от которого зависит исход большой операции...» И суровость молодого комиссара сразу стала в ее глазах понятной и даже необходимой.

— А далеко еще до штаба армии? — спросила она робко, решив хоть как-нибудь поддержать нить с таким трудом начатого разговора.

— Километров сорок, — прикинул он, — по такой дороге часа через три приедете... Здесь колдобина на колдобине... Смотрите сколько грязи! А кто у вас в госпитале? — вдруг спросил он. — Отец, брат?..

— Нет, друг, — сказала Марьям и немножко испугалась: а вдруг на этом сухом и строгом лице появится насмешливое выражение?

Но нет, он кивнул головой и сказал просто и серьезно:

— Это для него будет целый праздник! А он знает, что вы должны приехать?

— Нет. Он вообще не знает, что я на фронте.

— Вы ему не писали?

— Нет.

— Странно, — сказал батальонный комиссар, недовольно поморщившись. — Едете к нему, а не писали!

— Вот увидимся и поговорим.

— «Поговорим, поговорим», — повторил он. — Вы там в тылу не всегда учитываете, какое значение имеет для солдата письмо...

— Почему? Я это знаю, — улыбнулась Марьям. Чем больше батальонный комиссар втягивался в разговор, тем он казался ей моложе и понятнее. Марьям даже перестала замечать пересекающий его щеку красный шрам с неровными краями, на которых еще сохранились следы ниток.

— Ну, про вас я не говорю, — грубоваго сказал он, — по есть такие, такие... Да вот вам пример. Был я недавно в Саратове. В командировку туда ездил... с одним товарищем, — прибавил он. — Так вот мой товарищ увлекся там одной девушкой. Красивая очень. Остроумная... И что же вы думаете? Она ему говорит: — «Ты вообще-то парень хороший, но, наверное, не очень нужный!» — «Почему?» — спрашивает он. — «А потому, что всем людям, которые нужны, дают броню и на фронт не посылают!» Видите, какая птичка попалась...

Он сказал это очень сердито, и Марьям поняла, что о товарище он упомянул только для того, чтобы удобнее было рассказать историю, случившуюся с ним самим.

— А вы не женаты? — спросила она.

Он улыбнулся:

— Нет. Пока бог миловал... Может быть, когда-нибудь и женюсь. Если только сильно полюблю.

— Значит, до сих пор вы не любили? — сказала она с чуть заметной иронией.

— Предпочитаю, чтобы любили меня, — ответил он с каким-то мальчишеским задором.

— Вы большой эгоист!

— Уж лучше быть эгоистом, чем горевать, когда тебя бросают.

— Почему же вас должны непременно бросить?

— Ну не бросить, так оскорбить, причинить неприятности.

Он, насупившись, замолчал. Очевидно, саратовская девушка еще не была им забыта.

Солнце выглянуло из-за белесых плотных туч и осветило дорогу, поля и дальние холмы, поросшие редким кустарником. Марьям с удивлением смотрела по сторонам. Пустынная земля, которая, казалось, скучала от того, что по ней не ходят люди, вдруг ожила. Из каких-то незаметных щелей появились солдаты, одни неторопливо закуривали, другие, сгрудившись, беседовали о чем-то своем, третьи просто сидели на земле, подставляя солнцу усталые лица.

Ехали еще минут десять. То же холодное солнце. Тот же резкий ветер. Вдруг батальонный комиссар приоткрыл дверцу, пристально взглянул вверх и тут же быстро обернулся к шоферу.

— Стой! — глухим голосом приказал он. — Самолет!..

Шофер мгновенно затормозил машину. Марьям швырнуло вперед, и она больно ударилась о спинку переднего сиденья. Прежде чем она успела что-нибудь сообразить, над ней склонилось лицо ее спутника. Выражение его было напряженное и решительное. Он крепко схватил ее за руку, и, повинувшись его короткому, властному движению, она буквально вылетела из машины и побежала вслед за ним к придорожной канаве.

— Ложитесь, скорее ложитесь! — крикнул он.

Марьям ничком упала на землю и прикинулась к ней всем телом. В то же мгновение она услышала нарастающий шум самолета, который был уже совсем близко и, очевидно, быстро снижался.

И вдруг где-то совсем рядом засвистели пули. Марьям с какой-то неодолимой силой захотелось вскочить и бе-

жать. Но батальонный комиссар заметил ее движение, крепко схватил за плечи, прижал к земле и прикрыл ее голову своей грудью.

Прямо под щекой у Марьям оказался какой-то ребристый камень. Острой гранью он вдавился ей в кожу, и она нетерпеливо дернула головой.

— Спокойнее, спокойнее, — сказал ее спутник властно и придавил к земле еще тяжелее и плотнее.

Опять послышался свист, клекот, частый перестук пулеметных очередей. Марьям ждала взрыва бомбы, которая, как ей казалось, упала совсем близко. Однако сильнее всего мучил ее вовсе не страх, а желание избавиться наконец от камня, резавшего ей щеку, и от тяжести, мешавшей дышать.

И вот звук моторов стал удаляться. Марьям сделала новую попытку вырваться.

— Тише! Да не рвитесь вы, — зло зашипел у нее над ухом комиссар, — сейчас будет второй заход.

Но Марьям все-таки рванулась, высвободила из-под его плеча голову и, с облегчением чувствуя, что проклятый камень уже не впивается ей в щеку, сильным коротким броском передвинулась к самому краю канавы, чуть приподнявшись, чтобы вздохнуть полной грудью.

— Да не поднимайтесь же, черт вас совсем дери! — крикнул комиссар, бросил на нее сердитый взгляд и сразу умолк. «Мессершмитт», снизившись до ста метров, кружил над самой дорогой, обстреливая машину короткими очередями и, очевидно стараясь накрыть тех, кто прятался в канаве. Очередь словно крупным градом пересекла дорогу. Одна из пуль вдребезги разбила тот самый камень, на котором только что лежала щека Марьям.

Значит, еще мгновение — и эта пуля могла бы пробить ей голову... Марьям невольно зажмурила глаза, ей вдруг стало страшно.

А батальонный комиссар, от опеки которого она так решительно освободилась, схватил автомат, который Марьям видела в машине рядом с шофером и который непонятным для нее образом оказался в канаве, и стал с колена стрелять по самолету. Лицо у него сделалось старое, злое, напряженное, и Марьям, глядя на него, вдруг почувствовала, что у нее самой так же сжимаются челюсти, выпирают скулы, собирается в морщины лоб... Ах, если бы попал! Если бы попал!

Самолет снова ушел по кругу и где-то над холмами стал разворачиваться на третий заход. «Он решил нас убить», — подумала Марьям и вдруг вспомнила купе и распростертого на скамейке майора. Неужели сейчас кончится вот этот прекрасный день и она никогда не увидит Федю? Ей стало очень жалко себя...

Батальонный комиссар зорко, как охотник, следил за самолетом. Его губы что-то шептали. Марьям показалось, что он шепчет: «А ну подойди, подойди! Поближе, поближе!..»

Однако «мессершмитт» внезапно изменил направление, круто забрал влево и понесся на юг. Батальонный комиссар приподнялся и закинул голову, ища в небе разгадку этого непонятного маневра.

— Наши! Наши ястребки! — вдруг радостно закричал он и, вскочив на ноги, затряс в воздухе автоматом. — Дайте ему! Дайте, ребята! — кричал он вслед двум «якам», которые с разных сторон атаковали «мессершмитт», стремившийся уйти за облака. Но это ему не удалось, потому что сверху, стремительно пикируя, на него падал третий. На большой высоте началась странная и как будто бы веселая игра. Самолеты кружились, ныряли, опять подымались. Приглушенные расстоянием, как-то по-птичьему курлыкали пулеметные очереди. «Мессершмитт» упорно рвался кверху, но никак не мог добраться до облаков. Один из трех «яков» все время нависал над ним.

— Так его!.. Так его!.. — кричала Марьям с какой-то мстительной радостью.

Как ей хотелось, чтобы этот проклятый «мессершмитт» упал на ее глазах! Но бой переместился куда-то далеко, и самолеты стали казаться комарами, которые кружатся в воздухе перед дождем. Разобрать, какой из них «мессершмитт», уже стало невозможно.

— Ну, натерпелись страху? — ворчливо спросил у нее батальонный комиссар, помогая выбраться из канавы. — Смотрите-ка, да у вас щека поцарапана. Платок у вас есть?

— Есть, конечно.

Но прежде, чем она успела его достать, он вынул из своего кармана чистый розовый платок и осторожно вытер с ее щеки кровь.

— Уже запеклась, — сказал он, внимательно разглядывая царапину. — При бритье бывает хуже. Вам не больно?

— Нет, — сказала Марьям, — совсем не больно.

Она поправила выбившиеся из-под платка волосы и тут только заметила, что все ее пальто в пыли и грязи. На шинель батальонного комиссара тоже было страшно смотреть.

— Ну, хороший же у меня вид, — сказала Марьям и стала обивать руками полы пальто, на которых, как она ни старалась, оставались серые пятна.

— Придется подождать, пока высохнет, — виновато сказал батальонный комиссар. Можно было подумать, что это по его вине дорога такая грязная и в канаве они валялись только из-за его нерасторопности.

— А куда же попали бомбы? — спросила Марьям.

— Бомб не было. Он нас обстреливал из пулеметов.

— Но ведь я так ясно слышала свист...

— Это он пикировал.

— А зачем же он пикировал, если нет бомб?

— Для нашего устрашения... А вы, оказывается, счастливая, — прибавил он, — ведь еще чуть-чуть, и он бы в вас попал.

— Блюсь, что да, — ответила она задорно. — Если бы я не высвободила голову из-под вашей руки, моя бедная голова, очевидно, мне сейчас была бы уже не нужна.

— Вполне возможно. — Он усмехнулся: — Но тогда, я думаю, мы были бы теперь в равном положении.

Он сказал это так просто и шутливо... Марьям невольно взглянула на него с удивлением и благодарностью.

А между тем шофер уже вылез из канавы по другую сторону дороги, где он, так же как и они, благополучно отлежался и похаживал около машины, осматривая ее.

— Поехали, товарищ начальник, — сказал он. — Садитесь. А девушку надо сперва поздравить с первым боевым крещением.

— Это уже второе мое крещение, — ответила Марьям, — первое было, пожалуй, еще крепче этого.

— Землю с подбородка, Воробьев, сотри, — сказал батальонный комиссар.

Выбрав на рукаве место почище, Воробьев тщательно вытер лицо и взялся за баранку. Марьям села на свое

место и вдруг заметила, что весь задний борт кузова пробит пулями. Воробьев тоже заметил это.

— Крупнокалиберными бил, бродяга...

— Ну, что же ты стоишь, Воробьев! Ехать надо, — строго сказал батальонный комиссар, залезая вслед за Марьям в машину.

— Да кажись, приехали, товарищ начальник, — сказал Воробьев и, покрутив рычаг, вылез, чтобы осмотреть, нет ли еще где-нибудь повреждений.

Он открыл капот, заглянул в мотор и чертыхнулся.

— Так и есть. Испорчен карбюратор...

— И нельзя исправить? — досадливо спросил батальонный комиссар.

— Никак, товарищ начальник. Сурьезный требуется ремонт.

Батальонный комиссар растерянно поглядел на шофера.

— Что же теперь делать, Воробьев? Ведь до ближайшего автобата километров двадцать.

— Будем ждать, авось кто и подберет, — философски сказал Воробьев. — Вы себе идите помаленьку, а я вас нагоню у кого-нибудь на прицепе.

Батальонный комиссар с надеждой посмотрел на дорогу: авось да покажется какая-нибудь машина. Но дорога в этот час была совсем пустынной. Действовал приказ Ватутина — ездить при дневном свете как можно меньше.

— Делать нечего, — сказал комиссар, вздыхая. — Пойду. Постараюсь добраться до ближайшего штаба. А ты, Воробьев, смотри машину не бросай! — добавил он строго. — Жди помощи. — Он задумчиво поглядел на Марьям, видимо соображая, как с ней быть. — Вы тоже лучше оставайтесь здесь и подождите буксира. Иначе идти придется километров двадцать, а то и больше. Обувка у вас слабая... Собыете ноги.

— Нет, я пойду вместе с вами, — твердо сказала Марьям. — Не бойтесь, я дойду. Я и больше ходила.

— Ну идемте... если хотите, — пожал он плечами и, засунув руку под сиденье машины, вытащил оттуда вещевой мешок, в котором по очертаниям угадывались консервные банки и буханка хлеба. — Вот собаки, даже мешок в двух местах прошили. — Он поднял мешок над головой, и Марьям увидела в зеленой плотной ткани два маленьких пулевых отверстия.

При виде этого мешка Марьям вспомнила, что ничего не ела со вчерашнего дня, и ей ужасно захотелось есть.

— Говорят, — сказала она с улыбкой, — что перед походом надо заправляться. Уж не знаю, правда это или нет...

— Вот за это уважаю, — усмехнулся батальонный комиссар. — Терпеть не могу всякие церемонии. — Он положил мешок на переднее сиденье, развязал туго затянутые лямки, выкинул на дорогу пробитую пулей банку и достал большой кусок сыра, хозяйственно завернутого в тряпочку, а потом и полбуханки белого хлеба. Все это он протянул Марьям. — Распоряжайтесь. И нам тоже заправиться не помешает.

— А нож есть?

— Всегда со мной, — ответил хозяйственный Воробьев и, вынув из-за голенища, протянул ей большой складной нож, с зазубренным, много послужившим лезвием.

Марьям нарезала сыр и хлеб толстыми ломтями и, выбрав себе горбушку, с наслаждением запустила в нее зубы. Батальонный комиссар и Воробьев не отставали от нее.

Хлеб был черствый, сыр очень соленый, но Марьям ела с каким-то особенным удовольствием. «Как странно, — думала она, — это потому, наверное, хлеб такой вкусный, что мы остались живы и вот сидим себе, едим. Значит, душистая горечь подгорелой корочки, щиплющая язык соль — это вкус жизни... А раньше мне почему-то казалось, что человек, переживший такую большую опасность, ни за что не захочет есть. Нет, выдумки не стоят правды. Все надо испытать, только тогда узнаешь на верное...»

Издаലെка донесся нарастающий шум автомобильного мотора.

— А вот и машина, — оживился Воробьев, взглянув на дорогу.

Батальонный комиссар энергично тряхнул головой, расправил плечи и вышел на середину дороги.

— Сейчас остановим, — уверенно сказал он.

Когда машина приблизилась, он поднял обе руки кверху и закричал как мог громко: «Стой! Стой!..» Но огромный грузовик неся на большой скорости, и водитель, очевидно, не имел ни малейшего желания притор-

мозить посреди дороги свою машину. Вот он уже в ста метрах. Вот — в пятидесяти... Сквозь переднее стекло кабины виден шофер. Рядом с ним сидит какой-то командир, воротник у него поднят, шапка нахлобучена до бровей. Он смотрит прямо перед собой, сквозь человека, стоящего на дороге. Видит и не видит.

Обдав их грязью и синим душным перегаром, машина промчалась мимо и стала быстро удаляться. В кузове прыгали какие-то плоские ящики, на ящиках, покуривая, лежали три бойца.

Батальонный комиссар с ненавистью посмотрел вслед машине:

— Вот дьяволы!.. А ведь когда-нибудь сами так же будут сидеть на дороге... Ну, пойдете!.. Простите, а как вас зовут, девушка? Все забываю спросить!

— Марьям!

— Какое странное имя! Восточное какое-то.

— Казахское.

— Но ведь вы не казашка?

— Нет. — И Марьям опять рассказала про женщину, которая спасла ее отца, а сама из-за этого погибла.

На этот раз рассказывать ей было приятно. Уж очень внимательно и заинтересованно слушал ее спутник.

Когда она кончила, он искоса поглядел на нее и задумчиво протянул:

— Вон оно как! Ну, пойдете, Марьям.

Он произнес ее имя как-то особенно тепло и уважительно, как будто отблеск того, давнего подвига бросал и на нее свой таинственный, еле различимый свет...

Они двинулись в путь. Отойдя несколько шагов от машины, батальонный комиссар обернулся.

— А ты, Воробьев, жди. Слышишь? За тобой обязательно приедут. Продукты оставляю тебе для усиленного питания.

Первый километр Марьям прошла сравнительно легко. Но потом ноги ее несколько раз провалились в грязь почти по щиколотку, сапоги намокли и стали натирать пятки. Батальонный комиссар шел рядом, чуть сутулясь, изредка поглядывая на Марьям, и, видимо, остро, хоть и молчаливо, сочувствовал ей. Этот косой, встревоженный взгляд придавал ей бодрости, у нее не вырвалось ни одной жалобы.

Мимо проскочило еще несколько машин, но сколько они ни махали руками, ни одна не остановилась. При каждой новой неудаче лицо батальонного комиссара выражало не только досаду, злость, но и лютое смущение. Заметив это, Марьям сначала удивилась, а потом поняла, что он по-мальчишески боится уронить в ее глазах свой престиж. Это почему-то умилило ее, и, чтобы успокоить его, она стала в один голос с ним бранить мерзавцев шоферов.

— А куда вы-то сами идете? — спросила Марьям, когда они прошли километров пять и присели на краю дороги немного передохнуть.

— Я должен помочь организовать хлебопекарню.

— Хлебопекарню? — удивилась Марьям.

Она ожидала какого угодно, но только не такого ответа.

— А вы думали, что мы хлеб из Москвы возим? — резко сказал он, уловив разочарование в ее глазах.

— Нет, не из Москвы. Но я думала, что хлеб пекут где-то в глубоком тылу.

— Для войск, которые на переднем крае, это и есть глубокий тыл. Вы, Марьям, можно сказать, на войне еще не были... Кстати, как фамилия человека, к которому вы едете?

— Яковенко.

— Какой это Яковенко?

— Разведчик. Говорят, он в дивизии Чураева служит.

А вы его знаете?

Батальонный комиссар промычал в ответ что-то неопределенное и сухо отвернулся. Марьям огорчилась. «За что он на меня обиделся? — подумала она. — Неужели за этот разговор про хлебопекарню?»

Она не могла знать, что вот уже десять дней во всех беседах с солдатами, которые за это время были у батальонного комиссара, он неизменно приводил как самый типичный пример трусости и паникерства случай с разведчиком Яковенко, принявшим три танка за двадцать. Говоря о Яковенко, он никогда не представлял его себе живым человеком. Он знал только одно: это никудышный солдат, которому место в штрафном батальоне — и нигде больше. И вот эта девушка, красивая, стройная, терпеливая, проехала много тысяч километров, чтобы встретиться с пижоном, маменькиным сынком, который,

наверное, рад-радехонек, что его поцарапало и теперь он сможет на законном основании убраться в тыл. А что, если и она того же поля ягодка? Он даже покосился на Марьям, чтобы еще раз ее рассмотреть. Нет, не похоже. Просто она еще очень молода и не умеет, наверное, разбираться в людях.

Дорога стала спускаться в ложбину. И вдруг за поворотом они увидели грузовик, вокруг которого суеилось несколько человек. У полуторки вместо заднего правого колеса стоял домкрат, а на обочине два человека колдовали над резиновой камерой, которая широким серым кольцом лежала на земле. Третий человек, невысокий, плотный, с красным круглым обветренным лицом, в старой, потертой шинели — по всем признакам интендант — ходил вокруг машины, с беспокойством поглядывая по сторонам.

— Здравствуйте, товарищи, — подойдя поближе, сказал батальонный комиссар. — Что с машиной?

Интендант досадливо махнул рукой:

— Наскочили на какой-то осколок. Целый час тут возимся. Сущее безобразие!

— Куда едете?

— Да недалеко, в Отрожки.

— Вот удача! Нам как раз по пути. Я инструктор Политуправления фронта. А эта девушка едет в штаб Коробова... Подбросите?..

— Пожалуйста, — сказал интендант. — Залезайте в кузов. Там мягко и тепло. Мешки с шапками и тюки с полушубками.

— Издалека везете?

— Да почти из-под самого Балашова. Уже двое суток не ели, не спали. А приедем — будут ругать, почему долго ездим.

— Кто же это вас будет ругать? — улыбнулся комиссар.

— Ругать всегда найдется кому, — вздохнул интендант.

— Так идите в строй!

Круглое красное лицо интенданта стало сердитым.

— Это вы мне не первый советуете, — сказал он. — Но я, извините, на все такие советы плюю. Что хотите думайте, а я горжусь тем, что я интендант. Вот, к примеру, если я не привезу вовремя эти самые шапки и

полушубки, то целый батальон окажется небоеспособным. Понятно вам это?

— Кто же спорит, — сказал батальонный комиссар, которому стало неловко от этой отповеди. — Вы, интенданты, — великая сила!

— Вот именно, — с достоинством произнес интендант. — Приведи сюда хоть миллион солдат, но если не будет, чем воевать да во что их одеть, то армия и с места не сдвинется. — Он повернулся к Марьям и весело сказал: — Теперь понимаете, девушка, что такое интендант?

— Великая сила, — сказала Марьям.

Ей понравился этот словоохотливый невысокий человек, который, очевидно, очень любил свое дело. Когда он, отвернув борт полушубка, полез за папиросами в карман гимнастерки, она заметила на груди у него три боевых ордена. Приметил это и батальонный комиссар.

— Э, да вы, я вижу, заслуженный интендант, — сказал он.

— Ну, это как посмотреть, — я в армии только двадцать лет, — посмеиваясь ответил интендант. — Есть люди и более заслуженные. Но политработник вы, я вижу, молодой...

— Это верно, — согласился батальонный комиссар. — Я в армии только пять лет.

Камеру наконец починили, и шофер при помощи солдата стал привинчивать колесо на место.

— Скорее, скорее, товарищи, — подгонял их интендант. — Ехать надо!

Минут через десять машина тронулась. Интендант уступил Марьям место рядом с шофером, а сам довольно ловко, несмотря на свои почтенные годы, взобрался в кузов и сел на мешок с шапками. Батальонный комиссар лег на полушубки, а рядом с ним примостился солдат.

Машина быстро побежала по дороге.

Марьям было тепло, и она с благодарностью думала об этом добродушном интенданте, который, наверное, очень устал и которому совсем неудобно сидеть на шапках.

Проехали километров десять. Вдоль дороги замелькали домики, плетни — деревня какая то. И вдруг кто-то сильно постучал сзади в стенку кабины. Шофер затор-

мозил. Марьям выглянула в окошко и увидела рядом с машиной своего спутника — батальонного комиссара.

— Ну, Марьям, до свидания, — сказал он дружески. — Я уже на месте... А вам дальше ехать. Товарищ Медников поможет вам добраться до штаба армии. Как приедете, сразу спросите, где санитарный отдел. А уж там все вам расскажут и доставят до госпиталя. Доброго пути. Авось еще увидимся...

Он помахал рукой и пошел, слегка покачивая плечами, к ближайшей хате. Марьям посмотрела ему вслед, и ей вдруг стало жалко, что он уходит. Она вспомнила, как он сердился на нее, как прикрыл собою от пуль, как по-ребячески огорчался, когда машины не хотели останавливаться. Да неужели же они и вправду никогда больше не увидятся?

Она высунулась в окошко кабины и крикнула:

— Товарищ батальонный комиссар! А как ваша фамилия?

— Силантьев, — ответил он, на мгновение обернувшись.

Машина побежала вперед, и Марьям тут же потеряла его из виду.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

К себе в штаб Коробов вернулся поздно ночью. Двое суток он провел в войсках. На участок армии прибывали все новые и новые дивизии и полки. Трудностям, казалось, не будет конца, а главное, заедали мелочи: то вдруг выяснилось, что где-то застряли цистерны с горючим и через несколько часов неминуемо остановится весь автотранспорт, то приходилось терпеливо объяснять какому-нибудь недостаточно опытному командиру, как маскировать подразделения в условиях и впрямь более чем трудных. И все это огромное количество крупных и малых дел надо было подчинить одной цели — в самый кратчайший срок создать и как можно крепче подготовить ударную группировку.

Разговаривая с командирами, Коробов приглядывался к ним, стремясь понять, что это за люди, обладают ли они должной энергией и инициативой. Заезжал он и к Чураеву.

Нет, он не во всем согласен с Ватутиным в оценке этого человека. Конечно, у Чураева есть недостатки. Но в деле комдив находчив, мужествен и не прячется от ответственности. Недели три тому назад разведка донесла Чураеву, что противник вскоре будет заменять свои части перед фронтом его, чураевской, дивизии. Действительно, через два дня, к вечеру, на значительном участке армии гитлеровцы начали усиленную артиллерийскую стрельбу. Чураев позвонил Коробову и сказал, что, по его мнению, противник пытается отвлечь наше внимание и незаметно произвести замену войск. Не случайно же в глубине расположения противника мелькают огни...

— Предположим, не случайно, — сказал Коробов. — Что из этого следует?

Чураев полагал, что это движутся колонны вражеских автомашин, а так как перекрестки тех двух дорог, по которым немецкое командование могло подводить и отводить войска, были уже давно пристреляны, то он просит разрешения открыть огонь. Конечно, в этом был довольно большой риск. Коробов, признаваясь, колебался немного, однако все же разрешил, даже больше того — приказал дивизиону армейской артиллерии поддерживать дивизию Чураева своим огнем. Артиллерийский налет продолжался довольно долго. Коробов, дождавшись рассвета, выслал самолет сфотографировать результаты ночного артиллерийского налета. На фотографии были отчетливо видны разбитые машины и большое количество уничтоженных вражеских солдат. Коробов объявил Чураеву благодарность.

Но этого мало. Удача чураевской операции навела Коробова на интересную мысль. Через несколько дней он распорядился послать две роты саперов на склоны одного из высоких холмов, вблизи от переднего края, с приказом начать рыть окопы, правда, не очень глубокие.

Саперы старались вовсю. С наступлением темноты их отвели, а на другой день они вновь трудились с утра и до вечера. Противник молчал, напряженно наблюдая за тем, что происходило почти у него на виду. К вечеру саперов вновь убрали. А когда наступила ночь, на склоне холма замелькали огни. Их было много, красные, синие, белые, они появлялись то в одном месте, то в другом, то в третьем... И все это непрерывное мелькание и перемигивание издали, должно быть, создавало впечатление

большого движения. Очевидно, окопы занимались вновь прибывшими частями...

В эту ночь противник не пожалел снарядов. Он буквально вскопал этот песчаный холм. Если бы действительно здесь были расположены войска, им не поздоровилось бы. Коробов слушал, как бушует вражеская артиллерия, и посмеивался. Так, так, сильнее! Не жалейте снарядов! В землю их, в землю! И уже совсем в хорошее расположение духа он пришел, когда узнал, что не пострадал ни один из пятнадцати смельчаков, которые с электрическими фонариками в руках бегали по холму, играя с противником в жмурки. Никто даже не ранен. Он вызвал их к себе и наградил орденами.

Стало быть, выходит, что с Чураевым дело обстоит совсем не так просто... Конечно, надо будет последить за ним повнимательней, построже. Не доверяет он подчиненным, все сам да сам. А это опасно. Ведь не случайно же Ватутин приказал, чтобы во всех частях были организованы группы из находчивых, отважных, умелых людей, которых можно будет забросить в дальние тылы противника. Им предстоит уничтожать штабы, подрывать мосты, наводить на дорогах панику, а для этого нужна самостоятельность, инициатива...

В ожидании наступления Коробов не знал ни минуты покоя. Он работал не смыкая глаз и не покладая рук и требовал такой же работы от своего штаба. И вот тут-то оказалось, что не все люди, которые окружали его в последнее время и которых он до сих пор считал дельными и надежными, внушают ему одинаковую уверенность. Иной раз сомнения возникали, казалось бы, из пустяка.

Так, например, он заметил, что оперативные сводки перепечатываются машинистками по несколько раз, специально для того, чтобы командарм, член Военного совета и начальник штаба получали их не в копии, а в первом машинописном экземпляре. Коробов удивился:

— Это чье же распоряжение? — спросил он у начальника своего штаба генерал-майора Белышева, очень решительного на вид человека с круглой бритой головой и резкими чертами лица. В глубине души Коробов надеялся, что это причуды чересчур старательного начальника канцелярии.

— Мое, товарищ командующий, — не без самодовольства ответил Белышев.

— А зачем это вам нужно?

Белышев стал длинно и не совсем вразумительно распространяться о стиле работы и авторитете командования.

Коробов сердито прервал его:

— Делать вам, что ли, нечего, товарищ Белышев. К чему эта лишняя возня? Авторитет укрепляют другими способами. Давайте мне из-под копирки третий экземпляр, лишь бы он был четко напечатан, не тратьте время зря.

Белышев молча склонил бритую голову. Очевидно, он гордился заведенным порядком и считал, что командарм недооценивает его административных дарований. Коробов продолжал получать сводки в первом экземпляре и больше не поднимал этого разговора, но Белышев перестал казаться ему умным и заслуживающим полного доверия человеком.

Зато с Дружининым, членом армейского Военного совета, ему становилось все лучше и легче работать.

Правда, трудно было найти человека, который бы так не походил на Коробова, как Дружинин. Вспыльчивый, резкий, чрезвычайно откровенный в мыслях, чувствах, симпатиях и антипатиях, он частенько сталкивался с Коробовым, спорил с ним азартно, пылко и запальчиво. Командарм посмеивался:

— Ну еще бы, Андрей Лукич, ты, конечно, прав. Ты же у нас святой. Я могу ошибаться, а ты — нет, ни в какую! Вот что я тебе скажу: ты, должно быть, романов начитался. Там, как только политработник, так обязательно непогрешим и учит уму-разуму командира. Вот и ты меня хочешь учить. Только ученик тебе попался упрямый. Такая, подумаешь, незадача!..

Дружинин знал, что он нетерпелив и способен взрываться даже при самом незначительном накале. Знал, старался сдерживаться и все-таки почти никогда не мог удержаться вовремя. Штабные остряки говорили про него, что это не человек, а «феерия со взрывами», но тем не менее уважали за честность, прямоту и воинствующую ненависть ко всякому — откровенному и скрытому — подхалимству. Однажды с ним произошел такой случай.

Во время бомбежки был тяжело ранен секретарь Военного совета, майор Ершов, исполнительный, скромный

и добросовестный человек. На его место нужно было назначить другого. Дружинин приказал начальнику отдела кадров срочно подобрать подходящую кандидатуру.

На следующее утро начальник отдела кадров доложил, что подходящий человек найден в резерве. Через полчаса перед Дружининым уже стоял молодой капитан, удивительно вежливый, державшийся с каким-то особенным строевым лоском. Шинель на капитане была тщательно подогнана, сапоги начищены до блеска, ни к чему не придерешься — все на месте и все достойно всяческого поощрения. Однако было что-то очень неприятное в напряженно угодливом выражении лица, в глазах, которые смотрели не мигая, как бы угадывая желание начальства, в рыжеватых, тщательно подстриженных усиках.

— Так, — сказал Дружинин, исподлобья поглядывая на капитана. — Значит, это о вас докладывал мне полковник?

Капитан вежливо улыбнулся:

— Обо мне, товарищ бригадный комиссар.

— Какая же у вас специальность?

— Я — адъютант, — ответил капитан с достоинством. Дружинин усмехнулся.

— Адъютант? Что-то я такой специальности в армии не знаю.

Капитан как-то неловко пожал плечами и отвел в сторону глаза. Он привык к тому, что у начальства шутки бывают грубоватыми, но нужно иметь выдержку.

— А у вас есть военное образование? — спросил Дружинин.

— Пехотное училище, товарищ бригадный комиссар.

— И давно вы работаете адъютантом?

— С начала войны.

— Где и у кого?

— На Брянском фронте, — сказал капитан. — При командующем армией. То есть сначала я был адъютантом у начальника тыла, а уж потом меня взял к себе командарм. — Капитан старался отвечать как можно точнее. Он понимал, что этот допрос совершенно законен. Каждый начальник хочет иметь адъютантом удобного, подходящего человека и поэтому должен знать его прошлое.

— А почему откомандированы? — спросил Дружинин. Ответ капитана был обдуманно туманен:

— В связи с изменившимися обстоятельствами...

— Так, так... — Дружинин с интересом рассматривал этого профессионального адъютанта. — Ну а теперь что вы собираетесь делать?

— К кому назначат! — вежливо ответил капитан и, заметив, что Дружинин вынул папиросу, машинальным и привычным движением достал из кармана коробок спичек.

Но зажечь спичку он не успел. Дружинин в ярости обрушил на стол всю тяжесть своего пудового кулака. (Когда-то, еще до окончания военно-политической академии, он был хорошим — классным — спортсменом и до сих пор поднимал двухпудовую гирю, словно она была сделана из картона.) Капитан вздрогнул всем телом, выронил коробок, и в один миг растеряв всю свою завидную выправку, поблелел и попятился к двери.

— От войны прячешься, бездельник! — громовым голосом крикнул Дружинин. — В холуях любишь ходить! Так вот: пойдешь на передовую. Вон, чтобы духу твоего тут не было!..

Через час капитан был уже на пути в полк.

Последствия этой вспышки были для Дружинина совершенно неожиданными. Его собственный адъютант, батальонный комиссар Колесников, человек самолюбивый и обидчивый, услышав этот диалог, тут же подал рапорт с просьбой немедленно направить его на передний край. Дружинин долго уговаривал Колесникова остаться, убеждая, что все высказанное им капитану ни к кому, кроме капитана, больше не относится. Но Колесников стоял на своем, и через два дня Дружинин вынужден был его отпустить.

Секретарем Военного совета стал майор Куликов, добродушный и спокойный человек, попавший в резерв из госпиталя. Куликов упорно хотел возвратиться в свою часть. Но Дружинин настоял, чтоб он остался в штабе армии. А вот адъютанта себе по душе он нашел не скоро.

— Забавно! — сказал Коробов. Узнав об этой истории, он стал гораздо лучше относиться к Дружинину. Относиться лучше значило для Коробова, во-первых, возлагать на человека по-настоящему ответственные дела; во-вторых, говорить с ним попросту, без холодной уклон-

чивой вежливости; в-третьих, открыть для него запас своего собственного большого опыта и умения обращаться с людьми.

Для Дружинина коробовское отношение к делу было интересно и поучительно. Он был еще молод, ему недавно исполнилось тридцать пять лет, а решать ему приходилось вопросы сложные, тонкие, не предусмотренные никакими инструкциями. Вот, например, случилось ему присутствовать на партийном собрании в одном из полков. Принимали в партию. Очередь дошла до одного солдата — храброго разведчика, который привел в плен пять гитлеровцев и уже успел получить два ордена. И вот с места встает молодой парень, красивый, статный. Ему говорят: «Расскажи свою биографию!» Боец топчется и молчит. Потом говорит: «Я, товарищи, ошибку сделал, что в партию заявление подал. Прошу меня не разбирать». Ему кричат: «Петров, брось глупости болтать! Расскажи о себе!» — «А что мне говорить, у меня судимость — пять лет». — «За что?» — «За хулиганство. Я человеку голову разбил... И вообще я не Петров, а Козлов. Я из лагеря сбежал». Собрание притихло. Все смотрят на члена Военного совета — что он скажет. Дружинин нашелся: «Надо, товарищи, прежде всего снять с него судимость, а уж потом решать». Так и постановили. А на другое утро из дивизии сообщили: Петров опять отличился в разведке, подорвал вражеский броневик, сам ранен. Спрашивают, награждать ли его орденом? Конечно наградить. Человек заслужил его кровью. А вот принимать ли в партию? Дружинин колебался — случай исключительный. Он решил рассказать о нем командарму.

Коробов молча выслушал его.

— А сколько ему лет, этому Петрову-Козлову?

— Двадцать три.

— Так. Стало быть, если не убьют, проживет еще верных пятьдесят — шестьдесят лет. Неужели же ему всю жизнь носить этакое тавро? Хулиган, преступник... Ведь он великолепнейшим образом мог обо всем умолчать. Однако не умолчал. Дело свое делает блестяще. Все время на переднем крае... А что из лагеря сбежал?.. Ну так ведь не в Ташкент, а на фронт. Да и что там такое натворил, чуть ли не в детстве? Подрался, говорят... Жил, верно, где-нибудь в общежитии. Никому до него дела не было. Ну вот он и сбился с панталыку... Вам, ко-

нечно, и книги в руки, но если бы меня спросили, как старого партийца, я бы сказал — принять... только, конечно, под настоящей фамилией... А судимость надо снять немедленно!

Дружинин мрачно кивнул головой.

— Вот это вы правильно советуете. А я, вместо того чтобы твердо сказать да или нет, попросту нашел удобную форму, чтобы прекратить обсуждение и отложить дело. Хорошего мало...

— И плохого немного. Лучше отложить дело и подумать, чем напороть какой-нибудь ерунды.

2

Уже третий день продолжались учения в ближнем тылу дивизии Чураева. На холмах и на склонах оврагов были построены укрепления, которые представляли как бы оборонительную полосу противника. Место выбрали удобное для обороны и трудное для наступления. Снова и снова подрывали саперы воображаемое минное поле, и в открытые ими проходы устремлялись танки. Танки с ревом мчались вперед, прикрывая пехоту, взламывая оборону противника. Стараясь не отстать от машин, вслед за ними, стреляя на бегу, бежали пехотинцы. Достигнув намеченных рубежей, кидались в атаку и, сломив сопротивление противника, устремлялись вперед, туда, где их ждали новые препятствия.

Вооружившись ножницами и соломёнными матами, они ползком пробирались по минному полю вслед за саперами. Учились, как надо находить заминированные места и обезвреживать мины, как перебираться через густые — в три ряда — проволочные заграждения, то перекидывая через них маты, то перекусывая ножницами толстую железную проволоку, колючки которой рвут одежду и глубоко впиваются в тело.

Эти учения были несравнимо труднее любых самых сложных маневров мирного времени.

Солдаты и офицеры устали, но Коробов требовал от своих командиров, чтобы они ставили перед частями все более сложные задачи. Временами командиры полков, батальонов и рот должны были действовать так, словно всякая связь со штабом потеряна.

По долгому своему боевому опыту Коробов знал, как мучительно труден прорыв укрепленной полосы, как

много коварных неожиданностей таит каждая складка местности. Пехота прорвется через один рубеж, и кажется, что за ним уже полный простор, иди, куда хочешь, но вдруг опять начинается канонада, опять минные поля, опять ряды проволочных заграждений, опять дзоты. Люди устали, изнурены, сосед справа ранен, сосед слева убит, а надо идти, бежать, ползти, боем отвоевываая каждый шаг, непрерывно стремясь вперед. Да, для такого испытания нужна тренировка, нужен опыт, нужно исключительное напряжение всех сил, а главное, нужна вера в то, что жертвы не будут бесполезны, тогда ты победишь.

Но как ни трудны, ни утомительны были учения, никто не роптал. Каждый солдат и офицер понимал и чувствовал, что сейчас на этих холмах и в этих оврагах решается не только успех общего дела, но и вопрос жизни и смерти любого из них. Поэтому все трудились изо всех сил.

В этой большой напряженной работе главная цель была развить самостоятельность, инициативу и сметку у каждого солдата, офицера и генерала. Привычка то и дело оглядываться назад, на начальство, вдруг сделалась опасной привычкой. Начальство могло и не погладить за нее по головке.

В начале октября был упразднен институт комиссаров. Командирам, в том числе и майору Дзюбе, было приятно такое доверие. Но если раньше Дзюба делил с Жигаловым ответственность, то теперь все надо было решать самому, на свой страх. Правда, в Чураеве он чувствовал крепкого начальника, который держит в руках все нити и думает за него, Дзюбу. Иногда это даже было удобно, иногда — досадно. Но в конце концов ко всему привыкаешь. И теперь, во время учения, он часто обращался к Чураеву за указаниями, даже тогда, когда это совсем не так уж было необходимо.

Чураев для вида журил Дзюбу за недостаток самостоятельности, однако же подсказывал нужное решение не только с удовольствием, но почти что с торжеством.

Из всех людей дивизии он один оставался на этих учениях холодным и предубежденным.

Настоятельные напоминания Коробова о том, что надо предоставить командирам побольше инициативы и свободы, он принимал как личное оскорбление, и каждый

запрос подчиненного казался ему доказательством собственной правоты и неправоты начальства.

И скрывая это от самого себя, он тревожно и жадно ждал очередной ошибки подчиненного или смущенного, полного смятения и неуверенности вопроса по телефону: «Как быть?»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Когда Марьям наконец добралась до госпиталя, где должен был находиться Федя, ее ждало горькое разочарование. Оказалось, что как раз в те часы, когда она брела по дороге вместе с батальонным комиссаром Силантьевым, Федя был выписан и направлен обратно в свою часть.

Марьям чуть не заплакала. Где она будет искать эту самую часть! Кто наконец пустит ее на передовую. До сих пор ей положительно везло. В штабе армии к ней отнеслись чудесно. Начальник политотдела Шибаев сам позвонил в санитарный отдел, все выяснил, дал ей машину, приказал даже выдать полушубок и шапку, и она стала совсем похожа на солдата. Но что же делать теперь? Возвращаться назад? В штаб фронта? Так ничего и не узнав?..

Совершенно непонятно...

Шофер утешал ее как мог. «Ничего, девушка! Отвезу в штаб армии к Шибаеву, попроси его как следует. Дело житейское! Неужто не разрешат тебе с дружкой поведаться!»

Поехали. Ночь застала их в небольшой заброшенной деревушке. Шофер сказал, что в такой тьме по дороге ехать опасно, да и нет в этом особой нужды. Они здесь остановятся отдохнуть, а с рассветом двинутся дальше.

— Часа за полтора будем дома, на рысях вас доставлю к Шибаеву, девушка, — заверил ее шофер и повернул машину к ближайшей хате. В это время по той же дороге, но с другой стороны в деревню вошла какая-то воинская часть, судя по виду людей, проделавшая длинный и изнурительный марш. Дойдя до середины деревни, колонна остановилась и вдруг рассыпалась. Очевидно, командир дал приказ разойтись по хатам.

Тот, кто побывал в многодневных боях, кто привык короткие и тревожные ночи проводить в полудремоте у тлеющего на снегу костра, знает, чего стоят крыша над головой и сухое тепло сияющей жаром пылающих углей печки. Но Марьям еще не вполне научилась ценить эти простые радости. Изба, в которую она вошла, показалась ей мрачной и словно дышащей горем.

В ней было пусто, грязно и холодно. На стенах клочьями висели обои. В углу стоял большой старинный комод. Сохранилась лавка в углу и несколько табуреток. Да на одной из стен высоко, под самым карнизом, висела поблекшая семейная фотография. Почти половину избы занимала большая русская печь, закоптелая и полная золы. Должно быть, давно уже не касались ее хозяйские руки.

Дом был брошен, люди из него ушли. И никто не мог бы сказать, куда они делись. Может, погибли от бомбежки или немцы угнали их в тыл. А то, может, перебрались жить в соседнюю деревню... Кто знает? Изба теперь служила местом отдыха для проходящих войск. И хозяевами на короткое время становились в ней те, кто ее занимал.

Теперь черед хозяйничать тут был для тех, кто сюда пришел.

Марьям и Воробьев уже стали было соображать, как устроиться здесь на короткий отдых, когда дверь с грохотом распахнулась и в избу ввалился добрый десяток бойцов.

— Смотри ты! — закричал один белобрысый и краснолицый, — должно быть, присяжный весельчак. — Да сюда уже, никак, квартиранты въехали! Кавалер и дамочка! Разрешите обратиться, гражданка. А не бросить ли вам вашего хахалю, уж больно он рябой да тощей. Я, к слову сказать, не в пример лучше буду...

Марьям ничего не успела ответить. Воробьев шагнул вперед и, нахмурив брови, сделав значительное и серьезное лицо, что-то громко зашептал старшему из солдат, пожилому, усатому, длинпорукому сержанту.

До Марьям донеслось всего несколько слов: «С делегацией рабочей... с самого Уралу... Жениха раненого ищет...»

Выражения лиц сразу изменились. На мгновение в избе стало тихо.

Потом краснолицый, которого, видимо, не так-то легко было выбить из седла, просто сказал:

— Я, конечно, извиняюсь. Не знал. Вот мы сейчас ватопим, и пушай гражданин греется. — Его тяжелые сапоги загрохотали по ступенькам крыльца. Через несколько минут в печке уже трещали дрова, озаряя красными отблесками заросшие щетиной лица.

Пожилой сержант, который, очевидно, всюду чувствовал себя как дома, заткнул какими-то тряпками щели в дверях и окнах. В пустой кладовке он нашел деревянные козлы, втащил в комнату и положил на них дверцу от поломанного шкафа. Глядя на него, все захотели устроиться поудобнее. Один из солдат залез на чердак и скоро вернулся оттуда с кустом пестрого рядна в руках. Накрыв им лежащую в углу охапку пыльной соломы, и получилась постель — лучше не надо!

На полке стоял графин, разрисованный большими красными цветами. Раньше его, наверное, ставили на стол только в торжественных случаях. Сержант воткнул в горлышко графина свечку. Огонек был маленький, он дрожал от каждого движения, но старательно освещал комнату. Прозрачные ручейки воска стекали по стеклу графина и, твердея, закрывали понемногу красные цветы.

Передовая была уже совсем близко — в расстоянии одного перехода.

В эту ночь дальнобойная артиллерия грохотала без умолку. Временами казалось, что на деревню налетел свирепый шквал. И когда рвался ответный снаряд, изба вздрагивала, как от подземного толчка, и пламя свечи начинало трепетать и чадить.

И все-таки солдаты быстро васнули, прижавшись друг к другу, положив рядом автоматы и подсунув под головы вещевые мешки. Только один дневальный сел перед печкой на лавку и стал подбрасывать в топку полешко за полешком.

Марьям не спалось. Она примостилась на другом конце той же лавочки, глядела на бушующий в печке огонь и думала о том, как ей быть дальше. Как исполнить то заветное, давно замысленное — найти Федю и остаться с ним? А мать? Что будет с ней? Как трудно все решать самой. А надо!.. Огонь в печи стал замирать. Запас дров кончался. Дневальный лениво поднялся с места и вышел

во двор. За окном стояла глухая, холодная ночь без единой звезды. В избе было почти совсем темно.

Марьям вдруг стало нестерпимо грустно и даже, пожалуй, страшно. Нет, все-таки лучше вернуться.

Вдруг в сенях раздались шаги. Вслед за этим кто-то с силой дернул дверь.

— Кто там? — тихо спросил дневальный.

— Хозяин, — ответили из-за двери. — Отворите.

— Какой там хозяин?

— Обыкновенно какой, здешний, — сказал тот же голос. — Открывайте. Смерз совсем.

— Проходи, у нас и так битком набито, — ответил дневальный и подмигнул Марьям. Он, видимо, решил, что кто-то пустился на хитрость, чтобы забраться в теплую избу.

Человек за дверями потоптался немного, и через секунду стук раздался с новой силой.

— Да говорят тебе, хозяин я...

Марьям испугалась, что он разбудит всех, и тихонько сказала: «Отворите».

Дневальный покачал головой и отодвинул засов.

На самом пороге, закрывая собой чуть не весь пролет двери, стоял большой, широкоплечий человек. От него несло холодом.

— Ишь ты! Не пускает! — зло сказал он. — Это моя изба. Я домой пришел...

Он решительно переступил через порог, закрыл за собой дверь, огляделся и спросил осторожно:

— А вы кто такие будете? На постоянно здесь или как?

В темноте Марьям не видела его, но по тому, как человек быстро и привычно стукнул засовом, как нащупал возле двери гвоздь и повесил на него одежду, поняла, что он долго прожил в этом доме. И ей захотелось как-то успокоить его.

— Что вы! Мы здесь только переночуем, — ответила она, — а утром — дальше!.. Кто куда...

Он помолчал немного, потом снова спросил:

— Из моих здесь никого не видели?

— Нет, изба была пустая...

— А там кто — на лежанке?

— Да тоже наши бойцы, — сказал дневальный. — Кому же еще?

Человек, назвавший себя хозяином, кивнул головой и присел около печи, потирая озябшие руки. Несколько минут он молча глядел на огонь, потом поднялся, пошарил за печью и вытащил оттуда кочергу. Он пошуровал в топке, подбросил дров и снова уселся рядом с Марьям. Она искоса поглядывала на него. Кто он? Откуда пришел? Одет в солдатское. Но теперь столько людей ходят в солдатском. Наверное, демобилизованный, наверное, ранен был сильно, вот его и отпустили, как Коломийцева.

Должно быть, о том же думал и дневальный.

— Колхозник? — спросил он, свертывая козью ножку.

— Колхозник.

— А звать как?

— Дикий Петр Петрович...

— Раненый, что ли?

Тот слегка пожал плечами.

— И это бывало...

Ему не сиделось на месте. Свеча уже погасла, и только пламя печи слабо освещало комнату. Он прошелся взад и вперед, поднял опрокинутую табуретку, поставил ее возле окна, там, вероятно, было ее постоянное место, взял в руки графин и ногтем очистил застывший его воск, подошел к комоду и один за другим выдвинул ящики. При этом котелки, стоявшие на комод, загромытели.

— А это вы, товарищи, неладно сделали. Зачем комод портить. Он лаком крыт, поцарапается.

Марьям поспешно составила котелки на пол.

Дойдя до того угла, где спали бойцы, он остановился. Постоял, к чему-то приглядываясь, и потрогал край домотканого покрывала, которым было прикрыто сено.

— Так... Стало быть, Марийка воротилась, — тихо сказал он.

— Кто? — переспросила Марьям.

— Это рядом я дочке дал, когда замуж выходила. Она верст за сорок отсюда жила...

Он махнул рукой и опять подсел к печке.

Втроем, по очереди, они подбрасывали в печь дрова, когда пламя в ней опадало и топка наполнялась золотым жаром. Хозяин негромко говорил о своей семье, о деревне, от которой теперь после бомбежек осталось только несколько одиноких домов, о соседях. Расспрашивал дневального, из каких он мест и давно ли на фронте. Марьям

он не задавал никаких вопросов; должно быть, из деликатности.

На рассвете в дверь постучали. В избу вошел молодой боец.

— Дикий, ты чего здесь застрял? — громко сказал он с порога. — Рота скоро уходит. Давай быстрее!

«Вот оно, значит, как», — подумала Марьям.

Солдат молча поднялся, накинуд на себя пинель и в последний раз прошелся по своему дому, хозяйской рукой прикасаясь к вещам. Эти вещи были полны для него особого смысла и значения. Он старался найти в них ответ на все возникавшие в его сердце вопросы, пытаясь угадать по ним, как жили здесь без него его близкие, куда угнал их жестокий ветер войны.

Он не вздыхал и не жаловался, хотя потерял все. У него не было больше семьи, и сам он в своем доме был прохожим.

Бойцы по-прежнему крепко спали. Хозяин постоял немного у двери. Потом словно какая-то неожиданная мысль пришла ему в голову. Он поставил винтовку в угол, взял лопату и вышел из избы. Через минуту он вернулся, неся большой котел картошки. Поставил его в печь, оглянувшись, снял со стены выцветшую фотографию, обтер с нее пыль и бережно положил в карман. Потом надел ушанку и накинуд на плечи вещевой мешок.

— Если кто из моих придет, а вы еще тут будете, — строго сказал он, поглядев на Марьям, а потом на дневального, — передайте, что я тут был, живой, здоровый... А за картошкой присмотрите, чтобы не сгорела. Ребятам скажете — от хозяина...

Он вышел из избы, и вскоре Марьям увидела в окно, как мимо прошел отряд. В строю среди других бойцов она узнала хозяина. И вдруг решение, которое так долго и так мучительно в ней созревало, сложилось окончательно. Она глубоко и облегченно вздохнула и провела руками по волосам.

Через полчаса бойцы поднялись. Она вместе с ними поела хозяйского угощения — рассыпчатой крупной картошки, простилась, и затем шофер, как обещал, «на рысях» повез ее в штаб армии.

Он поглядывал на нее и удивлялся. Ночь не спала, а лицо свежее, глаза блестят и на губах улыбка, которой вчера он ни разу не видел.

Когда Марьям вернулась в штаб армии, Шибаев уже знал, что она ищет разведчика Яковенко, того самого Яковенко, о котором нелестно писалось в политдонесениях.

Конечно, этот Яковенко не так уж плох, как о нем говорили, но все же он был виноват. А на строгость взыскания в армии жаловаться не положено. Это каждый новичок знает. Тем более что и прорабатывали-то его в товарищеской среде. Шибаев тут же, при Марьям, позвонил Кудрявцеву, и вдруг дело приняло совершенно неожиданный оборот.

— Но это же замечательно! — закричал Шибаев в трубку, и на его длинном лице появилось удивленно-восторженное выражение. — Ну, не ожидал... Признаюсь, не ожидал, что Яковенко может такое отколоть!.. — Марьям насторожилась: «Что такое отколол Федор?»

— И когда же это произошло? — продолжал допрашивать Шибаев. — Всего час назад? Так... Коробову уже доложили? Как, говорите, зовут пленного? Майор Штеммерлинг? Что показал? Молчит? Ну еще заговорит... А Яковенко вы теперь обязательно примите в партию! С нашей стороны возражений больше нет... Когда вы направите к нам Штеммерлинга? Сегодня!.. Пошлите конвоиром Яковенко. Да, да, обязательно. Тут его сюрприз ожидает... Прощай, товарищ Кудрявцев!

Марьям сидела взволнованная, не зная, что ей делать, как благодарить Шибаева.

— Спасибо, — горячо сказала она. — Это замечательно получилось!

— Ну что вы, — махнул рукой Шибаев, — это просто стечение обстоятельств. Тут неприятность, понимаете ли, одна с Яковенко вышла.

И Шибаев бегло рассказал о случае с танками. Только теперь Марьям поняла, почему помрачнел Силантьев, когда она упомянула фамилию Феде. Так он, оказывается, все знал. И не сказал ни слова Удивительный человек! И как хорошо, что с Федей все уладилось. Но как он, наверное, намучился с его-то самолюбием! И как правильно, что она приехала сюда, именно сейчас. Увидеть бы его поскорей! Когда он будет здесь? Через два часа? Как это долго!

Зеленоватые глаза Шибаева смотрели на нее со сдержанным нетерпением.

Марьям поняла его взгляд и встала.

— А скажите, товарищ Шибаев, — вдруг спросила она, уже взявшись за ручку двери, — очень трудно остаться здесь?

— То есть... как это здесь? — удивленно спросил он.

— Ну... Поступить в армию.

— Кому?

— Мне, например.

— Шутите?..

— Нет, совершенно серьезно.

— А кем же вы можете быть?

— Я окончила санитарные курсы.

Шибаев смущенно развел руками:

— Почему это вдруг пришло вам в голову?

— Мне не сейчас это пришло в голову. Я думаю об этом очень давно.

— А сейчас решили?

— Решила.

— Твердо?

— Совершенно твердо.

Шибаев поднялся и почесал узкий подбритый затылок.

— Уж не знаю, что вам и посоветовать. Вы здесь, так сказать, на положении гостя. Член рабочей делегации. У вас свое начальство. Да и к штабу фронта вы ближе. Решайте там. А место мы вам всегда подыщем.

Едва Марьям вышла на улицу, как увидела Силантьева, который вылезал из знакомого вездехода, за рулем которого по-прежнему сидел Воробьев.

— Ну вот. Все в порядке, товарищ начальник. Машину, как видите, поправили, — улыбаясь, сказал ей Силантьев. — А я за вами. Делегация волнуется, начальник политуправления приказал мне срочно доставить вас живой или мертвой... Ну как, виделись со своим Яковенко? — Он продолжал представлять себе его аморальным субъектом, о котором можно говорить только иронически.

Марьям рассказала о своих неудачах и тут же добавила, что сейчас все уже обстоит замечательно. Яковенко сам, один (она пристально поглядела прямо в глаза Силантьеву) взял в плен немецкого офицера и с минуты на минуту должен доставить его сюда, в штаб армии.

— Так уж и один, — с сомнением сказал Силантьев, — наверняка в разведку целая группа ходила...

— Но пленного захватил он сам, — убежденно сказала Марьям.

Силантьев вежливо помолчал, потом сказал, что у него в политотделе есть дела, но ровно через час он будет ждать ее на этом месте. И пошел к дому.

На смену ему, спрыгнув с верхней ступеньки крыльца на землю, из дома выбежал какой-то веселый парень, кажется, политрук, удивительно моложавый, с маленькими черпыми усиками, которые, очевидно, по его замыслу должны были придавать ему более солидный вид.

— Пойдемте, — сказал он Марьям, — я провожу вас к разведотделу. Машина подойдет туда.

Через несколько минут они остановились около небольшой хаты, недалеко от поворота дороги, где стоял регулировщик.

— Будем ждать здесь, — сказал политрук, с интересом разглядывая Марьям.

Ему недавно исполнилось двадцать три года, и по складу своему он был романтик. Он мечтал о том, чтобы и к нему на фронт приехала девушка, которую он любит. Но такая девушка жила пока только в его воображении. В жизни он ее еще не встретил. И он немного завидовал неведомому разведчику Яковенко, которого, наверное, сильно любит вот эта статная и красивая девушка.

Штаб армии занимал много домов, поменьше, чем штаб фронта, по все-таки много. Вдали на дороге то и дело появлялись машины. Большинство из них останавливалось на другом конце деревни, и прибывшие шли оттуда пешком.

Марьям почему-то казалось, что пленного обязательно должны доставить на вездеходе, она сразу узнает Федю, который будет сидеть рядом с человеком в немецкой форме. Но уже три вездехода проскочило мимо. В одном она заметила какого-то генерала, осанистого, седого.

— Это наш командующий армией, генерал Коробов, — доверительно сказал политрук, заметив вопросительный взгляд Марьям, — строгий ужасно. Такого перцу даст, другой раз не захочешь...

Марьям кивнула головой. Если говорить по правде, она даже не слыхала, что говорит политрук.

— А вот и приехали! — вдруг воскликнул тот. — Смотрите же! Видите?

— Где, где? — спрашивала Марьям, быстро оглядываясь по сторонам. Ни одного вездехода на улице не было.

— Да вот же, в грузовике!

Марьям увидела полуторку, на которую прежде не обратила никакого внимания, и тихо охнула. Над бортом виднелась голова в немецкой эсэсовской фуражке. Немец, должно быть, сидел на дне кузова. По сторонам от него, опираясь на заднюю стенку кабины, стояли конвоиры, два автоматчика.

Один из конвоиров был уже пожилой усатый солдат, другой — высокий, поджарый, молодой, в туго подпоясанном стеганом ватнике, с автоматом, который он небрежно держал в левой руке, очевидно чувствуя себя героем. «Значит, вот он какой Яковенко!» — ревниво подумал политрук. До сих пор он никогда особенно не задумывался над тем, как живет и что делает, собирал информацию, составляя политдонесения, которые потом подписывал Шибаев, и ему казалось, что он находится в самой гуще событий. Только сегодня утром на основании материалов, полученных от Кудрявцева, он включил в очередное политдонесение один абзац о подвиге группы разведчиков, упомянул и о Яковенко. Но сейчас ему вдруг подумалось, что подлинная жизнь проходит мимо него и что так больше нельзя. Может быть, уйти из политотдела, попроситься на передовую?..

Машина, переваливаясь на рытвинах, пофыркивая мотором, медленно проползла мимо. Яковенко даже не взглянул в их сторону.

И вдруг Марьям, выйдя из охватившего ее оцепенения, бросилась вперед и, почти догнав машину, крикнула громко, звонко — на всю улицу.

— Феденька!.. Федя!..

Яковенко вздрогнул, порывисто обернулся, по его худому скуластому лицу волной пробежали испуг, смещение, радость. Он кинулся к заднему борту, да так и замер, вцепившись в него руками. А машина катила все вперед, вперед и наконец, фырча, повернула за угол.

— Что же это?! — закричала Марьям и в отчаянии повернулась к своему спутнику. — Куда же он? Где его теперь искать?!

— Ничего, ничего, — сказал политрук. — Пойдемте, девушка.

И грустно понурившись, веселый политрук зашагал впереди нее.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Танки! Куда ни кинешь взгляд, всюду танки. Они стоят в балках, покрытые маскировочными сетками, они притаились в небольших роцицах, их полным-полно в деревнях. Они спрятаны за избами, сараями, амбарами, там, где их не видно, но откуда легко выйти в поле. Их мощная, надежная броня выкрашена темно-зеленой краской, уже обветрившейся от долгих походов. КВ и Т-34. Между машинами расхаживают танкисты в комбинезонах и черных племах, готовые хоть сейчас же двинуться в бой.

— Здравствуйте, товарищ Кравченко. — Ватутин пожимает широкую ладонь командира танкового корпуса: — Ну, докладывайте, как ваши дела.

— Товарищ командующий! Танковый корпус готов к бою!

Они стояли около низенькой белой хатки на длинной деревенской улице, покинутой жителями. Поодаль у плетня расположились на обед солдаты; прочно установив меж коленями походные котелки, они неторопливо хлебали суп, пахло капустой, салом. Из хаты, где разместился штаб батальона, с какими-то листками, должно быть, сводками Совинформбюро, выскочил и пробежал к себе в подразделение молодой политрук, одетый во все новенькое; видно, недавно из училища.

Танкист, сидевший на броне перед разобранным пулеметом, обернулся к проходившему мимо танка старшине, который нес в руках ведро, и озорно крикнул:

— Старшина, а по сто граммов сегодня будешь давать?

— Тебе дам двести, — ответил старшина, не оборачиваясь.

— Смотри! Ловлю на слове!

Ватутин невольно взглянул на танкиста:

— Парень, видать, шутник!..

Кравченко засмеялся.

— Да не без того... Это знаете кто? Сын нашего Рыкачева...

— Сын? — удивился Ватутин. — Кто же он?

— Командир танка.

— И хорошо воюет?

— В бою еще не был, но парень как будто не плохой...

Ватутин шагнул вперед.

— Ну, где вы тут расположились?..

— А вот здесь, в хате, товарищ командующий, — сказал Кравченко. — Прошу. — И он широко открыл низенькую скрипучую дверь.

В хате никого, кроме ординарца, не было. Ватутин сел на лавку у окна и огляделся. На него сразу пахнуло чем-то далеким, отодвинутым в самую глубь памяти. Детством... Да, и у них в избе был такой же плотно убитый земляной пол, так же степенно тянулись вдоль стен лавки. У входной двери, в углу, так же стояли тяжелые трехведерные чугуны. Дома, помнится, их было три, а здесь всего один. Нет, и здесь было столько же. Вон на скамье отпечатались еще два круга. Должно быть, два чугуна хозяева увезли, а третий бросили.

Он встал, подошел к чугуну и заглянул в него. Ну да, понятное дело: чугунок с трещиной.

Ватутин прошелся по хате из угла в угол. Потрогал приземистую, выбеленную известкой теплую печь, каким-то особенным мягким, задумчивым взглядом поглядел на вырезные зубцы бумажной шторы, на пожелтевшие полосы кружевных каемок, приклеенных вдоль полок. Вот такими же бумажными кружевами мать любила украшать всякую полочку. Она была мастерица вырезать из бумаги мудреные узоры.

Он несколько минут, прищурив глаза, глядел в одну точку, словно всматриваясь в прошлое.

Потом тряхнул головой и быстро подошел к столу. Не к тому, исцарапанному ножом, тяжелому, старому столу, за которым столько раз собиралась крестьянская семья, изгнанная войной из родимых мест, а к легкому переносному, походному столику, на котором лежали оперативные документы...

— Дайте-ка чаю, да покрепче и погорячее, — сказал он, — и поговорим о делах.

За стаканом крепкого чая Ватутин немного отдохнул. Надвигался вечер — один из последних вечеров перед сражением. И странное дело, чем ближе была решающая минута, тем спокойнее становилось у него на душе. Так успокаивается борец, который, ощутив свою силу в полной мере, испытав и проверив ее, знает, что противнику несдобровать. Эта спокойная уверенность в победе, передававшаяся сверху к нему, от него — командирам полков, проникала все глубже и глубже в сознание каждого бойца, овладевая всем фронтом, и, усиленная в миллионны раз, возвращалась обратно.

— Итак, товарищ Кравченко, — сказал Ватутин, отодвигая стакан, — вам надо выйти в район Калача не позднее чем к исходу двадцать третьего ноября...

2

Марьям стояла в ряду делегатов и слушала, что говорит Ватутин и как отвечают ему директор и другие заводские.

Супрун, Коломийцев... Слушала и почти ничего не слышала. Стук собственного сердца мешал ей слушать.

Только сегодня утром получила она ответ на свою просьбу, направленную ею прямо к Ватутину.

Сбоку, в правом углу ее письма, стояли два слова, написанные острым красным карандашом отчетливо и тонко. «Просьбу удовлетворить».

Значит, все решено. Завтра утром делегация уедет обратно на Урал, а она останется здесь для новой жизни, которую она сама выбрала. А может, и не для жизни... Стоп! Об этом не надо думать. Надо просто делать свое дело как можно лучше.

Сквозь мягкий туман непрошенных слез (как хорошо, что дует такой холодный, резкий ветер, от которого у многих слезятся глаза!) Марьям исподволь оглядела своих товарищей. «Милые мои, дорогие мои, прощайте! Увидимся ли когда-нибудь?..»

Самое трудное — написать обо всем маме. Как она испугается, как будет плакать! Но что же делать, если ты твердо знаешь, что твое место здесь, а не там.

И Марьям почти увидела перед собой первые строчки этого страшного письма, написанные ее собственной рукой, крупным, прямым и не совсем ровным почерком.

«Мамочка, дорогая, прости меня, я не могла иначе! Чуть только я попала сюда, на фронт, сразу же поняла, что тут мне и надо остаться. Я должна быть здесь и делать то дело, которое сейчас нужнее всего...»

— Мы принимаем ваши машины и клянемся драться на них до последней капли крови и победить врага!..

Отчетливый и ясный голос Кравченко как будто разбудил ее и помешал дописать в мыслях начатое письмо.

— По машинам! — скомандовал тот же голос.

И несколько голосов раскатисто и дружно подхватили:

— По машина-ам!

Загremели моторы, и по сигналу, одна за другой, гуськом, машины двинулись к фронту.

Делегаты махали им вслед руками. А танки, гремя и лязгая гусеницами, уходили все дальше. Отсюда начинался их боевой путь, полный опасностей и героического труда.

На другой день, утром, делегация выехала с фронта обратно на Урал. Одним человеком в ней стало меньше. И этот человек был уже не делегатом уральских рабочих, а санинструктором взвода разведчиков в полку Дзюбы.

3

— Марьям!

Марьям оглянулась. Рядом с ней стояла Ольга Михайловна. Она казалась собранной, спокойной, даже в самой манере держаться у нее появилось что-то иное, твердое. Она совсем не напоминала ту женщину, которая предавалась тяжелому и одинокому раздумью в пустой и темной комнате.

Увидев ее, Марьям обрадовалась. Теперь ее и Ольгу Михайловну связывали новые узы. Как хотелось бы, чтоб они были вместе!

— Ольга Михайловна, я остаюсь! — сказала она.

— Где?

— Здесь! На фронте! Буду санинструктором!

Ольга Михайловна покачала головой:

— Упорная ты. Ну как? Нашла своего Федю?

— Нашла.

— Где? В госпитале?..

— Нет! Он уже снова в разведку ходил. Взял пленного. Я сама видела, — быстро сказала Марьям, боясь, что

Ольга Михайловна ей не поверит, — как он его в штаб привез. Говорят, офицер. И с важными бумагами...

Ольга Михайловна помолчала, посмотрела куда-то вдаль, на околицу станицы, где, тяжело переваливаясь на неровностях дороги, прошел бензозаправщик.

— А я ведь тоже в штаб фронта уже не вернусь, — сказала она.

— Куда же вы?

— Еду в штаб Коробова за назначением. Попросилась в полк.

— Хорошо бы туда, где и я, — сказала Марьям.

— Посмотрим... А хочешь, Марьям, — вдруг оживилась Ольга Михайловна, — взглянуть на моего сына?

— Где он?

— Здесь, неподалеку. Я уже у него была. Сейчас он возится с танком, а через полчаса будет свободен.

— Пойдем, — сказала Марьям.

Они медленно пошли через всю станицу. У Марьям еще не было шинели. Но как только все решилось и она перестала думать о возвращении, ей стало легче. Ольга Михайловна также перестала быть для нее просто знакомой, возникали новые связи, новые отношения.

— Теперь я буду уже звать вас не Ольга Михайловна, а товарищ майор, — улыбнувшись, сказала Марьям.

— Ну, это глупо, — сказала Ольга Михайловна, — со мной эти формальности ни к чему. Они, конечно, нужны, но не между нами... Я постараюсь, чтобы ты была поближе ко мне.

— Как бы это было хорошо!

— Товарищ майор! Товарищ майор!.. — крикнул совсем близко какой-то голос, и тотчас, выскочив из-за полуразвалившегося плетня, к ним со всех ног бросился молодой танкист.

— Вот и Валька, — сказала Ольга Михайловна.

Валентин держал в руках какой-то сверток. Расстегнутый шлемофон крепко облегал голову и щеки. В военной форме Валентин казался намного старше того юнца, который был изображен на фото. Это был невысокий крепыш с веселым взглядом небольших светлых глаз.

— А я достал тебе энзе, мать, — сказал он, протягивая ей сверток, — тут консервы, колбаса и даже шоколад...

— Зачем это мне? — сказала Ольга Михайловна, беря у него сверток. Ей была приятна эта забота.

— Ну, ну, не спорь.

Он посмотрел на Марьям, и в его взгляде что-то дрогнуло. Марьям невольно опустила глаза.

— Познакомься! Это Марьям!.. Мы теперь с ней будем служить вместе... Да не смотри ты так на нее... Эта девушка не про тебя.

— Почему? — засмеялся Валентин. — Ты, мать, заранее не решай... Правда, Марьям?

— Конечно, — сказала Марьям с веселым оживлением, которое заставляло отодвинуться куда-то в отдаленные уголки сердца то тревожное волнение, в котором она жила все эти дни.

Они присели в стороне от дороги на груды бревен. Ольга Михайловна посередине, а Марьям и Валентин по сторонам. Валентин весело рассказывал какую-то смешную историю о поваре, который заснул на танке и чуть не уехал от своей кухни. Марьям посматривала на него, на его открытое, совсем еще мальчишеское, лицо и невольно сравнивала с Федей. И ей было приятно, что Федя выходил победителем. Он и красивее, и выглядел старше сына Ольги Михайловны. Валентин еще и пороха не нюхал, а ее Федя уже получил два боевых ордена.

Потом вдруг, словно исчерпав запас всех смешных историй, Валентин замолчал. Марьям взглянула на Ольгу Михайловну, лицо ее было печально, в углу рта набежали морщинки. Она смотрела перед собой, но мысли ее были где-то далеко...

— Я пойду, Ольга Михайловна, узнаю насчет машины.

Валентин с сожалением посмотрел на нее.

— Успеется еще, — сказал он. — Посидите немного...

— Нет, нет, — возразила Ольга Михайловна. — Иди, Марьям... А потом скажи мне. Поедем вместе.

Марьям улыбнулась Валентину, который подавил вздох, и пошла по дороге.

— Хорошая девушка, — сказал он, когда она отошла подальше.

— Очень хорошая!.. Только у нее есть свой Федя...

— Мне, мать, всегда не везет.

— Повезет. Ты еще очень молод...

Валентин снял шлемофон и положил его рядом с собой. Спутанные светлые волосы упали на лоб, он встряхнул головой, чтобы отбросить их назад. Теперь он казал-

ся еще моложе, и Ольга Михайловна вдруг вспомнила, что в детстве он очень не любил, когда она куда-нибудь уходила. Садился на пол и начинал горько реветь...

— Как тебе живется? — спросила она. — Скучаешь?.. Валентин вздохнул.

— Бывает, и скучаю, особенно ночью. Лягу на плащ-палатку, закрою глаза и думаю... Вспоминаю тебя! Где-то ты сейчас!.. А вот отец совсем забыл меня...

— У него много работы.

— Мог бы хоть записку написать. А то даже на письме не ответил.

— Наверное, закрутился в делах... Знаешь, сколько у него сейчас забот... Валечка мой! Смотри, будь осторожен. Ты ведь у меня один.

На дорогу из дома напротив выбежал какой-то танкист и крикнул:

— Рыкачев, к командиру!.. Быстрее!

Валентин соскочил с бревен.

— Ну, до свидания, мама!

— До свидания, сын.

— Ты куда едешь?

— Сначала в штаб армии. А дальше — еще не знаю...

— Пашйши...

— Обязательно напишу.

— Рыкачев, быстрее! — крикнул танкист.

Валентин торопливо поцеловал мать в щеку и бросился бежать по тропинке. Когда он скрылся за дверью дома, Ольга Михайловна повернулась и пошла вдоль деревни. Она шла и шла до тех пор, пока вдруг не заметила, что давно уже вышла в открытое поле...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1

Пятнадцатого ноября штаб Юго-Западного фронта переехал в город Серафимович и находился теперь всего лишь в десяти километрах от противника. По строгому приказу Ватутина рубежи южнее города были тщательно укреплены — так, чтобы не пропустить вражеских лазутчиков. Конечно, в таком приближении штаба коман-

дующего фронтом к переднему краю был известный риск, но на этот риск стоило пойти. В эти последние перед наступлением, самые напряженные дни близость командования фронта к войскам значительно облегчала управление.

Подготовка к наступлению заканчивалась.

Армии получили наконец долгожданный приказ фронта, первый боевой документ, подписанный Ватутиным за время подготовки к сражению.

Главным силам фронта, взаимодействуя с правым крылом Донского фронта, прорвать оборону 4-й румынской армии, разгромить ее и, наступая на юг, юго-восток, войти в связь с частями Сталинградского фронта на восточном берегу Дона, в районе города Калач, окружить совместно с ними сталинградскую группировку противника и уничтожить ее.

2

Штаб фронта занял почти целую улицу, а для командующего отвели каменное здание школы. После хатки в Филонове Ватутину это помещение показалось почти роскошным. В большой комнате, служившей кабинетом, поставили столы, тотчас же разложили карты, и комната сразу приняла привычный, по-своему обжитой вид, словно хозяин ее работает здесь давным-давно.

Комендант штаба доложил, что неподалеку есть баня. Ватутин тотчас же отправился туда и долго мылся, отфыркиваясь и вздыхая от наслаждения. Какое блаженство полежать на верхней полке, окатить себя из ушата холодной водой, охнуть от тысячи иголок, вонзившихся в тело, и почувствовать наконец приятную освежающую усталость.

Ватутин возвратился к себе с веселым блеском в глазах, ощущая во всем теле прилив бодрости. По дороге ему попадались офицеры и, приветствуя, уступали дорогу. «Откуда это так важно идет командующий фронтом? — не без озорства подумал Ватутин. — Командующий идет из бани!..» И беззвучно засмеялся.

В штабе его ожидало неприятное известие. Серьезно заболел начальник штаба Бобырев. Его уже увезли в госпиталь.

За себя он оставил Иванцова. «Молод еще, — подумал Ватутин, — справится ли?» И вдруг усмехнулся. А сам он

тоже ведь не старик. Ведь и Рыкачев тоже вот считает его слишком молодым, чтобы командовать фронтом...

Ватутин не стал вызывать к себе Иванцова, чтобы ввести его в курс дел, а решил сам пойти к нему посмотреть, как работают офицеры оперативного отдела.

Иванцова он застал в яростном споре с полковником Куниным.

Они стояли, разделенные широким письменным столом с наколотой во всю длину картой, и глядели друг на друга ненавидящими глазами.

Коротконогий, приземистый Кунин от гнева покраснел до того, что, казалось, кровь вот-вот брызнет у него из щек. Потрясая пухлым кулаком, он что-то кричал, а что — разобрать было нельзя. Слышалось только: «Это ваша вина! Сами потекаете!.. Непростительно!.. Непозволительно!..»

— Что тут у вас случилось? — спросил Ватутин, подходя к столу.

— Разрешите доложить? — шагнул вперед Кунин. Он, видимо, очень хотел рассказать о причинах столкновения, прежде чем об этом расскажет Иванцов.

— Докладывайте!

— Полчаса тому назад, товарищ командующий, захожу я в оперативный отдел. И что же вижу? Направленец армии Коробова майор Гришин вместе с подполковником Кравцовым работают над картой, и этот самый Гришин говорит: «В районе высоты сто тридцать один и пять мы не выдержим, гитлеровцы надают нам по шее». Кравцов ему отвечает: «Ты прав. Оборона здесь никуда, и они нас непременно попрут». Одним словом, черт знает что! Пораженчество какое-то. Я решил вмешаться. Подхожу и говорю: «У вас, товарищи, вредные, упаднические настроения. Высота сто тридцать один и пять укреплена хорошо».

Ватутин не дал ему окончить:

— Позовите сюда Гришина и Кравцова. Я сам с ними поговорю.

Через несколько минут оба виновника баталии стояли перед Ватутиным, а Кунин, присев к столу, метал на них гневные взгляды.

— Товарищ Кравцов, каким делом вы сейчас заняты? — строго спросил Ватутин.

— Отрабатываем вопросы взаимодействия, товарищ

командующий, — ответил подполковник и бросил беспокойный взгляд на Иванцова, который мрачно молчал, уставясь в лежащую перед ним сводку.

Кравцов еще совсем молод, недавно — ускоренным порядком — выпущен из академии. Но Ватутин знал, что он человек способный и с боевым опытом.

Вот с Гришиным еще совсем не знаком. В штабе он, кажется, недавно, ничем себя пока не проявил и не бредет к тому же, отметил Ватутин, придирчиво оглядывая майора, который, как перешагнул через порог, так и остался стоять, нескладный, с испуганно-удивленным лицом. «Такой может и собственной тени испугаться, не то что противника, — зло подумал Ватутин, — может быть, в словах Кунина есть доля правды...»

— Доложите, как вы оцениваете возможности противника на том участке, из-за которого у вас произошел спор с товарищем Куниным, — сухо сказал Ватутин, глядя через плечо Кравцова на взволнованное и напряженное лицо Гришина, — да перестаньте топтаться у двери... Подойдите к карте и доложите.

— Слушаюсь, товарищ командующий, — сказал Кравцов и шагнул к разложенной на столе карте.

— Нет, не вы! Пусть товарищ Гришин доложит. Где тут противник может нам по шее наложить?.. Ну, быстрее! Я слушаю!

Ватутин подошел к карте. Кунин вскочил с места.

— Посмотрите сюда, товарищ командующий. Вот эта высота — сто тридцать один и пять! Она в наших руках и господствует над местностью. Зачем же переоценивать противника? — Он небрежно бросил карандаш на карту: — Вот и доложите, Гришин, свою доктрину товарищу командующему!

Гришин неловко одернул гимнастерку и взял карандаш.

— Это верно, товарищ командующий, — сказал он глухим голосом, — высота эта сравнительно хорошо укреплена и командует над местностью. Но все дело в том, что противник, который здесь силен, может обойти ее вот по этим оврагам... А резервы, как видите, находятся далеко. В эту сторону маневр не предусмотрен. — Он выжидательно взглянул на Ватутина. Тот кивнул.

— Говорите дальше!

— Теперь при нашем наступлении... Опять же мы не-

достаточно используем эту высоту. Отсюда далеко проглядывается оборона противника. Можно бы нанести удар на всю ее глубину. А артиллерия здесь мало...

Он замолчал.

— Это все? — спросил Ватутин.

— Все, товарищ командующий! — Гришин опять одернул гимнастерку и отошел от карты.

— А вы что можете добавить, товарищ Кравцов?

— У меня дополнений нет, товарищ командующий, — ответил Кравцов. — Полагаю, что майор Гришин прав.

— Ну что ж. — сказал Ватутин, — недоразумение можно считать выясненным. — У меня к вам больше вопросов нет. Соображения правильные, и я попрошу товарища Коробова обратить на них внимание. Идите, товарищи!

Кравцов со скрытой насмешкой посмотрел на Кунина, повернулся и незаметно подтолкнул Гришина к двери. «Выкатывайся, друг, поскорей. Чем дальше от начальства, тем лучше».

Но Гришин не успел дойти до порога. Ватутин остановил его.

— Бриться надо, товарищ майор! Увижу еще раз в таком виде, наложу взыскание. И вообще последите-ка за собой, выправка не строевая. Идите...

И, проводив командиров взглядом, в котором уже не было прежней строгости, Ватутин повернулся к Кунину.

Тот как-то весь обмяк, потускнел, съезжился и, растеряв свой прежний задор, молча ждал, что скажет ему командующий.

И дождался.

— Спасибо вам за бдительность, товарищ Кунин, — насмешливо проговорил Ватутин. — А ведь командиры совершенно правы. Они здраво оценили обстановку. Перед самой высотой у противника свежая дивизия. Она может нам всю обедню испортить. — Ватутин помолчал, оглядывая Кунина, который, не зная, куда ему деть руки, то прижимал их к бокам, то прятал за спину. — И оди наково вредно, товарищ Кунин, как переоценивать силы и возможности противника, так и недооценивать их. Запомните это! Гришин и Кравцов думали, работали, соображали... А вы даже не дали себе труда разобраться в том, что они говорят, или, что вернее, попросту не смогли. «Шапкамы, дескать, закидаем». Трудно, трудно вам будет работать. Можете быть свободны, товарищ Кунин.

Как-то отчаянно махнув рукой, Кунин выбежал из комнаты.

Еще некоторое время Ватутин находился в состоянии глухого раздражения. Конечно, Кунин тупица, и, чтобы скрыть это, он кричит, шумит, размахивает руками и мешает другим работать.

Но ведь сколько умных голов думало, сколько раз прикидывали и соображали что и как... Да он и сам уже считал, что все в порядке, нигде не подкопаешься. А какой-то плохо побритый майор с растерянным лицом взял и подкопался... Молодчина все-таки! Задал задачу! Придется к этой чертовой высоте выдвинуть артполк. Сказать-то легко, а на деле это вам не фигуру на шахматной доске переставить: перекинул коня с места на место и будь доволен, что сделал верный ход. Нет, перевести целый полк на другой участок совсем не так просто. Надо переставить в другом порядке еще несколько частей, которые должны поддерживать друг друга в сложной системе взаимодействия. Надо подумать и о том, где разместить штабы, наблюдательные пункты, тылы, склады; словом, думать и думать обо всем, начиная с боевой задачи, которую эта часть будет выполнять, до самой последней организационной и хозяйственной подробности.

Черт подери, а ведь он собирался просто поговорить с Иванцовым по душам, ободрить его! И вот вместо этого приходится опять пересчитывать силы и средства, чтобы исправить просчет с этой проклятой высотой.

Но теперь уже необходимости в специальном разговоре с Иванцовым, пожалуй, и не было. По осведомленности, которую проявил Иванцов, по тем советам, какие он давал, было видно, что нити управления он держит крепко, что он внимателен, обладает необходимым воображением и ясно представляет себе, что получится, если произвести сложную перестановку частей.

* * *

Ну вот, Татьяна, ты скоро получишь ответ на свой вопрос. И вы — деды с переправы. Только знали бы вы, как напряжено его сердце в эту звенящую легким морозцем степную ночь.

Домики, стучащий движок. Полководца почему-то всегда изображают склонившимся над картой. А на самом

деле все просторы, все леса, балки, изгибы Дона и даже мелких безымянных речушек он видит внутренним зрением, как шахматист, который удерживает в памяти расположение всех фигур, не глядя на доску.

Удивительно, как точно он чувствует упорную и беспокойную мысль Вейхса. Иногда кажется, что они уже давно знакомы и следят друг за другом с прищуром неторопливо целящихся стрелков.

Очевидно, не только поэтам необходимо одиночество, чтобы, оставшись наедине с собой, ощутить движение жизни и полет мысли. Это нужно всем, кто в непрерывном борении ищет свой путь.

Он полулежит на стонущей растянутыми пружинами железной кровати, которая почему-то полюбилась коменданту. Он возит и возит ее из одной деревни в другую, вместо того чтобы где-нибудь бросить. И подушка жесткая, вся в куриных перьях, прокалывающих наволочку.

Ну и натопил же ординарец, чтоб его взяла нелегкая! От такой заботы можно угореть.

А форточки в этом деревенском доме нет. Хотя выставь целый раму.

Какая сложная вязь мыслей. Где-то в ночи медленно поворачивается маховик войны.

Была когда-то юность... Полтавская военная школа... Фрунзе. Вот он идет мимо строя курсантов. Специально приехал на выпуск... Необъятное поле. Говорят, на этом поле когда-то гремела Полтавская битва... О чем говорил Фрунзе?..

Не вспомнить. Ведь минуло почти двадцать лет! Целая жизнь... Нет, он правильно сделал, что поддержал Берегового. Жизнь сильно побила этого человека, но не пригнула, не сломила. Конечно, самым легким было бы от него избавиться, как это хотел сделать Рыкачев.

Усталость берет свое. Мысли то текут лениво, то начинают торопиться, обгоняя друг друга. Но где-то в подсознании то главное, что он должен понять. Рыкачев!.. Не в нем ли дело? Чего хотел Рыкачев? Лишний раз подчеркнуть, что он, Ватутин, еще молод, что долгие годы провел на штабной работе и у него мало опыта командования. Что ж! В этом есть своя правда. Еще на Воронежском фронте, впервые приняв полную власть над войсками, он понял, как несоизмеримо повысилась его ответственность. Быть начальником штаба и труднее и лег-

че, но несравнимо с положением человека, за которым оставлено право решающего приказа...

В те далекие годы, когда он вместе с Береговым шагал в курсантской колонне по дорогам Полтавщины в поисках банды Беленького, все было гораздо проще. На плече висела винтовка, пояс оттягивал кожаный подсумок, набитый патронами, а за спиной, в вещевом мешке, в такт мерным шагам постукивал котелок.

Мысли уносятся в давнее прошлое, вновь возвращаются к заботам дня. Он снова вспоминает свой последний приезд в Москву, темные улицы, большую квартиру, грустные глаза Татьяны.

Нет, себя не обмануть. Тревожное чувство не оставляет его. Да, черт побери. Рыкачев прав — он молод, и у него есть ошибки. Но что ж теперь делать?.. Звонить в Ставку, просить, чтобы в последний момент его отстранили и назначили на его место другого, более опытного... Хватит ли сил, ума, опыта, воли, чтобы выйти победителем из тех испытаний, которые ему предстоят? Не переоценивает ли он свои силы?

Возможно, спор с Рыкачевым и есть проверка всей его жизни? Еще есть время понять. Выигрыш или проигрыш? Таковы ставки в их споре. Выигрывается сражение — успех, проигрывается — гибель десятков тысяч жизней, новая затяжка войны.

Риск!.. Что было бы на Северо-Западном, если бы он растянул войска. Немцы прошли бы, как вода сквозь решето. Но он боролся, доказывал, убеждал — «везде силен не будешь». Надо наносить удары, чтобы противник считал, что у тебя больше сил, чем на самом деле.

Своя земля!.. Она помогает, как стены родного дома.

Победа нужна! Но не менее важна и цена, которая за нее заплачена. Так ли уж важно Рыкачеву, какой ценой он победит?

Может быть, это и есть главное в их споре!

Почему он тогда не спросил Ольгу Михайловну?.. Она умная, помогла бы разобраться в Рыкачеве. Впрочем, жены всегда пристрастны...

Доверие!.. Вспомнил... Именно о доверии говорил Фрунзе.

Береговой несомненно поднимется... А Рыкачев?.. Он-то старается заглянуть далеко, далеко — в историю. Какое

крылатое словечко: «История рассудит». Нет, их рассудит сражение...

Темная, беззвездная ночь за окном... Чирская! Почему там оказалась танковая дивизия СС? А что, если Вейхс собирает именно в районе Чирской свои резервы? Это вполне возможно. Ведь Паулюс наверняка считает, что со Сталинградом покончено.

Как он устал, как дьявольски устал и не может сосредоточиться на чем-нибудь одном. Заснуть! Нужно заснуть... Обязательно заснуть...

Когда же, наконец, он напишет письмо Виктору?..

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1

Утро последнего дня перед наступлением Ватутин провел в штабе Коробова. Надо было в последний раз проверить, все ли командиры частей армии, наносящей главный удар, уяснили свою боевую задачу, договорились ли о полном взаимодействии, обеспечены ли части боеприпасами.

Коробов вел совещание командиров и замполитов деловито: коротко, не тратя лишних слов, спрашивая каждого о том, как подготовились к наступлению его части.

Ватутин с напряженным вниманием слушал доклады комдивов, иногда одним-двумя меткими вопросами определяя, что и у кого не вполне додумано, не доделано, не уточнено.

Сидя рядом с Коробовым и слушая доклады, то подробные и витиеватые, то суховатые и лаконичные, он оглядывал расположившихся вокруг командиров. Это были уже немолодые люди, за плечами у них была и гражданская война, и долгие годы партийной работы в армии, и Халхин-Гол, и тяготы первого года этой суровой войны.

Но сейчас с каким-то особенным вниманием он смотрел на каждого из них, подолгу задерживая взгляд то на одном, то на другом лице.

Вот, склонившись над планшетом, что-то быстро записывает полковник Яковлев — командир артбригады. Иногда он вскидывает кверху свое острое, отмеченное редкими крупными рябинками лицо и сосредоточенно глядит на Коробова немигающим взглядом. Рядом с ним

удобно расположился на скамейке командир кавалерийского корпуса генерал Свирцевский. Он откинул полы расстегнутой шинели, разложил перед собой на табуретке карту и каждый раз, когда Коробов называет тот или иной населенный пункт, наклоняется над ней, не спеша постукивая карандашом. Весь его облик выражает спокойствие и неторопливость.

Ватутин вспомнил, как однажды на маневрах под Минском Свирцевский попал в трудное положение. Ну и горячился же он тогда — сердился, волновался, весь кипел!.. А теперь и не узнаешь человека, видно, научился сдержанности!

Ближе к дверям сидят два полковника — командиры стрелковых дивизий Чураев и Федоров. Федоров еще недавно командовал полком в Сталинграде, а сейчас во главе новой сформированной дивизии только что прибыл на Юго-Западный фронт. Ну, ну, посмотрим, как-то покажет он себя на новом месте. Ну а Чураев, этот Чураев... Впрочем, Коробов уверяет, будто он здорово подтянулся и прекрасно провел последние учения. Предположим... Во всяком случае, если не на Чураева, то на Коробова положиться можно.

В самом углу блиндажа, откинувшись к стенке, сидит Береговой. Лицо у него напряженное, озабоченное; он часто искоса поглядывает на Ватутина и сразу же отворачивается, как будто боится встретиться с ним глазами.

Ватутин уже несколько раз наталкивался на его беспокойный вопросительный взгляд. «Вот такое же было у него лицо, — думает он, невольно улыбаясь, — в Полтавской школе, на занятиях по тактике». И чтобы успокоить Берегового, он издали одобрительно кивает ему головой и круто поворачивается к Коробову.

Коробов дает командирам последние указания. Его крупная изжелта-седая голова и широкие костистые плечи склонились над картой, большие руки движутся уверенно и деловито. Когда, обсуждая что-то с полковником Чураевым, он закрывает своей тяжелой ладонью какой-то участок карты, кажется, что вот точно так же — неторопливо, обдуманно и прочно — займет он те километры земли, которые сейчас сеткой условных обозначений лежат у него под рукой.

За недолгое время совместной работы Ватутин оценил в Коробове трезвый ум, спокойствие и твердость, умение

рисковать, его готовность просто и щедро отдавать делу все свои силы без остатка.

— Нет ли у вас еще замечаний, товарищ командующий? — обращается Коробов к Ватутину.

— Нет, — отвечает Ватутин, поднимаясь с места. — Все уже как будто сказано, Михаил Иванович. Я добавлю всего несколько слов.

Он поднялся и обвел взглядом командиров. В блиндаже стало тихо. Каждый ждал последнего, напутственного слова командующего фронтом.

— Я, товарищи, не буду вас агитировать, — с легкой усмешкой сказал Ватутин. — Вы все здесь люди опытные, сами большие начальники. Я буду следить за успехами каждого из вас. Если будет трудно, сделаю все, чтобы помочь. Но помните: нам много дано, с нас много и спросится.

Коробов отпустил командиров. Блиндаж на минуту наполнился шумом отодвигаемых скамеек, прощальным говором, скрипом сколоченной из сырых досок двери — и все стихло.

— Разрешите закурить, товарищ командующий, — сказал Коробов, доставая папиросы.

В каких бы чинах и званиях ни были военнослужащие, но это неизменное «разрешите закурить» произносится солдатом перед сержантом, капитаном перед майором, генералом перед генералом еще более высокого звания — это неизменный долг воинской вежливости.

— Курите, курите, Михаил Иванович, — сказал Ватутин лукаво. — Но ведь вы, кажется, бросили курить?

— Было такое дело, товарищ командующий, — сокрушенно ответил Коробов, разминая в пальцах папиросу.

— И клялись, что никогда и в рот не возьмете этого проклятого курева! Так ведь?

— Так точно! Этими самыми словами клялся... Но как начали готовить паступление, так сразу опять и закурил...

— Волнуетесь, стало быть?

— Волнуюсь, товарищ командующий, очень волнуюсь. Да и как не волноваться?.. Я примерно подсчитал — мы должны поймать в мешок и запереть несколько сот тысяч гитлеровцев. В истории войн такого еще не бывало.

— Да, в истории войн такого еще не бывало, — повторил Ватутин, прохаживаясь по блиндажу. — Вот ты и представь себе, Михаил Иванович, — усмехнулся он, — в

академиях-то наверняка после войны будут изучать, какие решения принимал командарм Коробов, армия которого наступала на направлении главного удара. Смотри, как бы не пропесочили...

Коробов засмеялся.

— И еще как пропесочат. Скажут: опоздал старик ввести в прорыв танки, не использовал такую-то балку для скопления пехоты, замедлил темп, растянул коммуникации... Ну, это все шуточки, товарищ командующий. — Коробов потушил недокуренную папиросу о край медной гильзы от снаряда, заменяющей пепельницу, и поднял на Ватутина усталые серьезные глаза. — А все-таки...

— Что «все-таки», Михаил Иванович? — Ватутин подошел к столу и, подвинув стул, сел рядом с Коробовым. — Что «все-таки»?.. Ты знаешь, сегодня я говорил со Ставкой... Мы не можем не выиграть этого сражения.

— Да. Не можем, — тихо повторил Коробов и, придвинув к себе карту, взял в руки карандаш.

— Скажи, Михаил Иванович, — вдруг спросил Ватутин, — ты хорошо знаешь Берегового?

Коробов насторожился:

— Да, в общем, знаю, конечно... А что, Николай Федорович?

Ватутин постучал пальцами по столу.

— Назначили мы его к тебе, — медленно ответил он. — Боюсь, что ты не очень этим доволен. Но иначе нельзя. Нельзя человека так просто скинуть со счета. — Коробов хотел что-то возразить, но Ватутин предупредил его. — Знаю, знаю! Все недостатки его давно мне известны. Есть в нем недоверие к собственным силам, медлительность, нерасторопность... Надо преодолеть это в нем. Да он и сам к этому стремится. Я ведь его еще с тех пор помню, когда мы с ним оба курсантами Полтавской пехотной школы были. И вот, поверишь ли, Михаил Иванович, встретил я его через двадцать лет. Смотрю: изменился, вырос, многому научился. Широкие плечи, уверенная поступь, но неуверенный взгляд... Ты, Михаил Иванович, почаще бывай у него в хозяйстве. Ладно?

— Слушаюсь. — Коробов повертел в руках коробку спичек и, положив ее плашмя на стол, сказал, сдерживая недовольство: — А все-таки, Николай Федорович, не могу я на него полностью положиться.

— Поручиться, что он не будет делать ошибок, нельзя, — сказал Ватутин. — Но что он готов отвечать за пих жизнью, не бежит от трудностей, не уклончив, не хитер, честен, — в этом я уверен. — Ватутин усмехнулся: — А хочешь, Михаил Иванович, я тебе сделаю одно признание? Я сегодня ночью тоже чуть не закурил. Кажется, третий раз в жизни!

Коровов засмеялся:

— Ах, вот как! Значит, и вы, товарищ командующий, волнуетесь?

Ватутин кивнул головой:

— Еще как, Михаил Иванович!

* * *

Группировка войск на всех трех фронтах закончена. От обороны нужно перейти в контрнаступление. От Сталинграда должно начаться изгнание врага...

Гитлеровцы до сих пор не разгадали того, что здесь, в бескрайних степях, собрана мощная группировка войск, на южном берегу Дона и среди озер южнее Сталинграда подготовлены плацдармы для наступления. Теперь оно уже не захлебнется, не остановится. Нашупаны слабые места в обороне противника, на этих направлениях сосредоточены могучие танковые и механизированные силы...

Близок, близок час, когда на рассвете сполохи орудейных вспышек озарят низкие тучи. На фронте все придет в движение. Тогда он, Ватутин, будет прикован на время к столу, телефонам, сводкам, донесениям. Он будет видеть то тревожные, взволнованные, то улыбающиеся, счастливые глаза людей, которые будут входить к нему, прибыв прямо с переднего края или придя с телеграфа с последней сводкой в руках. И по одному виду этих людей, по выражению их лиц, раньше чем они произнесут лаконичные слова доклада, он поймет, с чем они пришли, с радостной или плохой вестью.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1

Румынский солдат в короткой шинели и в старой овчинной шапке, натянутой глубоко на уши, сидел посреди землянки на табуретке и с испуганной улыбкой на

заросшем черной щетиной лице старательно отвечал на вопросы переводчика, капитана из штаба армии. Капитан переводил каждый ответ румына стоявшему рядом полковнику Дробышеву, который заметно нервничал и просил ответы переводить как можно точнее.

В стороне, у стены блиндажа, за Дзюбой, который тоже присутствовал при допросе, стоял разведчик Зайцев, важно покуривая папиросу (папиросой угостил его сам командир полка) и с улыбкой поглядывая на румына.

Час тому назад он захватил этого солдата невдалеке от переднего края. По правде говоря, эта операция не доставила ему особых трудностей. Когда бойцы из охранения заметили впереди тень человека и уже изготовились было стрелять, Зайцев выругал их на чем свет стоит и, схватив автомат, бросился в темноту. Он решил взять непрошеного гостя живым и, догнав, осторожно стал красться, чтобы напасть внезапно. Но под ногой у него что-то хрустнуло. Человек обернулся на шум и, к удивлению Зайцева, не только не стал стрелять, а тут же бросил оружие, поднял руки и закричал: «Рус, сдаюсь!» Зайцев, конечно, сразу смекнул, что имеет дело с перебежчиком. Но привести перебежчика после всех хлопот — не такое уж геройское дело. Он выстрелил два раза в воздух, а потом, подняв с земли автомат румына, свирепо крикнул:

— Шнель!..

Румын покорно пошел впереди. Зайцев так изобразил дело, что бойцы раскрыли рты, слушая рассказ, как смело и решительно он действовал, прежде чем этот солдат наконец бросил автомат и поднял руки.

По пути к командному пункту полка Зайцев остановился у землянки, в которой жили разведчики, громко доложил командиру взвода о том, что задержал румына, и дал полную возможность попавшемуся на пути Яковенко полюбоваться делом своих рук. Пусть Федор не думает, что он один такой храбрый, есть, может, и другие не хуже его.

Пока Зайцев дошел до блиндажа Дзюбы, он уже сам убедил себя, что, несомненно, совершил выдающийся геройский поступок. До сих пор он ничем не выделялся. А вот теперь налицо его личный пленный, первый пленный, которого он захватил сам... Когда Дзюба объявил

ему благодарность, Зайцев принял ее как должную оценку своего подвига. И в самом деле, ведь не рванись он вовремя вперед, румын мог запросто напороться на наши пули.

Дзюба сразу же доложил о захвате пленного комдиву Чураеву, тот сообщил командарму Коробову, и через час в землянке Дзюбы уже появились начальник разведки Дробышев и переводчик.

Захват пленного перед началом сражения — дело большой важности. Последняя, самая свежая информация могла помочь правильной оценке обстановки. Дробышева не на шутку тревожил вопрос, кто этот солдат. Почему он оказался у переднего края? С какой целью? Судя по докладу Дзюбы, он оказал сопротивление и был обезоружен. Можно ли доверять его показаниям? Дробышев тщательно взвешивал каждое слово румына. Пленный утверждает, что у них ничего неизвестно о том, что хотят делать русские. Он слышал, как офицеры между собой говорили, что в обороне придется просидеть всю зиму. Вот он подробно и как будто охотно рассказывает о составе полка, называет населенные пункты, где находится штаб и где стоит артиллерия. Знать это, конечно, весьма важно. Дзюба даже оживился и тут же поставил на карте несколько значков синим карандашом. Но известно ли пленному о более широких передвижениях войск? Не подвоятся ли к переднему краю новые части? «Нет, об этом ему ничего неизвестно», — переводит капитан.

— Пусть теперь подробнее расскажет о себе.

Дробышев внимательно слушает, капитан переводит.

— Его зовут Ион Лука. Он часовщик из Бухареста. Три месяца тому назад он еще надеялся, что война пройдет мимо него. Но потом он получил повестку: явиться на призывной пункт. Отправили в казарму. Месяц обучали. Потом — эшелон. Восточный фронт. У него трое детей. Он говорит, что ему надо жить ради них. Гитлеровцы заварили эту кашу, вошли в сговор с Антонеску. Но при чем тут он, часовщик из Бухареста? Да провались они к дьяволу — Антонеску и Гитлер! Он, Ион Лука, отец троих детей, проклинает их. Конечно, было страшно перебираться через линию фронта, могли убить ваши и свои, но, слава богу, он остался жив...

Дробышев удивленно развел руками. Почему такое противоречие? Решил сдаться в плен, а сам сопротивлял-

ся? Черт знает, как все запутано! Можно ли ему вообще верить? По опыту Дробышев знал, что пленные, опасаясь расстрела, часто готовы плести невесть что, лишь бы завоевать доверие. Другое дело перебежчики. Их показания более надежны и объективны.

— Спросите-ка у него, — раздраженно сказал Дробышев капитану, — почему он оказал сопротивление, когда его задержали?

Капитан перевел солдату вопрос. Тот испуганно взмахнул руками и быстро заговорил, указывая в сторону Зайцева и как бы призывая его в свидетели.

Переводчик повернулся к Дробышеву:

— Он категорически утверждает, что сдался без всякого сопротивления!

Дробышев стукнул карандашом по бумаге.

— Так кто же тут врет, дьявол их разberi! — крикнул он. — Товарищ Дзюба, кто задержал румына?

— А вот он здесь! Разведчик Зайцев! — сказал Дзюба.

Зайцев стоял ни жив ни мертв. Вот уж он совсем не ожидал, что полковник начнет добираться до истины. Дробышев взглянул на него колючим взглядом и сердито спросил:

— Это вы задержали солдата?

— Я, товарищ полковник! — пролепетал Зайцев.

— При каких обстоятельствах?

По тому, с какой настороженной пытливостью смотрел на него полковник, Зайцев понял, что всякое запирательство бесполезно. И вообще, очевидно, знать правду полковнику нужно для дела, иначе бы он не прицепился так, что руками не оторвешь. Запинаясь и проглатывая слова, Зайцев рассказал все как было.

— Ну вот, наконец-то! — облегченно вздохнул Дробышев. — Добрались-таки до истины! Недаром говорят, — повернулся он к подполковнику, — что нигде так не врут, как на войне да на охоте!..

— Идите к себе, товарищ Зайцев, — сказал Дзюба, презрительно оглядывая разведчика, — благодарность я снимаю. А вас лишаю своего доверия! И разведчиком вы больше не будете. Ступайте!..

Зайцев, которому недавно исполнилось двадцать лет, совсем по-мальчишески всхлипнул и выскочил из землянки.

Через четверть часа Дробышев и капитан, захватив с собой перебежчика, выехали в штаб армии, а еще через полчаса начались события, которые заставили Дзюбу забыть на время Зайцева и тем спасли его от окончательного бесчестья.

Чураев вызвал к себе командиров частей и предупредил их, что до начала наступления остались считанные часы. Артподготовка начнется по сигналу «Лебедь». Нужно еще раз проверить связь. Телефонисты должны все время держать трубку возле уха...

После этого полковой комиссар Кудрявцев разослал замполитам пахнущие свежей типографской краской пачки. Это было Обращение Военного совета фронта ко всем бойцам и командирам. Оно гласило:

«Товарищи бойцы и командиры!

Пробил долгожданный час, сегодня мы вновь идем вперед, в наступление.

Мы честно выполнили приказ Родины — «Ни шагу назад!»

Мы стойко удерживали порученные нам рубежи. Мы не пропустили врага через Дон.

Теперь приказ Родины — вперед! Мы должны его выполнить с честью и самоотверженно».

2

Яковенко, одетый в новый стеганый ватник, вышел из землянки, держа в руках автомат, и остановился в тяжелом раздумье.

Он был не из тех, кто легко падает духом. Он не пал духом и тогда, когда произошла неприятная история с танками, после которой его как паникера стали прорабатывать на всех собраниях.

А история эта, о которой говорили во всей армии, была, пожалуй, не так проста, как это казалось с первого взгляда.

Недели две назад группа разведчиков, в которой был и Яковенко, проникла ночью за передний край противника. Требовалось выяснить, где стоят две тщательно замаскированные батареи, которые вот уже несколько дней стреляют откуда-то из-за укрытия и так хорошо замаскированы, что ни один фотоснимок, сделанный с самолета-разведчика, не обнаружил пока что их расположения.

К концу поиска батареи были обнаружены. Оказывается, гитлеровцы выкопали в холмах ячейки, куда всякий раз после стрельбы откатывали орудия.

Вот тут-то и произошла у Яковенко неприятность, которая ему так дорого обошлась. На пути разведчиков оказался большой и глубокий овраг, незаметный издали, так как края его почти сливались. Из глубины оврага доносился грохот двигающихся танков. Терентьев приказал всем залечь в небольшой выемке, а Яковенко послал вперед выяснить, что делают в овраге танки.

До оврага было метров триста, вокруг открытое поле, подстрелить могли с любой стороны. Однако Федор перебежками благополучно достиг края оврага и залег. Оказывается, на дне его гитлеровцы устроили нечто вроде танкодрома. Там были выкопаны окопы, натянуты проволочные заграждения, установлены учебные минные поля. Появляясь из-за крутого поворота, танки один за другим бросались на штурм этих препятствий, а затем, преодолев их, устремлялись вдоль оврага и снова скрывались за поворотом. Очевидно, их недавно привезли откуда-то из Африки: они были окрашены в ярко-желтый цвет, с темными разводами на броне и башнях.

Когда первые два танка проскочили мимо и скрылись, случилось несчастье, едва не стоившее Федору жизни. Он лег слишком близко к краю, тонкий пласт земли под тяжестью его тела, а также от сотрясения, вызванного тапками, вдруг осел и обрушился. Федор кубарем полетел вниз и, к счастью, свалился в один из окопов. Оглушенный, он силился подняться на ноги, но в это самое мгновение над его головой возник танк и со скрежетом и шумом, обдавая его зловонным запахом перегоревшего масла, стал переползать с одного края на другой, срезая гусеницами большие комья земли. Федор прикрыл голову руками и весь вдавился в глину окопа, а комья все сыпались и сыпались, больно колотя его по спине и рукам. Едва прошел этот танк, как сразу же появился другой. О том, чтобы выбраться наверх, нечего было и думать. Единственное спасение — сидеть, тесно прижавшись к передней стенке окопа, чтобы не дать себя заметить в смотровую щель. А танки наползали и наползали, гусеницы гремели, земля падала, и каждый раз Федору казалось, что его голова будет сплюснута, как орех между дверьми. С небольшими промежутками поползло двад-

цать танков... Казалось, не было уже никаких сил вытерпеть все это. И вдруг наступила пауза. Очевидно, колонна кончилась... Новые танки не появлялись, хотя шум их моторов доносился откуда-то издалека. Воспользовавшись этим затишьем, Яковенко выполз из ямы, вскарабкался по склону оврага и бросился назад, не веря самому себе, что он и впрямь вышел живым из этакой передраги.

Пережитые потрясения, недавняя близость к смерти, волнение — все это, вместе взятое, сделало его доклад сбивчивым и неуверенным.

Командир группы разведчиков старший лейтенант Терентьев взглянул Федору в глаза, пожевал крупными сизыми губами, и на его иссеченном мелкими морщинами лице возникло выражение недоверия. Двадцать танков!.. Это дело не шуточное. Такого количества танков на этом участке еще не было. Двадцать уже прошли, а судя по шуму, они идут и идут! Сколько же их там еще? И он решил лично проверить донесение Яковенко.

Когда минут через сорок он приполз обратно, разведчики сразу поняли, что Федору не поздоровится. И в самом деле, Яковенко получил сполна все, что ему причиталось. Оказывается, по дну оврага, в который он свалился, ходили всего три средних танка... Правда, когда они, без перерыва, сменяя друг друга, проходят над вашей головой, не так легко пересчитать их. Однако суровый Терентьев отнюдь не склонен был принимать во внимание смягчающие вину обстоятельства. По его мнению, Яковенко, поскольку остался в живых, не должен был уходить от края оврага, пока до конца не выяснит обстановку. По-своему он был прав.

Несмотря на свою украинскую фамилию, Федор был коренной уралец. И отец и дед его родились здесь, в Заводском поселке.

Отец любил говорить: «Мы, Яковенко, мастера по булату, да и сами того же закона. Огонь и воду пройдем и только крепче станем».

В самом деле, и дед, и отец, и братья Федора были одной приметной породы — высокие, поджарые, горбоносые, с бровями, низко сросшимися на переносице, и глазами ястребиной зоркости. Они были похожи друг на друга и все вместе — на прадеда. Все были одного склада и нрава: жили, не жалуясь, умирали не от болезней, а больше от непредвиденных случаев, в работе и охоте бы-

ли неутомимы до жадности, в любви и дружбе — суровы и ревнивы.

Младший Яковенко, Федор, ничем не отличался от своей родни. Правда, он первый из всей семьи окончил школу и за год до войны даже поступил на вечернее отделение геологоразведочного института. Однако же школа и начатки вузовской науки, прибавив ему ума, ничего не отняли из примет яковенковской породы. Он был такой же своенравный, как отец, дед и братья, такой же истовый, суровый и жестокий.

Не дешево досталась Марьям требовательная дружба и ревнивая любовь Федора. Сколько раз ссорились они и мирились! Как часто приходилось ей, вооружившись настойчивостью, которой у нее было много, и терпением, которого у нее было мало, пробиваться сквозь его угрюмое молчание, отыскивая очередную причину раздора.

Чаще всего причина бывала совершенно ничтожной, а следствие стоило им обоим много тревог, огорчений и бессонных ночей.

Уходя на фронт, он поклялся, что будет помнить ее, верить ей, а когда вернется, они поженятся. Но почему-то одно время от нее долго не было писем, и он со свойственной ему ревнивой подозрительностью сразу решил, что она его забыла, любит другого, может быть, даже вышла замуж, и в сердцах написал ей, что больше не желает ничего о ней знать, пусть она живет как хочет.

Это было месяца полтора — два тому назад, а неделю назад Марьям вдруг появилась на передовой.

— Так уж случилось, — ответила она Федору, смеясь, когда он спросил у нее, что все это значит.

Он отлично понимал, что ее решение не может быть случайным, и это сознание наполняло его счастьем и гордостью. Но он старался не показывать виду и, встречаясь с Марьям, ворчал:

— Половину храбрости ты у меня отняла. Я теперь постоянно буду думать, как бы тебя не убили... Думаешь, это легко?

— А ты думаешь, мне легко постоянно думать, как бы тебя не убили? — отвечала Марьям, и Федор, смиряясь, умолкал, растроганный, виноватый и неловкий.

Эта мысль поселилась среди всех его прочих мыслей не вытесняя их, но и никогда не уступая им своего ме-

ста: «Как хорошо, что Марьям здесь, рядом, и как хорошо было бы, если б ее здесь не было...»

3

Пробираясь по окопу, Павел Ватутин наткнулся на солдата, который одиноко сидел на земляном выступе и угрюмо курил.

— Ты чего здесь страдаешь?

Солдат поднял голову и мрачно взглянул на него.

— Так, ничего!

— Зайцев! — удивился Павел. — Сообщение, что ль, получил? Умер кто?..

— Да нет, — проронил Зайцев, — все живы.

Павел хорошо знал Зайцева. Они были из соседних деревень и всякий раз, встречаясь, вступали в беседу. Неравенство между ними в возрасте здесь, на передовой, не имело сколько-нибудь серьезного значения. Как-никак, а приятно все же увидеть своего человека.

Зайцев сидел сгорбившись, с посеревшим лицом и прокуренными пальцами бесцельно ломал веточку на мелкие щепки. Павел, хотя и торопился на склад за снаряжением, все же решил выяснить, что произошло с парнем.

Беседа долго не клеилась, следовательно Павел был никудышним, а Зайцев петлял и отмалчивался, но все же вскоре Павел понял, что накуролесил его приятель.

— И из-за этого ты сопли распустил? — сказал он, похлопывая его по плечу.

Вдруг Зайцева прорвало:

— Да ты пойми, Павел Федорович, теперь мне недоверие выражено. Как это все пережить!..

— Переживешь! Три к носу!.. А в следующий раз будь умней.

— Вот именно! — согласился Зайцев. — Стрелять — и никаких пленных.

Павел легонько стукнул его по лбу:

— А тут, парень, у тебя что-нибудь есть?

— Полный котелок! — зло ответил Зайцев.

— Дерьма! — буркнул Павел и, небрежно махнув рукой, пошел по траншее дальше.

Три фронта готовы пачать беспримерное в истории сражение. Пока здесь, в степи, еще сравнительно тихо. И только под Сталинградом идет тяжелый непрерывный бой. Сталинградцы контратаками сдерживают противника, не дают Паулюсу оттянуть войска, заставляют его бросать в бой все новые и новые резервы.

В штаб непрерывно звонят по телефону из Ставки, из Генерального штаба, от Василевского. У всех один вопрос: «Ну, как, готовы?»

Да, все готовы, от солдата до командующего, связь с Рокоссовским и Еременко налажена.

Итак, решающий момент наступил. Ватутин приглашает к себе члена Военного совета и начальника штаба. Дивизии, корпуса, армии Юго-Западного фронта ждут его сигнала.

Несколько минут в ожидании Иванцова и Соломатина Ватутин сидит в комнате один. Тихо, только где-то звучно и явственно тикают часы. Нет, это не часы... Это кровь постукивает в висках.

Сдержанный по натуре, Ватутин с юношеских лет научился глубоко прятать тревоги, сомнения, усталость. Чем труднее дело, тем больше требует оно терпения, уравновешенности, спокойствия. Сейчас он должен быть уравновешенным и спокойным.

Судьба предстоящего сражения — его собственная судьба. Он думал не об орденах и славе, просто он вложил в свою работу все, что было им накоплено за целую жизнь, весь запас ума, чувств, знаний и сил.

К смерти Ватутин относился по-солдатски просто. Когда в Новгороде бомба упала рядом с домом, где находился штаб, он даже не прекратил разговора по телефону. На Северо-Западном фронте ему не раз случалось быть метрах в ста от наступающего противника, но и тогда он не терялся.

Не раз он видел: его спокойствие передавалось другим. Даже в бою, на передовой, если он бывал там, солдаты и офицеры старались держаться к нему поближе, должно быть, подсознательно считая, что там, где находится генерал, безопаснее, словно он неуязвим.

Иванцов и Соломатин уже знали, зачем их вызывает командующий. Один за другим они вошли в комнату. Ватутин коротко пересказал им разговор со Ставкой и взглянул на часы.

— Ну, товарищи, медлить больше нельзя, — сказал он спокойно и буднично. — Приказ о начале наступления нужно передать сейчас, чтобы командармы успели довести его до солдат...

Взбираясь на высокую гору, люди поднимаются на отвесные кручи, преодолевают пропасти, стремясь все выше, вверх, и не оглядываются, думают только о том, как бы скорее достичь вершины. Лишь в минуту короткого отдыха, перед новым броском вперед, они смотрят в сторону пройденного пути и видят у ног своих необъятные просторы и с удивлением по-новому ощущают величие природы и силу своей воли и своих мышц... Но вершина еще не покорена. К ней надо идти и идти...

Ватутин придвинул к себе блокнот, взял карандаш и написал на толстой серой, в клетку, бумаге: «Артподготовку начать в 7.30, атака пехоты, артиллерии и танков — в 8.50 завтра, 19 ноября».

Он подписал приказ первым, за ним коротким движением руки поставил свою подпись Соломатин; Иванцов нагнулся, придвинул приказ, перечитал и тоже подписал мелкими круглыми буквами, каждая из которых стояла в отдельности.

Все помолчали. Ватутин вырвал листок из блокнота и протянул Иванцову.

— Зашифруйте и немедленно пошлите командармам.

— Ну вот, дело и сделано, Николай Федорович! — сказал Соломатин, когда Иванцов вышел из комнаты.

— А по-моему, оно только начинается, — усмехнулся Ватутин, и Соломатину показалось, что на лицо Ватутина упала тень усталости и заботы.

Вошел Василевский. Ватутин поднялся ему навстречу.

— Долго же вы добирались, Александр Михайлович, — сказал он шутливо, — я уже хотел команду посылать на розыски.

— А за этой командой пришлось бы посылать другую, — ответил Василевский, сбрасывая шинель и подсаживаясь к столу, — туман, мгла, хоть глаз выколи... Ехали ощупью... Спасибо, водитель опытный, не заблудился... Как у вас тут дела?

— У нас, можно сказать, в порядке, — ответил Ватутин, — сейчас сообщил командармам время начала арт-подготовки и перехода в атаку.

Василевский молча кивнул головой и нагнулся над картой.

Во взгляде Ватутина появилась настороженность.

Они с Василевским давно знали друг друга, много работали вместе, но связывала их не только служба, а прочное взаимное доверие и укоренившаяся с годами симпатия друг к другу. Однако сейчас Василевский, представляя Ставку, имел право — и должен был — проверять и судить то, над чем Ватутин трудился все эти напряженные дни и ночи, не зная отдыха сам и не давая его другим. И вот теперь, когда Василевский закончил объезд частей ударной группировки, побывал на переднем крае, в штабах полков, дивизий и армий, Ватутин ждал, что он скажет о проделанной им работе в целом и в частности. Он не был тщеславен, и ему нужна была не похвала, хотя она и была бы ему приятна, ему нужно было трезвое, свежее мнение человека, который мог бы заметить и поправить то, что упустил он в потоке больших и малых дел.

Но Василевский молчал, внимательно разглядывая карту, и это молчание стало тревожить Ватутина.

Как бы угадав его настроение, Василевский отодвинул карту, встал и прошелся по комнате.

— Так вот, Николай Федорович, — сказал он, оставаясь перед Ватутиным, — приказ отдан, — и хорошо, что отдан. Теперь за дело! Из танковой армии я уже звонил в Москву и доложил, что фронт к наступлению готов. Сказал, что будем начинать при любой погоде... Однако нам нужно еще подумать насчет того участка, на котором будут введены в прорыв танкисты. — И оба они опять склонились над картой.

Работая, Ватутин чувствовал, что на душе у него становится легче и спокойнее. Хорошо, что Василевский приехал, он не будет один все те бесконечно длинные и в то же время необычайно короткие двенадцать часов, которые остались до первого оружейного залпа артиллерийской подготовки.

Принесли последнюю метеосводку. Ватутин взял ее и недовольно крякнул.

— Вот безобразие! Со второй половины ночи снег!.. Видимость менее километра. — Он протянул сводку Василевскому: — А впрочем, нет худа без добра. Туман поможет достигнуть большей скрытности.

— Вы убеждены, что в таком тумане артиллерия накроет цели? А как будет с авиацией?

Ватутин подумал. Он понимал, что от его ответа зависит многое.

— Я убежден, Александр Михайлович, — проговорил он твердо, — артподготовка удастся. Вся система обороны противника нами основательно изучена. А что касается авиации, так ведь и у них самолеты останутся на аэродромах.

Василевский с каким-то новым интересом поглядел на Ватутина. Он ясно ощутил, что именно теперь, когда идет проверка характера на излом, только теперь он узнает его до конца, хотя и раньше был в нем уверен.

Конечно, при всей своей выдержке Ватутин не так уж внутренне спокоен, как старается показать. Он и не может быть спокоен, потому что противник силен и опытен, и кто знает, что предпримет он в каждую следующую минуту.

— Решение принято, и решение правильное, — сказал Василевский медленно и раздумчиво. — Откладывать дальше невозможно. Есть все признаки того, что гитлеровское командование намерено перейти под Сталинградом к обороне...

— И признаки явные. Уже две дивизии они оттянули в резерв, — сказал Ватутин, радуясь, что мысли Василевского совпали с тем, о чем думает он сам. — Со дня на день они начнут строительство новых укреплений, и тогда обстановка крайне усложнится. Словом, «промедление смерти подобно».

— Да, да, — живо отозвался Василевский, — сейчас мы находимся в выгодном положении. А потом каждый день будет работать против нас.

Они посмотрели друг на друга, и оба невольно улыбнулись. Каждый понял, что говорит все это не столько для себя, сколько для того, чтобы поддержать и ободрить своего собеседника.

Узкий луч фонаря не достигает стены сарая в десяти метрах. Скверная штука. Ватутин прошелся по тропинке,

несколько раз мигнул фонариком. Да, не воздух, а какая то влажная вата.

И тишина поразительная... От такой тишины еще больше взвинчиваются нервы, так умолкает враг за мгновение до выстрела, чтобы вернее прицелиться, приглушив дыхание.

Прислонившись к выступу дома, Ватутин старался со всей отчетливостью представить себе еще раз все то, о чем так много размышлял последнее время. Конечно, многие продолжают считать его излишне дотошным и даже мелочно-придирчивым. Ну а как поступить, если ветер кружит хлопья мокрого снега, кто знает, не покрыты ли гололедом высоты, по склонам которых начнут взбираться солдаты.

Туман и гололед! Они могут войти в союз с врагом, и это может стоить жизни тысячам его солдат. А время неумолимо, его не остановить, если бы даже все орудия мира одновременно ударили по нему залпом. Да и как его увидеть, как ощутить! Оно становится осязаемым, лишь отойдя в вечность, в морщинах, в седине, в разлуке с ближайшими друзьями.

«Больше выдержки, Николай! — прошептал Ватутин, — больше выдержки! Время надо сделать союзником, а там уж будет видно». Все приготовления закончены и на фронтах Рокоссовского и Еременко. Три фронта!.. Сотни тысяч солдат. И у каждого единственная жизнь, свое представление о счастье.

— Семенчук?!

На крыльце морозный скрип подошв.

— Слушаю, товарищ командующий!

— Тут неподалеку есть холм?

— Есть, товарищ командующий!

— Ты можешь отвечать потише? Взвали-ка на себя всю солдатскую выкладку да взберись на него. Ты взберешься — значит, и солдат взберется...

Ватутин толкнул дверь и вошел в дом. В небольшой, ярко освещенной комнате начальник связи фронта с виноватым видом давал Иванцову какие-то объяснения.

— Что случилось?

Иванцов досадливо пожал плечами:

— Да вот прервалась телефонная связь с Москвой! И мне объясняют, почему ее нельзя быстро наладить.

— Прервалась связь? — строго спросил Ватутин. У начальника связи лицо стало покрываться красными пятнами. — Да не надо мне никаких объяснений! Даю час времени! Слышите! Товарищ Иванцов, возьмите это дело в свои руки.

Не хватало только того, чтобы в самый ответственный момент прервалась связь. Теперь, когда каждую минуту нужно ждать звонка из Ставки! Когда нужно все время докладывать о том, что происходит на фронте!

Начальник связи, как-то неловко сдвинув плечи, поспешно вышел из комнаты. Он мог убедительно доказать, что он ни в чем не виноват. Обрыв произошел где-то далеко за пределами фронта. Но его доказательства сейчас никому не нужны. Нужна связь. И он должен ее обеспечить любой ценой. Что касается армий, то с ними связь бесперебойна. Радиостанции включены на прием и ждут условного сигнала из штаба фронта.

Время перевалило далеко за полночь. Считанные часы остались до начала наступления.

Еще два раза посылал Ватутин Семенчука с приказом взобраться на холм. Семенчук бегом и ползком поднимался по крутому скату и, взмокший, усталый, докладывал, возвращаясь, что хотя и скользко, но подняться вполне возможно. И каждый раз Ватутин с волнением ожидал его прихода.

После того как Семенчук едва доплелся с холма в третий раз, Ватутин, повеселев, сказал:

— Ну и упорный ты мужик, Семенчук. После войны пойдешь в альпинисты.

3

Телефонную связь с Москвой восстановили лишь под утро. Василевский доложил Ставке, что, несмотря на сложные метеорологические условия, решение начинать остается неизменным.

Часы в руке Ватутина показали семь часов двадцать восемь минут. Грачев снял телефонную трубку и приказал соединить его с радиостанцией.

— Начнем, Александр Михайлович? — спокойно спросил Ватутин. Только блеск глаз выдал охватившее его волнение.

Василевский кивнул головой.

— «Лебедь»! — сорвавшимся голосом крикнул в трубку Грачев.

И тотчас по радио, по проводам, по всему фронту, загремело «Лебедь!». Это плавное сказочное слово прозвучало стремительно и грозно. Его торопливо произносили в штабах армий, оттуда оно передавалось в штабы корпусов, дивизий, полков. В землянках на артиллерийских позициях его повторяли телефонисты.

Начальник связи фронта, усталый и счастливый, стоя в блиндаже среди стрекочущего шума аппаратов, платком вытирал со лба пот.

— Пойдем послушаем, — сказал Ватутин.

Все вышли на улицу. В белесой зыби тумана рождалось утро. Где-то в глубине смутно угадывались неясные очертания домов. А издалека доносился гул канонады. Он все нарастал и нарастал, разливаясь по всему фронту.

На крыльцо выбежал Иванцов и, остановившись перед Василевским, отчеканил радостно и торжественно:

— Донской фронт тоже приступил, товарищ генерал-полковник!

Василевский повернулся и пошел в дом — доложить в Ставку: «Битва началась!»

А Ватутин остался. Он стоял и слушал. Там, по ту сторону, у гитлеровцев все летит к чертям. «Генерал Вейхс, слышите вы нас? Мы говорим достаточно громко и определенно. Чем вы нам ответите?»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1

— Федя, я пойду с вами! — Марьям крепко сжала руку Яковепко.

Он сердито посмотрел на нее.

— Да ведь ты еще никогда не была в боях!

— Все равно. Я уже сказала командиру взвода. Когда-нибудь надо же пойти в первый раз...

Яковенко охнул:

— Вот несчастье на мою душу! Сидела бы на заводе. Так нет, думай теперь за тебя!..

Он повернулся и быстро пошел по тропинке. Его высокая фигура сразу растаяла в тумане. Марьям позвала: «Федор!» Но звук его шагов удалялся. Она осталась

стоять на месте, чувствуя себя одинокой и несчастной, не замечая снега, который падал ей на лицо.

А Федор быстро шел привычной тропинкой к штабной землянке. Туда недавно зачем-то вызвали командира взвода: авось удастся убедить, что совсем незачем включать Марьям в группу, которая будет действовать самостоятельно в тылах врага. Ведь она же еще ни разу не была в настоящей операции. Одна обуза... В нем, как всегда, боролись противоречивые чувства. Он и гордился ею, и негодовал на нее. Все, что она делала, казалось ему просто-напросто безрассудным упрямством. И зачем он тогда написал ей это дурацкое письмо? Да кто же знал, что все так обернется? Он ожидал чего угодно, но только не приезда ее на фронт.

Вдруг из тумана вынырнул человек и с ходу налетел на него. Это оказался политрук Макеев.

— Ты, Яковенко? Беги скорей в блиндаж к Дзюбе, — быстро сказал он. — Ноги в руки и через минуту там!..

— А что случилось? — с волнением спросил Федор.

— Партийный билет тебе вручать будут. Вот что случилось! Беги быстрее!

Уже с тумана до Федора донеслось:

— А потом приходи в овраг, на митинг!

Он бросился бежать, по дороге чуть не сбил с ног нескольких человек, через полминуты загремел сапогами по ступенькам знакомой землянки.

Его вдруг охватило горячее волнение, глубокое и радостное, но вместе с тем совсем не похожее на то, какое он испытал, когда получал первую боевую награду. Орденов можно получать много, а партийный билет дается один и на всю жизнь.

Обсуждение вопроса о приеме Яковенко Федора Константиновича в члены Коммунистической партии заняло всего несколько минут. Теперь уже ни у кого не было сомнения, что Федор Яковенко, кандидат с просроченным стажем, не только может, но и должен быть принят в партию. Командир разведчиков, старший лейтенант Терентьев, тот самый, кто прошлый раз первым проголосовал против, сейчас первым же подал голос за его прием.

Федор стоял посреди землянки, держал в руках партийный билет и смотрел на него, не вполне веря, что наконец совершилось то, о чем он и мечтать не смел еще

совсем недавно, в те горькие дни, когда его имя произносилось с насмешкой...

Крепко сжав в руке партийный билет, Яковенко быстро вышел из блиндажа и бросился искать Марьям. Он нашел ее на том же месте, где оставил, у входа в землянку.

— Марьям! — горячо сказал он. — Ты только посмотри, что я получил. Посмотри, Марьям!.. — Он сунул ей в руки билет и вытащил из кармана электрический фонарик.

Круглый яркий луч осветил развернутый билет и маленькую фотографическую карточку, с которой прямо на Марьям смотрело напряженно улыбающееся лицо Федора. Гимнастерка та самая, в которой он сейчас. Только волосы тщательно причесаны. Нет тех вихров, над которыми она все время смеется.

Он молча наблюдал за тем, как осторожно трогают края билета ее пальцы. Его плечо касалось ее плеча, головы их склонились рядом.

Издали доносился голос Дзюбы. В овраге шел митинг. А они продолжали стоять у землянки, обжитой и теплой, которую совсем скоро покинут навсегда. Стояли, держась за руки, как дети, и молчали, уверенные, что уже никогда не расстанутся.

Так их и застал рев артиллерии, который вдруг громом загремел где-то в ближнем тылу и мгновенно заполнил собой все...

2

Дом вздрагивал, стекла звенели, казалось, огромная тяжесть навалилась на крышу и сейчас ее продавит. Коробов смотрит на часы. Канонада длится уже сорок минут. За окном сизые рассветные сумерки. Снег. Туман.

Коробов прислушивается к непрерывному гулу орудийной стрельбы и, сдвинув рукав, поглядывает на часы. Рука чуть дрожит от скрытого волнения. Мысли толпятся, выталкивают одна другую, лезут сразу все вместе.

Приближается решительный момент атаки. Теперь надо добиться, чтобы не было ни малейшего разрыва между артподготовкой и мгновением, когда подымется пехота.

О чем бы Коробов ни думал, он непрестанно чувствует, как движется время, — секунда за секундой, минута за минутой.

Восемь пятьдесят!

Гудит телефон. Это Ватутин.

Голос у него напряженный, тихий, но по-особенному внятный.

— Ну в добрый час! Действуй, Михаил Иванович!

Коробов приказывает начальнику штаба:

— Сигнал атаки!

И в небо взвиваются красные ракеты...

Пехота пошла...

Артиллерия продолжает бить по обороне противника. Но привычное ухо уже слышит: разрывы отдалились куда-то в глубину.

Огромная сила поднялась по всему фронту. Пришли в движение корпуса и армии. Загремели гусеницами танки. Устремив глаза в землю, пошли впереди пехоты саперы, держа перед собой миноискатели, не слыша ничего, кроме тонкого писка в мембране.

Битва гремит на всем протяжении ста двадцати километров Юго-Западного фронта и ста пятидесяти — Донского.

А в Сталинграде, собрав все свои силы, перешли в наступление армии Чуйкова и Жадова.

3

Марьям не услышала команды «Вперед!» Но когда вдруг откуда-то справа стал нарастать крик «ура» и бойцы стали перелезать через край окопа, она поняла: вот оно! Началось. Она тоже выпрыгнула из окопа и, придерживая бьющую по боку медицинскую сумку, бросилась бежать вслед за Терентьевым, широкая спина которого мелькала впереди. Иногда он оборачивался и махал рукой — не отставать!

Но бойцы и так бежали изо всех сил, стреляли куда-то из автоматов, а куда, Марьям не видела.

Она не уловила мгновения, когда ее сбило с ног. Она лежала оглушенная, затем приподнялась, чувствуя, что цела. И вдруг увидела, что совсем рядом на снегу лежит боец. Он старается подняться, упираясь правой рукой о снег, приподнимается и тут же бессильно падает. Марьям

подбежала к нему, перевернула на спину и быстро распахнула шинель у него на груди. Руки у нее тряслись от тяжести и от страха, что он сейчас умрет. Раненого она узнала сразу. Это тот самый солдат, который ночью пришел в свою избу. Хозяин! Петр Петрович Дикий! Боже мой, какой он тяжелый! Она разрывает гимнастерку, а затем залитую кровью рубашку. Огромный осколок сидит у него в груди над сердцем. Что делать? Вынимать или нет? Она слышит вблизи топот чьих-то ног. Санитары!.. «Сюда, сюда!» — кричит она. Но в это мгновение голова Дикого вдруг бессильно падает на бок. Умер!..

Мимо нее, лязгая гусеницами и стреляя на ходу, мчатся танки. Они появляются из тумана и уходят в туман. Но теперь уже видно дальше, чем ранним утром. Вдалеке темнеют проволочные заграждения. Пехота уже достигла их и сейчас преодолевает первую линию обороны врага.

Марьям бежит вперед. Она знает, ей много раз объясняли, что нужно бежать за танками. Через минуту она догоняет цепь. Где ее взвод, она не видит, но вокруг знакомые лица. А вот и командиры роты Викторов.

— За танками! За танками! — кричит он и первым бросается через поваленные гусеницами проволочные заграждения; колючки вырывают у него полу шинели, но он и не замечает этого в горячке боя.

Вот из-под гусениц переднего танка метнулось пламя, полетела земля, взвихрилось облако белого дыма. Марьям показалось, что танк взорвался, но он только покачнулся и опять пошел дальше.

Стрельба усиливается. Впереди оживают как будто уже мертвые дзоты противника. Бьют пулеметы, и Марьям явственно слышит посвист пуль.

И вдруг, словно ударившись о невидимую стену, люди останавливаются. На землю упал один, другой, третий... Залегли. Марьям оказалась рядом с Викторовым. Его бьет озноб злости. Она видит его искаженное лицо и слышит, как он твердит самому себе: «Нельзя лежать! Нельзя лежать!» — Но земля его словно держит.

Внезапно Викторов вскакивает во весь рост.

— За мной! — кричит он, бросаясь вперед.

Марьям с трудом отрывается от земли и послушно следует за ним, оглядывается и видит: бегут пять-шесть человек. В быстроте бега она не может разглядеть их лица. Но остальные лежат.

Викторов тоже оглядывается и вдруг голосом, который перекрывает шум боя, кричит зычно и властно:

— Коммунисты, вперед!..

В это мгновение Марьям вспоминает о Федоре. Где он? И сразу же видит его в двух шагах от себя. Крепко сжимая автомат, он промчался мимо и все-таки успел на бегу взглянуть на нее.

Возглас командира подымает роту. Она преодолевает последние сто метров и врывается в окопы противника. Яковенко прыгает прямо на пулеметчика в серо-зеленой шинели, который, откинувшись к стене окопа, пробует слабо защищаться. Рядом Зайцев стреляет вслед убегающим солдатам, которые, отстреливаясь, спускаются вниз по бугру. Над окопами стелется дым...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1

Куда направить следующий удар? Стрелы, стрелы... Красные, синие... Они то круто изгибаются, то, похожие на хищные клювы, стремятся вопзиться одна в другую.

И все в таком дьявольски сложном переплетении, что непосвященный взгляд сразу бы и не понял, добились ли войска успеха или понесли поражение.

— Товарищ командующий! Гапоненко просит помощь танками! У него наметился прорыв... — Иванцов нависает над столом, держа в левой руке только что полученную шифровку, а правой сжимает остро отточенный карандаш, которым уточняет на карте изменения в обстановке.

Ватутин следит за острием карандаша и по торопливой тщательности, с которой Иванцов прорисовывает совсем незначительное продвижение армии, угадывает, что тот на стороне Гапоненко.

— Нет, Иванцов, пока танков ему не дам... Пусть не просит.

Карандаш дрогнул. Шея Иванцова налилась краской.

— Но, товарищ командующий, если он прорвется, то поможет Коробову!

— А зачем Коробову его помощь? У него достаточно своих резервов.

Иванцов молчит: он не согласен. Молчит и Ватутин.

Он знает, что если станет подчиняться обстоятельству

вам, которые кажутся то благоприятными, то могут привести в полное уныние, то превратится во флюгер, непрерывно вращающийся под ударами жестокого ветра войны, и тогда наверняка проиграет сражение.

Вот Рыкачев спорил, доказывал, раздражал, а сейчас вырвался вперед и добился большего успеха, чем соседние армии Коробова и Гапоненко. И только вот четырнадцатая дивизия почему-то долго топчется на месте, никак не может продвинуться даже на километр.

— Семен Павлович! — Ватутин придвинулся к Иванцову и, чтобы снять напряжение, дружески дотронулся до его плеча, — взгляни-ка лучше сюда. — Он провел тыльной частью карандаша по широкой у основания красной стреле, выдвинувшейся далеко вперед; сжатая с двух сторон синими стрелами, она казалась языком пламени.

— Заметьте, что Вейхс в этом районе ослабил сопротивление!

— Но ведь Рыкачев действует на узком участке, у него и силы значительнее.

— Нет, Вейхс что-то задумал. Соедините-ка меня с Рыкачевым.

Кто-то сказал, что телефон — враг истории. В былые времена, когда не было телефонов, полководцы общались с командирами при помощи письменных приказов. Эти документы, сохранившиеся в архивах, подчас несколько фраз или слов, объясняли потомкам причины и следствия того или иного решения. А сказанное по телефону навсегда умирает. И попробуй через много лет разобратся, чья воля и какие обстоятельства изменили план сражения.

Ватутин перехватил из руки Иванцова трубку и услышал сдержанный голос Рыкачева.

— Рыкачев слушает!

Его голос звучал подчеркнуто спокойно, и Ватутин, выдержав внимательный взгляд Иванцова, покрепче сжал трубку.

— Почему топчется четырнадцатая? — спросил он, прищурившись и разглядывая карту, чтобы не ошибиться в деталях, если Рыкачев станет долго объяснять обстановку.

Но Рыкачев остался немногословен.

— Я прикрываю свой левый фронт, товарищ командующий. Соседи мне не помогают. — Он тактично не

назвал ни Коробова, ни Гапоненко, но этим лишь подчеркнул свое превосходство перед ними.

— Как ведет себя противник?

— Продолжает отход.

Сдерживая раздражение, Ватутин положил трубку. Нет, Вейхс пока не раскрывает своих карт. С резервами следует повременить. Преждевременно бросить их вперед сейчас, когда оборона противника еще не прорвана и две армии из трех наступающих на главном направлении не имеют серьезных успехов.

А как дела у Рокоссовского? Иванцов протягивает последнюю сводку. С Донского фронта тоже сообщения неутешительные. Армия, которая должна прикрывать от возможных ударов левый фланг наступающей группировки Юго-Западного фронта, продвинулась вперед от исходных рубежей в самой незначительной степени.

— Товарищ командующий, может быть, мы все же введем в прорыв кавалерийские корпуса? — говорит Иванцов. — Они начнут громить тылы...

— Нет, не будем пока вводить!

— Какое ваше решение?

— Ждать.

— Но, товарищ командующий...

Ватутин резко поднялся, зашелестела карта, и Иванцов крепко сжал ладонями щеки, вглядываясь в сумятицу стрел. Ему казалось, что выжидание уже переходит в медлительность. Нельзя соглашаться с Рыкачевым, нужно действовать, развивать успех.

А Ватутин напряженно думал, что сейчас сделают не только Вейхс, но также Паулюс, Гот и Штеккер. Они, конечно, принимают все меры, чтобы предотвратить отход своих войск.

Его взгляд прикован к станице Распопинская. Синие стрелы! Они обращены и в ее сторону. Но подтягиваются ли сюда основные резервы? Разведка подтверждает, что именно в Распопинской сосредоточиваются большие силы немцев.

А Клетская? Здесь есть продвижение, но это левый фланг армии Коробова.

Нанести удар на Клетскую?.. Это сразу отвлечет силы немцев от Распопинской, ослабит их сопротивление.

Хотя до Ватутина доносился лишь отдаленный гул артиллерийской канонады, он чувствует себя непосредст-

венным участником боя, и при этом на всех участках фронта.

Каким-то краем сознания он понимал, что именно ради этих дней и часов прожил суровую, лишенную многих радостей жизнь. Помнится, прежние его командиры почти всегда бывали довольны тем, что им попался такой добросовестный, усидчивый, неутомимый начальник штаба. «Работяга!» — говорили они, не подозревая, что действиями этого сдержанного в проявлении своих чувств человека руководит талант, страстное увлечение своим делом. Его исполнительность была выражением упорства, а неутомимость — целеустремленности. Он учился твердо идти к своей цели начиная с самого детства. Еще с того времени, когда всю ночь проплакал в телеге, требуя, чтобы дед отправил его в земскую школу в Валуйки...

Клетская?! Через несколько минут вокруг Ватутина собрались все, кто может помочь советом: начальник оперативного отдела, командующие артиллерией и авиацией, начальник разведки, Соломатин.

Оживлены усталые лица. Конечно, все истомлены — нужен успех! Еще несколько часов топтания, у солдат угаснет порыв, и тогда вновь — оборона. Именно этого и добивается Вейхс. Он введет в бой свежие части.

И все же как трудно принимать решение!

Ватутин выслушивает всех, продумывает и сопоставляет самые противоречивые мнения. Да, оборона противника прорвана еще не везде, но ждать, пока пехота прорвет ее, — это уже действительно смерти подобно.

Решено! Действовать немедленно! Наступать смело, даже, может быть, дерзко, но не терять при этом хладнокровия и осмотрительности.

От сильного нажима карандаш, которым писал Ватутин, сломался, оставив на карте красные лучики. Ватутин бросил карандаш и резко поднялся.

Иванцов, который в эту минуту только что кончил говорить по телефону со штабом Донского фронта, понял, что Ватутин принял важное решение.

— Посмотрите-ка сюда, Иванцов! — Ватутин коротким движением указал на карту. — Как ни верти, а ждать больше нельзя. Мы имеем значительный успех у Верхне-Фомихинского и вот здесь, левее, у поселка Большой. Надо немедленно ввести в этих направлениях танковые корпуса Родина и Буткова, а со стороны Клетской —

Кравченко. Танки завершат прорыв обороны, и мы проникнем в глубокие тылы. И сейчас же послать туда конницу и мотоциклетный полк! Необходимо парализовать противника! Поддержать дух солдат!.. Нам очень важен первый успех! Он решит многое...

Иванцов на мгновение задумался:

— А не слишком ли дорого будет это нам стоить?

— В каком смысле?

— Танков много потеряем...

— Да, потери будут! Ну а если мы втянемся в длительные бои, нам это обойдется гораздо дороже. Срочно готовьте приказ. Я посоветуюсь с Василевским.

Решение Ватутина одобрено. Василевский сразу же уехал в танковую армию, чтобы быть ближе к событиям, которые с этого момента стали нарастать со все большей стремительностью.

В двенадцать часов дня танковый корпус Родина вошел в прорыв. Через час загремели танки корпуса Буткова. Со стороны Клетской двинулись танкисты Кравченко.

Поднимая снежную пыль, танки разошлись по своим направлениям, а к линии фронта уже выдвигался конный корпус. Шли строем по шесть лошадей в ряд. Земля тряслась под мерными ударами копыт. Кони рвались вперед.

Холодный ветер мел колючую поземку, туман медленно расползлся, открывая белый простор степи...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

1

Было около двух часов дня, когда дивизия Чураева наконец прорвалась через всю полосу укреплений, и сразу стало легче. Противник продолжал ожесточенно сопротивляться, контратаковать, но теперь он уже не имел недавних преимуществ. Его не защищали ни толстые стены дзотов, ни глубокие ходы траншей.

Поздно вечером, когда уже стало невозможно преследовать врага в прежнем темпе, решено было перегруппироваться и дать людям отдохнуть. И тут Чураев неожиданно вспомнил один свой недавний разговор с Коробовым, — разговор, который сильно задел его за живое.

Это случилось после очередного доклада о состоянии дивизии. Наученный горьким опытом, Чураев старался

говорить как можно проще и точнее, избегая общих мест и гладких, обтекаемых формулировок, но зато подробно останавливаясь на самых даже как будто незначительных мелочах.

Командарм внимательно, но как-то хмуро выслушал его, а в заключение с неожиданной резкостью сказал, что все это очень хорошо, но он опять и опять напоминает полковнику, что следовало бы предоставить командирам полков побольше самостоятельности и поменьше опекать их. Дескать, по-настоящему руководить — вовсе не значит водить людей за ручку, утирать им носы и одергивать за каждый без спросу сделанный шаг.

После этого разговора Чураев два дня ходил мрачным. Он решил, что кто-то из командиров полков недоволен его руководством и довел об этом до сведения начальства.

Из всех, кто его окружал, он считался только со своим замполитом Кудрявцевым. Конечно, «профессор» (как звал его командарм) — умный человек. Но в военных делах он еще слабоват, слабоват...

Как бы там ни было, этот неприятный разговор Чураев запомнил и, зная крутой нрав Коробова, несколько ослабил «вожжи», впрочем, отнюдь не выпуская их из рук.

Управлять частями в длительной обороне сравнительно не так трудно. Все находится на своих участках, связь налажена, штабы — в землянках, и каждую минуту можно вызвать к себе кого угодно. Но с первых же часов наступления, когда обстановка начинает непрерывно меняться, управлять становится все сложнее и сложнее.

И вот наступил момент, когда Чураев понял со всей отчетливостью, что потерял управление полками. Связь прервалась. Туман застилал все то, что делалось впереди. Где они там, что с ними происходит, удалось ли им прорвать укрепленную полосу, он не знал, не видел, даже не мог вообразить... Коробов требовал донесений, а Чураев увиливал от прямого ответа. Он докладывал, что одни части втягиваются в такую-то балку, а другие втягиваются в такие-то хутора. Он прибегал к этому туманному термину каждый раз, когда не мог ответить ничего определенного.

Эти часы стоили Чураеву нескольких лет жизни. Какое преступление на поле боя карается строже, чем поте-

ря управления войсками?! Нет такого преступления! Он сам приговорил себя к высшей мере наказания и не находил никаких смягчающих вину обстоятельств...

И тут на КП пришел Кудрявцев. Он был ранен в руку, бледен от потери крови, но держался. «Профессор» принес первое радостное сообщение: Дзюба гонит противника, и тот отступает перед всем фронтом дивизии. Чураев, сдерживая радость, приказал спешно нанести обстановку на карту, подписал ее и с нарочным отправил в штаб армии.

Все обошлось. Но сейчас, в короткую минуту неожиданного отдыха, сидя в полуразрушенном амбаре на краю полевой дороги, он вдруг вспомнил прожитый день от начала до конца, и ему стало не по себе. Ведь его и в самом деле могли ожидать большие неприятности!

Как же все это случилось? И что, собственно, произошло? Ответ простой: он думал, что все пропало, и метался в бессильной тревоге, а его полки в это время дрались. И между прочим, сделали свое дело как надо. Однако ведь это же азбучная истина: когда управление войсками потеряно, взаимодействие между частями нарушается, и на поле боя начинается форменный кавардак...

Но ведь не начался же! Отчего?

Очевидно, по двум причинам.

Во-первых, должно быть то задание, выполняя которое, каждый полк начинает свое наступление. Если только задание поставлено верно, оно не так-то скоро теряет свое организующее и направляющее значение, нет надобности все время проверять исполнителей, подталкивать их и подсказывать им.

Во-вторых, если командир — человек с головой и знает свое дело, он способен и сам развивать ту мысль, которая заложена в его задании, способен перестраиваться в зависимости от сложившейся обстановки, командовать и вести за собой людей на свой страх и свою ответственность...

Так и вышло. Его командиры оказались настоящими командирами — теперь уже не на учениях, а в деле. Этому нужно было бы радоваться, но радости почему-то не было. Чураев прекрасно понимал, что на этот раз многим обязан своим подчиненным, и сознание это лежало у него на душе тяжелым упреком. Он так привык распоряжаться судьбами других, так привык считать себя лучше и

умнее всех тех, кто стоит ниже его на ступеньках служебной лестницы... И это еще не все — он привык считать себя человеком железной воли и до сих пор был искренне убежден в этом. Но ведь, если не лгать самому себе, его нервы сдали, когда он увидел, что оторван от своей дивизии. Он оказался в смешном и нелепом положении кучера, от которого убежала лошадь...

Но ведь это же в конце концов и есть то самое, о чем говорил тогда Коробов... Командарм прав, обижаться было не на что. Быть хорошим руководителем — не значит ежеминутно напоминать подчиненным, что ты их начальник и что ты диктуешь им свою волю. Совсем наоборот, надо поставить себя так, чтобы подчиненные сами нашли в тебе опору и сами стремились — со всем интересом, со всей живостью осуществить твой замысел, как если бы он был их собственным...

Да, сегодня он получил хороший урок. Он должен найти в себе силы работать иначе. Но как?.. Этого он еще до конца не понимал. Однако в этот поздний час, оставшись наедине со своей совестью, он понял главное. Его дивизия выполнила свою задачу. Выполнил ее и Кудрявцев, и начальник штаба, и командиры полков, и солдаты, а он, Чураев, как человек, коммунист и командир, ее не выполнил...

2

В это время на километр южнее того амбара, в котором Чураев расположил свой командный пункт, в другом полуразрушенном амбаре Дзюба, держа карандаш в стывших от холода руках, при свете «летучей мыши» писал, склонившись над планшетом, отчет о действиях полка за минувший день.

На душе у Дзюбы было горько... Нынче в бою погиб замполит Жигалов. Пуля пробила ему голову. Жигалова похоронили на склоне безвестного холма, и снег уже, наверное, запорошил могилу. Теперь замполитом стал Силантьев, батальонный комиссар, присланный сюда из Политуправления фронта. Человек как будто отважный. Он добрался до полка, хотя целый километр ему пришлось ползти под обстрелом. Но Дзюба так сроднился с Жигаловым, так привык видеть его каждый день и час, жить с ним в одной землянке, иногда ссориться, а через

полчаса читать письма из дому от жены, от детей... Нет, он просто не мог представить его мертвым.

Пальцы с трудом выводили на бумаге слова. Дзюба тряхнул головой, отгоняя от себя печальные мысли. Дело остается делом. Так как же все-таки описать сегодняшний бой?..

Его полк действовал совместно с танковым батальоном. Около роты бойцов он усадил на танки и двинул на опорные пункты противника. Два батальона удачно пробрались через проходы в минных полях и было устремились вперед, но были остановлены внезапным огнем из минометов и пулеметов. Из обломков укреплений, дзотов, которые он считал разрушенными, выползли недобитые гитлеровцы и оказывали яростное сопротивление. Вражеская оборона «оживала». Она, правда, не была уже такой сплошной и могучей, как прежде, но все-таки ее огонь нужно еще было подавлять артиллерией. Дзюба позвонил артиллеристам. Они быстро справились с минометной батареей противника.

Пока артиллерия доколачивала оборону врага, Дзюба решил не терять времени и отдал приказ своим батальонам и танкам двигаться вперед по другим направлениям. Подразделения резко свернули влево и ударили во фланг вражеского опорного пункта. Но в это время из-за высоты показались шесть гитлеровских танков, за которыми двигалось до батальона пехоты. Они выходили во фланг и тыл двум атакующим батальонам, угрожая командному пункту Дзюбы, который находился в районе третьего батальона. Противотанковая артиллерия этого батальона подбила два танка, но тут показались еще три танка противника. Дзюба выдвинул вперед бронейщиков, и минут двадцать весь полк ожесточенно стрелял по атакующему батальону. Гитлеровцы несли огромные потери, но не переставали рваться к его командному пункту. Тогда Дзюба поднял третий батальон в контратаку. Танки и батальон вражеской пехоты были уничтожены...

А потом возникали все новые и новые обстоятельства, все время менялась обстановка. Прочитав первые строчки, Дзюба задумался. Как же все это коротко описать? Как привести в порядок всю эту мешанину?.. Отдельные его батальоны несколько раз атаковали противника во фланг и тыл, и сами были контратакованы. Один его батальон около двух часов был окружен и дрался в окру-

жении, затем Дзюба сам двумя батальонами окружил до батальона противника, ходил в атаку всем полком. переходил к обороне, помогал соседям, ему помогали...

К чертям! Разве можно все это описать?! У него времени нет, дел всяких по горло. Да и пальцы совсем онемели.

Он написал всего несколько сухих, коротких фраз: «Задача выполнена полностью. Как уже докладывал, убит замполит Жигалов. Уничтожено до двух батальонов противника, захвачено 100 пленных. Группа Терентьева ушла в тыл противника выполнять задание. Подробное донесение вышлю к 6.00».

Через полчаса Чураев получил пакет с донесением Дзюбы... Как помогло бы ему это донесение разобраться в том, что сейчас больше всего тревожило его, если бы Дзюба не был так скуп на слова!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

1

Для рейда в тыл противника Терентьев подобрал людей надежных, испытанных. Поступок Зайцева показался ему ребяческим, и он, подробно расспросив парня, решил все-таки взять его с собой. Пусть пойдет, злее будет. Впрочем, Дзюба и сам уже смягчился и не стал настаивать на той мере наказания, которую назначил вначале.

Когда начало смеркаться, Терентьев повел свою группу в сторону противника. Марьям шла рядом с Яковенко, который, казалось, еще больше похудел за этот день. Они почти не говорили. Но идя с ним рядом, Марьям чувствовала себя как-то спокойнее.

Скоро стало совсем темно. Одетые в белые маскировочные костюмы, разведчики почти сливались с белесой снежной мглой. Со своего места Марьям уже едва-едва могла разглядеть Терентьева, шагавшего впереди всех. Позади него двигалась сутулая фигура Павла Ватутина, несшего на плечах миноискатель и еще какой-то сверток. Шли молча. О том, чтобы закурить, никто и не думал. Справа и слева стреляли орудия. В темноту летели трассирующие пули. Терентьев послал вперед дозор. В него попали Зайцев и Яковенко. Федор был назначен старшим, и это почему-то обидело Зайцева. Он, конечно, понимал,

что после того случая с пленным румыном его старшим не назначат. И то хорошо, что в разведку взяли. Но почему непременно Яковенко? Оба они сержанты, а к тому же — ровесники. Назначили бы кого другого!

Когда приблизились к высотам, на которых засел противник, Терентьев приказал дозорным прощупать пролегавший между ними овраг. Нельзя ли, прячась в тени его крутых склонов, проникнуть во вражеский тыл? Это было бы очень важно. Над холмами то и дело взвивались осветительные ракеты.

Федор и Зайцев исчезли в темноте, а разведчики притаились за склоном холма. Здесь было сравнительно тихо. Толща холма смягчала грохот орудий. И вдруг издалека допелся приглушенный расстоянием звук громкоговорителя.

Чей-то голос на плохом русском языке кричал в пустоту степи:

— Солдаты Красной Армии, сдавайтесь! Вы окружены!.. Выбирайте между жизнью и смертью!..

Слова звучали так жалко и неубедительно, что диктор, повторив призыв два раза, умолк, а чтобы подбодрить своих солдат, включил джаз.

Что это, неужели вправду? Больше похоже на страшный сон. Стрельба, ночь, скользкий скат заснеженного холма, ракеты, точно на празднике, ветер и эти ноющие звуки...

Вернулся Зайцев и тихо доложил Терентьеву, что в овраге установлен пулемет, но что с правой стороны его можно обойти. Терентьев приказал всем рассредоточиться и ползти, не теряя друг друга из виду. Марьям ползла предпоследней. Было очень трудно, руки то и дело проваливались в свежий, еще рыхлый снег и натывались на острую, колючую траву. Но передний край уже совсем близко, надо ползти, напрячь все силы, но ползти. Медицинская сумка все время сбивается под бок, и ужасно трудно управляться с нею и с автоматом одновременно. Но надо ползти, ползти...

Вдруг по цепи передается тихая команда: «Залечь!» Что такое? Марьям тревожно вглядывается и видит, что там, впереди, несколько человек все же продолжают движение — Терентьев и кто-то еще... Не разобрать...

Разведчики лежат уже у самого края оврага, над которым то и дело одна за другой повисают ракеты, озаряю-

щие все вокруг мертвенно-белым светом. Внезапно откуда-то из глубины начинает бить пулемет. Пули летят совсем низко. Неужели окружены? Марьям зарываеся в снег и слышит, как часто-часто бьется ее сердце...

Стук пулемета прекратился так же внезапно, как и начался. А затем вновь томительное ожидание. Время тянется бесконечно. Может быть, прошло двадцать минут, а может быть — и час. Наконец впереди кто-то появился, что-то сказал, и разведчики цепочкой двинулись вдоль правого края оврага. Теперь уже можно идти нагнувшись. Это много легче. Вдруг из темноты появляется Терентьев. В своем балахоне он похож на большого белого медведя.

— Марьям, — говорит он тихо, — где ты?

— Здесь, — отвечает Марьям.

— Сумка с тобой?

— Со мной!

— Бинты есть? Давай!..

— Я сама перевяжу! Кого? — говорит она, с тревогой думая о Яковенко.

— Да нет... Тут у меня царапипа. Справлюсь...

Но она не дает ему бинт, и он покорно расстегивает халат, шинель, гимнастерку и нагибает к ней плечо.

— Пулеметчиков сняли, — тихо говорит он, — один хотел кинжалом ударить. Видишь, только скользнул... А пулемет наш!

Продвинулись еще метров на сто. И вдруг Марьям замерла. Сверху, по пологому скату, прямо на нее спускалось несколько человек. Передний освещивал себе под ноги фонариком. Это был офицер, за ним шли трое солдат. Они поравнялись с Марьям, пересекли овраг и, о чем-то говоря между собой, стали взбираться по другому склону. Не заметили!.. Марьям перевела дух.

Когда гитлеровцы скрылись, Терентьев подозвал к себе Яковенко.

— Вот что, Федор, — быстро сказал он, — ты перетяни пулемет на край оврага. А мы пойдем за ними. По всей видимости, там штаб... Если нас обнаружат, будешь прикрывать отход группы... Зайцев останется с тобой. — Он помедлил и добавил: — И Марьям!.. А потом отходи сам туда, к лазу. Мы будем ждать за оврагом...

Федор с помощью Зайцева перетащил пулемет из ячейки, где лежали убитые вражеские солдаты, на верши-

ну оврага и установил его в кустах. Отсюда, оставаясь незамеченными, они могли обстрелять другой, более низкий, край оврага, и в то же время у них оставался путь к отходу.

Лежа на снегу рядом с Федором, Марьям видела, как по противоположному скату поползли вверх сероватые тени. Затем они растворились в темноте, и на некоторое время стало тихо. Она смотрела перед собой до боли в глазах, но ничего не видела...

Федор лежал за пулеметом, крепко сжав рукоятку. Сбоку вздыхал Зайцев. Марьям хотелось сказать Федору что-то очень хорошее, хотелось спросить, видел ли он ее утром, когда пробежал мимо, или только случайно обернулся в ее сторону. Нет, не может быть, чтобы случайно! Какое все-таки счастье, что они здесь вместе, что вообще они встретились...

Вдруг по ту сторону оврага раздался взрыв, за ним другой, третий... Послышались крики. Где-то совсем рядом застучал пулемет. И почти тотчас вниз по скату оврага заскользили светлые тени.

— Бегут!.. Бегут!.. — засуетился Зайцев. — Стреляй, Федор! Стреляй!..

— Куда стрелять? — зло ответил Федор. — По своим, что ли!..

Марьям сжала автомат. Ей неудержимо хотелось вскочить и броситься вперед, лишь бы не лежать в кустах, из которых ничего толком не видно.

— Ага, вот они! — вдруг прошипел Федор, и пулемет затрясся, стреляя трассирующими очередями по темным фигурам, которые катились вниз по противоположному склону оврага, вслед за светлыми теньями.

Черные фигуры падали, ползли, вскакивали... Слышался крик, даже чей-то стон.

Зайцев вдруг привстал на коленях и бросил гранату. Неудачно!.. Граната упала на дно оврага и там разорвалась.

— Марьям! Отползай в сторону, — хрипло сказал Федор, — они тоже будут кидать!.. Зайцев, еще гранату... Быстро!..

Но Зайцев уже исчез где-то в темноте. Федор, ругая Зайцева на чем свет стоит, толкнул пулемет в яму и крикнул Марьям, чтобы она скорее прыгала в овраг. Они прыгнули вместе. В это мгновение там, где они только что

стояли, разорвалась граната. Федор метнул гранату снизу вверх, и кто-то тяжело покатылся по склону.

— Марьям, бежим!..

Они побежали. А сзади уже разгоралась пальба. Стреляли беспорядочно, в разные стороны. Очевидно, нападение на штаб всколыхнуло всю оборону.

Вдруг Марьям споткнулась обо что-то и упала.

— Ранена? — крикнул Федор.

Она поднялась со снега.

— Нет, не я. Это Зайцев!

Федор нагнулся над Зайцевым, который лежал, распластавшись на снегу.

— Вот! — сказал он сквозь зубы. — Бежишь раньше времени, а ведь не убежал. Оставить тебя тут, труса этакого, и все!

И вдруг в темноте раздался прерывистый шепот:

— Ради бога!.. Ради бога!.. Возьмите меня с собой, не оставляйте... Ради бога!..

— Ишь ты, бога вспомнил! Ну, вставай!.. — Федор нагнулся над ним и помог встать на ноги. Марьям поддерживала его с другой стороны. — Теперь помоги мне взвалить его на спину. Вот так... А ты беги, беги, Марьям, я сам его дотащу!..

Но Марьям не побежала. Она шла чуть позади, держа автомат наготове.

Вскоре они достигли выхода из оврага. Здесь их ждали остальные. Окруженные разведчиками, понуро стояли пятеро захваченных в плен немецких солдат.

Рана, полученная Терентьевым, оказалась опаснее, чем это ему померещилось в горячке боя. Он потерял много крови и ослабел.

Федор вынул из мешка плащ-палатку, расстелил на снегу и почти силой заставил лечь на нее Терентьева. Затем знаками он приказал четырем немецким солдатам взять плащ-палатку за углы и тащить. Терентьев тихо постанывал, плечо и рука мучительно болели.

Рядом с палаткой брел, увязая в снегу, щуплый немец в очках. Это он нанес удар Терентьеву. Солдата бил мелкий озноб, он искоса с каким-то затаенным отчаянием поглядывал на раненого и, очевидно, каждую секунду ждал, что ему пошлют пулю в голову.

— Посмотри, что ты наделал, гадина, — крикнул ему Федор и взмахнул перед его лицом автоматом.

Пленный остановился и, не понимая русского языка, решил, что его час настал. Закрыл лицо руками в черных рваных перчатках и судорожно зарыдал.

— Не надо его трогать, ребята, — сказал Терентьев, — пусть живет. Пусть знает душу русского человека...

— Слышишь? — прошептал Павел Ватутин, трогая за рукав ковылявшего по тропинке Зайцева. — Ты слышишь?..

Зайцев тяжело вздохнул, жалобно взглянул на Павла и заковылял дальше...

Верный своему предельно лаконичному стилю, Дзюба в очередном донесении посвятил этому ночному поиску всего две строчки: «Разведгруппа действовала успешно. Уточнила обстановку и доставила на КП пять пленных. Потерь нет. Два ранения».

Но были еще и другие итоги этой небольшой операции. В эту ночь Яковенко наконец понял по-настоящему, что за человек Марьям, как они нужны друг другу.

2

— Товарищ командующий! Прошу не отбирать пять танковых полков. А без тяжелой танковой бригады я не могу продолжать наступление...

— Но поймите, товарищ Рыкачев, мы должны сегодня ночью овладеть Горбатовским. Там три вражеские дивизии против одной нашей кавалерийской и нескольких батальонов гвардейцев. Они же погибнут!..

— Мои люди тоже гибнут, товарищ командующий!

— Товарищ Рыкачев! Вы продвинулись на двадцать километров! Мы должны выровнять фронт!

— Я не виноват, что Гапоненко топчется.

Ватутин чувствует чрезмерную усталость. Волнения прошедших бессонных суток, душевное напряжение — это невысказанно невыносимо выдержать.

— Товарищ Рыкачев, после освобождения Горбатовского танки вам будут возвращены, а пока выполняйте приказ!

Трубка положена. Глубокая ночь. Кончился первый день наступления.

Не все. не все сложилось так, как изображено на красиво вычерченных таблицах. Но основное сделано. Оборона врага прорвана во многих местах. Полностью разби-

ты две дивизии противника и нанесено поражение трем. Армия Коробова продвинулась на своем главном направлении на десять километров, а в армии Рыкачева одна дивизия вклинилась в оборону врага на все двадцать.

Как причудливо изломана линия фронта. Уже наметилось окружение распопинской группировки противника.

Фронт — в движении.

И все же ночь — это ночь. Надо дать хотя небольшой отдых войскам, подтянуть и собрать части...

Под утро, не раздеваясь, лишь расстегнув воротник кителя, Ватутин прилег на койку. «На минутку», — подумал он и сразу же заснул, словно впал в небытие.

А через три часа он уже снова сидел за картой.

Битва разгоралась все сильнее...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1

Перед Ватутиным суровая пустота походного стола, двухцветный остро отточенный карандаш, карта, испещренная красными и синими значками, донесения из армий, телефонные аппараты. Уже обозначалась стрела, летящая навстречу его войскам. Это Сталинградский фронт, начавший наступление двадцатого ноября. Он так же успешно выполняет свою задачу.

Корпус Штеккера! Вот он, на карте точно указано место его расположения. По его тылам, разрушая линии связи, громя склады и обозы, сметая штабы и части охранения, движется советский кавалерийский корпус. Вся вражеская оборона прорвана. Правда, есть еще очаги сопротивления. Вот — в Распопинской, а вот и еще ближе — на участке Коробова, где наступает Береговой. И чего он застрял?.. Почему топчется на месте?..

Ватутин берет трубку, чтобы позвонить Коробову, но в эту минуту в блиндаж входит майор Гришин. В руках он держит телеграмму.

— Товарищ командующий, — взволнованно докладывает он. — Из армии Коробова сообщают, что дивизия Берегового значительно отстала. Противник оказывает ей сопротивление превосходящими силами...

— Черт побери! — не выдерживает Ватутин и бросает телеграмму на стол. — Не может там быть у немцев больших сил. — Он быстро берет телефонную трубку.

Но Коробова на месте нет. Ватутину докладывают, что он уже выехал к Береговому.

2

Дивизию Берегового остановила на пути какая-то вражеская группа, укрепившаяся в широкой балке. Враг удерживал также ближайшие высоты, с которых далеко простреливалась местность.

Выбить ее с ходу Береговому не удалось. Тогда он распорядился плотно обложить балку со всех сторон. По его подсчетам там было сосредоточено много сил, и хотя бы итальянцы или румыны, а то немцы.

Гитлеровцы сначала хотели прорваться сквозь кольцо, но выходы из балки были заперты.

Попробовали перейти в контратаку. После короткой артподготовки двинулись было широкой цепью, но быстро отступили.

Зато всякую попытку Берегового ворваться в их расположение они встречали ожесточенным огнем.

Береговой предпринял уже четыре атаки, и все четыре были отбиты с значительными потерями.

Он с лютой ненавистью смотрел на это чертово логово. Ему и самому было ясно, что долго топтаться на месте, когда вся армия стремительно движется вперед, непростительно. А тут еще Коробов чуть ли не каждые полчаса звонит и спрашивает: «Ну что у вас? Когда же?» Он трижды заверял командарма, что вот-вот двинется дальше, и трижды оставался на месте.

Комдив разносил командиров полков и комбатов, грозил строгими наказаниями, даже штрафным батальоном и возвращался к себе на командный пункт еще более раздраженный.

Здесь он в сотый раз останавливался, глядел на степь и балку, ломая голову над тем, что же теперь делать.

По деревенской улице, подпрыгивая на рытвинах, промчался вездеход Коробова и с разгона затормозил у хаты, где находился командный пункт.

Увидев в окно машину командующего, Береговой быстро сбежал с крыльца.

Коробов стоял около машины, заложив руки за спину.

— Здравия желаю, товарищ командующий,— сказал Береговой громко и как будто спокойно.

Коробов, не здороваясь, кивнул ему головой и жестко спросил:

— Вы намерены сидеть тут до конца войны?

Береговой промолчал.

— Я спрашиваю, о чем вы думаете? — вдруг крикнул Коробов. — Вы, товарищ Береговой, трижды меня обманули! Трижды! Что мне с вами прикажете делать?

Береговой молчал.

Глаза Коробова сузились и потемнели. Было что-то упрямое и вместе с тем нерешительное в плотной фигуре стоявшего перед ним человека, в его холодном, уклончивом взгляде. Да, Ватутин недаром предупреждал, что в этой дивизии надо бывать почаще!

— Товарищ командующий, разрешите доложить, — сказал наконец Береговой, облизывая сухие губы.

— Докладывайте!

— В балке большая группа противника. Если мы пройдем дальше, то они могут пойти по тылам армии... Я докладывал вам об этом!..

— Докладывали... Но ведь вы хвалились, что быстро сомнете их, а они еще сидят.

Береговой, не отвечая, склонил голову.

— Сидят и будут сидеть там черт знает сколько времени, пока лошадей не поедят. Так мы, что ж, год ждать их будем?!

— Что прикажете делать, товарищ командующий?

— Окружить балку полком Федоренко и принудить к капитуляции. Остальными силами идти дальше...

— Товарищ командующий, разрешите доложить, — стараясь сохранить самообладание, опять сказал Береговой, — полк Федоренко не удержит их в балке.

— Нет, удержит! Должен удержать! Где сказано, что надо обязательно иметь в пять раз больше сил, чтобы сковать врага? Ведь вот они же вас держат, а их меньше.

— Это связано с риском, товарищ командующий.

— А вы, что ж, хотите без риска войну выиграть? — Коробов сел в машину и коротко бросил: — Полк будет

поддержал артиллерией... Основные силы двигайте по указанному маршруту... Исполняйте!

И машина тронулась.

3

Ватутину не сиделось в штабе фронта, и он выехал на несколько часов в войска. По пути подъехал к месту, обозначенному на карте красным карандашом. Это была та самая балка, возле которой едва не застряла дивизия Берегового.

Гитлеровцы не пытались отходить. Они думали, что перед ними по-прежнему целая дивизия, и старались удерживать ее на месте как можно дольше.

Хатка, где еще недавно находился командир дивизии, теперь служила командным пунктом для подполковника Федоренко.

Как только Ватутин увидел крепкую, высокую фигуру подполковника в ладно спитой шинели, он сразу узнал его.

Им доводилось встречаться на Воронежском фронте — и даже не раз. В памяти мгновенно возник обрывистый берег Дона под Коротояком, Чижевка, горевшая на вершине холма... За Коротоякскую операцию Ватутин самостоятельно произвел майора Федоренко в подполковники. Это была занятная история. По плану командования полк Федоренко должен был отвлечь на себя внимание противника и дать возможность другому войсковому соединению занять более выгодные позиции и улучшить плацдарм.

Но Федоренко действовал так стремительно, так смело и уверенно, что план пришлось перестроить на ходу. Молодой командир полка стремительно атаковал противника, смял его, сам занял выгодные позиции и улучшил плацдарм.

Под Чижевкой дело обстояло совсем по-другому. Там немцы наступали, гоня перед собой для прикрытия пленных русских, и Федоренко растерялся, позволил им обмануть себя, отдал Чижевку.

Если бы не вмешательство Ватутина, ему бы пришлось плохо. Но Ватутин понимал и чувствовал, что Федоренко стоит поберечь, и разрешил ему предпринять новую атаку. Чижевку отбили.

Сколько времени прошло с тех пор? Около полугода, а кажется, много больше. Впрочем, Федоренко почти не

изменился. Только лицо потемнело, обветрилось да голос стал хрипловатым от морозного ветра.

— А, старый знакомый! — приветливо сказал Ватутин, пожимая большую руку подполковника. — Ну как дела?

Федоренко доложил, что дела в общем хороши, он старается ни на одну минуту не давать врагу покоя, непрерывно обстреливает его. Кроме того, он собрал роту разведчиков и послал их на дороги, чтобы перехватывать вражеские машины и связных, если такие обнаружатся.

— Я думаю, товарищ командующий, они не догадываются, что перед ними всего полк, — сказал Федоренко, широко улыбаясь. Он был радостно взволнован встречей с командующим.

— Очень хорошо, подполковник, очень хорошо! — сказал Ватутин, выслушав доклад. — Правильно действуете. Но не довольно ли нам тратить на них снаряды? Я думаю, они прекрасно поняли, что отрезаны, никакая помощь к ним не прорвется. Предложите им немедленно сложить оружие.

Федоренко приказал прекратить огонь. Вслед за этим над полем загредел голос, в тысячу раз усиленный радиопором:

— Немецкие солдаты, сдавайтесь! Вы в глубоком тылу. Вас ничто не спасет!.. Ваше командование обрекло вас на гибель... В плену вам будет лучше... Немедленно вышлите парламентариев!..

Ответом было несколько артиллерийских залпов, заглушивших голос Федоренко.

— А что, снаряды для «катюш» у вас еще есть? — спросил Ватутин.

— Да, я их берег, товарищ командующий, — ответил Федоренко, — на три залпа хватит.

— Дать по ним два залпа. Посмотрим, что они заговорят.

Через некоторое время ударили «катюши», и над балкой поднялось кровавое зарево. Вражеская стрельба стала беспорядочной.

И опять голос Федоренко загредел над полем:

— Немецкие солдаты! К вам подходит еще дивизия, вы все будете истреблены!.. Сдавайтесь!..

Противник ответил стрельбой, но на этот раз не такой ожесточенной. Очевидно, часть артиллеристов была уничтожена, а другие колебались, не знали, что делать.

Федоренко решил истратить последний залп.

Ватутин одобрил:

— Давайте, давайте! Надо поднять у них настроение, чтобы они живес решали.

Огненный смерч промчался в воздухе над зимним полем. Раздался громовой удар.

— Немецкие солдаты, сдавайтесь! — крикнул в радиорупор Федоренко. — Быстрее, быстрее, а то поздно будет!

Через четверть часа в землянку пришли немецкие парламентареры. Один из них был полковник, высокий, сутулый, бледный, несмотря на мороз. В его воспаленных глазах таилась тревога, ненависть, стыд, мучительное сознание своей слабости. Полковника сопровождал майор. Он шел, вздернув плечи и подняв воротник; лицо его нельзя было разглядеть, видны были только квадратные стекла очков да кончики обледенелых усов.

Ватутин очень спешил, но все же задержался ненадолго, чтобы самому присутствовать при разговоре с парламентарями. Он сидел в стороне, предоставив распоряжаться Федоренко.

— Мы пришлоль по приказаний герр генерал Кляйнберг. Мы согласен сложить оружий, — сказал полковник, с трудом подбирая и коверкая русские слова.

— Давно бы пора, господа, — сказал Федоренко. Сколько вас там?

— Драй полк, — ответил полковник. — Три...

— Три полка? Так! — улыбнулся Федоренко. — А оружий сколько?

— Цванциг, — ответил полковник.

— Двадцать, хорошо, — сказал Федоренко. — Смотрите, чтобы ни одно не было испорчено. Отвечаете головой!.. Немедленно сложите оружие и выведите солдат из балки по дороге, которая идет на запад. Для наблюдения за порядком с вами пойдет рота автоматчиков.

— Зо. Так, — ответил полковник, покорно наклоняя голову.

— Скажите, полковник, — обращаясь к немецкому парламентарю, спросил Ватутин, — на что вы надеялись, оставаясь в балке? Ведь вы знали, что вам нашего наступления не остановить?!

Заметив генерала, который до сих пор не принимал участия в разговоре, парламентар вытянулся и козырнул.

— Генерал Кляйнберг, — ответил он, — думал так: он

будет утрашить советский войск. Советский войск будет бояться попадать. Попадать... как это... по-немецки кас-сель...

— А по-русски котел, — сказал Федоренко.

— Да, да... котел... — поправился полковник.

— А попали в него сами, — сказал Ватутин.

— Мы не думали, что вы име-т так много войск и что ваш генерал будет решаться обходить нас! — ответил парламентар.

— Плохо думает ваш генерал, — усмехнулся Ватутин. — Времена изменились. Пришлось ему самому посидеть в котле. Ну, Федоренко, доводите дело до конца...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Танки идут... Они идут по балкам, тяжело переваливаясь через обрывистые склоны, мчатся по снежной целине, ослепительно сияющей в солнечных лучах.

Проходит день, наступает ночь, а танкисты не выходят из танков. Все время — вперед, вперед! Леденящий ветер дует в смотровые щелп. В танке холодно, даже сквозь меховой комбинезоп пробирает мороз усталых танкистов. Уже двое суток без сна, без отдыха. Дороги слились в одну непрерывную цепь оврагов, полуразрушенных деревень, разбитых и сожженных машин, брошенных отступающим врагом.

Где-то уже недалеко полотно железной дороги Лихая — Сталинград; один переход — и танки выйдут на берег Дона близ Калача.

Гитлеровцы стремятся вывести свою технику из-под удара. По дорогам на юг и восток растянулись вражеские колонны. Идут машины, груженные снарядами, бронетранспортеры, грузовики с пехотой... Для прикрытия отхода гитлеровское командование оставляет заслоны. Но это смертники... И цепой жизни им не удержать стремительного наступления.

Одним из танков корпуса Кравченко командует старшина Рыкачев.

Приподняв крышку люка. Валентин смотрит вперед. Десятки танков, рассыпавшись по степи, мчатся, поднимая гусеницами снежные вихри. Ветер колючий, резкий, но Валентин нарочно подставляет его ударам лицо. Он до

того устал, что сон овладевает им, как только он закрывает глаза.

На вторые сутки наступления Валентину стало казаться, словно всю жизнь он только и стремился вперед в непрерывном движении, в грохоте стрельбы; чувство постоянно подстерегающей опасности до крайности обострило нервы и в то же время как-то притупило их. Он осязал приближающуюся угрозу так, словно броня стала теперь его кожей, каждый удар по ней вызывал физическую боль. Он упрямо шел навстречу опасности, и это всякий раз, была борьба не только с врагом, но и с самим собой.

Валентин еще так мало прожил на свете, так мало видел, что все свершавшееся вокруг него казалось ему временами удивительно сложным и непонятным. Он чувствовал себя маленьким, затерявшимся в огромных событиях человеком. Когда-то в пылу ссоры отец сказал ему, что из него не выйдет хорошего командира.

Рыкачев не любил в сыпе щегольства его белых рубашек, которые так шли к густым каштановым волосам. Нет, не такого сына хотел он иметь. И почему в его военной семье рос юноша, который не выдержит тягот войны, если она начнется. Сам не уследил, а Ольга поощряла как раз то, что нужно было подавлять в самом зародыше. Рыкачев был убежден, что на войне выживают только сильнейшие. Когда он узнал, что Валентин поступил в танковую школу, в первый момент он запротестовал. Валентин и танк! В его представлении это не совмещалось. Но исправить что-либо было уже поздно. Конечно, он мог добиться, чтобы Валентина отчислили и перевели на какую-нибудь тыловую базу снабжения горючим или на какой-нибудь артиллерийский склад. Однако такое грубое вмешательство было не в его правилах. Парень уже взрослый, пусть сам определяет свою судьбу. А в сокровенных тайниках сердца он уже простился с ним. Может быть, Рыкачев даже не давал себе в этом сознательного отчета, но он не верил в то, что Валентин переживет даже первые дни сражения. Тяжкие испытания сломят его...

При их последней встрече, несколько месяцев тому назад, Валентин почувствовал на себе долгий, испытующий взгляд отца. В этом взгляде не было нежности, а лишь затаенная тревога и сожаление. Тогда их встреча

была короткой. Отец по каким-то делам приехал в Горький и по пути заехал к нему в школу, привез почему-то несколько пачек папирос, хотя Валентин тогда еще не курил.

Конечно, сын не знал о думах и сомнениях отца, но он любил его и гордился им. И ничто более не ранило его, как то, что отец ни разу не навестил его уже здесь, на фронте...

Танки начинают взбираться на холм. Валентин видит вершину холма, на ней вражеские пушки. Артиллеристы выкатывают их на открытые позиции. Еще полминуты — и снаряды рвутся среди танков. Теперь надо спешить ответить огнем на огонь. Совсем нелегко, не уменьшая хода, попасть во вражескую пушку. Еще труднее уничтожить ее первыми же выстрелами.

А встречный огонь все ожесточеннее, все гуще...

Вот загорелся командирский танк соседнего батальона. Закрутился на месте и вспыхнул танк капитана Веселова. Густые, черные струи дыма потянулись кверху, и ветер медленно стал разносить их над степью.

Танки штурмовали холм с разных сторон. Передние машины пустили дымовую завесу, белая пелена быстро расплзлась по земле и скрыла за собой наступающих.

Горьковатый дым проник в смотровые щели танка. Валентин напряженно смотрел вперед, но ничего не видел. Только яркие вспышки разрывов то справа, то слева пробивали едкую и густую пелену тумана.

-- Давай быстрее! — скомандовал он водителю.

В шлемофоне ответно прогудел голос сержанта Рыжкова:

— На последней идем, командир!

И в это мгновение машина вдруг выскочила из дымных облаков. Ослепительно ударило в глаза солнце. Валентин невольно зажмурился, но сейчас же заставил себя разлепить веки. В каких-нибудь двадцати пяти метрах перед ним стояла вражеская автоматическая пушка. Она была обращена в другую сторону. Но артиллеристы в шинелях мышиного цвета уже засуетились возле нее, поворачивая пушку навстречу танку. Еще секунда, другая — и выстрел в упор разворотит броню машины. Это были драгоценные секунды. Потерять их — значило потерять жизнь! Валентин выстрелил первый. Черный столб дыма встал перед самым танком. И тотчас под гусеница-

ми завизжала, закрипела сталь, танк приподнялся, подминая под себя орудие, и тяжело сполз, почти рухнул вниз.

Валентин сильно ударился головой о броню, даже шлем не предохранил от боли.

Искалеченная вражеская пушка, вдавленная в землю, осталась позади.

А танкисты были живы. Их машины шли дальше — вперед, вперед!..

И от этого сознания усталость, сковывавшая тело, разом исчезла. Валентин и думать забыл о сне, пристально всматриваясь в степь.

Танки уже перевалили через холм. Вражеская оборона была смята единым ударом. Но впереди, километрах в двух, и без бинокля можно было разглядеть танки, бронетранспортеры, орудия на прицепах.

От колонны отделились пятнадцать танков ярко-желтого цвета, с коричневыми разводами.

Валентин уже несколько раз встречался с такими машинами. Всякий раз ему в голову приходила одна и та же мысль: стало быть, не шибко дерутся в Африке англичане, если гитлеровцы снимают оттуда танки и пересылают к нам. С нашего фронта небось не снимут...

Но долго раздумывать ему не пришлось. Радио принесло приказ генерала Кравченко: «Атаковать вражескую колонну».

Один бой кончился, начинался другой, еще более жестокий. Желтые танки широкой цепью двинулись навстречу тридцатьчетверкам. Но, очевидно, командир гитлеровского отряда не ожидал, что из-за холма будут появляться все новые и новые машины. Глухо урча моторами, желтые танки приостановились, а тридцатьчетверки и КВ уже обтекали колонну.

На дороге началось смятение. Бронетранспортеры и грузовые машины пятились, разворачивались то вправо, то влево, пытаясь проложить себе дорогу и выйти из зоны окружения, но на дороге было тесно, они мешали друг другу, сталкивались. Через несколько минут на шоссе образовалась пробка.

В голове шумело, но Валентин уже пришел в себя. Он заметил, что грузовиков двадцать с солдатами и военными материалами, оторвавшись от колонны, устремились вперед. Они уже были примерно в километре, и передние

машины, спустившись в лощину, исчезли из поля зрения. Что делать? Неужели же дать им уйти?..

Но как раз в эту минуту в шлемофоне зазвучал голос командира батальона, майора Кузнецова: Рыкачеву и еще двум командирам танков нагнать машины и задержать их.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

1

Ватутин говорил по «бодо» с Коробовым и с Гапсненько, а Рыкачева никак не мог найти. Начальник штаба армии генерал Ермаков доложил, что с самого раннего утра Рыкачев вместе с членом Военного совета Карповым выехал в дивизию, которая, как бесстрастно выстукивал аппарат, «по непонятным причинам» бездействовала со вчерашнего вечера. Этот ответ не на шутку встревожил Ватутина. Хотя войска Рыкачева уже значительно продвинулись вперед, однако задачу второго дня все еще не выполнили.

Присев на табуретку рядом с молоденькой телеграфисткой — младшим сержантом, которая с полным сознанием ответственности обеими руками быстро ударяла по клавишам аппарата, словно печатая на пишущей машинке, Ватутин стал с пристрастием допрашивать начальника штаба о положении дел в армии.

Все оказывалось гораздо хуже, чем он предполагал. Колочим, нетерпеливым взглядом прищуренных глаз Ватутин срывал с ползущей ленты каждое появляющееся слово. Начальник штаба обстоятельно и методично докладывал, что приказ командующего фронтом пока еще не выполнен. В соответствии с его распоряжением создана группировка из нескольких соединений, которая должна помочь дивизии «Игла»¹ разбить противника в районе Усть-Медведицкого. Но так как артполки, назначенные для участия в этой операции, опоздали, одна из дивизий, входящих в группировку, только в четырнадцать тридцать перешла в наступление, а в первой половине дня боевых действий не вела; другая же дивизия, скованная противником, до сих пор еще не перешла к активным действиям

¹ Условное кодирование частей, применявшееся при телеграфных переговорах по прямому проводу.

Противник ввел в бой в районе Усть-Медведицкого части танковой дивизии, атаковавшей позиции дивизии «Ковер». Первый раз атаковало сорок танков, через час еще тридцать семь. Атаки отбиты, и соединение двинулось на юг. Связь с ним поддерживается только по радио. Положение уточняется. Дать исчерпывающие сведения о расположении войск в настоящий момент начальник штаба пока не может, так как и сам еще не имеет донесений.

Аппарат стрекотал, с тихим шелестом текла на стол белая лента. И все светлее от сдерживаемой ярости становились глаза Ватутина. Телеграфистка на какое-то мгновение подняла глаза и, увидев выражение лица командующего, стала работать еще усерднее, но плечи ее при этом как-то сжались. Офицеры оперативного отдела, которые стояли тут же, примолкли. Начальник связи медленно приблизился к аппарату и, делая вид, что подкручивает в нем какой-то винтик, краем глаза скользнул по ленте. Бог ты мой! Что было бы с этим начальником штаба, если бы не спасительное расстояние...

Ватутин медленными движениями коротких пальцев терпеливо складывал ленту гармошкой, а когда ее накапливалось много, быстро отбрасывал в сторону и начинал собирать вновь, зажимая складки в кулак. Наконец телеграфист из армии передал тчк, лента замерла.

В блиндаже наступило молчание. Все смотрели на Ватутину, а он, ни на кого не обращая внимания, коротко бросил телеграфистке:

— Передавайте! Ваше управление войсками совершенно несостоятельно. Штаб работает плохо. Вы не организовали боя. С этим преступным безобразием я мириться не буду. — Последние слова Ватутин произнес таким тоном, словно виноватый стоял тут же, прямо перед ним. — На будущее предупреждаю: за такую работу отдам под суд. Передайте это немедленно генералу Рыкачеву. Кроме того, передайте ему следующее: впредь находиться на КП и без моего разрешения не отлучаться... тчк.

Ватутин встал и быстрым шагом пошел к двери. Скрипнули под его сапогами ступени, и все смолкло.

Он вернулся к себе до предела раздраженный, с потемневшим от гнева лицом. Сроки, которые он поставил армиям, нарушены. И о чем только думает Рыкачев? Все

спорит, чтобы доказать независимость характера, и теоретизирует, чтобы доказать независимость ума. Недаром его в насмешку называют «Мольтке-младший». А управление не налажено. Начальник штаба не знает, где войска.

Пора бы понять наконец, что ноябрь 1942 года — это не июнь 1941-го. Все изменилось. Только поспевая за этими переменами, не то время сметет тебя с дороги, как ненужный хлам!.. А ведь некоторые еще живут старыми представлениями и страхами...

Сколько сил и здоровья стоил ему, например, кавалерийский корпус, командир которого никак не мог решиться на смелое обходное движение. Городок, занятый немцами и оставшийся в тылу, внушал ему какой-то суеверный ужас. Из-за этой глупой переоценки возможностей противника получилась заминка, которая обошлась очень дорого. Весь день двадцатого ноября кавалеристы вели бесплодные бои, атакуя противника в лоб. И только после категорического приказа пошли в обход. Результат блестяще подтвердил расчеты Ватутина и Коробова. Обнаружив, что его обошли, противник отступил на юго-восток. Ну а Береговой? В конце концов — та же история...

Нет, надо кончать с боязнью обходов. Сколько лишних жертв стоит тактика лобовых ударов, как мешает она нарастанию темпов.

2

Начав двадцатого утром наступление, Сталинградский фронт продвигался успешно. Войскам Ватутина до района соединения надо было пройти по прямой километров сто сорок, войскам генерала Еременко — около ста. Но дело было не только в количестве километров. Разница во времени нанесения ударов в значительной степени помешала противнику быстро разобраться в обстановке и понять, чего хочет советское командование. Ватутин тщательно фиксирует в памяти и на карте самые незаметные изменения боевой обстановки на всех трех фронтах. Положение складывается так, что, несмотря на большие трудности, воля к сопротивлению противника с часа на час тает, а оборона теряет свою упругость, расчленяется, составные ее части изолируются одна от другой. Стремительность, дерзость и смелость решают судьбу операции.

Но иногда возникают досадные задержки. Некоторые командиры теряют темп, начинают вдруг действовать с оглядкой. Конечно, Ватутин, сердясь и браня виновных, в то же время понимал, что это не столько их вина, сколько беда, инерция отступления, сложившаяся за первый жестокий год войны. Жизнь заставляет таких идти вперед, и они идут, но не могут еще полностью избавиться от боязни окружения. А уж если признаваться самому себе до конца, то разве он сам иногда не думает о том же?.. Сколько раз он взвешивал обстоятельства, сомневался, думал, передумывал и опять сомневался... Вот и теперь его тревожит Вейхс. Не исключено, что, сосредоточив резервы в районе Нижне-Чирской, он нанесет контрудар вдоль реки Дон на север, чтобы, отрезав армии Юго-Западного фронта, облегчить положение окруженных гитлеровцев. Конечно, надо предвидеть, предупредить...

Он вызвал к телефону Коробова и приказал немедленно перебросить на новое направление кавалерийский корпус, который действует сейчас на севере. Вывести его из боя и как можно скорее направить к станции Нижне-Чирская, чтобы овладеть ею и не допустить прорыва противника на север вдоль Дона. Другой сильный отряд выдвинуть на Термосин.

Ватутина лихорадило. Он понимал, что от быстроты его действий зависит многое. Закончив один разговор с Коробовым, он тут же вызвал его вновь и напомнил, что, выводя кавалерийский корпус, надо принять меры, чтобы противник ни в коем случае не прорвался на участке Ново-Набатовского. Коробов прогудел в трубку, что примет меры.

Однако Ватутину показалось, что в голосе у него нет достаточной уверенности.

— Михаил Иванович, — сказал он в трубку тем раздраженным тоном, от которого весь день не мог избавиться, — вам все ясно? Хотя бы одну из кавдивизий надо сегодня же ночью вывести из боя и форсированным маршем перебросить на юг. Мы не можем медлить. Понятно?

— Понятно, товарищ командующий, — ответил Коробов. — Но разрешите доложить: сегодня ночью дивизию нам не вывести. Никак нельзя.

— Почему? — взорвался Ватутин. — Почему нельзя?!

Ну вот, теперь уже и Коробов его подводит. Что они, сговорились все, что ли?

Но Коробов продолжал докладывать тем невозмутимым тоном, которого сам Ватутин всегда старался придерживаться при разговорах со своими начальниками и который поэтому так возмущал его в подчиненных.

— Товарищ командующий! Да вы послушайте. Сейчас уже поздний вечер. Командир, которого я пошлю, доберется до дивизии часа через четыре, не раньше. Теперь прикиньте: пока он отдаст распоряжение командиру дивизии, пока тот соберет части — вот уже утро будет. Ну а выводить дивизию днем, на глазах у противника, нерасчетливо и опасно. Противник может это заметить и принять свои меры.

— Так что же прикажете делать? — зло спросил Ватутин.

— Ждать до следующего вечера. А пока на место кавдивизии я поставлю «Композитора».

Под этим глубоко невоенным названием скрывалась стрелковая дивизия.

Ватутин вздохнул. Ругайся не ругайся, а Коробов прав.

— Вот вы всегда так, — ворчливо сказал Ватутин, понимая явную несправедливость своих слов и все-таки не находя в себе сил удержать раздражение. — Всегда тысячи причин, которые мешают... Как у вас с Распопинской?.. Все топчетесь!.. Попусту время теряете!..

И он с досадой положил трубку.

Но на этом неприятности не кончились. Иванцов доложил, что Рыкачев отозвал в резерв армии мотоциклетный полк, который двинули в прорыв — громить тылы противника. Южнее хутора Блиновского полк ввязался в бой с вражеским отрядом, который его на время задержал. И вот вместо того чтобы помочь полку пробиться дальше, Рыкачев отводит его в тыл. А Ватутин возлагал на мотоциклистов такие большие надежды...

Ватутин потребовал, чтобы в двадцать два часа Рыкачев был у телеграфного аппарата. Он сам будет говорить с командармом.

3

Получив строгий приказ Ватутина вызвать Рыкачева к аппарату, Ермаков стал запрашивать по радио все части, где мог бы находиться командарм. В одном штабе ему ответили, что командарм здесь был и уехал, в дру-

гом — что им о Рыкачеве ничего не известно. Ермаков стал беспокоиться. Уж не случилось ли что-нибудь с ним по дороге? Тянулись часы. Наконец потеряв терпение, он вызвал двух офицеров связи, приказал им сесть на машины и отправиться в разные стороны: авось где-нибудь на дороге и встретят командарма.

Однако едва офицеры связи уехали, как у КП остановился вездеход.

Когда худошавая фигура Рыкачева появилась на пороге, Ермаков даже слегка привскочил на месте:

— Товарищ командующий, а вот и вы! Наконец-то!..

Рыкачев скинул шинель, усталым движением повесил ее на гвоздь и вопросительно взглянул на Ермакова: с чего это он так обрадовался? Рыкачев был не из тех начальников, отсутствие которых печалит подчиненных. А Ермаков и в самом деле был рад: целый день он работал один, и за себя и за командарма, выслушал за него неприятнейшую отповедь Ватутина и меньше всего хотел беседовать с ним сегодня вторично.

Синие бланки с аккуратно наклеенной лентой переговора уже лежали в папке на столе Рыкачева. Но докладывать о том, что говорил Ватутин, Ермакову не хотелось.

Но все получилось не так, как он рассчитывал. Пока он докладывал Рыкачеву обо всем, что случилось в его отсутствие, тот завладел папкой и, перелистывая сводки, наткнулся на синие бланки.

Ермаков заметил, как в глазах Рыкачева по мере чтения все больше нарастало выражение обиды и ярости.

— Черт знает что такое! Ватутин разносит нас, как мальчишек! Откуда это у вас?

— Это переговоры по «бодо» Ватутина со мной, — бледнея, проговорил Ермаков.

— Так что же вы молчите о самом главном! С этого надо было и начинать!..

Пока Рыкачев читал ленту, по временам саркастически покашливая, Ермаков внимательно и напряженно следил за выражением его лица. Но Рыкачев оставался спокойным, и только в углах его тонких губ пряталась злая и насмешливая улыбка. Дочитав до конца, он с негодованием отодвинул бланки на край стола.

— Ну что ж, — сказал он, пожимая плечами. — На это ведь и отвечать невозможно. Когда человек ничего

не хочет замечать — он не замечает. Поэтому Ватутин не заметил, что наши соседи — командармы все еще копаются, едва справляясь со своими задачами, а мои танки уже прошли больше полпути к Калачу; не заметил, что свои пехотные дивизии я послал на помощь его хваленому Коробову и Гапоненко, который не может продвинуться дальше переднего края... Он заметил только, что я отозвал мотоциклетный полк, в то время как он, Ватутин, хотел, чтобы мотополк двигался вперед. А что полк наверняка застрянет в сугробах, на это ему наплевать. Тем более что отвечать за это будет Рыкачев, а не кто-нибудь другой...

— Ну а как же все-таки быть с мотоциклетным полком? — робко спросил Ермаков. — Решение о нем я еще не принимал. Ожидал вас...

Рыкачев вспыхнул:

— Не понимаю, о чем тут спрашивать! Делайте, как приказал командующий. Гоните полк вперед — хоть к черту на рога!

— Командующий хотел лично говорить с вами, — сказал Ермаков, не глядя на Рыкачева. — Просит ровно в двадцать два быть у аппарата...

Рыкачев криво усмехнулся:

— Просил? Ну что ж, я исполню его просьбу. А пока отдохнуть бы часок. Деть выдался трудный...

Рыкачев остался один. Он вошел было в соседнюю комнату, постоял над своей походной койкой, но не лег, а вернулся к столу и сел на прежнее место.

Так он и сидел, слегка притоптывая ногой и в такт постукивая по длинным желтым зубам костяшками пальцев. «Знает или не знает? — думал он. — Очевидно, знает. Отсюда и все последствия...»

Дело в том, что во время подготовки к Сталинградской операции Рыкачев послал в Ставку личное письмо. Так называл он эту бумагу. В письме говорилось о том, что операция обречена на безусловный провал, потому что вся подготовительная деятельность Ватутина с точки зрения военного искусства — это чудовищная авантюра, и ничего более. Ватутин не способен к самокритике и не желает прислушиваться к критике товарищей по оружию.

На это письмо Рыкачев не получил ответа.

Если бы письмо произвело положительное впечатление, был бы ответ. Если оно не понравилось, должны бы по

следовать какие-то организационные выводы. Но какие и когда?

При встрече с Василевским он всякий раз пытливо вглядывался в его лицо, стараясь угадать, что значит это молчание. Но лицо Василевского было непроницаемо.

В последние дни ему начало казаться, что Ватутин знает об этом письме.

У них с командующим никогда не было хороших отношений, но сейчас эти отношения со дня на день становились хуже. Очевидно, Ватутин, зная обо всем, молча вымещал на нем обиду и злость.

Что же делать? Как вести себя?

Лучше всего какой-нибудь крупной настоящей удачей перекрыть всю эту муть и разом доказать Ставке, чего он стоит.

Но ведь нужен подходящий случай. И предоставят ли ему козырную роль? Сомнительно... С тех пор как Ватутин узнал о письме, он ему не то что действовать, дышать не дает...

А между тем Ватутин ровно ничего не знал о письме Рыкачева.

В Ставке письмо было прочитано, обсуждено и оставлено без последствий. Решено было ни слова не говорить о нем Ватутину, чтобы не тревожить его в такой ответственный момент и не усложнять отношений.

До двадцати двух часов Рыкачев терпеливо сидел у стола и ждал. Но Ватутин к аппарату не подошел. С Рыкачевым связался Иванцов и передал ему очередные распоряжения командующего.

Рыкачев ждал нового разноса. Но Иванцов был деловито сдержан и скуп на слова. У Рыкачева отлегло от сердца. «А может быть, все-таки не знает?» — подумал он.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

1

Третий день наступления. Если взглянуть на карту, трудно понять, где линия фронта. Да, собственно, линии фронта и нет. Все перемешано. Далеко вперед протянулись красные стрелы, а между ними зажаты синие круги, овалы, полудуги, обведенные жирными красными ли-

ниями. Это блокированные очаги сопротивления противника. А вот на карте прочерчен сложный путь танкистов, которые двинулись на юг, а затем повернули на восток и юго-восток. Армия Коробова, которой Ватутин передал несколько соединений из резерва, все более теснит распопинскую группировку, которая уже совсем изолирована.

И только одному Гапоненко отчаянно и, если можно так сказать, устойчиво не везет. Правый фланг его скован превосходящими силами противника. На этом участке войскам до сих пор не удалось перейти от обороны к наступлению. Наступает только левый фланг, да и то без заметного успеха. С большим напряжением, с большими потерями войскам удалось продвинуться в глубину вражеской обороны не более чем на три километра. Ватутин усилил армию Гапоненко гвардейским арtpолком и пехотной дивизией. Он приказал командарму ввести в бой резервные дивизионы «катюш» и привлечь к непосредственному участию в деле всю артиллерию армии из резерва Главного Командования. По распоряжению Ватутина на помощь Гапоненко выехал начальник артиллерии генерал Грачев. По его же указанию, несмотря на то что погода не благоприятствует полетам, одиночные самолеты то и дело поднимаются с аэродромов для разведки и бомбежки. Во что бы то ни стало надо усилить натиск армии Гапоненко и протолкнуть его войска на реку Приуша!

Впрочем, неудачи его армии уже не могут повлиять на общий благоприятный ход событий. С каждым часом сближаются войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов. С каждым часом увеличивает напор Рокоссовский, прикрывающий левый фланг Юго-Западного фронта.

В три часа дня Ватутин получил сообщение от Рыкачева, что его двадцать шестой танковый корпус овладел хутором Перелазовский, а в селе Перелазовка разгромлены тылы и штаб пятого армейского корпуса противника. По сообщению разведки, Паулюс оттягивает корпус Штеккера к Сталинграду. Генерал Гот и его штаб уже двенадцать часов не подают признаков жизни. Радиостанция Паулюса разыскивает и окликает его открыто, без всякого шифра, очевидно, там уже не до маскировки. Но штаб Гота по-прежнему не отвечает. Стало известно, что Паулюс со своим штабом перебрался в Нижне-Чирскую. На что он решится? Оставит ли свои войска в коль-

це или попытается вывести их, пока еще есть возможность?

Управлять фронтом Ватутину становится все труднее и труднее. Одна общая большая задача раздробилась теперь на множество частных. Вот, например, танки. Они стремительно движутся на юг и в своем движении отрываются от пехоты. Вражеские части, бродящие по степи в поисках друг друга, начинают кое-где наносить удары по тылам вырвавшихся вперед соединений. Значит, надо как можно основательней наладить взаимодействие. Ведь чем дальше на юг продвигаются войска, тем более широкую площадь они занимают. А это в свою очередь означает, что плотность боевых порядков становится все реже и слабее.

Да, есть над чем поломать голову.

Особенно тревожила Ватутина распопинская группировка. Судя по всему, на этом участке противник все еще надеялся на то, что его выручат. И действительно, время от времени в сторону группировки прорывались немецкие транспортные самолеты. Конечно, полностью снабжать по воздуху такое большое количество войск длительное время невозможно. Рано или поздно должна наступить развязка. Но нельзя терять времени на топтание вокруг обреченной группировки, войска позарез нужны в других местах.

Пытаясь ликвидировать блокаду распопинской группировки, противник бросил в сторону станицы Распопинская две танковые дивизии. По распоряжению фронта навстречу им были направлены танковые части из армии Рыкачева.

Встреча произошла у хутора Усть-Медведицкий. Обе немецкие танковые дивизии были разбиты наголову. Направлявшаяся на соединение с ними пехотная дивизия частями Коробова была пропущена к распопинской группировке и блокирована. Таким образом, среди окруженных частей на одну дивизию стало больше.

Ватутин улыбнулся, когда Коробов доложил ему о своем маневре, но на сердце у него было тревожно. Это еще далеко не конец. Будут новые и новые подобные обстоятельства.

После того когда утром двадцать первого ноября большая группа противника пыталась прорваться в направле-

нии хутора Перелазовский, Ватутин посоветался с Соломатиным, а затем позвонил к Коробову.

— Вот что, Михаил Иванович, — сказал он, — располнинская группа обречена. Я убежден, что генерал, который там сидит, понимает это не хуже нас. Знаете что, пошлите-ка туда какого-нибудь толкового человека... Ну, да... Парламентера. Пусть он предложит им сдаться. Я думаю, что это самое правильное и самое гуманное решение.

Коробов положил трубку и задумался. Отправить парламентаря? Это и правильно и в то же время очень рискованно. Где гарантия, что он вернется назад? Сколько раз за эту войну Коробов убеждался, что противник не выполняет освященные веками, писанные и неписанные правила ведения войны. Надо послать человека смелого, мужественного, находчивого, который бы сумел в этом трудном положении вести себя умно и с достоинством.

2

Очевидно, уроки последних дней не прошли для Чураева даром. Всегда любивший и умевший поговорить, он стал теперь молчаливее, угрюмее, сдержаннее. Распоряжения отдавал коротко, сухо, без начальственных модуляций в голосе. «Сердит! — говорили про него подчиненные. — Ходит этакой тучей. Того и гляди, гром грянет». Но гроза всякий раз проходила стороной. Чураев был не только угрюм и молчалив, он стал терпеливее, проще, больше чем когда-либо прислушивался к мнению своих командиров.

Когда Дзюба сказал Силантьеву, что его срочно вызывает к себе Чураев, Силантьев удивился. По какому делу его могут вызывать в штаб дивизии?

Через пятнадцать минут, одетый в свой продымленный полушубок, он уже сидел в вездеходе рядом с шофером. Дзюба вышел за порог избы и, прищурившись от яркой белизны снега, подошел к машине.

— Ну, что ж, поезжай, — сказал он хмуро. — Смотри долго не задерживайся.

— Ясно, — сказал Силантьев. — Постараюсь... Думаю, что скоро вернусь.

И вездеход двинулся.

Через полчаса Силантьев был уже недалеко от штаба дивизии, расположившегося в двух домах небольшого ху-

тора. Часовой остановил машину метрах в двухстах от домов и заставил отвести ее в укрытие. Силантьев поворачивал немного на такие строгости. Но тем не менее подчинился и пошел пешком, увязая по колени в снегу.

Уже в сенях дома Силантьев понял, что у Чураева находится какое-то большое начальство. Около дверей топтались автоматчики из охраны. В первой комнате незнакомый полковник что-то тихо, но внушительно говорил начальнику штаба дивизии, и тот послушно кивал головой всякий раз, когда полковник, очевидно, заканчивал одну мысль и, переходя к другой, энергичным движением руки в черной кожаной перчатке как бы рубил воздух.

Заметив Силантьева, начальник штаба что-то сказал полковнику, и тот быстро обернулся, рассматривая его с живым интересом. У полковника было круглое, румяное от мороза лицо, и сам он был такой же круглый, румяный и благополучный. Теперь, когда он обернулся, Силантьев узнал его — это Дробышев. Однажды они оба были назначены в одну комиссию — обследовали состояние кавалерийского корпуса.

— А! Вот и сам герой дня! — воскликнул Дробышев, как-то очень ловко и плавно поворачиваясь к нему всем корпусом. — Быстро и оперативно! — И он слегка похлопал Силантьева по рукаву полушубка.

Это обидело Силантьева. Он сухо пожал руку Дробышева и спросил:

— Мне можно пройти к командиру дивизии?

— Он тебя ждет! Но имей в виду, здесь и командарм Коробов. Оба хотят с тобой говорить. — Дробышев доверительно нагнулся к его уху: — Это я твою кандидатуру подсказал. Будешь героем. — Он выразительно и многозначительно подмигнул: — Помни! Ну, ступай, ступай...

— Да, Чураев приказал, как явишься, чтобы сразу к нему, — по-приятельски обращаясь к Силантьеву на «ты», сказал начальник штаба. — Только вот поясок подтяни. — Он поглядел на заросший подбородок Силантьева и с сожалением заметил: — Побриться бы тебе... Ну, ладно, некогда.

Стараясь скрыть удивление, Силантьев искоса поглядывал на своих собеседников. Что бы все это значило?

Он поднялся по скрипучим ступенькам, открыл дверь и сразу лицом к лицу столкнулся с Кудрявцевым, который, застегивая на ходу шинель, торопился к выходу.

— А, это вы? — сказал Кудрявцев, поправив на носу очки. — Идите вот в эту дверь, там ждет вас Коробов. — Уже переступив порог, он обернулся: — Он, видимо, чем-то очень раздражен. Советую больше слушать, меньше говорить... Я скоро вернусь. Увидимся!..

Силантьев одернул полушубок, вдруг почувствовав какую-то робость, и сам этому удивился. Ведь еще недавно в штабе фронта он безбоязненно заходил к самому члену Военного совета. А тут вызывает командарм, и уже волнуешься, даже в груди что-то екает.

Он слегка постучал в фанерную дверь.

— Входите!

Силантьев шагнул в небольшую прокуренную комнату и, ощущая какое-то каменное спокойствие, представился по всей форме. Коробов молча указал ему на табуретку, а Чураев, который находился тут же, ободряюще кивнул и улыбнулся.

Коробов сидел за столом в кожаном пальто на меху и от этого казался еще больше и шире, чем был на самом деле. Некоторое время он, нахмурившись, смотрел на карту, которая лежала перед ним. Должно быть, он совсем забыл о присутствии Силантьева. Чураев поднялся с места и нетерпеливо прохаживался от стола к столу, при всяком повороте с пристальным вниманием вглядываясь в лицо Коробова.

«Для чего они меня вызвали?» — с досадой думал Силантьев. Злость прогнала последние остатки волнения.

— Можете курить, — вдруг сказал Коробов, окинув Силантьева внимательным суровым взглядом, словно оценивая его.

Силантьев вынул пачку «гвоздиков», закурил.

— Хотите «Пальмиру»? — Коробов придвинул Силантьеву открытую коробку.

— Спасибо, товарищ командующий! Предпочитаю свои.

Ответ Силантьева на мгновение словно озадачил Коробова, по его лицу прошло нечто вроде улыбки, он поднялся и, обойдя стол, сел на табуретку, напротив Силантьева. Чураев подошел поближе.

— Скажите, товарищ Силантьев, — спросил Коробов, — вы женаты?

Силантьев удивленно пожал плечами.

— Нет, товарищ командующий!

— У вас есть отец, мать?

— Отца нет. Давно умер... Мать жива — в Ленинграде. Я хочу сказать: была жива, когда я уходил на фронт. Жива ли сейчас, не знаю. Давно не получал писем.

— Так. — Коробов помолчал, о чем-то думая, потом встряхнул головой: — Мне о вас говорили много хорошего, товарищ Силантьев. Говорят, вы человек храбрый.

— Не знаю, — смутился Силантьев, — думаю, что есть и храбрее меня...

Коробов нахмурился:

— Вы знаете, зачем мы вас вызвали?

— Нет, товарищ командующий.

— Командование поручает вам, товарищ Силантьев, крайне ответственное задание. Мы хотим послать вас парламентаром к окруженному противнику. Вы должны передать их командиру предложение о немедленной капитуляции. Мы против непужного кровопролития. Вручив ультиматум, вернетесь с ответом.

Силантьев поднял глаза и в упор взглянул в лицо Коробова. Хмурое лицо командарма как-то потеплело, в глазах появилось выражение пристального, участливого внимания. Силантьев понял, что в этот момент они думали об одном и том же — о том, что риск велик и вернуться с ответом удастся едва ли...

— Могу я оставить в штабе адрес моей матери?

— Да, конечно, — ответил Коробов.

— Партийный билет сдать?

— Да, партбилет с собой лучше не берите, — сказал Коробов.

— Ордена?

— Ордена наденьте.

— Когда идти?

— Через час-полтора... Как только произведем подготовку.

— Как мне назваться?

— Командиром, которого уполномочило командование Красной Армии.

— Я должен что-нибудь им вручить?

— Нет. Вы должны передать им наше предложение устно. Если вас будут оскорблять, держитесь с достоинством. Не отвечайте.

— Я могу иметь при себе оружие?

— Возьмите пистолет.

— А если они захотят его отобрать?

Коробов усмехнулся.

— Придется отдать. Ведь там — они хозяева. — Он помедлил. — Ну, еще какие у вас вопросы?.. Да, постарайтесь оставаться там не более двух часов и вернитесь засветло. Ведите себя так, чтобы они не могли заподозрить вас в шпионских или других злостных намерениях. Постарайтесь рассеять страхи, которые внушают солдатам гитлеровцы. Ведь они там думают, что в плену их ждут вечная ссылка, расстрелы, пытки. Скажите, что офицерам мы оставляем ордена и холодное оружие. Всех обеспечиваем продовольствием и медицинской помощью. Понятно?

Силантьев поднялся.

— Понятно, товарищ командарм.

Коробов также поднялся и вдруг крепко сжал руку Силантьева.

— Желаю вам удачи, товарищ Силантьев! Товарищ Чураев сам будет на участке, где вы будете переходить. В руках держите белый флаг. Огонь мы прекратим и этим заранее дадим знать противнику, что идет парламентер.

3

Чураев приказал Силантьеву побриться. Ему выдали со склада новый полшубок и новый хрустящий ремень. Ординарец притащил простыню, разорвал ее на две части и, вооружившись дюжиной гвоздей, начал мастерить белый флаг.

Из оставшегося куска Силантьев вырвал широкую полосу и обернул ее вокруг правого рукава полшубка. Чураев самолично прищипил болтающийся конец булавкой и, взглянув на Силантьева, остался очень доволен. У парламентаря был внушительный и в то же время миролюбивый вид.

— Мне так со знаменем и шагать? — спросил Силантьев, с невольным юмором представляя себе, как, сжимая в руках эту кривую жердь с белым полотнищем, он идет по кочкам один на позиции врага.

— Нет, — сказал Чураев, с удовлетворением наблюдая за тем, как ординарец заколачивает в жердинку последний гвоздь. — Мы сами поднимем его на том участке, где вы пойдете.

— Ну а если они его не заметят?

— Заметят! Мы и через репродуктор их оповестим...

Теперь, когда Коробов уехал к себе на КП, Чураев почувствовал себя увереннее. За эти дни он как-то вновь обрел себя, и ему казалось, что никто не заметил его тревог и сомнений. Несколько раз он пытался прощупать Кудрявцева, но тот словно не понимал его намеков, и Чураев постепенно успокоился.

И вот теперь это новое задание Коробова. Чураев прятал от самого себя и все же не мог до конца подавить тщеславную мысль: если Силантьеву удастся заставить противника капитулировать, то это будет записано в актив его, чураевской, дивизии. Силантьева он не знал, но его так настойчиво рекомендовал Дробышев, что Чураев без долгих разговоров согласился. Он был не охотник спорить с работниками штаба армии, даже со второстепенными. К тому же Силантьев ему понравился. Он вел себя с Коробовым так, как Чураеву хотелось и не удавалось вести себя с начальством. А ведь парень еще совсем молодой и не занимает особого положения. Скажите, пожалуйста. «Свои буду курить!» Молодец, молодец! Недаром Дробышев так его расхваливал!

В то время как Чураев думал о Силантьеве, сам Силантьев, примостившись в углу комнаты, не переставая курил тоненькие «гвоздики», глубоко затягиваясь едким, саднящим горло дымом. Только теперь, когда он сдал свой партбилет начальнику политотдела, по-настоящему понял, что ему предстоит.

Место для перехода Чураев выбрал на участке соседнего с полком Дзюбы саперного батальона. Здесь линия фронта вилась меж холмов, раскинувшихся на расстоянии примерно двухсот метров один от другого. Противник не мог не услышать голос из репродуктора, не мог не увидеть поднятый на вершине холма белый флаг.

И вот белый флаг взвился. Голос переводчика из штаба армии, сгущенный громкоговорителем, несколько раз прокричал в сторону противника: «Прекратите огонь! Прекратите огонь! Сейчас линию фронта перейдет парламентар».

Чтобы придать этому призыву больше убедительности, Чураев и сам приказал прекратить огонь на этом участке фронта. С тревожным напряжением вглядывался он в позиции противника. Что-то будет? Замолчат или нет?

Прошло минут пятнадцать, и вражеские орудия тоже утихли. Солдаты выходили из-за укрытий, с любопытством разглядывая белый флаг.

Силантьев стоял около Чураева, прижимая к глазам бинокль, и старался не замечать любопытно-внимательных взглядов, обращенных на него. Все уже знали, что он и есть тот самый человек, который один, без спутников, должен перейти линию фронта и передать предложение командования противнику.

А Силантьев вдруг почувствовал, что он ужасно голоден. В тревогах и волнениях сегодняшнего дня он совсем забыл поесть, а сейчас было уже поздно. «В самом деле, — подумал он, усмехнувшись, — ну как тут попросить, чтобы тебя перед уходом накормили, когда ты идешь выполнять историческую миссию и, может быть, уже не вернешься?.. Смешно, неловко! Да и кто знает, так ли уж необходимо заправляться борщом и тушенкой перед тем, как сыграть в ящик?»

На вершине холма, за спиной у Чураева и Силантьева, ветер трепал белый флаг. До сих пор Силантьев только в книгах читал о том, что при перемирии выбрасывают белые флаги, а сейчас он увидел это своими глазами. Было очень странно ощущать себя в центре всей суеты, что происходила вокруг.

Чураев отдавал какие-то распоряжения, кто-то куда-то бежал, исполняя приказ, возвращался, докладывал, но Силантьев уже совсем выключился из жизни, которая шла здесь, по эту сторону черты. Он смотрел перед собой на скат холма, по которому предстоит спуститься вниз, на узкое дно оврага и на крутой подъем вверх на другой холм, где темной изломанной полосой протянулись вражеские позиции.

Солдаты, находившиеся прямо перед ним, не стреляли. Очевидно, они получили такой приказ. Но когда он будет на самом дне оврага, то окажется в поле зрения снайперов, и его смогут подстрелить издалека. Впрочем, снайпер должен будет увидеть белую повязку у него на рукаве. Если только эта повязка имеет для них какое-нибудь значение.

Бледное, взволнованное лицо Чураева повернулось к нему, и Силантьев понял по его взгляду, что время наступило.

— Ну, Силантьев, иди! — сказал Чураев и вдруг, обняв его, крепко поцеловал в щеку. — Иди, друг! Мы будем ждать тебя...

Силантьев кивнул. «Попросить, что ли, чтобы в случае чего позаботились о матери?» — подумал он. И тут же сам одернул себя. «Нет, не надо. А то выходит, что я и впрямь собрался умирать».

— Значит, так вот и пойдешь, — громким шепотом говорил Чураев, указывая вдаль рукой. — Выйдешь на бруствер, поднимай руку вверх, маши платком, а затем быстрым шагом вперед — самым кратчайшим путем. Понятно? Если начнут стрелять, забейся в какую-нибудь яму. Мы тебя прикроем огнем, а ночью вызволим... Понятно? Ну идем, я тебя провожу. — И, подхватив Силантьева под руку, Чураев первым выскочил на край окопа.

— Куда вы! Куда вы! Товарищ комдив! — закричало несколько голосов, но Чураев даже не обернулся. Он дошел с Силантьевым до того места, где холм резко обрывался книзу. Здесь он еще раз крепко пожал Силантьеву руку и остановился на виду у противника, провожая его взглядом.

И Силантьев пошел. Он шел мерно, помахивая руками, словно собрался в длинный путь и решил как следует рассчитать свои силы. Помахать платком, как учил его Чураев, он забыл, а просто шел вперед и вперед, чувствуя, что какая-то тяжесть давит ему на сердце и каждый шаг дается с огромным трудом. Ему казалось, что тысячи ружей пацелены ему в грудь, в голову, в глаза. Он физически ощущал на себе прицел вражеского пулемета. Одна короткая очередь, и он ткнется лицом вот в эту белую кочку. Но нет, кочка хрустнула под его погой, а он еще жив.

Он преодолевал лежащее перед ним пространство шаг за шагом, шаг за шагом. Воздух словно железный, так он плотен, жесток, так трудно прорезать его грудью. А за спиной до того просторно, свободно, что просто тянет повернуться и со всех ног броситься назад.

Но он идет вперед, глядя прямо перед собой и не позволяя себе обернуться. Здесь, у подножия холмов, пырейная земля. Здесь никто не ходит, снег белый, нетронутый. Он лежит волнистыми грядами, кое-где из-под него выбивается пожелтевшая трава.

Силантьев сам не заметил, когда и как чувство страха сменилось в нем полным спокойствием. «Раз не стреляли издалека, теперь уж и подавно стрелять не будут», — думал он, не спеша поднимаясь на другой холм и прикидывая на глаз, сколько еще осталось до позиций врага. Должно быть, метров сто, не больше. И вдруг новая мысль неожиданно пришла ему в голову. «А что, если они захотят взять его в плен, добиться от него нужных им сведений? Что, если это их молчание — только ловушка. И сейчас злорадно ждут, видя, как нужный им «язык» идет к ним сам. Готов ли он к самому худшему?»

Эта мысль была так внезапна и остра, что Силантьев даже приостановился, чтобы перевести дыхание. Все в нем напряглось. Но оставались уже считанные шаги, и он прошел их так же размеренно, как и весь путь, самый трудный в его жизни.

— Стой!

Из-за холма показался высокий усатый румынский офицер в ярко-зеленой шинели и высокой меховой шапке. Кажется, капитан. Он настороженно и строго смотрел на Силантьева, который хоть и был вполне подготовлен к малоприветливой встрече, все-таки чуть заметно вздрогнул, услышав этот резкий чужой голос. Он остановился почти у самого края окопа, из глубины которого на него с любопытством смотрело человек пять солдат, обросших черной щетиной и лиловых от холода.

— Кто вы такой? — спросил румын, довольно хорошо выговаривая русские слова.

— Я парламентар, — сказал Силантьев, выдерживая взгляд прищуренных и злых глаз офицера. — Проведите меня к вашему старшему командиру.

— А что вам надо?

— Это я скажу ему.

Офицер усмехнулся и о чем-то быстро заговорил с другим офицером. чином младше, который выбежал из блиндажа. Потом он знаком велел Силантьеву следовать за собой и запегал к блиндажу. дверь которого виднелась в другом склоне холма. Перепрыгнув через окоп, Силантьев пошел по узкой тропинке туда, куда вел его усатый Младший офицер замыкал шествие

В маленькой, наскоро выкопанной землянке было холодно. На походном столе валялись пачки галет, патроны, револьвер, смятая карта. Тут же стояли два теле-

фона. Усатый офицер куда-то позвонил и, неприязненно оглядывая Силантьева с ног до головы, стал, видимо, докладывать о его прибытии. Разговор продолжался довольно долго. Силантьев ни слова не понимал по-румынски, но внимательно слушал, стараясь по голосу офицера догадаться, что будет дальше. Куда его поведут?

Наконец офицер положил трубку и, повернувшись к Силантьеву, резко спросил:

— Оружие есть?

— Есть, — сказал Силантьев.

Офицер молча протянул руку. Силантьев расстегнул полуплук, вынул из кобуры ТТ и с сожалением вложил его в большую ладонь румына. Тот мельком взглянул на револьвер и небрежно бросил его на стол.

— Повернитесь, — сказал он.

Силантьев повернулся. Тотчас же он почувствовал, как его лицо и глаза плотно сжало холщовое полотенце. Он невольно рванулся, но румын с силой схватил его за локоть.

— Так генерал приказывает — доставить с завязанными глазами, — сердито сказал он. — А если не будете исполнять...

В голосе его послышалась явная угроза.

Силантьев глубоко вздохнул и промолчал. Теперь он ничего не видел. Полотенце мешало поворачивать голову, мешало дышать.

Румын взял его за правый рукав выше локтя и куда-то повел. Они спускались вниз, потом поднимались на какую-то горку. Силантьев слышал голоса многих людей. Затем его втокнули в машину и куда-то повезли по тряской дороге.

Ехали минут тридцать. Силантьев никогда не думал, что туго стянутое полотенце может причинять человеку столько неприятностей. Болела голова. Лицо онемело. Временами ему хотелось сорвать к чертовой матери это проклятое полотенце. Но он помнил предупреждение Коробова. Он — парламентар, и противник не должен заподозрить в нем шпиона.

Однако до чего же раздражала его собственная беспомощность. С одной стороны, он представляет могучую силу, которая способна смять и, конечно, сомнет всех этих людей, и в то же время он здесь один и совершенно беззащитен. Тише, тише, брат, терпи! То ли еще будет...

Наконец машина остановилась.

Судя по тому, что он задел плечом какой-то столб, его провели в калитку, затем короткой дорожкой до крыльца. Никто не предупредил его, что впереди ступенька, но он сам обострившимся до предела чутьем ощутил ее и но споткнулся. Хлопнула дверь. Силантьева обдало теплом спертым запахом табака и сырых шинелей.

С него сняли повязку, и словно свет зажегся. Силантьев открыл глаза и увидел обыкновенную маленькую хатку с большой русской печкой. У окна, за столом, сидело несколько офицеров. меховые воротники совсем почти скрывали погоны, и Силантьев не сразу понял, кто здесь старший. Однако, судя по тому, что офицеры выжидательно поглядывали на немолодого уже командира с крупными чертами угрюмого и умного лица, Силантьев решил, что это и есть старший начальник, очевидно, генерал.

Капитан по-румынски сказал генералу несколько слов, тот сдержанно улыбнулся и что-то ответил. Все остальные продолжали хранить полное и напряженное молчание. Капитан повернулся и резко сказал Силантьеву:

— Перед вами командир дивизии. Говорите, что вам надо!

Силантьев выпрямился.

— Я парламентар, — сказал он как можно более весело и спокойно. — Я пришел к вам предложить немедленную капитуляцию.

Капитан перевел его слова. Генерал и все остальные переглянулись. В комнате стало как будто еще тише. Затем, не глядя на Силантьева, генерал бросил какую-то отрывистую фразу, встал и вышел, хлопнув дверью.

— Здесь этот вопрос решить не могут, — сказал капитан, — мы повезем вас в другое место.

— Чего же вы сразу не повезли! — сердито проговорил Силантьев. — Давайте, да побыстрее!

В ответ капитан затянул узел на его затылке еще туже. Силантьев выругался про себя и вновь покорно пошел, как слепец, подчиняясь чужой и недоброй воле.

Опять машина запрыгала по разбитым колеям. В висках у Силантьева стучала кровь. Капитан и шофер о чем-то говорили между собой и посмеивались. Это показалось Силантьеву дурным предзнаменованием. А в то же время сознание, что его везут с обычными предосто-

рожностями, успокаивало и придавало бодрости. Что ж, потерпим еще немного. Очевидно, его везут к какому-то очень большому начальнику, если генерал, командир дивизии, отказался взять на себя решение вопроса. Интересно, к кому он попадет, к командующему армией или, может, всей группировкой? Так или иначе, они, видно, и сами понимают, что их дела плохи. А то не стали бы его возить к такому начальству. Силантьев выпрямился и горделиво откинул назад стянутую полотенцем голову, стараясь ничем не выдавать своего волнения...

Когда его ввели в дом и сдернули повязку, он понял, что здесь и есть тот штаб, где произойдет решающий разговор. Его конвоир вытянулся перед маленьким, тщедушным человеком с властными движениями, в генеральской форме, тщательно побритым и надушенным. Лицо у генерала было худощавое, черты лица мелкие, профиль острый. Он сидел, откинувшись на спинку стула, заложив ногу на ногу, и с любопытством рассматривал Силантьева, который, остановившись посередине комнаты, невольно расправил плечи, слегка расставил ноги и наклонил вперед голову, словно боксер на ринге перед началом схватки. Кроме этого маленького генерала Силантьев заметил и того генерала, у которого он уже успел побывать. Тот генерал стоял у окна в напряженно выжидательной позе и о чем-то тихо переговаривался с полковником; у полковника была перевязана голова, и казалось, что прямо из-под белого бинта торчат два длинных черных уса.

На этот раз офицер, сопровождавший Силантьева, отступил на несколько шагов и встал у него за спиной.

— Так вы парламентар? — по-русски спросил маленький генерал, не меняя позы и небрежно играя карандашом, который держал в руках.

— Парламентар, — коротко ответил Силантьев.

— У вас есть письменные полномочия?

— Нет. Мне приказано передать вам предложение нашего командования на словах. Вот оно: или капитулировать, или быть уничтоженными — всем до единого! — Он сказал это с неожиданной для самого себя резкостью, бессознательно мстя за все те унижения, которым его здесь подвергали. Пусть этот надушенный фашист убивает его на месте, но пусть знает, что ждет его самого, если он не согласится на капитуляцию.

Однако брошенные им слова заставили генерала как-то невольно повести узкими плечами. Другой генерал, стоявший у окна, что-то глухо пробормотал, очевидно выругался, и Силантьев убедился, что он тоже понимает по-русски.

— Какие ваши условия? — помедлив, спросил старший из генералов.

— Мы оставляем всем офицерам ордена и холодное оружие. И командиров и солдат обеспечиваем питанием и медицинской помощью.

— Еще что?

— Больше ничего... Куда вести солдат и где сдавать оружие, будет указано дополнительно.

По тому, как с ним разговаривали, Силантьев понял, что будет смешно и нелепо пуститься сейчас в объяснения по поводу того, что о ссылке и пытках гитлеровцы все врут. Перед ним были матерые враги, они сами отлично знали правду, ведь ложь исходила именно от них. Эти люди сознательно и цинично ведут свою игру, и надо говорить так, чтоб они поняли, что игра эта ими уже проиграна.

— А вы уверены, что наше положение безнадежно? — спросил генерал, стараясь сохранить спокойствие и напряженно улыбаясь краями тонких губ.

— Уверены, — ответил Силантьев. — Мы против ненужного кровопролития. Еще день, еще два, и вы сложите оружие.

Генерал развел руками:

— Но на войне иногда погибают одни, чтобы победили другие. Мы солдаты... — Он встал, отбросив ногой стул.

Сердце у Силантьева забилося.

«Примет предложение, — подумал он, — похоже, что примет».

В это мгновение в комнату вбежал, вернее ворвался, молодой, некстати нарядный офицер. В руках у него была какая-то бумага. Он был радостно взволнован и, не соблюдая никаких норм военной субординации, шагнул прямо к маленькому генералу, что-то прошептал ему на ухо и сунул в его дрогнувшие руки листок.

Генерал прочел, и лицо его слегка порозовело. Не говоря ни слова, он передал листок — очевидно, радиограмму — другому генералу, тот прочел и протянул пол

ковнику. Словно не веря глазам, оба прочитали листок по несколько раз и, перечитав, обменялись с командующим короткими, но красноречивыми взглядами.

Силантьев не понял, что случилось, но в груди у него тревожно заняло: уж не сумели ли враги где-то прогнаться?..

Генерал помолчал, пожевал тонкими губами и взглянул на Силантьева глазами, в которых не было и намека на те колебания, которые, как показалось Силантьеву, прятались в глубине его небольших, бесцветных глаз во время их разговора.

— Так вот, господин парламентар, — сказал он жестко, хмурия брови, — передайте тем, кто вас послал, что мы будем драться до последнего снаряда, до последнего патрона, до последнего человека... Вам ясно?..

— Ясно, — сказал Силантьев.

Генерал повернулся к капитану:

— Доставьте его назад!

На этот раз проклятый капитан затянул узел так, что череп у Силантьева чуть не треснул. Он подавил стон и сам перешагнул через порог. Дверь не успела закрыться, как за спиной у него в комнате шумно и возбужденно заговорили.

Машина шла с большой скоростью. Капитан сидел рядом, но уже больше не говорил с водителем, а только сердито посапывал. Силантьев старался припомнить, какое выражение лица было у генерала в ту минуту, когда его прервал вбежавший офицер. Нет, что ни говори, а они уже готовы были сдаться... Что же случилось? Что было в той радиограмме, которую они получили? Что их так приободрило или припугнуло?

Настроение у Силантьева безнадежно испортилось. Так бы хотелось после всего пережитого прийти и доложить Чураеву, что они сдались. Так нет же — все зря. Напрасные тревоги, напрасные унижения...

Наконец машина резко затормозила, Силантьева бросило вперед.

— Снимай повязку, — сказал над ухом капитан.

Силантьев сорвал и бросил полотенце на снег. Кровь хлынула в голову, и он пошатнулся от внезапной слабости.

Силантьев огляделся. Знакомое место. Изгиб холма, откуда он начал свой путь вместе с капитаном. А там вда-

леке, напротив, ветер полощет белый флаг над холмом Ну и заждался же его, наверное, Чураев.

— Иди, — сказал капитан и небрежно махнул рукой.

— Пистолет отдай, — сказал Силантьев.

— Он будет мне на память, — усмехнулся капитан. — Иди, иди и не поворачивайся.

Силантьев вновь перепрыгнул через окоп, в котором сидели солдаты, сделал несколько шагов вниз по склону и вдруг в ярости обернулся.

— Ну, погоди! — крикнул он капитану.

Однако капитан уже успел скрыться за выступом холма, иначе неизвестно, чем бы кончился для Силантьева этот заключительный разговор.

И вот он опять идет размеренным шагом, ощущая спиной, плечами, затылком, как в него целятся враги. Теперь-то уж ничто не мешает им убить его. Но он шел и шел. И, может быть, это внешнее спокойствие спасло его. Гораздо легче и завлекательней стрелять в бегущего — сразу возникает охотничий азарт: а сумею ли я поймать его на мушку!.. Силантьев двигался, пожалуй, даже чересчур медленно, слегка переваливаясь с ноги на ногу.

Только в самом конце пути, когда оставалось всего каких-нибудь десять шагов, он вдруг сделал прыжок и буквально ввалился в окоп к Чураеву...

Ветер продолжал трепать на вершине холма забытый белый флаг, а по всему участку уже начинала нехотя расплзаться перестрелка.

Что же произошло в румынском штабе? Об этом стало известно лишь через несколько дней.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

1

Пропади ты пропадом, эта балка! Сколько тяжелых часов пережил возле нее Береговой.

Так бывает только во сне: тебе кажется, что ты уже выбрался из какого-то заколдованного лабиринта, ты с облегчением переводишь дух. Глядь — оказывается, ты на том же самом месте, откуда двинулся в путь, и никакого выхода нет.

Неужели же эта новая неудача отбросит его назад к тем страшным месяцам начала войны, о которых и вспомнить нельзя без глухой душевной боли.

Береговой не мыслил себя без армии: тогда именно он отступал. Был однажды случай, когда рука его сама потянулась к револьверу. Это случилось в отчаянные дни окружения под Харьковом, когда, казалось, уже не было другого выхода, кроме плена или смерти. Почти все командиры его штаба были убиты. Полки превратились в роты неполного состава. Четверо суток Береговой сдерживал противника, но помощь не подходила. Кончались боеприпасы и продовольствие. Измученный до предела непрерывным напряжением и бессонными ночами, он в какую-то злую минуту совсем упал духом и потерял над собой контроль. Умереть, умереть и не видеть этого ужаса! Он очнулся от ощущения боли в виске — с такой силой вдавил он в него дуло пистолета. «Что ты делаешь?.. Что ты делаешь?.. — закричал в нем какой-то внутренний голос. — Ты же предаешь своих людей!.. Трус!»

Береговой сумел вывести остатки дивизии. При прорыве кольца окружения его тяжело ранило в бедро. И пять бойцов несли его на себе, грузного, потерявшего сознание. Очнулся он в госпитале, далеко в тылу.

После выздоровления для него начались дни и недели тягостных переживаний. Его вызвал к себе прокурор. Началось следствие о причинах, по которым дивизия оказалась в окружении.

Под суд Берегового не отдали, но месяца три держали в резерве. Потом его послали с большим понижением на Урал — начальником обозно-вещевого снабжения.

Жизнь Береговому казалась конченной.

Однажды он через голову всех своих прямых и непосредственных начальников написал письмо в Генштаб с просьбой послать его на фронт в какой угодно должности — хотя бы солдата. Месяца два ему не отвечали. Тогда он послал второе письмо. После этого его вызвали в округ и сделали строгое внушение за обращение не по команде.

И все же он добился своего. О нем вспомнили, и еще через месяц управление кадров направило его в распоряжение командующего Юго-Западным фронтом.

Он воспрянул духом и через три дня уже был в штабе фронта. Однако радость его была преждевременна,

Рыкачев, под начальством которого он оказался, знал, что у Берегового в прошлом были крупные неприятности, что его снимали за плохое руководство дивизией, и потому принял его, что называется, в штыки. Если бы Ватутин не перевел Берегового к Коробову, он, несомненно, был бы опять отчислен в резерв, отправлен в тыл, уж на этот раз безвозвратно. Впрочем, и Коробов встретил нового командира дивизии холодно и не без предубеждения. Ему не внушал доверия этот тяжелый, малоподвижный человек, всегда хранивший на лице замкнутое и вместе с тем настороженное выражение.

Когда Береговой замедлил продвижение вперед всей армии, а потом застрял перед балкой, Коробов вышел из себя. Ему хотелось немедленно отстранить от должности этого нерасторопного человека. Он, пожалуй, так и сделал бы, если бы не был связан разговором с Ватутиным. Понять, что поведение Берегового — результат прежних ударов, лишивших его уверенности в себе, а вовсе не трусость и неумение, ему было некогда. Не до психологии, когда от стремительности темпа зависит весь успех наступления.

Но так или иначе, круто вмешавшись, Коробов помог Береговому преодолеть в себе нерешительность, с которой он, может быть, не совладал бы сам. Двинуть вперед дивизию, когда ее так легко отрезать, а затем и окружить? Как решиться на это? Но приказ дан, и надо его выполнять. Береговой был похож сейчас на парашютиста, взглянувшего с огромной высоты на землю и вдруг испугавшегося последнего движения, которое должно оторвать его от самолета. Но тут рука инструктора толкает его в спину. Сердце екает и заходится. Мгновенное отчаяние, а затем потрясающее ощущение собственной смелости и широкого полета под куполом парашюта...

Оставив полк Федоренко у балки и выступая во главе дивизии в указанном направлении, Береговой еще думал, что совершает непоправимую ошибку. И вдруг случилось то, чего он меньше всего ожидал. Полк Федоренко заставил сдаться превосходящие силы врага.

Это было поражение Берегового и его победа... Получив донесение, он минут двадцать молчал, испытывая сильнейшее потрясение. В нем слились смутение и радость оттого, что он сумел переступить через черту, которая незримо отгораживала его от той подлинной сме-

лости, без которой командир — не командир, а тряпка. Он вдруг понял, что нельзя жить привычной старой болью от нанесенных кем-то обид, нельзя все время бояться, что тебе нанесут их вновь. Тогда-то наверняка провал. Он уже не держал зла против Коробова и Федоренко. Даже то, что Коробов накричал на него, представлялось ему не таким уже обидным. Мало ли что бывает в жизни. Он и сам любитель покричать. Ему даже начало казаться, что именно по его инициативе Федоренко остался у балки и сделал все как нельзя лучше.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Ватутин внимательно слушал, что ему говорили по телефону из Москвы, изредка повторяя «да, да», и делал какие-то пометки на листке большого блокнота. Лицо его хранило серьезное и сосредоточенное выражение, и лишь где-то, на дне глаз, зажигались искорки затаенного лукавства.

По мере того как разговор развивался, Соломатин, стоявший рядом, стал понимать, что речь идет о какой-то новой делегации, которую посылают из Москвы на фронт.

Он разозлился. Что это такое?! Как можно направлять сюда, где идут напряженные бои? Весь фронт в движении. Да и возиться с ней некому. Соломатин стал подавать Ватутину энергичные знаки: «Откажись», но Ватутин почему-то не только не отказывался, а наоборот, проявил большую готовность: обещал принять гостей и обеспечить их всем необходимым.

— Ну что ты сделал, Николай Федорович! — сказал Соломатин, когда Ватутин положил трубку. — Скажи, пожалуйста, зачем ты пригласил делегацию? Ведь сейчас совсем не время...

Ватутин слегка усмехнулся.

— Наверно, Ферапонт Головатый хочет узнать, как дерется его танк? — зло спросил Соломатин. — Так, что ли? Угадал?

— Не угадал! К нам едет представитель американской военной миссии генерал Бильдинг. И с ним два лейтенанта. Хотят посмотреть, как воюют их союзники.

— Ну что ж, — сказал Соломатин. — Пожалуй, ты правильно сделал, Николай Федорович. Пусть едут. Пусть смотрят.

— Безусловно. Они же наши союзники, как-никак.

— Союзники — это так, союзники, а наверняка будут задавать разные вопросы.

— Что ж, и мы зададим.

— О втором фронте? — Соломатин улыбнулся. — Ну, этот вопрос им столько раз задавали... Они наверняка научились отвечать.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Ватутин. — Ну что ж... Примем их, и примем хорошо. Надо выделить машины, оборудовать блиндаж...

Соломатин помолчал минуту.

— Интересно, кто этот генерал?

— Участник первой мировой войны.

— Слушай-ка, Николай Федорович, — вдруг встрепенулся Соломатин, — а ведь я никогда дипломатическими делами не занимался. Как же нам себя вести? Разработать церемонию встреч, что ли?

Ватутин махнул рукой:

— Да брось ты церемонии устраивать! По-моему, лучшая дипломатия — это когда нет никакой дипломатии. К нам в Генштаб приезжали иностранные представители. Так я с ними держался совершенно запросто. И мне товарищи из Наркоминдела потом говорили: какой вы, товарищ Ватутин, хороший дипломат.

Ватутин засмеялся. Соломатин погрозил ему пальцем:

— Ну, ну, посмотрим, какой ты дипломат, Николай Федорович.

2

Генерал Джон Бильдинг, высокий, с красивой седой головой, холеный, розовощекий, молодежавый для своих пятидесяти с лишним лет, в защитном френче с множеством орденских ленточек на груди, почтительно жмет Ватутину руку.

— Господин командующий фронтом, — говорит он по-русски с небольшим акцентом, — я передаю привет от армии Соединенных Штатов Америки вам и вашим солдатам.

Два лейтенанта американца, один — высокий, с черными усами, другой — коренастый, пожилой человек, в очках с квадратными стеклами, мало похожий на кадрового военного, стоя за спиной своего генерала, улыбаются сдержанной, приветливой улыбкой.

Бильдинг делает шаг в сторону и, повернувшись, указывает на них рукой.

— Разрешите, господин командующий, представить вам двух боевых офицеров — лейтенанта Гарри Хенчарда, — при этих словах коренастый склонил голову, — и лейтенанта Майкла Брауна! — высокий лейтенант посмотрел на Ватутина с выражением подчеркнутой приветливости и почтения.

— Очень рад познакомиться, господа! — Ватутин пожал обоим лейтенантам руки и, обращаясь ко всем, произнес: — Мне очень приятно приветствовать вас на нашем фронте. Вы приехали к нам в тот момент, когда армия наша уже завершает операцию по окружению немцев. Я буду рад, если наша встреча и ваше пребывание здесь укрепят взаимопонимание союзных армий... Как вы чувствовали себя в пути, господин генерал?

— О, прекрасно! Мы летели на самолете в сопровождении истребителей, — ответил Джон Бильдинг, и оба лейтенанта закивали головами.

— Вам уже показали, где вы будете жить?

— Все великолепно, господин генерал. Мы благодарим вас за гостеприимство.

— Здесь фронт, — сказал Ватутин. — Не взыщите, если встретятся трудности...

Джон Бильдинг развел руками:

— Мы будем делить с вашей армией все радости и невзгоды!

Ватутин улыбнулся.

— Что потребуется, господа, прошу вас, говорите попросту... Две машины в вашем постоянном распоряжении. К вашим услугам телеграф...

— Я бы попросил, господин командующий, ознакомить нас с обстановкой на фронте, — сказал Бильдинг.

Ватутин распорядился принести карту, на которую были нанесены последние данные. Американцы долго молча смотрели на стрелки, окружавшие Сталинград, и лица их становились все серьезнее.

— Скажите, господин генерал, — вежливо спросил Бильдинг, — это последние данные?

— Это самые последние данные, — подтвердил Ватутин.

Пока он разъяснял, как развивается операция, куда и какими силами наносятся удары, американцы молчали.

— Сегодня мы можем подвести итоги трехдневных боев, — сказал Ватутин, присматриваясь к своим гостям. — К началу наступления перед войсками нашего Юго-Западного фронта и правого фланга Донского фронта находилось тридцать пехотных дивизий противника, три танковые и две кавалерийские дивизии. За три дня наступления наш и Донской фронты полностью разгромили три дивизии противника и нанесли большие потери пяти его дивизиям...

Лицо генерала Бильдинга оживает:

— И насколько вы продвинулись?

Ватутин подошел к карте:

— Вот видите красные стрелы? Это движение наших войск. Мы продвинулись на разных участках по-разному. От десяти и до пятидесяти километров. У нас уже более трех тысяч пленных...

— А Сталинградский фронт?

— Он идет навстречу нам. Там тоже значительное продвижение... Теперь посмотрите вот сюда... — Ватутин показал на левое крыло фронта. — Здесь, в районе Распопинской и Верхне-Фомихинского, окружено свыше двух пехотных дивизий противника, для пленения которых генералы Коробов и Рыкачев оставили часть своих сил. А главные силы этих армий наступают на юг и юго-запад...

Джон Бильдинг развел руками:

— Но говорят, что в Распопинской румыны, — сказал Бильдинг, и Ватутину показалось, что насмешливая улыбка тронула края его губ.

— Да, — сказал он спокойно, — это правда. Главным образом, румыны. Но что же из этого? Сегодня румыны, завтра немцы.

Бильдинг склонил голову. Очевидно, ответ Ватутина ему понравился.

— И мы сможем поехать по дорогам? Побывать в боях? спросил он.

— Насчет боев — я не знаю, — улыбнулся Ватутин, — ваша армия не столь уж многочисленна, чтобы вести наступление... — Бильдинг захопал в ладоши, лейтенанты засмеялись. — Ну а во всем остальном вы вполне свободны...

Американцы заняли хатку на краю Серафимовича. Они были приветливы и скромны. На другое утро с небольшой охраной они отправились вперед, на участок танкового корпуса, и побывали за Усть-Медведицким в его боевых порядках. Вернулись к вечеру, усталые и оживленные. Ватутин был занят и не мог уделить им много времени. Он только расспросил у них, где они были, и посоветовал завтра побывать на тех участках, где противник обороняется особенно стойко. Пусть видят, что победа, к которой идут советские войска, — это победа над противником большой силы и опыта.

На третий день вечером, за ужином, Бильдинг, пользуясь тем, что Соломатина вызвали на телеграф, спросил Ватутина в той уважительной и дружеской манере, которая позволяла ему задавать самые смелые вопросы:

— Скажите, господин генерал, мне хочется разобраться в том, что меня давно занимает, почему кроме вас, фронтом командует военный комиссар?

— Вы о члене Военного совета?

Бильдинг кивнул головой.

Ватутин удивился:

— Но, во-первых, фронтом командую я, а не он! А во-вторых...

Но американец сразу же прервал его:

— Простите! Разве комиссар вам подчинен?

— Нет, не подчинен.

— Значит, он с вами на одинаковых правах?

— Нет, не на одинаковых, — сказал Ватутин.

— Он может приказывать войскам?

— Нет, не может. Приказываю войскам только я.

— Значит, он действует через вас. Так я понимаю...

Ах, вот к чему он клонит! Ватутин усмехнулся:

— Вы, очевидно, хотите сказать, господин генерал, что на самом деле фронтом командует комиссар, а я лишь выполняю его желания...

Бильдинг опустил глаза:

— Но если есть командующий, ему подчиняются все. Я так понимаю...

— И я так понимаю, — сказал Ватутин. — Но у нас, в нашей армии, исторически сложились свои особенности. Мы живем по русской пословице: один ум хорошо, а два лучше... Впрочем, даже три, потому что в Военном совете три человека.

— Вы хотите сказать, что комиссар — ваш советник?

— Это уже ближе к истине, — согласился Ватутин, — хотя роль комиссара куда важнее роли советника.

— Но если он советник, зачем ему власть?

— Власть ему дана для того, чтобы помогать мне проводить в жизнь те решения, которые я принимаю.

Бильдинг отпил из рюмки вино и отодвинул ее в сторону. По выражению его лица Ватутин понял, что американец ему не верит.

— Вам непонятно, генерал? — спросил Ватутин, вновь наливая его рюмку до краев.

— А вы почему не пьете?

— Когда я работаю, я не пью, — сказал Ватутин, — а мне еще всю ночь работать...

Бильдинг улыбнулся и кивнул головой.

— Так вам еще не все понятно? — вернулся к разговору Ватутин. Ему хотелось, чтобы Бильдинг понял его до конца.

— Нет, не все, — сказал американец. — Скажите, какую военную академию кончил ваш комиссар?

— Он не кончал военной академии.

— Значит, он не имеет такого специального образования, какое имеете вы? Насколько я знаю, вы окончили военную школу, военную академию и потом академию Генерального штаба?..

Ватутин невольно отметил, что Бильдинг хорошо осведомлен о его биографии.

— Да.

— Так чем же может помочь вам человек, который не окончил даже простой военной школы?

Бильдинг улыбнулся и откинулся к спинке стула. Ему показалось, что он завел Ватутина в тупик, из которого трудно выбраться.

— Видите ли, генерал, — сказал Ватутин серьезно, — вы коснулись самого существа вопроса. У нас была революция. Она вызвала к жизни огромные народные силы. Партия коммунистов, к которой принадлежу и я, воспитала государственных деятелей — мужественных,

опытных, практичных. Они, может быть, не разбираются во всех тонкостях военного дела, но умеют верно оценить обстановку, умеют работать с людьми, умеют организовывать массы. Вот в чем сила этих людей, генерал... Надеюсь, теперь вы меня понимаете...

Бильдинг сокрушенно развел руками:

— Боюсь, что не совсем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

1

Майора Медникова срочно вызвали в отдел тыла армии.

— Где вы пропадаете? — закричал на него начальник отдела полковник Светиков. — Мы два часа вас ищем!

Это был пожилой человек с лицом, изборожденным морщинами, их было так много, словно его нарочно мяли, чтобы их стало побольше. Он был сердит и чем-то очень взволнован.

Медников, которого с утра мучил прострел в боку, морщась от боли, доложил:

— Ходил в санитарную часть, товарищ полковник!

— Какого дьявола вы ходите по врачам, когда дело горит! Вы понимаете — горит! У танкистов кончается горючее!

— Понимаю, товарищ полковник. Если дело касается горючего, значит, и в самом деле горит.

Светиков с удивлением посмотрел на него из-под тяжелых от бессонницы век.

— Нашли время острить! Командарм Рыкачев приказал: лично вам... Понимаете, лично вам стать во главе колонны из шести цистерн и доставить их на хутор Еруслановский.

— Когда выезжать?

— Вы спрашиваете, когда выезжать? — еще больше обозлился полковник. — Вы спросили бы раньше, где взять горючее?

— Где, товарищ полковник? — спросил Медников, скрывая усмешку. Уж очень был забавен полковник, когда сердился.

— Эшелон пришел на Филоновскую. Теперь это у черта на рогах, — сказал полковник. — Цистерны туда уже направлены...

— А как охрана? Будет, товарищ полковник? — осторожно спросил Медников, стараясь незаметно потереть бок, который очень болел.

Полковник заметил это движение...

— Что вы все время держитесь за бок? Кроме вас, мне все равно послать некого! Поедете вы!.. Понятно? Вам будет придан взвод охраны и броневик... Если вы боитесь, что вас подстрелят, можете ехать хоть в башне...

Через три часа Медников был уже в Филоповской. За всю свою двадцатилетнюю интендантскую жизнь он ни разу не имел дела с горючим. Он был специалист по обозно-вещевому довольствию.

Но на войне иногда все идет кувырком.

Тот работник, который должен был заняться цистернами, сегодня утром подорвался на mine. Медникова не на шутку беспокоила мысль, сумеет ли он разобраться в качестве горючего, вдруг нальют что-нибудь не то. Его выручили шоферы. Они-то прекрасно разбирались во всех сложных вопросах, связанных с этим довольно темным для него делом.

Через час он уже доложил Светикову по телефону, что все в порядке, он отправляется к Еруслановскому. Светиков пробурчал нечто вроде «доброго пути», но тут же напомнил, что к вечеру горючее должно быть на месте.

И вот начался этот путь, который Медников запомнил на всю жизнь.

До линии фронта ехали в полном порядке. Шесть цистерн, налитые до краев, подрагивали на неровностях дороги, сохраняя дистанцию метров в сто — на случай налета бомбардировщиков.

Медников сидел в первой машине, рядом с шофером, тихонько охая при каждом толчке. В кабине было тепло, и если бы не боль, можно было бы недурно подремать.

По пути в одной из деревень к ним присоединилась охрана. На двух грузовиках — тридцать бойцов с винтовками, пулеметами и броневик. Броневик поехал впереди, а грузовики замыкали колонну.

Командир взвода охраны, молоденький лейтенант, явился к Медникову, чтобы доложить о том, что можно двигаться. Как-никак Медников начальник колонны, да и чином старше. И однако же Медников безошибочно угадал в тоне его голоса и в манере держаться некоторый

оттенок пренебрежения. Еще бы! Ведь он лейтенант, строевой командир, а майор — интендант.

Медников не то чтобы обиделся. Он привык слышать не слишком острые остроты по поводу того, что он-де начальник над полушубками, валенками и портянками. Но все-таки его слегка покорило. Как хотите, а неприятно, когда какой-то юнец всем своим видом выражает неуважение к вам, дескать — знай, сверчок, свой шесток... Что касается командира броневика, тот вел себя безупречно: и доложил как полагается, и разузнал все что надо о маршруте, и даже сам предложил Медникову перебраться под надежную защиту брони. Медников уже хотел было принять его приглашение, но вспомнил Светикова, поглядел искоса сквозь стекло кабины на самоуверенное лицо лейтенанта и остался в кабине цистерны. Ничего не поделаешь, приходится беречь честь мундира. Только залезь в броневик, непременно скажут: «Ясное дело, интенданты! Это ведь известные трусы!»

Колонна ехала со скоростью двадцать — двадцать пять километров в час. По разбитым дорогам ехать быстрее просто невозможно. Оттого, что сидеть было неудобно, у Медникова свело ногу, вернулась тупая боль и расплзлась по всей левой стороне тела. Да, плохо, когда человеку уже за пятьдесят, а он должен трястись по изрытым, ухабыстым дорогам, а не лежать на диване с грелкой, которую подложили под бок заботливые руки жены.

Впрочем, Медников уже забыл о тех днях, когда жил дома. Все то, что было полтора года назад, казалось ему таким далеким, словно с тех пор он прожил несколько длинных жизней...

Мимо ветрового стекла тянулась все та же однообразная снежная степь. Серое небо вдалеке сливалось с холмами. Машина, пофыркивая, бежала все вперед и вперед, шофер молчал, и Медникову показалось, что тот дремлет. Он опасливо взглянул на худощавого паренька в промасленном комбинезоне, но все было в порядке. Шофер и не думал дремать. Просто он, должно быть, задумался о чем-то. По возрасту он годился Медникову в сыновья, и Медников невольно подумал, как в общем он глупо прожил жизнь. Поздно женился, детей нету... А как, должно быть, хорошо знать, что у тебя есть сын...

В штабе армии Медникова предупредили, что в дороге надо вести себя осторожно: по следам бродят отряды вражеских войск. Но какие меры предосторожности можно принять в такой поездке? Шесть цистерн с горючим в карман не спрячешь. Да и на охрану не расщедрился. К тому же достаточно издалека обстрелять машину из крупнокалиберного пулемета — и все горючее вытечет...

Чем дальше продвигались машины, тем тревожнее становилось на душе у Медникова. Теперь на каждом шагу он видел следы недавнего сражения — подбитые танки, самолеты, по обочинам дороги в снегу лежали трупы.

Вдруг вдалеке показалась какая-то колонна. Медников увидел ее в то мгновение, когда броневик, объезжая воронку от бомбы, свернул к левой кромке дороги.

Медников насторожился, выпрямился... Это еще что такое? Он высунулся из окна кабины, тревожно вглядываясь вперед, но перед его цистерной, заслоняя дорогу, мерно и спокойно бежал броневик. И Медников даже немного рассердился. В конце концов он здесь старший и головой отвечает за свою колонну, а зажат в этой чертовой кабине, как в клетке, и некому даже слово сказать, кроме шофера, которому словно дратвой рот зашили. Вот так командир! Не он ведет, а его везут!

Однако через несколько минут Медников понял, что у него нет никаких причин беспокоиться и сердиться. Машины ехали мимо длинной колонны пленных солдат. Пленные брели по дороге нестройной толпой, жалкие, оборванные, полузамерзшие. Медников даже почувствовал к ним некое подобие жалости. «Такой, — подумалось ему, — наверное, была наполеоновская армия при отступлении». В колонне шагало примерно пятьсот солдат, и Медников удивился, что нет конвоя. И вдруг, когда почти все пленные уже прошли, он заметил двух бойцов с винтовками. Замыкая колонну, они спокойно шагали, покуривая и о чем-то беседуя между собой, и, видимо, почти не обращали внимания на тех, кого им приказали вести на сборный пункт.

«Удивительное дело, — подумал Медников, — как меняется психология, когда между людьми нарушаются привычные связи, когда теряется вера в победу. Ведь этим пятистам солдатам ничего не стоит обезоружить двух бойцов, даже убить их, объединиться в отряд и попробовать пробиться к своим. Но сейчас, на чужой земле,

обезоруженные, они сразу потеряли веру и стойкость, стали покорны и послушны...»

Так проехали еще километров десять. Теперь цистерны проходили мимо участка, на котором еще недавно шел танковый бой. Мелькали сожженные машины, уже кем-то сброшенные с дороги в кюветы. Безмолвно стояли ярко-желтые с темными разводами вражеские танки. Тут же с сорванными башнями стыли две тридцатьчетверки...

Уже больше половины пути было пройдено, и Медников стал надеяться, что все обойдется без приключений. Колонна приближалась к хутору, раскинувшемуся на высоком берегу Дона.

И вдруг с околицы по броневику ударило орудие. Снаряд разорвался в стороне, и цистерну, словно крупным градом, осыпало комьями земли. Они разбили ветровое стекло машины, в которой ехал Медников. Один осколок впился ему в щеку. Потекла кровь, но Медников этого даже не почувствовал.

Когда он выскочил из кабины на дорогу, бойцы уже рассыпались по полю в цепь. Лейтенант, весь бледный от возбуждения, кричал кому-то истощенным голосом:

— Миномет установите!.. Где миномет?

Мимо пробежали два бойца со станковым пулеметом. Броневик открыл огонь из пушки по окраине хутора. Оттуда ответил крупнокалиберный пулемет.

Лейтенант, перебегавший с одной стороны дороги на другую, вдруг обернулся к Медникову и крикнул сердито:

— Товарищ майор! Распорядитесь — пусть цистерны дают задний ход! Отводите их в укрытие! Вон туда — в балку!

Сейчас, когда начался бой, лейтенант действовал так, словно был здесь старшим. Впрочем, ведь Медников никогда еще никем, кроме писарей, не командовал. Слова лейтенанта вывели его из оцепенения, и он побежал вдоль машин, крича шоферам, чтобы они по одной вели цистерны в балочку, видневшуюся в стороне.

А пулемет продолжал бить по дороге как бы с удвоенной силой. Медников осип от крика. Ему казалось, что шоферы удивительно медленно выполняют его приказание. На самом же деле им просто было очень трудно вести цистерны задним ходом, каждое мгновение ожидая пули.

Три машины уже сошли с дороги, а четвертая вдруг замерла, задержав пятую и шестую. Вот чертовщина! Ну что за шляпа этот шофер! Медников бросился к кабине, раскрыл ее, и прямо на него вывалился труп шофера. Медников оттащил его на край дороги. Раздумывать было некогда. Он вскочил в кабину и нажал на стартер, чтобы завести мотор. Он умел водить машину, и теперь это могло здорово пригодиться. Но мотор был поврежден. Ругаясь на чем свет стоит, Медников опять спустился из кабины на дорогу, и вдруг ноги его попали в какую-то жидкость.

Он не сразу понял, что это такое, а когда поднял глаза, то увидел, что цистерна разбита, осколок снаряда разворотил в ней огромную щель, из которой хлещет темная струя горючего.

Медников стащил с головы шапку и попытался заткнуть щель. Но это оказалось невозможно. Щель была так широка, а напор так силен, что шапку моментально вытолкнуло обратно. Надо было спасти другие машины. Но пока он возился с четвертой, пятая и шестая уже благополучно спустились в балку.

Теперь, когда дело было сделано, Медников позволил себе оглянуться по сторонам.

На дороге было пусто. Броневики мелькали вдалеке, между домами хутора. Там суетились какие-то люди. Ветер донес крики, автоматные очереди. Затем все стихло...

Медников стоял посреди дороги один, размышляя о том, что же ему теперь делать. Но тут броневик вынырнул откуда-то из-за дома и помчался по дороге назад, к цистернам.

Не доезжая шагов десяти до Медникова, он остановился. Открылся люк, и командир броневика, плотный человек в черном ребристом шлеме, высунулся оттуда.

— Все в порядке! — крикнул он. — Давайте трогайтесь...

— А сколько их там было? — спросил Медников.

— Да немного! Взвода два! Половина полегла. Остальных мы забрали...

— А у нас потери?

— Двое ранены! Лейтенанта — в грудь!

Вот несчастье! Медников приказал положить труп шофера в машину, чтобы похоронить по возвращении в штаб

армии. Развороченную цистерну он решил бросить. Все равно в ней не осталось ни капли горючего.

Лейтенант без кровинки в лице, уже забинтованный санитаром, лежал на лавке в пустой, холодной хате. Тут же был и боец с простреленной левой рукой. Что делать с ранеными? Лейтенант наверняка не перенесет тряской дороги. Да и кто скажет, не ждет ли их колонну на следующем перегоне новая стычка... Оставить раненых здесь? Но ведь это тоже верная смерть!

Медников на цыпочках подошел к лавке и наклонился над раненым лейтенантом.

Тот, очевидно, услышал его шаги или, может быть, почувствовал теплоту дыхания. Веки у него дрогнули, и бескровные губы жалобно, по-детски, скривились.

Медников даже зажмурился от жалости.

— Ну, ничего, ничего, голубчик! — сказал он, через силу глотая какой-то жесткий комок, застрявший в горле. — Ты только потерпи, а уж мы все устроим...

Но как и что тут можно было устроить, он решительно не знал.

В это время дверь хаты скрипнула и легонько приотворилась. Порог переступила немолодая женщина в старом ватнике и большом рваном платке. Она вошла робко и, стоя у притолоки, оглядела хату, видимо не решаясь двинуться.

— Входи, входи, хозяйка, — оживился Медников. — Ты кто такая?

— Местная я, — сказала женщина, переступив через порог.

— А это чья хата?

— Моя будет!

— Ваша? Так чего ж вы сюда, как в гости, входите?

— Да ведь тут немцы на постое были. Они всех нас в землянки выгнали... — Женщина помедлила, а потом осторожно спросила: — А вы теперь что — насовсем пришли?

— Насовсем, насовсем, мамаша, — успокоил ее Медников. — Больше уже не уйдем!

Женщина, словно соображая, можно ли ему верить пристально и серьезно оглядела его с ног до головы. Ее узловатые пальцы непрерывно теребили край платка, а в глазах было нечто такое, что без всяких слов говорило о безмерной усталости и о простой радости возвращения в свой дом.

Обдумывая только что зародившийся у него в голове план, Медников и сам внимательно присматривался к женщине.

— Вы как будто не казачка, — сказал он. — Говор у вас не тот. А я-то думал, что здесь казаки живут...

— Живут и казаки, — сказала женщина. — А мы из иногородних.

— То-то... А где же весь ваш народ?

— Тоже по домам пошли. А кто с командиром вашим беседует, ну с тем — на машине... Заждались мы...

— А что, разве в этой станице еще не было наших? — спросил Медников.

— Танки вот вчера прошли стороной. А сюда так и не заходили.

— Понятно, — сказал Медников и, вдруг решившись, пошел к женщине и взял ее за локоть.

— Вот что, мамаша, — сказал он, — мы оставим вам продукты. На вас и еще на двух человек. Вам на целую неделю хватит. Но вы поберегите лейтенанта до прихода наших. А потом сдадите его в госпиталь... Понятно?

Женщина деловито кивнула головой. Лицо у нее стало доброе, жалостливое. Она под села к лейтенанту и поправила сползшую повязку.

— Продуктов-то вы только на них оставьте, — сказала она. — А я уж как-нибудь и сама перебуюсь. Не привывать!

Медников махнул рукой: «Глупости!» Он приказал принести десять банок мясных консервов, большой кусок масла, несколько буханок хлеба и даже полтора десятка пачек гречневого и пшеничного концентрата — из того запаса, который он хозяйственно захватил с собой. Он увидел, как дрогнули руки женщины, когда она принимала все это богатство. «Изголодалась же ты!» — подумал он.

Ну а что делать с пленными? Их оказалась целая дюжина. Одиннадцать солдат и офицер. Они сидели в запертом амбаре. Оставить их там? Сбегут. Расстрелять? Об этом Медников не мог даже подумать. Назначить людей для охраны? Но ведь это значит, что самому уменьшить свой и без того маленький отряд...

И Медников принял решение, которое показалось ему наиболее разумным. Он приказал отнести в амбар немного консервов из обнаруженного здесь же, на хуторе, небольшого продуктового склада, несколько буханок хле-

ба и поставить бочку с водой. Затем он распорядился накрепко забить двери амбара, а раненому бойцу дожидаться прихода какой-нибудь части, которая через день-два обязательно сюда подойдет, и тогда сдать пленных с рук на руки.

Он уже думал, что на этом его административная деятельность кончается, но в это время в хату ввалился старый казак в коротком и рваном зипунишке.

— Господин начальник! — сказал он, волнуясь, видимо, его сюда привело какое-то очень важное дело. — Господин начальник!

Медников рассердился:

— Ты что, отец, с ума сошел? Какой я тебе господин? С кем ты разговариваешь? С немцем, что ли?

Старик смутился и беспомощно развел руками.

— Ты уж прости, товарищ начальник. Не знаю, как с языка слетело... Привык!

— Привык! Отвыкать надо. Ну что тебе?..

— Да вот тут за околицей цельный гурт скота топчется. Коровы ревут! Двести голов! Немцы бросили...

— Взять на учет и раздать населению, — решительно распорядился Медников. — Пусть сейчас же разведут коров по дворам! — Никогда он не принимал так легко такие немаловажные решения.

Казак, даже не простившись, опрометью выбежал из хаты. Было слышно, как он скороговоркой передавал распоряжение. А Медников поправил в ногах у лейтенанта полушубок, простился и пошел к цистернам.

Когда он опять занял свое место рядом с шофером, уже почти совсем стемнело. Теперь колонна уменьшилась на одну цистерну. Две другие, получившие пробоины, удалось починить.

Машины двигались медленно, шоферы вели их с опаской, стараясь держаться наезженной колеи, чтобы ненароком не подорваться на mine.

Густые сумерки наплывали со всех сторон. Снег посинел. По сторонам дороги проплывали уже плохо различимые очертания брошенных и сгоревших машин, танков. Впереди по-прежнему ехал броневик, едва различимый в сгущавшейся темноте.

И вот колонна пересекла перекресток двух полевых дорог. Медников заметил, что слева по поперечной дороге к перекрестку приближается еще одна колонна из не

скольких машин. По темным очертаниям это были грузовики. Он сосчитал. Их было пять. Тускло поблескивали синие надфарники.

Медников обрадовался. Появление машин, неторопливо двигавшихся по дороге, было верным признаком того, что они уже добрались до тылов ушедшего вперед корпуса...

На всякий случай он высунулся из кабины и подозрительно осмотрелся по сторонам.

Нет, все нормально. Как только замыкающая его колонну цистерна миновала перекресток, головная машина новой колонны свернула с боковой дороги и пошла вслед за ней. У Медникова отлегло от сердца. Как ни говори, а в колонне стало на пять машин больше. Судя по всему, на присоединившихся машинах едет не меньше роты. Он успел заметить, как полуприкрытые ладонями и рукавами в темноте мелькают огоньки папирос.

Теперь, когда он немного успокоился, ему вдруг неудержимо захотелось спать. В кабине было тепло. Он прижался к двери, подпер плечом голову так, чтобы ее поменьше встряхивало на ухабах, и закрыл глаза. Одно только мешало: боль, которая совсем было прошла во время всех передрыг, опять стала потихоньку грызть его бок.

Вдруг шофер стал притормаживать.

— Что такое? — открыв глаза, спросил Медников.

— Броневик впереди остановился, товарищ начальник.

И действительно, Медников увидел, как из броневика вылезла темная фигура, в которой он узнал командира.

Медников опустил стекло, и в кабину ворвался холодный ветер.

— В чем дело?

— Надо уточнить направление, товарищ майор! — сказал, подходя, командир — в руках у него белела карта. — Сейчас развилка. Куда ехать — налево или направо?

Медников открыл дверцу:

— Давайте посмотрим!

Командир броневика зажег электрический фонарик и близко поднес его к карте. Яркий кружок света заскользил по сложному переплетению дорог, горизонталей, высот...

Чьи-то быстрые шаги послышались в темноте, и к

машине подбежал старший сержант, который остался за лейтенанта.

— Товарищ начальник, — тихо сказал он, — там немцы!

— Где немцы? — спросил Медников, и в груди у него нехорошо сжалось.

— А на тех машинах, что за нами идут!

— Да откуда вы это взяли? — спросил командир броневика. Он был тоже убежден, что машины принадлежат танковому корпусу.

— Пойдите сами послушайте! По-немецки говорят!

Командир броневика потушил фонарь и быстро исчез в темноте. Медников тоже вышел из машины и, вынув из кобуры пистолет, зашагал вслед за ним. Он успел сделать не более десяти — пятнадцати шагов, как почти столкнулся с идущим назад командиром броневика.

— Да, немцы, — сказал тот тихо. — Там их более ста человек. Они вооружены! Видимо, сбились с дороги. Обстановки не знают. Решили, что наша колонна принадлежит какой-нибудь их части...

— Так, — сказал Медников. — А вы предупредили, чтобы на грузовиках бойцы приползли?

— Шепнул!

Медников озадаченно почесал щеку. Что делать? Не вести же за собой немецкую колонну до самого штаба корпуса. Неизвестно, что еще случится по пути. Вдруг противник поймет, чьи машины идут впереди, и первый откроет огонь? Вражеских солдат больше, и они наверняка перебьют маленький отряд и подорвут бензозаправщики.

Действовать надо немедленно, но как? Как лучше? Командир броневика молчал, ожидая приказа. У него был иной характер, чем у лейтенанта. В Медникове он видел своего начальника.

— Вот что, — сказал Медников, — я успел разглядеть карту. На развилке надо свернуть налево... Цистерны мы двинем вперед на самой большой скорости. Когда они пройдут, вы развернете броневик назад. Подойдете вплотную к грузовикам и откроете огонь в упор. В это время бойцы начнут жарить по ним из автоматов и бросать гранаты. Но это надо сделать на полной внезапности. Вы поняли?

— Я понял. — ответил командир броневика.

— А вы, товарищ сержант?

— И я понял, — ответил старший сержант.

— Действуйте! Я все время буду у первой полуторки.

Медников вернулся к своему шоферу и, коротко объяснив, куда сворачивать у развилки, приказал как можно быстрее ехать вперед. Заработали двигатели, и автоцистерны одна за другой стали исчезать в темноте. Когда прошла последняя, броневик внезапно развернулся и на большой скорости двинулся к немецким грузовикам.

Медников побежал к полуторкам, на которых в напряженном молчании сидели бойцы. Вдруг оглушительный выстрел прогремел почти над его головой. И тотчас же с криком «ура» люди посыпались из полуторок на дорогу. Непрерывно стучал пулемет броневика, который, двигаясь быстро вдоль ряда немецких машин, обстреливал их на полном ходу. Тяжело бухала пушка. Крики «ура» смешались с испуганными возгласами немецких солдат.

Бой шел совсем рядом, но к полуторке, где Медников установил свой КП, никто не прибегал за распоряжениями. Каждый в темноте действовал так, как ему было лучше.

Наконец не утерпев, Медников сам бросился вперед. На него, тяжело дыша и глухо ругаясь, бежал немецкий солдат. Медников выстрелил, и солдат упал.

Какой-то группе немцев все же удалось выскочить из грузовиков, и Медников увидел, как они бегут в поле. Вслед им летели гранаты. Они рвались с оглушительным звуком и яркими вспышками. Часто и прерывисто строчили автоматы.

Медников до хрипоты кричал:

— Вперед! Бей их! Бей!

Неизвестно, слышал ли его кто-нибудь...

Наконец перестрелка стала замирать. Те, кому удалось уйти, так и скрылись в степи. А солдат двадцать стояли под прицелом броневика, сбившись в кучу, бросив оружие и подняв руки.

— Старший сержант, ко мне! — крикнул Медников.

— Убили, — ответил кто-то из бойцов.

— Кто есть из младших командиров?

— Я, — ответили из темноты.

— Ваша фамилия? Звание?

— Якимов! Младший сержант!

— Осмотрите дорогу! Узнайте, кто ранен, кто убит...

Якимов вызвал несколько человек, и группа бойцов пошла вдоль машин, посвечивая под ноги электрическими фонариками.

Медников стоял посреди дороги, опустив руку с револьвером и тяжело дыша. Ишь ты, как получилось! Вот и он, оказывается, умеет командовать. Не знал, не знал он этого за собой.

Бойцы, окружившие пленных, вопросительно поглядывали на Медникова — что-то он скажет? Было ясно, что в полуторке пленные не поместятся. Да и, кроме того, куда их везти на ночь глядя...

А Медников, морща лоб, напряженно думал. Как поступить? Как выйти из нового трудного положения? И главное — как быть с теми, кто ранен?

Якимов вернулся с нерадостным сообщением. Трое бойцов убиты, шесть ранены, да еще и тяжело. Только двое из них кое-как держатся на ногах.

— Ну а немцев сколько? — спросил Медников.

— А мы их не считали.

— Раненые у них есть?

— Есть. Восемнадцать человек.

— Идти могут?

— Нет. Все лежат.

— Где шоферы? — спросил Медников.

— Здесь, — откликнулось два голоса.

— Осмотрите немецкие грузовики. Придется один из них взять на прицеп! Как-нибудь доедем!

Убитых бойцов положили в одну полуторку, раненых — в другую. Туда же забралось несколько бойцов. Остальные поехали вместе с пленными...

Когда поздно вечером Медников добрался наконец до штаба танкового корпуса, он узнал, что цистерны прибыли вовремя.

Он не стал ни есть, ни пить, снял полушубок, бросил его в угол на пол, свалился на него и словно утонул в глубоком сне.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

1

Коробов ехал на юг тем же путем, каким шли его дивизии.

Вдоль дороги то и дело встречались свежие березовые кресты. Хотя лесов вокруг нет на сотни километров, за-

ботливые немецкие каптенармусы запаслись крестами. Коробов глядел на кресты и думал о том, сколько еще впереди жестоких сражений.

Придет время, кончится война. И на земле наступит мир. Как ждут его люди! Как ждет его сама земля, израненная и опустошенная! Но доведется ли ему, Михаилу Ивановичу Коробову, увидеть день победы, доживет ли он?

Над головой Коробова узким клином прошли шесть «юнкерсов». Через несколько минут в отдалении загремели разрывы бомб. Дул резкий, ледяной ветер, обжигая лицо и глаза. Крутилась над землей снежная пыль и заметала дороги.

Коробов, прищурясь от ветра, смотрел на бескрайнюю степь, на летящих в вышине птиц, на далекий горизонт, где движется цепочка удаляющихся танков.

А навстречу шла колонна гитлеровцев. Изорванные серо-зеленые шинели, шапки, низко нахлобученные на лоб, изможденные, заросшие щетиной лица.

Чем дальше на юг едет Коробов, тем больше разбитых немецких машин попадаетеся ему по пути. Уже глаз привык к виду остановленных в своем беге вражеских танков, исковерканных, похожих на горы лома.

Шоферу все время приходится объезжать мертвых, которые лежат прямо на дороге. Множество трупов и во-круг на полях. Между ними бродят оседланные голодные лошади. Видимо, в этом месте была разбита немецкая кавалерийская часть.

И вот, причудливо изогнувшись, дорога пошла под уклон. На обочине Коробов увидел два вездехода. Знакомые машины и знакомые шоферы — это вездеходы командующего фронтом.

— А ну-ка затормози, — сказал Коробов шоферу и повернулся к адъютанту, который сидел позади него: — Нет ли здесь поблизости Ватутина?

Машина остановилась, адъютант спрыгнул на землю и подошел к шоферам.

— Что вы тут делаете, товарищи? — спросил он двух сержантов, мирно беседовавших около машин. — Где командующий?

— Командующий у себя на КП, — с улыбкой сказал один шофер, степенный, немолодой человек с обкурен-

ными усами. Это был один из лучших водителей штаба фронта, Кучеров.

— А что же вы тут делаете?

— Да вот ждем... Американцы трофеи подсчитывают!

Адъютант уже слышал о приезде американцев. Они должны были сегодня утром прибыть в штаб армии, но так почему-то и не приехали. Застраили где-то в пути. Коробов ждал, ждал их, а потом позвонил Ватутину и предупредил, что ему срочно надо выехать в дивизии и ожидать гостей он больше не может. Так вот, значит, где они оказались!

— То есть как это подсчитывают? Зачем? — удивился адъютант, высматривая в поле фигуры американцев. На конец он их увидел. Все трое стояли в отдалении на скате холма и, вооружившись биноклями, что-то внимательно рассматривали, а что именно — адъютант разглядеть не мог, потому что поле, куда они глядели, находилось за холмом.

— А кто ж их знает зачем, — ответил другой шофер. — Вот уже второй день мы с ними по дорогам колесим. Правду сказать, не столько ездим, сколько огдыхаем. Километр проехали — они сейчас останавливаются и давай считать, сколько тут немецкой техники валяется.

— А больше ничем не интересуются?

— Нет, как же! Интересуются. Трупы немецких солдат считают.

— Занятно! — сказал Коробов. — Прекрасное разделение труда. Мы гитлеровцев бьем, а американцы подсчитывают наши трофеи. Вот это союзники!.. Ну, не будем им мешать.

Американцы, занятые своим делом, так и не заметили машину Коробова, которая скрылась за поворотом балки.

Захваченный в плен вместе со своим штабом командир пехотного полка Антонеску на допросе рассказал, что румынские войска распоинской группировки получили приказ пробиваться на юг рано утром двадцать второго ноября. Об этом немедленно доложили Коробову, а тот сообщил Ватутину.

Обстановка создавалась в высшей степени сложная. В результате того что три пехотные дивизии армии Рыкачева не сумели завершить предписанный им маневр и занять назначенные рубежи, левый фланг армии Коробова оказался под угрозой. Противник не терял надежды выручить окруженных.

Если показания румынского полковника правильны, здесь надо перейти в наступление, как только стемнеет. Нанести разом несколько стремительных ударов. К утру следующего дня с окружением должно быть покончено.

Коробов пробыл на переднем крае около полутора часов. На КП к Чураеву вызвали командиров соседних дивизий. В последний раз проверили подготовку к удару.

Отсюда, с переднего края, были хорошо видны дома Распопинской, за которыми словно все вымерло. Изредка перебегали улицу солдаты, проскакивала машина, и опять все стихало.

С тех пор, как из своего неудачного похода вернулся Силантьев, противник стал обороняться упорнее. Казалось, он еще крепче поверил, что существуют силы, которые помогут ему вырваться из кольца. И в то же время все пленные, как один, рассказывали о тяжелом отчаянии, которое охватило войска, попавшие в окружение. Тот удар, который они готовятся нанести завтра утром, это, очевидно, последняя их ставка, последняя надежда.

Но этой надежде не суждено сбыться. Еще сегодня ночью по указанию Иванцова командующий авиацией направил самолеты-ночники бомбить колонны румын, уже двинувшиеся на юг.

Артиллерию выдвинули на передний край. Танки скопились в укрытиях. Знакомое волнение в предчувствии большого боя овладело войсками.

По поручению Дзюбы Терентьев со своими разведчиками обследовал участок, который находился прямо перед полком. О результатах разведки Дзюба доложил Чураеву. Противник уже успел укрепить окраину Распопинской. Поэтому лучше всего было бы ударить во фланг, обойти укрепления и попытаться прорваться там, где они становятся реже.

— Однако и при этом надо ожидать самого сильного сопротивления, — сказал Коробов на совещании комди-

вов. — Ведь генерал Ласкер предупредил тогда нашего парламентаря, что они будут драться до последнего снаряда и солдата. Что ж, пусть дерутся...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

1

Фронт успешно выполнял приказ Ставки. Великое окружение гитлеровских армий завершалось. Вражеская оборона была сломлена, расчленена, парализована. Одновременный удар трех фронтов был настолько мощен, что гитлеровцы оказались бессильными хотя где-нибудь сосредоточить крупные резервы, нанести контрудары и восстановить фронт. Положение гитлеровских войск ухудшалось еще и тем, что советское командование направляло удары в самых неожиданных для немцев направлениях. И вражеские войска метались с одного участка на другой, стремясь ценой любых потерь сдержать надвигающуюся лавину.

Проникнув в глубь вражеской обороны, части Юго-Западного фронта стремительно рвались вперед, с каждым часом ускоряя темп наступления. Этим войскам, или — как их называли тогда — частям развития успеха, Ватутин приказал не ввязываться в большие бои, обтекать опорные пункты врага, блокируя их малыми силами до подхода основных сил. Их боевой задачей было как можно скорее выйти в тылы противника и перерезать коммуникации. Ватутин напряженно следил за теми частями, которые продвигались вперед, находясь на самом остром клиньев.

Между его командным пунктом и командирами этих частей, действовавших далеко впереди от основных сил фронта, протянулись невидимые, но крепкие нити.

Вот красная стрела на карте спустилась еще на несколько сантиметров на юг. Ватутин смотрит на ее тонко очерченное острие и уже на память знает, что это продвинулся полк Федоренко из дивизии генерала Берегового.

А вот здесь, где широкая красная стрела кометой опустилась к юго-востоку, пересекая в двух местах Дон, действуют конники генерала Плиева.

Еще одна стрела почти уперлась в Калач. На эту стрелу Ватутин смотрит особенно долго, обдумывая положение на фронте. Калач! Ватутин знает, что к этому маленькому городку сейчас подходит группа, которой командует подполковник Филиппов. С другой стороны приближаются войска Сталинградского фронта.

Как-то разовьются события? Город мал, но вражеских сил вокруг него скопилось много...

2

Если бы год тому назад подполковнику Филиппову сказали, что, находясь вдалеке от своих частей, по существу, во временном окружении, он все же будет уверенно идти вперед, с тем чтобы окружить самого противника, это ему представилось бы занятой, но маловероятной историей — игрой, так сказать, ума.

А теперь он вел своих бойцов по далеким полевым дорогам, уже давно поддерживая связь со своим штабом только по радио. Его люди шли за ним смело. И не было слышно испуганного крика «Мы окружены!» — даже теперь, когда порой вдруг приходилось круто поворачивать назад и принимать бой с какой-нибудь немецкой частью, внезапно открывавшей огонь с тыла.

Все, все изменилось за эти дни. Какое огромное значение для победы — состояние духа наступающей армии.

На одной из вязких дорог Филиппов оступился, и вот уже много часов шел прихрамывая. Он бы мог сесть на машину, но две трофейные машины везли раненых и боеприпасы. А какой же он раненый! Его люди истомились, не спали несколько ночей; легкораненые идут вместе со всеми. Так и ему надо быть в строю. А все-таки острая изводящая боль все время не дает покоя. Все-таки дьявольски не повезло. Растянуть связку вот так просто, на ровной дороге.

Вдруг к Филиппову подбежал боец.

— Товарищ подполковник! Совсем близко, за изгибом реки, мост!

— Так, — сказал Филиппов, останавливаясь, — а что на мосту?

— По обе стороны часовые!.. Ходят!..

— А нас они заметили?

— Нет. Как будто спокойно!..

— Всем остановиться и залечь! — приказал Филиппов, а сам с небольшой группой ползком подобрался к обрыву. Честное слово, ползти было гораздо легче, чем идти. Хоть и обдираешь себе колени, но все же как-то отдыхает нога...

В сгущающихся сумерках вдалеке виднелся город. Калач! Домики, раскинувшиеся по степи, высокие башни элеватора, кирпичные трубы завода...

Лежа рядом с Филипповым, бойцы тоже смотрели на Калач. Много дней они не знали тепла натопленной хаты, а тут совсем близко столько домов, и в каждом печь...

На мосту все было спокойно, произошла смена часовых. Филиппов пригляделся. В щелях дзотов, покрытых снежными шапками, видны пулеметные стволы. Атаковать? Дело трудное. Без потерь не обойтись. А в его отряде осталось всего несколько десятков человек.

Он оглянулся на солдат, которые ждали его решения.

«Что же предпринять?» И вдруг его взгляд останавливается на немецких грузовиках. Да, пожалуй, это идея! Положительно, идея! И он отдает необходимые распоряжения. Проходит час, и еще час-два, длинные и томительные как вечность. Наконец сгущается тьма.

Босприпасы выгружены на снег, раненые положены на плащ-палатки и тепло укрыты. В машины садятся бойцы. Филиппов — в первой, рядом с шофером. Несколько мгновений молчания, и он командует:

— Вперед! Зажигай фары! Пусть думают, что свои!

Дорога идет вдоль берега, затем отходит от него, делает крупный изгиб и под прямым углом поворачивает к мосту. Вот будка часового, слева от нее дзот. Он молчит. Пока что еще молчит. А вот и фигура самого часового. Жалкая фигура, вся в каких-то башлыках и тряпках, в огромных эрзац-валенках, она стоит посередине дороги, похожая на огородное чучело.

И хоть в эту минуту ему совсем не до смеха, Филиппов невольно улыбается и успевает искоса обменяться с шофером коротким лукавым взглядом.

И тут дверь дзота отворяется, по канавке к часовому подбегают еще двое солдат. Все трое, ослепленные светом фар, машут руками и что-то кричат, должно быть, приказывают остановиться или требуют пропуск, но их никто не слушает, никто не обращает внимания на их

знаки. Не уменьшая скорости, машины устремляются прямо на них. Уже в самое последнее мгновение, буквально из-под колес, часовой и солдаты кидаются в стороны. Но это их не спасает. Дробный стук автомата, и все трое падают.

Часовой по другую сторону моста второпях дает по машине очередь и бросается к дзоту, приткнувшемуся к самому берегу. Пули разбивают переднее стекло машины. Слабо вскрикнув, шофер грудью наваливается на баранку руля... Еще секунда — и машина, потерявшая управление, слетит с моста в Дон. Филиппов хватается за ручной тормоз, изо всех сил тянет его на себя, и машина приостанавливает свой бег. Но уже на ходу из-под брезента один за другим прыгают на мост солдаты. Топот ног, крики «ура», стук пулеметов, взрывы ручных гранат, визг пуль!.. Спрятанный в дзоте пулемет, захлебываясь, стучит, поливает мост длинными очередями. Но вот грохнул взрыв. За ним — другой! И пулемет смолк.

Бой кончился. Мост взят, и Филиппов приказал занять возле него круговую оборону.

В отряде, кроме раненного в грудь шофера, других потерь не было. Шофера перевязали и положили в кузов машины, тепло укрыв шубами и брезентом. Он лежал и тихо стонал. В жару ему казалось, что он едет по городской улице, а его ни за что ни про что остановили и хотят отобрать права. И он повторял взволнованной скороговоркой: «Товарищи! Надо же совесть иметь! Здесь есть разворот... И светофор был открыт!..»

В одном из только что занятых дзотов Филиппов установил свой командный пункт. Он твердо решил во что бы то ни стало удерживать в своих руках мост до тех пор, пока не подойдут следующие за передовым отрядом войска.

В низкой норе дзота неуклюже торчал крупнокалиберный пулемет. Сейчас по приказу Филиппова его вытащили и перенесли в гнездо, выкопанное на берегу Дона, откуда можно было бить в сторону Калача. В дзоте стало попросторнее. Пол был густо усеян стреляными гильзами. В углу грудой лежали пустые консервные банки.

Сидя на патронном ящике, Филиппов подсчитывал силы своего отряда. Да, людей немного, и все устали

сверх всякой меры. А бой предстоит упорный, жестокий и, должно быть, долгий.

Со стороны Калача начала бить артиллерия. Дзот содрогнулся от взрывов: снаряды рвались то на берегу, то посреди реки.

Вдруг в углу дзота раздался резкий гудок. Он повторился еще раз и еще раз, требовательно и тревожно.

На полу, за ящиком, отброшенным взрывом, лежал телефон. Большая, прочная телефонная трубка из стали и черной пластмассы валялась рядом. Филиппов приложил ее к уху. Гудели провода. Связь с Калачом сохранилась. Какой-то хриплый голос кричал:

— Ахтунг! Ахтунг!¹

— Алло! — отозвался Филиппов.

Голос в телефоне стал тонким не то от растерянности, не то от злости.

— Вер ист да?²

Филиппов усмехнулся.

— Подполковник Красной Армии, — ответил он по-русски, раздельно и четко. — Советую убираться из Калача, пока живы. Наши калачи не про вас!

Очевидно, его поняли. В ответ голос, задышавшись, прокричал какое-то ругательство, и телефон замолк. Выключили.

Через полчаса наблюдатель доложил, что из города выехало десять машин и на предельной скорости мчатся сюда. Еще через полчаса гитлеровцы широкой цепью пошли в контратаку на защитников моста. Им нужно было хотя бы взорвать его, чтобы преградить путь танкам. Они понимали, что мост — ключ к городу. Отдать мост — значит отдать Калач.

Филиппов вышел из дзота. В минуту самой большой опасности он хотел быть вместе со своими солдатами.

Гитлеровцы подошли метров на четыреста и залегли. Потом они стали осторожно переползать по снегу, очевидно, для того, чтобы броситься в контратаку с близкой дистанции. Филиппов напряженно ждал, что, того и гляди, со стороны Калача появятся вражеские танки. Тогда будет еще тяжелее. Но танков не было...

¹ Вниманис!

² Кто там?

Вот гитлеровцы уже совсем близко. Вот они поднимаются, бегут, что-то кричат и, не целясь, стреляют из автоматов.

— Огонь! — командует Филиппов и сам ложится в цепь.

В напряжении боя часы идут незаметно. Отряд несет потери: уже десять человек убито и пять ранено.

Филиппов сам лежит за пулеметом, заменив весь выбывший расчет. Все чаще и чаще поглядывает он на север. Скорей бы, скорей подходила помощь. Где танки? Что задерживает их? Радист никак не может починить испорченную осколком снаряда радиостанцию. Это еще больше усложняет положение.

Как волчьи глаза, вспыхивают и гаснут в сумраке злые огоньки. Прошьет тьму яркая очередь трассирующих пуль, пылающие угольки пропесутся в небе азбукой Морзе — точки, точки, тире — и потухнут.

Артиллерийский обстрел не утихает ни на минуту.

Филиппов не столько понимает, сколько чувствует, что бездейственное ожидание у моста под разрывами снарядов может подорвать у солдат веру в свои силы, может вызвать ощущение обреченности. После мучительного колебания он приказывает группе отойти и ведет ее в район курганов. Здесь занимает оборону, ожидая подхода танков. Жаль, что гитлеровцы опять овладеют мостом. Но другого выхода нет.

Так, в тягостном ожидании, ползут часы...

И вдруг Филиппов слышит шум приближающихся танков! Чьи? Наши? Вражеские?..

Ему становится душно от тревоги. Кровь в висках начинает стучать так сильно, что шум этот сливается с рокотом идущих машин.

— Галаджиев! — говорит он. — Быстро! Выяснить, что за машины!

Но уже ничего не надо выяснять. Из охранения прибежал сержант Костин.

— Наши! Наши танки! — кричит он восторженно, пьяным от радости голосом, даже в грохоте разрывов слышен этот голос.

Танки идут с севера! Вот в яркой вспышке взрыва видно, как темная громада первого танка вползает на мост, за ним — другой, третий, четвертый!

— Товарищи, живем!.. Танки пришли! — Радостные слезы сжимают горло Филиппова.

Через полчаса он жмет руку танкисту, который стоит около своего танка. Танкист худой, длинный. Он в кожаной черной куртке и черном ребристом шлеме.

— Будем знакомы! Филиппов.

— Филиппенко.

Танкист громко смеется.

— Ну вот, как нарочно подобрались. Филиппов и Филиппенко Калач берут!.. Разве ж противник перед ними устоит!.. Как у вас тут?

— Трудно! Целый день бьемся... Уже двенадцать часов в бою.

Филиппенко задумывается:

— Н-да, вопрос... У нас всего двадцать танков и две противотанковые батареи.

— «Катюши» есть?

— Есть. Да неохота ими рисковать, пока обстановка не выяснена. А у вас сколько народу в строю?

— Всего тридцать человек осталось. Со мною — тридцать один.

— Немного, совсем немного. — Филиппенко замолкает и опять задумывается.

— Что будем делать? — спрашивает Филиппов.

— А вот сейчас решим, — неторопливо отвечает Филиппенко. — Думаю, ждать подхода новых сил нам, пожалуй, нельзя. Упустим время... Калач надо брать с ходу. Вы как считаете?

Филиппов кивает головой.

— Да так же, как вы. Гораздо выгоднее напасть ночью. Ночью один боец за троих сойдет, один танк — за пять.

— Решено, — говорит танкист. — Мы пойдем. Но вы останетесь здесь.

— То есть как это? — удивился Филиппов.

— Ваши люди должны охранять мост. Могут быть всякие случайности...

Филиппов помрачнел, однако согласился.

Танки рванулись вперед. Но едва они вышли с моста в поле, как над ними повисли яркие осветительные ракеты, и темные очертания танков стали отчетливо видны на снегу. Тотчас по ним ударила артиллерия. Но в облаках уже появились починки «полицарповы». И на позиции врага обрушились первые бомбы.

Федор протянул Марьям котелок с супом:

— Поешь, Марьям!

— Давай вместе.

— Некогда. Я потом.

Он повернулся и вышел из холодного блиндажа. Здесь, на воздухе, ему показалось теплее. Легче дышать, но лучше от этого не стало. На душе было муторно, беспокойно. В груди что-то все время дергало, словно нарывало внутри. Отойдя от входа в блиндаж, точнее сказать, от впадины в склоне холма, занавешенной плащ-палаткой, он остановился, вынул папиросу и закурил. Никаких дел у него не было. Просто хотелось остаться одному, подумывать...

Да, надо сказать правду: до приезда Марьям он даже не знал, как сильно ее любит. Но ничего хорошего из этой любви не получается. Неизвестно почему, но он никак не может, просто не умеет найти подходящие слова, звук голоса или там улыбку для выражения тех простых и сложных, тревожных и нежных чувств, которые он сейчас испытывает.

Когда он боялся за нее, кричал ей: «Не суйся вперед. Слышишь!» — она обижалась. Когда он ревновал ее (а ревновал он по всякому поводу и совсем без повода), он угрюмо замолкал, и она не могла добиться от него ни слова. Лицо у нее становилось растерянное, испуганное, а глаза краснели. Тогда ему хотелось успокоить и утешить ее, но из этого чаще всего выходило только новое столкновение.

Самое тягостное было то, что, ревнуя Марьям, он в глубине души считал, что она в тысячу раз лучше его — умнее, красивее, привлекательнее... Заметит же она это когда-нибудь, и что тогда будет? Впрочем, война — это война. Убьют, и вообще ничего не будет.

Но мысль о смерти сейчас же уходила куда-то далеко, в самые тайники сознания, а на поверхности опять оказывались тревожные воспоминания о том, как Марьям всем нравится. Ребята перед ней так и пляшут. Командир полка Дзюба и тот разговаривает с ней, улыбаясь и каким-то особенным голосом. А замполит Силантьев в

последние дни только тем и занят, что проводит у разведчиков беседы. Знаем мы эти беседы! Марьям сама рассказывала Федору, как Силантьев провожал ее в штаб армии...

Стоит только заметить, какими глазами смотрит замполит на Марьям — беспокойными, серьезными, внимательными, — и все станет ясно. Ну и ладно! Ну и пусть! Он, Федор Яковенко, не позволит смеяться над собой!..

По тропинке мимо Федора прошел Терентьев, на ходу тронул его за локоть и сказал:

— Готовься. Пойдем с первым батальоном!.. Через пятнадцать минут начнется артподготовка.

Он откинул плащ-палатку и исчез в блиндаже; Федя пошел за ним. Марьям оставила ему полкотелка супа и бережно, чтобы не остыл, прикрыла котелок шапкой.

Пока Терентьев объяснял задачу, Федор быстро ел суп, искоса поглядывая на Марьям, которая в это время увязывала свой вещевой мешок и санитарную сумку. Она молчала, и волосы, выбившиеся из-под шапки, скрывали ее лицо. Он ясно видел, что она на него за что-то сердится. Но уже некогда было заниматься такими пустяками, как выяснение отношений.

Он нагнулся к уху Марьям и тихо сказал:

— Ты эти глупости брось. И вперед не беги, понятно? Иди со второй группой...

Но Марьям движением головы отбросила со лба волосы и ответила резко:

— А ты мне не приказывай, где идти! У меня командир — Терентьев.

— Что с тобой, Марьям? — спросил Федя и отставил котелок в сторону, — я же ничего не говорю...

— Нет, ты все время грубишь! Ты совсем меня не уважаешь! — И не желая продолжать ссору, она отодвинулась от Федя и встала среди бойцов.

А Терентьев между тем, как всегда, неторопливо и веско объяснял разведчикам, как вести себя во время предстоящей операции. Держаться вместе. Если кто будет ранен, сейчас же сообщать. Еще и еще раз повторил он, где у противника дзоты и как их обходить. Первый батальон должен ворваться в Распопинскую, с то время как остальные будут сковывать противника ожесточенным огнем.

— Противник, прямо скажу, товарищи, —дохлый! — говорил Терентьев, подбадривая ребят. — Если рванем как следует, в одну ночь все дело решим.

Но, успокаивая разведчиков, сам Терентьев беспокоился не на шутку. Ночной бой таит в себе много неожиданностей. Противник может сидеть под любым сараем, и черта с два ты его обнаружишь, даже если он будет бить прямо по тебе. В суматохе, бывает, ничего не поймешь. Но труднее всего будет проделать проходы в проволочных заграждениях. Румынские саперы прикрепили к ним пустые консервные банки. Только дотронешься до проволоки — начинается такой звон, словно цугом едут двадцать троек с бубенцами.

Для выполнения этого задания Терентьев выделил группу самых опытных разведчиков. Попал в нее и Яковенко. Кроме десяти разведчиков, Терентьев назначил в группу и двух санитаров, недавно прибывших из санбата. А Марьям он приказал до особого указания оставаться на исходном рубеже. То ли он не был уверен в ее силах, то ли берег ее...

Так или иначе, Марьям пришлось оставаться, и Федор так и не повидался с ней перед уходом. Через несколько минут началась канонада, и Терентьев повел группу за собой.

Федор уже совсем привык к своему маскировочному костюму. Правда, костюм этот немного стесняет в движениях, но зато в темноте чувствуешь себя невидимкой, а от этого на душе становится спокойно.

Было уже совсем темно. Пронизывал холодный ветер. Порошил снег. Консервные банки гулко позванивали на качающейся проволоке. Пулеметы противника били яркими струями трассирующих пуль.

Всего каких-нибудь сто метров отделяло разведчиков от проволочных заграждений, но какой это долгий, тяжелый путь, когда ты ползешь, каждую минуту рискуя наткнуться на мину, а над головой у тебя шелестят снаряды.

Наконец Яковенко дотронулся до первого ряда проволоки и принялся орудовать большими, тяжелыми ножницами, стараясь придержать консервные банки, чтобы они не звенели так предательски громко. Работал он почти что наощупь. Невдалеке не столько виделась, сколько угадывалась чья-то темная фигура. Это Терентьев, его

тяжелые плечи, крутой затылок. Оттого, что Терентьев трудился рядом, Федор почувствовал себя как-то увереннее.

Он довольно быстро справился с первым рядом запутанной проволоки, которая, когда он ее перекусывал, расправлялась и отскакивала, точно живая, и при этом так и норовила впиться колючками в лицо и руки. Саперы противника натягивали ее и вдоль и поперек, и просто бросали на землю большими кольцами. Нужно было неустойчивое терпение и большая выдержка, чтобы все это распутать и раскидать в разные стороны.

Откуда-то с тыла мимо Федора прополз боец. Что-то знакомое было в мешковатой, неловкой фигуре. Федор присмотрелся внимательнее и тихонько охнул:

— Марьям!

— Я, — тихо откликнулась она.

— Ты здесь зачем?

— Начальник санитарной службы приказал мне быть вместе с разведчиками.

— Да ведь Терентьев приказал тебе остаться. Я сейчас ему доложу!.. Возвращайся назад. Слышишь!..

Они лежали на снегу почти рядом. Может быть, если бы он говорил ласково, она бы согласилась уйти, но он кричал, вернее, шипел от злости, и достиг противоположного тому, к чему стремился. Она вдруг пришла в ярость:

— Знаешь что, Федор, перестань мной командовать! Я сама знаю, что мне делать!

— Ты дура, понятно? — зло проговорил он. — У тебя в голове — марля!.. Вон там — видишь? — яма... Забирайся в нее. Сейчас же! Ну!..

Мгновение они смотрели в упор друг на друга, не видя в темноте лиц. В сумраке мерещились лишь общие контуры, какие-то белесоватые круглые пятна без глаз, без носа, без рта. И все же она чувствовала на себе его упорный взгляд. Чувствовала страстную силу его тревоги, и это ее победило. Она стала медленно и покорно сползать в старый, заброшенный снегом окоп.

Убедившись, что Марьям в безопасности, Яковенко вернулся к проволоке. И в то же мгновение совсем близко раздался оглушительный взрыв, в Федора полетели большие куски земли, камни; кто-то истощенным голосом закричал от боли. Федор понял: это где-то близко подорвался на mine сапер.

Взрыв привлек внимание противника. Разведчики были обнаружены. С окраины Распопинской начал бить пулемет. Трассирующие пули стлались низко над землей. Совсем распластавшись по снегу, Федор пополз к раненому, нащупывая у себя в кармане бинт.

Его рука наткнулась в темноте на валенок. Он наклонился поглядеть, кого это ранило? Но человека не было. Федор осторожно потянул валенок к себе, и вдруг из валенка на снег вывалилась нога в аккуратно обернутой портянке. Он вздрогнул и скорей пополз дальше.

И тут он увидел Марьям. Стоя на коленях, она бинтовала лежащего на снегу сапера. Тот тихо стонал.

— Пусти, сестрица! Я встану, встану!..

Марьям молча и сосредоточенно делала свое дело.

Длинная очередь из станкового пулемета хлестнула совсем рядом. Пули с присвистом впились в снег.

— Ниже, ниже пригнись! — крикнул Федор.

Но Марьям его не слушала. Она не могла пригнуться: тогда бы перевязка не удалась, а погу выше колена следовало стянуть бинтами как можно туже.

— Марьям! — еще раз отчаянно закричал Федор. — Стреляют!.. Ложись!.. Ложись!..

Новая длинная очередь кроваво-красных угольков пронеслась над снегом. Внезапно Марьям поднялась во весь рост, медленно, словно для нее не было смерти, сделала два шага к Феде и упала лицом в снег.

— Марьям!..

В один прыжок он был рядом с ней, повернул ее на спину и стал судорожно рвать маскировочный халат, полушубок, рубашку. Ее грудь была теплая, но его пальцы сразу почувствовали кровь.

Федю точно ударило. Он выпрямился во весь рост, поднял ее на руки и, прижав к себе, понес в санитарную часть, не обращая внимания ни на пули, ни на разрывы мин. У него еще теплилась слабая надежда, что она жива.

Навстречу ему из темноты выползли двое бойцов. Один из них тащил по снегу носилки. Санитары!..

— Клади, клади ее сюда, Яковенко! — сказал один из них.

Но Федор не слышал. Он шел и шел, проваливаясь по колено в снег, ничего не видя перед собой, кроме лица Марьям с закрытыми глазами. Капюшон съехал с ее го-

ловы, шапка где-то упала, и волосы рассыпались, их раздувал ветер. Мелкие снежинки падали ей на лицо и не таяли.

Санитары нагнали Федора, почти силой отняли у него Марьям и положили ее на носилки. Глядя на Федора, они тоже поднялись во весь рост и почти бегом побежали в сторону санчасти. За ними бежал Федор.

В маленькой хатке было тесно, пахло лекарствами, кто-то стонал в углу на лавке, командиру, сидящему на табуретке, перевязывали голову... Марьям сняли с носилок и положили на операционный стол. Ольга Михайловна склонилась над ней, осмотрела рану, пощупала пульс и повернулась к Федору, который стоял на пороге, огромный в своем белом маскировочном халате, с автоматом на груди.

— Проститесь с ней, Яковенко. Она была вам жена?

— Жена, — сказал Федор, медленно приближаясь к телу Марьям.

Он подошел к столу вплотную, нагнулся над ней, несколько секунд в упор смотрел ей в лицо, а затем вдруг повернулся и опрометью выбежал из комнаты. Хлопнула дверь. И шаги его стихли.

Через час полк Дзюбы ворвался на окраину Распопинской. Противник в беспорядке отходил. Самолеты-ночники бомбили на дорогах колонны вражеских солдат.

2

Это была одна из самых напряженных ночей с начала наступления. С красными, воспаленными от бессонницы глазами, Ватутин непрерывно работал. Ему казалось, что ночи не будет конца, так долго она тянулась...

Что-то долго не звонит Иванцов, которого он еще с вечера послал к Коробову, чтобы на месте разобраться в обстановке. Что там делается? Где войска?!

Наконец, когда Ватутин уже стал терять всякое терпение, Иванцов позвонил после полуночи:

— Соединения Коробова овладели Верхне-Фомихинским, Нижне-Фомпхинским, Жирками и продолжают наступать в юго-восточном направлении, частью сил на Перелазовский, также значительно потеснив противника. Мотоциклетный полк получил задание двигаться на Обливскую. Наша авиаразведка заметила большие группы

вражеских войск,двигающиеся в восточном направлении.

Опять Вейхс! Он начал энергично стягивать части в кулак, очевидно надеясь фланговым ударом остановить продвижение наших войск. Значит, надо спешить. Если Ватутин успеет вовремя сомкнуть свои войска с войсками Сталинградского фронта, то противодействовать вражеским контратакам будет гораздо легче. Что намерена делать группировка немецких войск, которая создается в районе Нижне-Чирской?

Ватутин склоняется над картой и долго смотрит на, казалось бы, уже наизусть изученные красные и синие значки, которыми она испещрена.

Соломатин сидит рядом и медленно, большими глотками, пьет остывший чай.

— Как по-твоему, — поднимает голову Ватутин, — что Вейхсу тут, около Нижне-Чирской, надо? Что он задумал?

Соломатин отодвигает стакан и медленно встает. Он тоже осунулся за эти дни непрерывной заботы и бесконечного потока дел.

— Нет сомнения, Николай Федорович, он метит ударить вдоль Дона...

— И закрепиться на Дону и Чире, — продолжает мысль Ватутин. — Да, да!.. Это все подтверждается разведкой!.. Да и Еременко сообщает — до тысячи машин с пехотой движутся туда с юга... И танки идут... Грозно, очень грозно! Давай-ка теперь посмотрим, какие у нас есть козыри!.. Смотри-ка сюда!

Соломатин также нагнулся над картой.

— Во-первых, — загнул палец Ватутин, — кавалерийский корпус вышел на правый берег Дона; во-вторых, еще две дивизии переправились через Дон вот тут, севернее!.. Танки Родина ворвались в Калач... Что же остается? — Они встретились глазами. — Что остается? — повторил Ватутин.

— Уничтожить распопинскую группировку, — сказал Соломатин. — Это назрело...

Ватутин долго и тяжело думал.

— Да, ты прав! — сказал он. — Другого выхода нет. Надо сокращать линию фронта и высвобождать войска! Они нам крайне нужны! Контратаки могут начаться очень скоро...

Соломатин как-то заново взглянул на Ватутина, увидел его постаревшее, измученное лицо и негромко сказал:

— Лег бы ты спать, Николай Федорович. Ну хоть на часок... Честное слово, тебе надо отдохнуть...

Ватутин вдруг зло посмотрел на него и хлопнул ладонью по столу.

— Семенчук! — сердито крикнул он.

Семенчук тотчас же вбежал в комнату.

— Дай Соломатину черного кофе, его ко сну клонит! — сказал Ватутин и уже более мягко прибавил: — Да и мне заодно!..

Семенчук мгновенно исчез, а Соломатин, выдержав бешеный взгляд Ватутина, усмехнулся.

— Ну ты меня и напугал, Николай Федорович. Нельзя же так рывкать!..

— А ты меня рассердил, Соломатин! Ты понимаешь, что сейчас для нас самое главное? Нам надо наконец установить связь с войсками Сталинградского фронта!.. Кольцо должно быть замкнуто!.. — И еще раз повторил: — Замкнуто!.. Нельзя терять темпа!..

3

Силантьев видел много больших боев и трудных переходов, но никогда ему еще не приходилось участвовать в таком напряженном ночном сражении.

Когда он узнал о гибели Марьям, ему вдруг стало душно. Сам не зная для чего, он решил разыскать Яковенко, но встретиться им довелось только в Распопинской.

После взятия станицы Дзюба дал полку небольшую передышку, и бойцы разошлись по уцелевшим домам, чтобы хоть немного отогреться. Первый раз за много дней они отдыхали под крышей, защищенные от ветра и мороза бедным теплом остывших печей и хрупким заслоном покосившихся стен.

А на узких улицах Распопинской было тесно от брошенных машин и повозок. Повсюду, куда только падал взгляд, виднелись ящики, сплетенные из рисовой соломы так тщательно, словно в них должны были храниться не снаряды, а хрупкие бутылки с вином. Между повозками и кузовами разбитых машин лежало множество трупов. И хотя уже не было слышно выстрелов, в воздухе висел острый запах гари...

Тут же, в этой беспорядочной тесноте, толпились пленные солдаты. Одни были в высоких меховых шапках и зеленых шинелях, другие в каких-то ватниках, рваных и грязных, с головами, обмотанными тряпками. Но независимо от того, как они были одеты, все казались одинаково жалкими и растерянными. Это были солдаты, взятые в плен в Распопинской. Основная группировка еще продолжала сопротивляться километрах в десяти на юг.

Федор чистил автомат, примостившись на подоконнике в одной из хат. Проходя мимо, Силантьев увидел его в окне, увидел потемневшее осунувшееся лицо, судорожно сжатые челюсти и какие-то ничего не видящие глаза. Он хотел было зайти, сказать Федору несколько слов, но не решился. В самом деле, что тут скажешь? До гибели Марьям они втайне были враждебны друг к другу. А сейчас, когда ее нет, нет и тени прежней неприязни. Все это куда-то ушло, а так жаль этого большого, дикого, одинокого парня. Словно смерть Марьям как-то сблизила, объединила их. Но разве об этом можно говорить?

...Убитых в бою похоронили на кладбище вблизи Распопинской. Их было пятнадцать. Всех положили в одну братскую могилу. Потом дали пятнадцать залпов в воздух...

Гробов не было, мертвых завернули в плащ-палатки, покрыли брезентом. Марьям лежала в верхнем ряду с края, и Силантьеву казалось, что под грубой тканью палатки он видит светлые волосы и ясные карие глаза, такие большие и чистые, с голубоватым белком. Когда стали зарывать могилу и комья мерзлой земли упали ей на грудь, Силантьев вздрогнул и отвернулся. И вдруг увидел мертвенно бледное лицо Яковенко. Федор стоял, прижав автомат к груди, и немигающим взглядом смотрел в могилу. Рядом с Федором стояла Ольга Михайловна. Ее глаза были заплаканы.

— Пойдемте! Пойдемте, Федя, — мягко сказала она и взяла его за руку. — Пойдемте, не будем смотреть...

Когда вернулись с кладбища, Силантьев на некоторое время потерял Яковенко из вида. В штабе было много дел, — от Чураева поступил приказ немедленно двинуться вперед и продолжать преследование. Кроме того, надо было собирать пленных и группами отправлять в тыл.

И вдруг к Силантьеву прибежал Терентьев, испуганный и растерянный, каким его никогда никто не видал.

— Товарищ замполит, идите скорее! Там Яковенко...

— Что Яковенко?

— Да с ума сошел, что ли?

Не спрашивая больше ни о чем, Силантьев выскочил на улицу и бросился вслед за Терентьевым. Они свернули за угол, пробежали между трофейными грузовиками, и тут Силантьев увидел несколько отчаянно мечущихся пленных солдат. Они бегали по снегу босые, а Яковенко, размахивая автоматом и не давая никому к себе подступить, даже своим, заставлял остальных солдат разуваться и сапоги их смаху закидывал в колодец на перекрестке.

— Заведите разутых в хаты! Немедленно выдайте им обувь из захваченных трофеев! Склад вон в той церкви, — быстро сказал Силантьев, а сам бросился к Федору и сильным неожиданным ударом свалил его на землю.

Яковенко упал, выронив из рук автомат и, рыдая, пополз по снегу.

— Прекрати! — закричал Силантьев. — Прекрати сейчас же, слышишь!.. Встань! Встань! Я приказываю!..

Федор послушно встал, поднял автомат и, сгорбившись, пошел вдоль деревни. Силантьев не стал его удерживать. Проводив его взглядом, он подозвал к себе Терентьева, который уже успел развести пленных по хатам и теперь направлялся к церкви.

— Сколько человек он успел разуть?

— Восемнадцать, товарищ замполит. Сдурел парень совсем. Разума лишился. Чуть меня самого не пристрелил, когда я вмешаться хотел...

Силантьев вздохнул:

— Вот что, Терентьев, ты последи за ним. Пусть он будет в деле, но возле тебя. А то погибнет ни за грош... — Он помолчал и добавил: — А когда пленных опять обуешь, доложи.

— Слушаю! — сказал Терентьев и, прихватив двух бойцов, побежал к складу.

Через час полк Дзюбы уже двигался на юг, в ту сторону, откуда все слышнее доносился шум боя...

Вражеская группировка распадалась. Штабы Коробова и Рыкачева насчитали уже больше пятнадцати тысяч пленных. Однако между ними не было еще тех генера-

лов, которых видел Силантьев. Где они? В окружении, среди оставшихся частей, или вывезены каким-нибудь прорвавшимся транспортным самолетом? По показаниям пленных, в окружение попали 5-я и 6-я пехотные дивизии румын, два полка 15-й пехотной дивизии и отдельные части 13-й дивизии.

Вся ночь и весь день прошли в непрерывных боях, в которых с каждым часом терялись последние надежды румын прорвать окружение.

Полк Дзюбы буквально с ходу вступил в бой. Однако на этот раз бой продолжался не больше часа. Стремительный, дружный напор — и войска противника в беспорядке отступили. Удачи последних дней, на удивление, переродили всех в полку — от командира до последнего солдата. Великое дело — победа. Малодушных она превращает в храбрых, а храбрым придает спокойствие и уверенность.

Дзюба расположил свой КП в одном из отнятых у противника блиндажей. Блиндаж был оборудован на совесть, но стены и пол его были политы каким-то сильным раствором, от которого щипало в носу и жгло веки.

— И как они тут сидели, — сердился Дзюба, — ведь просто не продохнуть. Откройте дверь, пусть хоть выветрится немного.

Под вечер в блиндаж вдруг ворвался Терентьев.

— Товарищ командир полка, — закричал он возбужденно, — парламентареры идут!

— К нам? — удивился Дзюба.

— К нам! Два человека!

Дзюба осанисто расправил плечи.

— Веди их сюда! Да завяжи им глаза, как они Силантьеву завязывали... Потуже!

Как раз в это время в блиндаж вошел Силантьев. Пуля оцарапала ему голову, и белая марлевая шапка была надвинута до бровей, как шлем.

Дзюба взглянул на повязку и поднялся ему навстречу, уступая скамейку.

— Вот еще незадача... Что с тобой, Силантьев? Сильно?

— Нет, — махнул рукой Силантьев. — Так, царапина... Потерял немного крови...

— Выпей-ка трофейного коньячку.

— Что ж, можно.

Дзюба налил полстакана коньяку и разрезал лимон.

— Садись рядом, здесь у стола! Сейчас будем принимать парламентариев... Ты теперь специалист. Знаешь, как с ними разговаривать.

— Ладно. Смейся, — сказал Силантьев, закусывая коньяк лимоном. — А впрочем, поговорим. Занятно...

Ступени блиндажа закрипели. Дверь распахнулась. Первым на пороге показался взволнованный и потный Терентьев, за ним — Яковенко. Они встали по бокам лестницы, пропустив мимо себя двух румынских офицеров с завязанными глазами. Офицеры, осторожно ступая, как бы боясь провалиться в яму, вышли на середину блиндажа.

Силантьев уступил место за столом Дзюбе, а сам отошел в угол и стал оттуда с любопытством рассматривать парламентариев, один из которых показался ему что-то очень знакомым.

— Спиши повязки, — кивнул Дзюба Терентьеву.

Терентьев мгновенно сдернул обе повязки, и парламентарии невольно зажмурили глаза от яркого электрического света. В худощавом человеке с черной щетиной волос на щеках Силантьев мгновенно узнал своего старого знакомого — капитана. Другой парламентарий был ему неизвестен. Немолодой подполковник, приземистый и широколицый, в кожаном пальто на меху — он выглядел очень растерянным, хотя, видимо, из всех сил старался сохранить достоинство.

— Парламентарии? — спросил Дзюба, внимательно рассматривая офицеров.

— Парламентарии, — ответил капитан, выступая вперед. В это мгновение он встретился взглядом с Силантьевым, узнал его и сразу как-то сник.

Дзюба насмешливо прищурил глаза:

— Сдаваться пришли?

Капитан помедлил, еще раз бросил испытующий взгляд на Силантьева, пытаясь угадать, не будет ли этот человек, которого он так дурно принял, теперь мстить ему, а затем приложил руку к шапке.

— С кем мы говорим, господин... господин майор?

— Я командир одной из частей, которые вас окружили.

— Мы пришли для переговоров.

— Переговоров не будет, — сказал Дзюба. — Никаких условий мы не принимаем. Сдавайте оружие!

Капитан перевел ответ Дзюбы подполковнику, тот

хмуро выслушал его и что-то буркнул в воротник. Капитан опять повернулся к Дзюбе.

— Мы имеем поручение заявить о нашей капитуляции.

— Вот это другое дело, — сказал Дзюба. — Где будут сборные пункты, мы вам укажем позднее. Вам придется подождать, пока я доложу командованию, оттуда придет соответствующее распоряжение... Кто ваши генералы?

— Ласкер, Мазарини и Станеску...

— Отправьте парламентаров в соседний блиндаж, — сказал Дзюба Кочетову, который в это время на минуту оторвался от телефонов. — Пусть позагорают немного... Да, — обратился он к капитану, — а сколько вас там?

— Приблизительно тридцать тысяч, господин майор.

— Тридцать тысяч, — почесал за ухом Дзюба. — Порядок... Ну, ладно, веди их, Кочетов!

Парламентеры ушли, а Дзюба доложил обо всем по телефону Чураеву. Чураев выслушал, сказал: «Ждите» и стал звонить Коробову. Тот ответил: «Ждите» и позвонил Ватутину.

Ватутин приказал: генералов Ласкера и Мазарини немедленно направить в штаб фронта, а генералу Станеску возглавить колонну сложивших оружие и вести ее в тыл; по дороге организовать пункты питания и медицинской помощи; к сдавшимся немедленно направить из штаба армии группу командиров, которая должна следить за тем, как будет происходить разоружение. И снова полетели по радио и по телефону короткие, точные приказы — командармам, комдивам, командирам полков: пока все гитлеровцы не будут разоружены и построены в колонны, быть начеку...

Часа через два Дзюба отправил парламентаров назад. С ними пошли полковник, который приехал от Ватутина из штаба фронта с поручением доставить туда обоих генералов, и посланные Дзюбой несколько офицеров, в том числе и Силантьев. До места, где ждали парламентаров Ласкер и Мазарини, было совсем недалеко. Через двадцать минут ходьбы по вытоптанному снегу они подошли к небольшому деревянному домику в центре деревни. У сломанного плетня стояло человек пять-шесть офицеров. Среди них Силантьев узнал и тех генералов, с которыми он разговаривал еще так недавно. Должно быть, они тоже узнали его. Силантьев заметил, что оба,

точно сговорившись, беспокойно и хмуро отвели от него глаза. Подполковник в меховом пальто, понурившись и как-то сразу потеряв всю свою военную выправку, доложил генералам о результатах переговоров. Генералы молча кивнули и так же молча последовали в дом за полковником, которого прислал за ними Ватутин.

Полковник через переводчика предложил им взять свои вещи. Генералы удивленно переглянулись, но пошли за чемоданами.

И тут Силантьев вдруг вспомнил, что с капитаном у него еще не сведены счеты. Он нашел его в толпе офицеров и поманил к себе. Тот подошел, обреченно глядя на Силантьева. Куда девались его наглость, развязность? В глазах не видно ничего, кроме тупой покорности.

— Верни пистолет, слышишь! — строго сказал Силантьев, когда капитан подошел поближе.

Капитан с готовностью распахнул полы шинели и вытащил из заднего кармана знакомый Силантьеву ТТ. Пистолет тускло сверкнул вороненой сталью.

Силантьев взял пистолет, дунул в ствол и привычным движением засунул в карман. Потом повернулся и, уже не чувствуя к капитану прежней злобы, пошел на КП.

Вечером Силантьев в штабе дивизии у Кудрявцева узнал, что было в той телеграмме, которую при нем получил генерал Ласкер и которая в один миг сорвала успех его миссии.

Это был приказ генерала Вейхса держаться и ждать помощи. Он заверял союзников, что в ближайшие сутки кольцо окружения будет прорвано и они будут освобождены.

В тот час, когда, по словам Вейхса, советские войска на этом участке должны были быть разгромлены, от Распопинской к северу потянулись длинные колонны румынских солдат.

5

Складывая вещи Марьям, для того чтобы переслать их ее матери, Ольга Михайловна нашла в вещевом мешке старое запечатанное письмо. Конверт был сильно смят, но адрес, написанный лиловыми чернилами, все же после некоторого труда можно было разобрать. Это давно написанное письмо предназначалось Федору. Может быть, Марьям решила его не посылать, а возможно, в этом от-

нала и необходимость. Ведь она сама присхала на фронт, а письма идут так долго.

Но так или иначе, письмо предназначалось Федору, и оно принадлежит ему. Последняя, запоздалая весточка...

Федора Ольга Михайловна нашла в большой избе, в центре станицы, в этой избе расположились разведчики, и подозвала его к себе.

Увидев ее, Яковенко застегнул на груди ватник, соскочил с ящика, сидя на котором о чем-то беседовал с Терентьевым, и быстро пошел к ней. Он был удивлен и взволнован ее неожиданным приходом.

— Выйдем-ка на минутку, Федя, — сказала Ольга Михайловна, — мне нужно тебе кое-что сказать...

Он пошел вперед, спустился с крыльца и остановился на тропинке. Ольга Михайловна увидела, что лицо его покрывается красными пятнами, и вдруг ей показалось, что, может быть, и не нужно было ей сюда приходить. Но уже было поздно.

— Федя! Мне хочется передать тебе одну вещь, — сказала она. — Я нашла ее у Марьям... Мне думается... В общем, возьми... — И она протянула ему письмо.

Руки Федора дрогнули. Он расправил конверт и долго всматривался в почерк, которым был написан адрес, разбирая букву за буквой... Да, письмо это написано давно. Номер полевой почты с тех пор сменился уже несколько раз... Что в этом письме? О чем писала ему Марьям? Раз она не отослала его, может быть, и читать не следует.

И в то же время здесь вот, внутри этого конверта, ее голос. ее думы, возможно, даже ее последняя воля...

Он не заметил, как Ольга Михайловна ушла. Присел на ступеньку крыльца и осторожно, кончиком ножа разрезав край конверта, вынул из него несколько небольших, густо исписанных листков. Крупные, четкие буквы, твердый, почти мужской почерк. Если бы они не были смяты, казалось бы, что Марьям написала только сейчас.

Он стал читать...

Марьям писала:

«15 сентября 1942 г.

Феденька, дорогой!

Иногда я совершенно серьезно задумываюсь над тем, чтобы сбежать отсюда туда, где гудят бои, тем более что из-за моего побега ничего страшного не получится...

Мне страшно обидно от мысли, что я, современница такой великой войны, не могу увидеть, узнать все, что связано с ней... Я не хочу, чтобы эти годы ушли, а я так и не пережила бы самого трудного, так и не узнала бы по-настоящему, что такое война... Ведь хоть сейчас смерть идет рядом и мысль о ней стала привычной, а все же это жизнь... Так вот я хочу, чтобы она была настоящей жизнью. Разве она может вполне удовлетворить меня, если один мой день, как другой, если бредут они незаметно, до тошноты похожие друг на дружку, без тревог и событий...

Мне противно так жить. Грустно, тягостно, хочется рветь без причины, а ведь это стыдно...

Вот ты думаешь, что я хочу туда, на передовую, потому что вижу в этом свой долг.

Да, это так. Но при этом меня не подхлестывает ни сознание того, что я комсомолка, ни то, что я хочу быть «передовой», получить ордена, прославиться и т. д. (хотя это тоже играет какую-то роль, но не главную)... Понимаешь, я не могу! Говорю тебе серьезно: сердце рвется туда, к вам, словно тянет что-то. Это чувство громадной силы...

Что-то сидит внутри и не дает мне покоя: тянет, тянет... и места не могу себе найти...

Вот ты пишешь: «Если я для тебя что-нибудь значу, не делай этого». Мама говорит, что, если со мной случится несчастье, это убьет ее. Наверно, так и есть. Если она будет знать, что я подвергаюсь большой опасности, это будет для нее такой мукой... Но меня не удержало бы все это, — только бы разрешили...

Честное слово, если бы сейчас меня вызвали и сказали, что мое желание наконец исполняется, то я не остановилась бы ни перед чем: бросила бы вещи, ушла бы в какую угодно вьюгу, даже раздетая...

Я бы не испугалась ни смерти, ни ранения, ни уродства...

Может быть, это потому, что я уверена в том, что останусь живой, целой и невредимой...

Ты давно не пишешь мне, верно, обиделся. Но я пишу редко только потому, что занята. Пиши, родной. Мне большую радость приносят твои письма. Как живешь, что делаешь, как твое здоровье.

Крепко целую.

Марьям.

Ветер трепал листки, словно стремясь вырвать их из рук Федора и унести с собой, чтобы все, что в них сказано, прочитали и другие люди...

Федор долго сидел, читая и вновь перечитывая обращенные к нему слова. Потом медленно сложил листки, вложил их в конверт и спрятал в карман гимнастерки.

В хату он вернулся каким-то другим. Терентьев взглянул на него и удивился. Лицо Федора было вновь спокойным, и в глазах пропал лихорадочный блеск. «Наверно, врачиха дала ему какого-нибудь лекарства», — подумал он.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

1

На степь спускался вечер. Четвертый день наступления шел к концу.

Сумерки скрадывали очертания дальних холмов. Свинцовое небо нависло над землей. Где-то в вышине глухо были «юнкеры»: «и-ду, и-ду, и-ду...» Машина Дзюбы двигалась прямо по бездорожному полю, и шофер Петя изредка включал свет фар. Это было строго запрещено, но в темноте можно было сорваться с кручи на дно какой-нибудь занесенной снегом балки, и Дзюба не упрекал шофера.

Рядом с Дзюбой сидел Силантьев. Они долго ехали молча, каждый занятый своими мыслями. Петя вел машину медленно, чтобы не отрываться от полка, который следовал в пешем строю. Иногда машина останавливалась, и они поджидали, когда колонна подойдет поближе.

— Дзюба, ты помнишь лейтенанта Серегина из третьей роты? — вдруг сказал Силантьев.

Дзюба повернул к нему голову.

— Это какой Серегин? Дай-кошь вспомнить? — спросил он. — Тот горьковчанин, которого сегодня поранило, что ли?

— Ну да... Ты что о нем думаешь?

— Да, по правде сказать, еще и думки нет. Ведь он только вчера к нам прибыл.

— Я к тому и говорю... Ты знаешь, сколько он всего провоевал с начала войны?

— Он мне говорил, что на фронте с первого дня, — ответил Дзюба.

— Да, это верно. Двадцать второго июня он был на границе. В первом же бою получил тяжелое ранение. Четыре месяца пробыл в госпитале во Владимире. Потом попал под Ленинград. Ночью разгрузились из эшелона, пошли в бой, и через час опять был ранен в грудь. Опять много месяцев провалялся в госпитале: и вот — снова... В сумме на фронте — три дня...

— А ведь храбрый парняга, — сказал Дзюба. — Первый свой взвод поднял...

— Наградить его надо, — хмуро сказал Силантьев. — А то пойдет опять по госпиталям, так про него и забудут. Человек он, видно, скромный, сам про себя напоминать не станет. Жаловался он мне вчера: пули, говорит, меня любят. И действительно, любят...

— Правильно. Наградить надо. Сегодня же представлю, — сказал Дзюба, подымая воротник полушубка.

Помолчали. Вдруг Петя резко затормозил машину и потянулся к лежавшему рядом на сиденье автомату.

— В чем дело? — спросил Дзюба.

— Заяц, товарищ командир, — прошептал Петя.

— Где? — оживился Дзюба.

Силантьев стал быстро осматриваться по сторонам.

— Вон, на пригорке! — Петя ткнул пальцем в сторону.

Шагах в двадцати пяти, насторожив уши, сидел большой заяц. Он удивленно смотрел на машину и не убегал.

— Стреляй, — с охотничьим азартом сказал Дзюба.

Но Силантьев уже вынул пистолет и стал не спеша целиться в зайца.

— Товарищ замполит, — взмолился Петя шепотом — он боялся спугнуть зайца, — не стреляйте! Ведь убежит, убежит! Дайте мне! Я его из автомата!

Силантьев выстрелил, промазал, а заяц, не будь дурак, схватился и мигом исчез за кустами.

— Убег!.. Эх, вы, товарищ замполит, — в отчаянии Петя запутался в скоростях и дал задний ход. — Ну, разве можно так! Не умеете стрелять, не беритесь. Я бы его сразу снял...

— Виноват, Петя, — засмеялся Силантьев. — Охотник я плохой!.. Следующего зайца дарю тебе...

Петя промолчал. Как-никак он был не охотником, гуляющим по осенней степи с дробовиком в руках, а водителем командирской машины. И он вел ее, устремив

взгляд вперед и старательно объезжая все кочки, но лицо у него было такое огорченное и злое, что Дзюба, заметив это, засмеялся.

— Ты что ж это, Силантьев, зайцев пугаешь! — сказал он. — Петя вовек тебе этого не простит. Ты знаешь, какой он знаменитый охотник? Первый на все Брянские леса...

Дальше ехали молча. Маленькая история с зайцем вдруг повернула мысли Дзюбы к тем, почти забытым, дням, когда война казалась далекой и невозможной...

Ведь и женился он перед самой войной, прожил с женой всего лишь полгода, и на тебе... Силантьеву что — молод и холост. Он, возможно, и любви-то еще настоящей не понимает...

Дзюба скосил глаза на Силантьева, который также думал о чем-то своем, и вздохнул. «Странно устроен мир. Казалось бы, какая страшная война, каждый день, каждый час может быть последним. А все же все думают о счастье, о будущем...» И Дзюба вдруг задал себе вопрос: ну а чего все же хочет он? Остаться живым? Конечно... Кому хочется помирать! Победить?.. Безусловно! Какая жизнь, если победят гитлеровцы... Да, но этого хотят все — и Силантьев, который сидит рядом, и Петя, огорченный тем, что убежал заяц... Да, этого хотят все. А чего же хочет он сам?.. Для самого себя... Орденов? Их и так у него уже четыре. Будет жив — дадут еще. Стать командиром дивизии? Что ж, это не плохо. Уж наверняка он не слабее Чураева. Но и это, рано или поздно, придет само собой... Так чего же?.. Вдруг он закрыл глаза и усмехнулся. Откуда-то издалека на него взглянули серые глаза... Ах, вот что ему хочется!.. Он представил себе солнечный, яркий день... Война окончена... Он подъезжает на машине к своему дому, вихрем взлетает на третий этаж, зошит два раза, распахивается дверь... И...

Петя наехал на какой-то бугор, и машину сильно тряхнуло. Дзюба судорожно ухватился рукой за борт и выругался.

— Побережней! Думать не даешь...

— А о чем ты думаешь? — обернулся к нему Силантьев.

— Да вот куда повернуть, — пробормотал Дзюба. — Станица где-то близко!.. Ты глянь на карту, правильно ли едем...

Вечером к Коробову зашел Дружинин.

— Ну, Михаил Иванович, дело-то к концу идет! — сказал он, присаживаясь к столу.

— Не к концу, а к середине, — улыбнулся Коробов.

Дружинин закурил папиросу и взглянул на лохматую голову Коробова. Густые волосы упорно вились, и сколько он с ними ни боролся, не желали ложиться ровным пробором.

— Поседел ты за эти дни, Михаил Иванович.

Коробов взглянул на него из-под бровей:

— Волосы — бог с ними... Вот в душу седину пускать нельзя...

Дружинин мрачно помолчал, глубоко затягиваясь дымом.

— Забирают меня от тебя, Михаил Иванович, — вдруг сказал он. — Уже приказ получил...

Коробов встрепнулся:

— Забирают!.. И меня не спросили!..

Дружинин развел руками.

— Решили назначить начальником курсов политруков.

— Что они там, с ума сошли! — Коробов вскочил и обрушил кулак о стол с такой силой, что бумаги полетели в разные стороны. — Не пущу!.. Какие курсы!.. Пусть назначают туда каких-нибудь тыловых крыс!..

— Да я уже убеждал, — вздохнул Дружинин. — Говорят, боевой опыт надо...

— Опыт!.. Опыт!.. — продолжал бушевать Коробов. — Я Сталину позвоню, а тебя не отдам... Понятно...

— Чего уж понятней! — сказал Дружинин. — Посмотри, кем подписана радиограмма...

Он протянул ему через стол листок. Коробов прочитал и досадливо махнул рукой.

— Подсунули!.. А если разберется — отменит!.. Такие события... Нельзя, нельзя... Не согласен...

Вот она когда пришла проверка! Дружинин смотрел в порозовевшее лицо Коробова и невольно радовался. Не ожидал он этого. Не думал, что завоевал сердце этого большого, умного человека. А он-то был уверен, что Коробов им тяготится, ведь не раз спорили, и однажды в сердцах командарм так обозвал его, что целый день они не разговаривали, а потом сам первый пришел и попросил извинения..

Оба понимали, что приказ отменен не будет и расставаться надо.

— Ну ты не сразу уезжай, — сказал Коробов, — подожди пару дней, а я сообщу, что без члена Военного совета оставаться не могу... Когда пришлют нового, тогда и поедешь.

— Ладно, — согласился Дружинин, — позвоню Соломатину, как он скажет...

Коробов пристально взглянул на Дружинина, словно проверяя, действительно ли тот хочет остаться или просто не желает его огорчать. Дружинин понял его взгляд и кивнул головой.

— Останусь, остапуть, Михаил Иванович. Хочешь, сам поговори с Соломатиним... А то получится, что я сам напрашиваюсь...

Коробов тут же позвонил Соломатину, но дело обернулось совсем не так, как он ожидал. Новый член Военного совета уже в пути, а Дружинину нужно немедленно выезжать в Куйбышев.

Коробов бросил трубку и с ненавистью взглянул на телефон.

— Ну, значит, не судьба, — сказал он, — иди, собирайся...

Он вдруг тяжело поднялся, обошел вокруг стола и обнял Дружинина.

— Хороший ты человек, Максим. — Он впервые назвал его просто по имени. — Жаль, жаль, что мы расстаемся... Впрочем, жизнь большая... Будем живы, встретимся... Я почему-то убежден, что долго ты там не усидишь, не такая у тебя натура...

Дружинин смущенно и растроганно взглянул на Коробова. Не привык он к тому, чтобы ему говорили теплые слова. Сам говорил, когда вручал ордена. Но ведь это относилось к другим. Он никак не предполагал, что простые слова могут так глубоко задеть и его сердце. Считал себя человеком бывалым, ко всему привычным... А выходит, не ко всему!

Когда Дружинин вышел, Коробов присел за стол и задумчиво подпер рукой щеку. Если бы его спросили, кого он хотел на место Дружинина, он тут же, не задумываясь, предложил бы Кудрявцева. Хороший человек, умница...

— Товарищ командарм, вам личная телеграмма!..

В дверях стоял секретарь Военного совета майор Куликов и держал в руках обычный сиреневый бланк. Но на выбритом загорелом лице секретаря какая-то широкая улыбка. Видно, пришел с хорошей вестью.

Коробов сразу успокоился. Он было подумал, не стряслось ли что-нибудь с Варварой. Она далеко, на Урале, пишет, что живется трудно.

— Откуда?

— Из Уфы... Вас можно поздравить с внуком, товарищ командующий.

— Меня, с внуком? — удивился Коробов. — А ну-ка, дай телеграмму сюда...

Он взял листок, прочитал и громко расхохотался.

— Так я уже дедушка... Вот те на!.. А я считал себя еще совсем молодым. — Он с веселой досадой потряс телеграммой в воздухе: — И надо же было моему сыну жениться!.. Ах, негодяй!.. Что он со мной сделал!

— А где ваш сын, товарищ командующий? — вежливо осведомился Куликов.

— Да там же, в Уфе, на военном заводе работает! Инженер!.. А Дружинин спрашивает, почему у меня волосы седые, — вернулся он к прежней теме, — теперь понятно, почему они седые. — Он ткнул себя в грудь: — Я же ведь дед!.. Подожди, товарищ Куликов, — я сейчас напишу ответ... Пошли им, пожалуйста, всю мою зарплату... Ах, черт подери, — он замотал головой, — ведь почти все деньги получает по аттестату моя жена... А мне только и остается на папиросы... Что же делать?.. Придется и ей написать...

Он быстро написал телеграмму в Уфу, поздравил сына и невестку, которую никогда не видел. Сын прислал фото, но такое плохое, что лучше бы не посылал. Невестке на ней, по крайней мере, лет сорок, хотя в письмах сын уверяет, что всего двадцать один.

Он протянул телеграмму Куликову и на полусерьезе сказал:

— Ты смотри, о том, что я дед, особенно не распространяйся... А то еще смеяться будут...

Отступая к двери, Куликов шутливо пожал плечами:

— Я-то промолчу, товарищ командующий! А как быть с девушками на телеграфе. Они об этом уже передали по «солдатскому вестнику».

— Раз так, — махнул рукой Коробов, — отпускаю себе бороду!.. Иди!..

Куликов вышел, прикрыв за собой дверь. «Развеселился старик! Никогда не видел его на таком подъеме».

А когда дверь закрылась, Коробов встал и озабоченно прошелся по комнате.

«Действительно, а где же достать денег? Трудно ведь будет с новорожденным. А Варвара скуповата. Вряд ли пошлет им много. Надо будет договориться с финчастью, может быть, поделят теперь аттестат... Часть денег Варваре, часть Антоше».

На столе загудел телефон. Коробов снял трубку, послушал и вдруг сердито приказал:

— Пошлите радиogramму Кравченко!.. Жду сообщений... Да, пункт встречи остается прежний. У хутора Советского...

И опять закрутилась машина. Приходили и уходили люди, докладывали и получали приказания. Битва шла не только на полях, но и у его стола. Армия наступала по широким просторам. Наступал пятый день...

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

1

— Коробов! Ты чего пленных везде распустил!

Ватутин держит трубку около уха, голос его строг, а глаза улыбочиво смотрят в окно на дорогу, где бредет длинная колонна немецких солдат. Подумать только! Почти полк противника добрался до КП фронта, и никакой тревоги, ни одного выстрела.

Ватутин положил трубку и вышел на крыльцо... Вот она, победа! И какая сила сломлена! Где вы сейчас, генерал Вейхс? Очевидно, готовите контратаки. Но ведь я это предвижу, я к этому готовлюсь...

Несмотря на то что появление колонны военнопленных в расположении штаба фронта — сущее безобразие, Ватутина все-таки приятно сознавать, что генерал Бильдинг, который только что с ним простился перед отбытием в Москву и, очевидно, еще укладывает свой чемодан, тоже видит эту колонну. Ну вот вам и немцы, генерал! Смотрите, любуйтесь!

Ватутин то и дело звонил на Донской и Сталинградский фронты. Рокоссовский и Еременко звонят к нему. Идет непрерывная координация действий. Она особенно нужна сейчас, когда близок момент соединения фронтов.

Чем ближе сходятся все три фронта, тем больше зависят они друг от друга.

Отступая под натиском трех фронтов, гитлеровцы пытались переходить в контратаки, они еще надеялись помешать окружению своей основной группировки под Сталинградом. И эту надежду у них надо было отнять так же, как ее отняли у тех войск, которые были окружены в районе Распопинской. Но там попало в плен тридцать тысяч, а в районе Сталинграда обороняется, возможно, в десять раз больше. И это самые отборные немецкие части, с большим боевым опытом. Их мало окружить. Их надо уничтожить или заставить сдаться...

Ватутин вернулся к столу. Лучи солнца, прорвавшиеся через плотную пелену облаков, упали на стол и легли на нем, разделенные теньями оконных переплетов на аккуратные светлые квадраты. Как меняется день, когда вдруг выглянет солнце. Ватутин вновь взглянул в окно. Снег искрился, и дали, тонко очерченные линией горизонта, были удивительно спокойны.

Он даже как-то повеселел. Все идет как надо, только бы вовремя укрепить внешний обвод фронта.

Хорошо, что сюда он направил одну из танковых бригад армии Рыкачева. Она значительно усилит этот участок.

В комнату быстро вошел Иванцов. Ватутин взглянул на его возбужденное, расстроенное лицо и сразу понял, что произошла какая-то неприятность.

— Что случилось? — спросил он, и в глазах его промелькнула тревога.

— Рыкачев повернул бригаду на юг!

Ватутин возмущенно откинулся к спинке стула.

— Почему? Что за самоуправство!

— Вот его рапорт, — сказал Иванцов. — Он пытается объяснить свои действия нехваткой сил под Калачом. Но, по-моему, он просто хочет войти первый в соединение со Сталинградским фронтом.

Лицо Ватутина стало землисто-серым. Нет, его терпение кончилось. С Рыкачевым надо говорить всерьез.

— Машину! — приказал он.

И в разные углы комнаты полетели обломки карандаша, который он держал в руках.

2

Как только Рыкачев узнал, что на соединение со Сталинградским фронтом Ватутин направляет танковый корпус армии Коробова, он пришел в ярость.

Подумать только, после того как именно его, Рыкачева, войска, по существу, спасли фронт от неудачи (он был совершенно уверен, что это именно так), все лавры получит Коробов. А ведь если бы он не послал корпус Родина к Дону, черта с два добился бы Коробов успеха. Небось так бы еще и сидел у Распопинской.

В гневе Рыкачев забыл, что корпус Родина он послал по приказу Ватутина и что части армии Коробова неоднократно помогали в трудных случаях его армии. Он был не просто уязвлен, обижен, нет, он был поражен в самое сердце. Ведь как ни говори, а те командиры, которым достанется честь замкнуть сталинградское кольцо, навсегда войдут в историю Великой Отечественной войны.

Неудовлетворенное тщеславие, которое годами не давало ему душевного покоя, чувство обиды на Ватутина, уверенность, что тот мстит ему за подкуп, хотя и неудавшийся, желание во что бы то ни стало взять реванш — все это днем и ночью томило, мучило и раздражало Рыкачева. Он терял последнее равновесие, кричал, топал ногами, всем и каждому грозил полевым судом и расстрелом.

Ермаков с удивлением наблюдал за командармом. Что творится с человеком? Просто подойти к нему нельзя. Того и гляди, взорвется. Немыслимое дело! Как работать при таких условиях?

А Рыкачев между тем принял окончательное решение и надумал ознакомить с ним Ермакова. Он был уверен, что его замысел принесет ему большой настоящий успех. Но чем черт не шутит! В случае неудачи все-таки как-то легче отвечать вдвоем.

— Вот что, Сергей Андрепч, — сказал Рыкачев, когда Ермаков по его приглашению вошел в кабинет и уселся у стола. — Обстановка коренным образом изменилась. Я не могу послать бригаду на Чир. У Калача, как выяснилось, сильные укрепления. Их придется прорывать большими силами...

— Но это же приказ Ватутина, — осторожно сказал Ермаков.

— Ну и что! — взорвался Рыкачев. — А мне здесь виднее. Скажи, что сейчас главное?

— Замкнуть кольцо, разумеется.

— Вот именно! Замкнуть кольцо. Я не могу срывать задачу, поставленную перед нами Верховным Главным командующим. Решено, бригада идет к Калачу!

Рыкачев до времени скрыл от Ермакова, что после взятия Калача он задумал двинуть бригаду дальше, на юг и обогнать передовые части корпуса Кравченко. Что и говорить, есть известный риск в решении задачи совершенно самостоятельно, без согласования с соседями и командованием. Но ведь давно известно, что победителей не судят. Если он прорвется вперед, Ставка, несомненно, оценит его инициативу. Значит, правильно действовал, если раньше всех других сумел запереть немцев. Необходимость своего поступка он сумеет объяснить медлительностью тех командиров, которых обогнал.

Все-таки из осторожности он послал в штаб фронта хитроумно составленный рапорт о своем решении, а сам немедленно выехал к Дону, в район Голубинской, чтобы на месте организовать переправу бригады. Так вернее. Когда она переберется на другой берег, Ватутин уже будет поставлен перед свершившимся фактом.

3

Тяжелая немецкая артиллерия стреляла издалека по переправе. Снаряды ложились довольно метко. Дон был в полыньях; ветер гнал по воде мелкую рябь, и казалось, оба берега сотрясались от взрывов.

Рыкачев в бекеше, измазанной машинным маслом, стоял на обочине дороги и грозил кулаком шоферам, которые замедляли скорость машин перед тем, как сползти с берега на узкий понтонный мост.

Вид у Рыкачева был поистине угрожающий. Он бегал от машины к машине, ругался и кричал: «Живей, живей, черт побери!» Того и гляди, сейчас выхватит пистолет и застрелит тебя на месте. Когда вблизи раздавался грохот взрыва, он даже не оборачивался в ту сторону.

Адъютант, молодой майор, не отставал от него ни на шаг. Почему-то он все время держал руку на кобуре

истолета, словно ожидая каждую минуту, что откуда нибудь выскочит противник.

Передовые отряды корпуса Родина уже успели переправиться на тот берег; машины подвозили им боеприпасы. На подходе были тяжелые танки. Скорее, скорее расчистить им переправу... Вот в этой полуторке, например, спят они там, что ли?

Рыкачев с силой рванул дверцу остановившейся как раз против него машины. В кабине сидел капитан, который с удивлением взглянул на неизвестно откуда появившегося генерала. Должно быть, он не узнал командарма, а может быть, никогда раньше не видел его.

— Вы долго будете тут торчать? — закричал Рыкачев. — Я вас расстреляю! Сейчас же вперед!

Капитан медленно вышел из машины. Это был пожилой человек с обкуренными, желтыми усами. Даже и сейчас он продолжал держать трубку в руке. Сделав два шага к Рыкачеву, он остановился, сутулясь и в упор глядя ему в лицо.

— Я, товарищ генерал, не боюсь этого вашего крику, — спокойно сказал он. — Скажите толком, в чем дело?

Рыкачев захлебнулся от ярости:

— Как разговариваешь! Застрелю!

— Стреляй, — сказал капитан, повернулся, не ссеша залез в кабину и захлопнул дверцу.

Полуторка медленно тронулась вслед за другой, которая тоже еле-еле тянулась, поджидая, когда впереди расчистится путь.

Вдруг адъютант взволнованно сказал:

— Товарищ командарм! Ватутин!

И Рыкачев, который храбро стоял под разрывами снарядов, вздрогнул, засуетился и вдруг стал торопливо одергивать бекешу.

Ватутин медленно и спокойно шел вдоль дороги, тщательно выбитый, в новом кожаном пальто на меху, засунув руки глубоко в карманы. И в том, как он двигался, задумчиво и заботливо выбирая, куда поставить ногу в белом фетровом валенке, обштом коричневой кожей, было нечто, что испугало Рыкачева.

Около Ватутина вьюном вился какой-то человек, очевидно, из охраны, тревожно крича:

— Товарищ командующий! Нельзя вам идти! Товарищ командующий! Я имею полномочия!

Но Ватутин словно и не слышал этого крика. Он надвигался на Рыкачева, и командарм понял, что все кончено. Он стоял, опустив голову, мгновенно постарев, и ждал...

Когда Ватутин подошел, Рыкачев приложил руку к шапке и как-то рванулся вперед, но Ватутин не протянул ему руку.

— Партизаните! — сказал он тихо, но так, что лучше было бы, если б он кричал. — Регулировщиком движения стали? Посмотрите, какой у вас вид! Не хватает только флажков в руках!

— Товарищ командующий... разрешите доложить! Ватутин прервал его:

— Мне все ясно, товарищ Рыкачев! Где бригада?

— На подходе, товарищ командующий...

— Вы пошлете ее туда, куда я приказал. Понятно? У Калача ей делать нечего! Понятно, я вас спрашиваю?

— Понятно, — побелевшими губами прошептал Рыкачев.

— А о вашем самоуправстве и невыполнении приказа я доложу в Ставку.

Ватутин повернулся и так же неторопливо пошел назад. В стороне разорвался снаряд, и его осыпало землей, но он даже не наклонил головы.

По этикету Рыкачев должен был бы сопровождать командующего фронтом. Но он остался стоять на краю дороги, там, где его нашел Ватутин...

Поздно ночью Рыкачев вернулся в штаб армии, еще более угрюмый, чем всегда, и даже как будто поседевший. Он ни слова не сказал Ермакову о том, что с ним произошло.

На другой день командарм Рыкачев получил приказ Ставки передать дела начальнику штаба и немедленно выехать в Москву, в резерв...

Раненого унесли, и Ольга Михайловна, сняв марлевую маску, в изнеможении опустилась на табуретку. Уже сутки она не спала. После нелепой смерти Марьям ей хотелось забыться, и она работала, работала... Все лучшее, что было у нее в жизни, все неосуществленные надежды, все дорогое и нетронутое, все, что она сумела сохранить

в своем сердце, ей хотелось передать этой девушке. За дни, которые они провели вместе, она привязалась к Марьям, черпая, если угодно, в ее мужестве силы и для себя.

Как хотела бы она начать жизнь сначала и идти по ней так же, как Марьям, смело и мужественно, видя перед собой большую цель и стремясь к ней всей силой души. Может быть, тогда на ее пути и не возник бы Алексей; он прошел бы мимо, как проходили другие. Когда-то давно она совершила ошибку, но не нашла в себе мужества вовремя остановиться, сломать, пусть с тяжелыми потерями, то, что стало уже ее привычкой, ее домом, в котором у нее было так много обязанностей, но так мало подлинного счастья.

Как незаметно она перестала быть сама собой, превратилась в генеральшу. Она не простила себе чувства острого стыда, когда однажды Алексей бросил ей старую папаху из белого каракуля и сказал: «Вот тебе на шляпку». Она засунула папаху в шкаф, а потом все же перешлила ее и стала похожа на некоторых своих подруг. Оделась по форме!

Нет, то решение, к которому она так мучительно пришла, возникло не сейчас, а уже давно, давно. Просто она не могла сорвать с себя все, что связывало ее и угнетало.

Долгие годы она твердила себе, что должна жертвовать всем для Валентина, а потом, когда перевалило за тридцать пять, ей стало казаться, что время уже упущено, она старая и начинать все сызнова поздно.

И только когда осталась одна, вдалеке и от мужа и от сына, она стала все чаще задумываться о своей жизни. Ее поразило, что после многих месяцев разлуки с Рыкачевым она не только не оказалась смятой, а наоборот, окрепла, беды не сломили ее.

Всю жизнь Рыкачев считал ее службу в больнице пустой, бабьей блажью. А она, даже не сознавая этого, отстаивала свое право на работу, чтобы сохранить хоть какой-нибудь уголок, на который он не имеет права посягать.

Теперь она стала уже совсем другой. И невольно в этом ей помогла встреча с Марьям. Она нашла в ней то, чего не хватало самой, — целеустремленность и твердость.

Как поразило ее тогда страстное стремление Марьям увидаться с Яковенко и остаться рядом с ним. Какой

страшной болью было искажено лицо Федора, когда он принес в блиндаж умирающую Марьям.

Удивительно, но те тяжелые испытания, которые скрепляли любовь Марьям и Федора, развели ее с Рыкачевым...

Где-то за стеной суматошно трещал движок. Залитый ярким светом, блиндаж казался обжитым. Вдалеке гудела артиллерийская канонада, а здесь было тихо и спокойно. Санитары убирали тампоны, бросали в ведра марлю, пропитанную кровью.

— Шли бы вы спать, Ольга Михайловна, — сказал фельдшер Луковец, который тоже простоял рядом с ней сутки. Его редкие седые волосы спутались и прилипли ко лбу, а ввалившиеся светлые глаза щурились — не то от яркого света, не то от усталости, с которой он яростно боролся.

— Сейчас пойду! — покорно сказала Ольга Михайловна и неповинуящимися пальцами стала развязывать тесемки на обшлагах рукавов. — Больше никого не привезли?..

— Нет. перевязки я сделаю сам, — сказал Луковец. — Да мне и помогут... А вы идите, идите поскорей. На вас лица нет.

Вдруг за дверью раздались приглушенные голоса, быстрый стук каблучков вверх и вниз.

Ольга Михайловна оглянулась:

— Игнат Тихонович! Посмотрите, что там происходит. Луковец на минуту скрылся за дверью.

— К вам какой-то генерал, — сказал он, вернувшись назад.

— Генерал?! — настороженно взглянула на него Ольга Михайловна. — Какой генерал?

— Такой вот высокий, худощавый. Говорит нервно.

Я пригласил его сюда — отказался. Просит вас выйти.

Ольга Михайловна посидела мгновение словно в оцепенении и вдруг опрометью бросилась вон из блиндажа. Со стуком упала опрокинутая табуретка.

— Накиньте шинель! Сумасшедшая! — крикнул ей вдогонку Луковец.

Холодный ветер стегнул по лицу. Ослепленная тьмой, она остановилась, ничего не видя. Только рядом маячила какая-то неясная тень.

— Алексей?!

— Это я, Ольга! — произнес над ухом приглушенный голос Рыкачева.

Она крепко схватила его за лацканы шинели.

— Что с Валентином?.. Он жив?! Ранен!.. Ты пришел мне сообщить!.. Говори же!

— Нет, Ольга, — сказал Рыкачев, крепко сжимая ее руки в своих руках, — я думаю, с ним все хорошо.

Ее глаза постепенно привыкли к темноте, и она уже разбирала черты лица Рыкачева. Как оно вдруг постарело, плечи опустились, как судорожно повернута набок голова, как сдавлен голос.

За многие годы она хорошо изучила все оттенки его состояния и поняла, что случилось большое несчастье.

— Что с тобой? — с тревогой спросила она.

— Я еду в Москву.

— В Москву?! — удивилась она. — Зачем?

Рыкачев помолчал. Он знал, что она задаст этот вопрос и ему надо будет ответить. Да он и сам ехал, чтобы сказать ей все, но как трудно, как мучительно трудно говорить.

— Ватутин снял меня с должности.

— Снял?! — Она даже отшатнулась от него. — Что же ты наделал?

Рыкачев зло усмехнулся:

— Я хотел только быстрой победы!.. Но я отбирал у него лавры... И вот он расправился... Ты же знаешь, что он ненавидит меня.

Ольга зябко натянула халат ту же на плечи. На сердце стало еще тяжелей. Она не верила Рыкачеву, но понимала, что сейчас, когда он в такой беде, не должна говорить с ним жестоко... Так было всю жизнь.

— Что же ты решил делать? — спросила она.

— Я все объясню в Ставке, я докажу, кто прав и кто виноват! — горячо сказал он. — Меня поймут и поддержат.

Ольга Михайловна приблизила свое лицо к его лицу.

— Алексей, послушай меня... может быть, последний раз в жизни...

— Ну? — настороженно спросил Рыкачев.

— Поезжай к Ватутину!.. Добейся встречи и постарайся все уладить... Я не верю, что ты ни в чем не виноват...

— Не веришь?! — захлебнулся Рыкачев.

— Не верю, — тихо сказала она.

Рыкачев рванулся, но вдруг закрыл лицо руками и уткнул голову в ее плечо.

— Что же делать, Ольга! Что делать!.. — глухо проговорил он. — Я ведь так хотел нашего счастья!.. Я так хотел, чтобы ты мной гордилась... Я хотел все вернуть!..

Сза не отстранилась от него, но с какой-то тоской вдруг ощутила, что в ней не возникло той ответной тепловой волны, которая охватывала ее всегда, когда он искал у нее защиты и совета. Тогда ее душевное тепло передавалось ему, он успокаивался, и они вместе искали и находили выход. Так было раньше. А сейчас его жизнь была его жизнью, его беды стали его бедами... Только в эту минуту она до конца поняла, как далека теперь от него.

— Не надо, Алексей, — тихо сказала она, — будь мужествен.

Он поднял голову и тяжело вздохнул.

— Прощай, Ольга!.. Не знаю, свидимся ли когда-нибудь... Я буду проситься на другой фронт... Пусть с понижением... Только прошу тебя... Ты ничего плохого обо мне Валентину не говори... Когда-нибудь мы с ним сами разберемся в наших отношениях... Обещаешь?..

— Обещаю, — сказала Ольга.

Он нагнулся, крепко поцеловал в губы, круто повернулся и быстро зашагал во тьму.

На дороге подслеповато вспыхнули синие огоньки вездехода, глухо заурчал мотор, и, удаляясь, тихо зашелетели колеса...

— Ольга Михайловна, где вы?! — окликнул ее встревоженный голос Луковца. — Идите назад! Вы же простудитесь!.. — Он подошел поближе: — А где же генерал?..

— Генерала нет, — сказала Ольга Михайловна, повела плечами, словно сбрасывая с себя тяжелый груз, и пошла к блиндажу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

1

В штабе фронта получена радиограмма от Родина о том, что Филиппенко со своими танками вышел к городу Калач. Работники оперативного отдела уже начали готовить донесение в Ставку о его освобождении,

— Да, да, правильно. Калач почти освобожден, — сказал Ватутин, — но подождем новых сообщений. Потерпите, потерпите, товарищи!.. Да на всякий случай пошлите на помощь танкистам самолеты! Передайте приказ Родину: двинуть туда танковую бригаду.

Между тем прорвать фронт противника одним натиском танкисты не смогли. Вражеских войск под Калачом оказалось слишком много. Гитлеровцы решили смять наступающих фланговыми ударами и снова закрепиться на восточном берегу Дона.

Впереди вся степь взрыта снарядами. Они перепахали снежную пелену и обнажили черную мякоть земли.

В бою прошла вся ночь. В бою проходит утро. В бою наступает день.

В два часа дня двадцать третьего ноября над Калачом взвивается красный флаг освобождения.

2

Передовой отряд корпуса Кравченко вышел на холм. Впереди в голубоватой мгле утренней степи виднелись домики хутора Советского. Направо, у обочины дороги, громоздились машины, брошенные и сожженные немцами. Они стояли почерневшие, обуглившиеся и казались еще чернее от окружавшей их нежной белизны молодого снега.

Валентин откинул люк и выглянул наружу. Танки, рассыпавшись по полю полукольцом, приостановили свой бег, ожидая распоряжения командира соединения. Тот медлил, и радист танка, сержант Алехин, напряженно вслушивался в треск эфира, боясь пропустить слова приказа.

«Где-то здесь?» — Валентин обвел взглядом горизонт.

Ему не верилось, что они почти пришли и вот-вот встретятся со сталинградцами.

Что это там вдали? Уж не первые ли машины, идущие им навстречу с той стороны? Нет. Они не движутся. Это всего только несколько подбитых немецких танкеток. Еще дальше стоят самоходки. Их длинные стволы задралы кверху, как морды воющих псов, брошенных хозяевами на произвол судьбы. Все вокруг пусто, мертво. Только там, где дорога изгибается, горят дома, и ветер стремительно уносит прочь тяжелые клубы багрово-серого дыма.

Так много пережито за эти пять дней наступления!

Из глубины танка кричит радист:

— Приказано вперед! К хутору Советскому!

— Вперед! — повторяет Валентин и остается стоять в открытом люке.

Из низких тяжелых туч вылетает шестерка «юнкеров» и сразу же ложится на боевой курс, чтобы бомбить танки.

— Самолеты! — коротко говорит Валентин и кончиком языка облизывает ссохшиеся обветренные губы.

Стараясь не дать врагу точно прицелиться, танки расходятся в разные стороны, быстро меняя скорость и направление, и стреляют по самолетам из пулеметов. «Юнкеры» с оглушительным ревом идут в почти отвесное пике.

Но в то же мгновение восемнадцать «лавочкиных» словно выпадают из тучи и летят вслед за «юнкерами». Короткие пулеметные очереди, перестук автоматических пушек. Пятнадцать секунд! — и четыре «юнкера», так и не сбросив бомб, сорвались с неба и ударились оземь. В той стороне, где они взорвались, взмыл кверху высокий столб пламени и черного дыма. Два других успели сбросить бомбы и метнулись в облака. Валентин увидел, как густое темное облако окутало танк, шедший метрах в двухстах от него. И когда опала земля, поднятая взрывом, танк предстал перед ним, весь искосерканный прямым попаданием: башня у него свернута на сторону, бесильно свисают порванные гусеницы.

А «юнкеры» и «лавочкины» уже исчезли в небе. Они утонули в свинцовых тучах, которые медленно ползут с востока на запад.

Валентин приказал Рыжкову повернуть налево. Рыжков сразу понял его, ни о чем не спрашивая, направил танк к погибшей тридцатьчетверке и остановился.

Валентин вылез из люка и соскочил на землю. Здесь, вблизи, танк с сорванной башней, дымящийся, сразу почерневший, казался еще страшней, чем издали.

Валентин отлично понимал, что никто из экипажа не мог спастись, но все же, подойдя к зияющему провалу, который образовался на месте башни, крикнул:

— Есть кто живой?

Ему никто не ответил. Он вскочил на теплую броню и заглянул внутрь танка. Первым, кого он увидел, был лейтенант Сорокин.

Лейтенант сидел в углу, между рычагами, раскинув руки и склонив на грудь залитую кровью голову. На ногах у него лицом вниз лежал стрелок.

Валентин вытащил стрелка и положил его на броню. Потом спустился к Сорокину, расстегнул у него на груди комбинезон и приложил ухо к сердцу...

По полю уже ехала санитарная машина. Валентин не стал ждать ее, вскочил в люк своего танка и скомандовал: «Вперед!»

За эти несколько минут колонна ушла далеко, и Рыжков прибавил скорость.

Валентин все так же стоял в открытом люке и смотрел в бегущую ему навстречу степь. Ветер выбивал из глаз слезы, он смахивал их, но не уходил со своего места. Пристально и задумчиво глядя на мелкие волны наметенного ветром снега, он думал о судьбе своих товарищей и о своей собственной судьбе, думал. Как жаль, что рядом нет отца, как было бы важно увидеться им сейчас, когда так много пережито. Может быть, он был к отцу и несправедлив. В конце концов, он только начинает жить, а отец уже прошел суровую школу. Недаром же он стал генералом, командующим целой армией... А мать?.. Почему она была так грустна во время последней встречи? Что у нее на душе? Как живет она одна, без семьи. Странно, очень страшно... А ведь когда-то было детство. Ему строго-настрого запрещали подходить близко к реке, переходить одному широкие улицы, зажигать спички!.. И как будто это было так недавно, в то же время словно это было не в его, а в чьей-то чужой жизни. Возможно, вычитано из книг.

А машина мчится быстрее и быстрее.

Танк занял свое место в колонне, которая теперь подошла уже совсем близко к хутору Советскому.

— Приказано остановиться! — крикнул из глубины танка Алехин.

Машины послушно замерли. Но еще раньше, чем замолчали их моторы, Валентин заметил вдали другие танки. Они шли широкой цепью. Издали пельзя было понять, свои это машины или чужие. И те — идущие навстречу — танки тоже остановились. Минута, другая... И вот над командирским танком взметнулись ракеты. В то мгновение, когда они с праздничным треском рассыпались искрами над головами танкистов, вдали взвились ответ-

ные огни. И танковые колонны разом двинулись — вернее, рванулись — навстречу друг другу.

Замелькали разрушенные домики хутора, поваленные плетни, разбитые сараи. Головные танки встретились у колодца со сломанной жердью, и командиры почти одновременно выскочили из своих машин.

Валентин не слышал, какими словами они обменялись, он только увидел, как оба командира обнялись, словно братья, давно не видавшие друг друга.

И тут уже без всякой команды остановились все другие машины, и на снег посыпались люди. Как ни спешил Валентин, но он не был даже одним из первых. Со всех сторон к колодцу бежали, крича «ура», танкисты Юго-Западного фронта. А навстречу им, обгоняя друг друга, бежали сталинградцы. Валентин схватил в объятия какого-то широкоплечего парня и крепко поцеловал в обе щеки.

— Здорово, сталинградец!

— Здорово, танкист!

Им хотелось сказать какие-то особые хорошие слова, но они не находили их. И только хлопали друг друга по спине и по плечам, трясли друг другу руки и, смеясь от радости, повторяли:

— Вот здорово-то, а? Ну, что ты скажешь! Встретились-таки! А?

Кругом кричали, обнимались. Все напряжение жестких боев, вся горечь потерь, усталость от долгих переходов, казалось, были забыты в эту минуту. Была только радость, большое общее счастье.

Так Рыкачев-младший пришел туда, куда не смог прийти Рыкачев-старший, но о том, что его слава досталась сыну, Рыкачев-старший узнал лишь много времени спустя...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

1

Ватутин отбросил карандаш в сторону и протянул подписанную сводку Иванцову.

— Немедленно передайте в Ставку, — хмуря брови, сказал он. — Я бы пока воздержался сообщить точную цифру окруженных. Там сами подсчитают по всем трем фронтам. — Он задумчиво посмотрел в окно. — Несомнен

но, окруженная группировка гораздо больше, чем мы предполагаем. Может быть, до трехсот тысяч. — Прищурившись, Ватутин взглянул на Иванцова, и тот уловил в его глазах затаенное беспокойство.

— А значит, и сильнее, — сказал Иванцов, склоняясь над картой; он понимал, что тревожит Ватутина. Теперь предстоит сжать кольцо окружения. Но это не так-то просто. Противник продолжает подтягивать войска к Боковской и Нижне-Чирской. У Большой Донщинки пытается наступать сильно потрепанная 22-я немецкая танковая дивизия. Вблизи Больше-Набатовского Вейхс бросил в бой сто восемьдесят танков и мотомехпехоту, надеясь с северо-запада прорвать фронт наших войск. Атаки отбиты, повреждено двадцать восемь танков. И все же это признак того, что борьба далеко не закончена.

Ватутин рассеянным взглядом коснулся карты, встал и задумчиво остановился у края стола.

— Намерения их совершенно ясны, — сказал он, смотря в напряженный затылок Иванцова. — Они будут стремиться удержаться за собой Песковатку и Вертячий... Что ж, посмотрим!.. Передайте приказ командирам частей — не допускать прорыва. Давайте еще плотнее сомкнемся с частями Сталинградского и Донского фронтов... Что вы там смотрите, Семен Павлович? — вдруг рассердился он.

Иванцов смущенно улыбнулся:

— Просто, товарищ командующий, смотрел, какой мы за эти дни прошли путь.

Ватутин задумчиво и как-то удивленно посмотрел на Иванцова.

— Путь, говорите вы? — переспросил он и похлопал ладонью по краю стола. — Да, за этим вот столом я прошел большой путь, — он усмехнулся, — странно! Всего пять дней. А сколько передумано и прочувствовано...

Иванцов прислопился к стене, сжимая в руках папку с документами.

— Сегодня говорил с Москвой, — сказал он. — Мне сообщили... — и вдруг смущенно запнулся.

— Что сообщили? — вскинул голову Ватутин.

— Говорят, Николай Федорович... Вам готовят новое звание...

Ватутин досадливо махнул рукой:

— Эх, Семен Павлович! Разве в званиях дело!.. Мы гитлеровцев — или они нас. Вот как поставила вопрос

история... — Он обошел вокруг стола и присел на стул, показав рукой, чтобы садился и Иванцов. — У вас есть мать, Семен Павлович? — вдруг спросил он.

— Есть, — ответил Иванцов, подсаживаясь к столу.

— И у меня есть... А может быть... была... Осталась у немцев, в деревне... И сестры там остались... В общем, почти вся семья. — Ватутин помолчал. — Тревожит меня, Семен Павлович, что с ними!

— Скоро и там начнем наступать.

— А я перед матерью виноват, — хмуро сказал Ватутин, — не вывез. Вернее, не успел!.. Отступил быстро, а назад иду медленно... Меня и старики казаки ругали... — Он опять помолчал. — Много земли нашей должны мы отвоевать. Ох, как много. А знаете что, Семен Павлович, — вдруг круто повернулся он к Иванцову, — не идет у меня из головы Бильдинг. Веселый, самодовольный генерал. А что ему до меня, до моей матери, до нашей беды. Союзник!.. На тушенку хочет выменять дружбу! Но как только заговорили о втором фронте — так лисой, лисой — да в кусты... А сколько бы мы матерей спасли, если бы союзники меньше пили коньяк у нас по блиндажам, а открывали бы скорей второй фронт...

Слушая Ватугина, смотря в его суровое и усталое, посеревшее лицо, с глубокими складками между бровей, Иванцов подумал о том, как предельно устал этот человек, как сложна его душевная жизнь, обычно она загоняется им куда-то вглубь, чтобы не мешала...

Даже сейчас, в эту минуту откровения, он сидит привычно подобранный, и ничто, казалось бы, не выдает в нем человека, которому тяжело оттого, что он ничего не знает о судьбе своей матери. И только глаза, в них все — и боль, и усталость, и затаенная тревога...

Вдруг Ватутин взмахнул рукой, словно прогоняя какие-то назойливые мысли.

— Ну, так! Идите же, Семен Павлович, на телеграф. Я еду к Коробову. Если будут звонить из Ставки, доложите, что я буду у него в штабе часа через два!.. Беру с собой радиостанцию! Распорядитесь...

Шофер резко затормозил машину. Дорогу преграждал большой щит, на котором крупными черными буквами

было написано «Мины». Рядом со щитом стоял лейтенант и что-то кричал.

Увидев машину и разглядев в ней генерала, он быстро подошел, одергивая туго подпоясанный полушубок.

— Здесь дорога закрыта, товарищ генерал, — сказал он, отдав торопливое приветствие. — Одна мина на другой. Вторые сутки мучаемся...

Ватутин взглянул на рябоватое, в синих точках лицо лейтенанта и покачал головой.

— А как глаза-то остылись целы?..

— Успел прикрыть рукавом, товарищ генерал, — сказал лейтенант, и его обветренное лицо, покрытое множеством мелких морщинок, сразу как-то потеплело.

— Повезло, — улыбнулся Ватутин, — говорят, что сапер ошибается только один раз. Значит, можно и два раза.

— Изредка можно, — серьезно ответил лейтенант.

— Вы из какой части?

— Полка Дзюбы...

— Ах, вот как! — Ватутин вдруг вспомнил о Павле и молча сидел, вглядываясь в дорогу за щитом. Там, вдалеке, маячили саперы.

— Ваши люди?

— Мои, товарищ генерал.

— Сколько мин сняли?

— Штук двести...

Ватутин улыбнулся.

— А меня знаете?

Лейтенант нагнулся к машине и как-то весело ответил:

— Знаю, товарищ генерал. Вы наш командующий. К Павлу приходили!..

— А где Павел?

Лейтенант указал вдоль дороги, за щит.

— Вот он! Видите, мину на обочину бросил. Это и есть Павел.

Ватутин посмотрел туда, куда указывал лейтенант, и помедлил с ответом. Над дорогой ползли низкие, темные тучи, где-то в вышине провыл одинокий самолет. Ветер мел низкую поземку. Вдалеке прямо по целине двигались танки. Откуда-то глухо доносилась артиллерийская канонада. «Рвутся к Песковатке, — прислушался он. — Коровы отбиваются».

— К сожалению, очень тороплюсь... Передайте привет!.. Как он, здоров?..

— Здоров, товарищ генерал! — с готовностью ответил лейтенант.

К машине быстро подошел Семенчук, который посоветовался с командиром охраны и начальником радиостанции.

— Товарищ командующий, разрешите повернуть назад?

— Поворачивайте! — сказал Ватутин и опять взглянул туда, где на белом снегу двигались черные точки. Какая из них — Павел?

Он крепко пожал жесткую руку лейтенанта.

— Так не забудьте!..

Машины быстро развернулись и пошли в объезд другой, намеченной Семенчуком дорогой...

Подставив лицо холодному ветру, Ватутин думал о своей семье... Как разбросала ее война... Смертельно ранен Афанасий, навряд ли выживет... Далеко от него и Татьяна, и Лена... Большая была семья, да вот рассеялась по свету... Война есть война, и никто из них, братьев Ватутиных, от нее прятаться не будет... Не время сидеть на печке. Да, в прошлом их, братьев, многое разделяло. И расстояние, и положение, и круг интересов, которыми они жили все эти годы. Но именно сейчас он почувствовал, что нити, которые их связывали, стали, как никогда, крепкими...

Вдруг внезапно и неожиданно отчетливо он представил себе Павла, который, сутулясь, держа в руках щуп, медленно идет вдоль дороги. Тяжелые испытания не кончились. Придет время — и война останется в прошлом, а саперам еще долго надо будет трудиться. Снимать и снимать мины... Снимать и снимать...

На обочине дороги сидел раненый боец. Большой, видно, путь он уже прошел и присел немного передохнуть, дать отдых раненой пого, перетянутой ниже колена побуревшим от крови бинтом.

Зажав в кулаке кисет, боец медленно раскуривал самкрутку, прикрывая огонек ладонями от степного ветра. Взглянув на него, Ватутин вдруг вспомнил, что так и не послал Павлу обещанного табачка...



РАССКАЗЫ



Пятые сутки днем и ночью льет дождь. Тяжело свесились мокрые лапы елей, и с каждой иголки каплет, струится вода. Вдоль рыжих стволов сосен стекают на землю тонкие извилистые ручейки.

Колюче торчат в небо обломанные, обожженные вершины сосен, без сучьев, без ветвей, словно великан дровосек прошел по лесу и огромным топором вкривь и вкось, сплеча обрубил и обтесал вершины деревьев. Иные он пересек пополам, но мертвые, побуревшие верхушки все еще держатся сучьями за соседние стволы. Лес глухо шумит. Шум рождается глубоко в чаще, и кажется, что совсем близко гроыхает тяжелый железнодорожный состав. Но это — грохот боя.

Уже неделю здесь обороняется гвардейская дивизия. Отступив от Старой Руссы, она сдерживает противника, который пытается проникнуть к Ярославлю, перерезав Северную железную дорогу, и еще одним кольцом окружить Ленинград. Гвардейцы дерутся за каждую пядь земли. Они отражают все атаки отборной эссовской дивизии «Мертвая голова».

Страшное название у этой дивизии. Гитлеровцы придумали его, чтобы пугать им своих врагов. «Мертвая голова»! Так и представляется голый, безглазый череп, на который надета железная каска, — сама смерть!

Землянка командира дивизии укрыта в самой чаще леса, в глухом овражке. День и ночь горит в ней яркая электрическая лампочка, ее питает движок, который пыхтит в глубоком, вырытом неподалеку окопе.

В землянке холодно и дымно. Сырые дрова едва тлеют в печурке, то и дело выбрасывая из-под дверцы беловатые

клубы дыма. Под ногами, просачиваясь сквозь тонкие доски, хлупает вода. Стены в темных подтеках сырости, с потолка каплет.

Шинель на Ватутине не просыхает уже третий день. Давно следовало бы снять и просушить ее перед печкой, но Ватутин и часа не сидит на месте. То он наблюдает за дальними подступами к Верхним Ключам, то проверяет огневые позиции артиллеристов, то идет на радиостанцию, чтобы поговорить с командующим фронтом. В землянку возвращается только для того, чтобы еще раз взглянуть на карту, подвести итоги наблюдениям и дать необходимые указания.

Не снимая своей мокрой шинели, он склоняется над картой, испещренной множеством цифр, пометок, значков. Тонкими красными штрихами обозначено на ней расположение нашей дивизии, синими штрихами — расположение врага.

И когда только Ватутин спит? Даже суровый, выдавший виды полковник, командир дивизии, сидящий напротив, удивляется выносливости генерала, склонившегося над картой. Только в воспаленных глазах Ватутина видна затаенная, скованная волей усталость.

По углам землянки на коротких деревянных чурбаках примостились телефонисты. Вдавлив трубку чуть ли не в самое ухо и прикрывая рот ладонью, они то и дело покрикивают негромко хриловатыми, простуженными голосами:

— Харьков!.. Минск!.. Одесса!.. Я — Москва! Я — Москва!..

Это названия полков и штаба дивизии.

На передовой временное затишье. Только изредка со стороны деревни ухает вражеский миномет, и мина, шелестя, пролетает над лесом, разрываясь в глубине.

— Вы к нам надолго, товарищ генерал? — спрашивает полковник, поглядывая на Ватутина из-под седоватых бровей. Глаза его глубоко запали от усталости и бессонных почей и кажутся поэтому особенно темными.

— Пока не остановим врага, — отвечает Ватутин и вдруг отрывается от карты и лукаво глядит на полковника. — Я думаю, не надолго!.. Что, уже надоел?

— Да нет, товарищ начальник штаба ¹, — смущается

¹ Осенью 1941 года Н. Ф. Ватутин был начальником штаба Северо-Западного фронта.

полковник. — Только уж если остаетесь, ложитесь-ка отдохнуть...

— Попозже, товарищ Коробов, попозже... Кое-что обдумать надо... Мы находимся на самом решающем участке фронта.

— Ну, тогда хоть чайку попейте, — говорит полковник, пододвигая к Ватутину поданную ординарцем большую эмалированную кружку с густым, почти черным чаем и коробочку с сахаром.

Ватутин бросает в чай несколько кусков сахара, медленно мешая ложкой и отпивает большой глоток.

— Горячо! — говорит он с удовольствием и откидывается к столбу, поддерживающему свод землянки.

Вдруг стукнула дощатая дверь. По скрипучим ступенькам быстро сбегает старший лейтенант — начальник связи гвардейской дивизии. Молодое, почти юношеское лицо его кажется темным — не то от усталости, не то оттого, что широкая белая повязка, словно шлем, охватывает его лоб и щеки.

— Товарищ генерал, разрешите...

— Входите, входите, — говорит Ватутин. — Что у вас там?

— Телеграмма от командующего фронтом!

— Давайте!

Ватутин быстро пробегает телеграмму глазами.

Сдвинув брови, выжидательно и тревожно глядит на него командир дивизии.

Дремавший в углу худощавый подполковник в очках, начальник штаба дивизии, разом просыпается и, протирая очки, подходит к Ватутину.

Ватутин передает ему телеграмму.

— Обстановка усложняется... — говорит он, отодвигая кружку. — Враг подбрасывает к Старой Руссе еще дивизию. Но наше Верховное Командование направляет сюда танковую бригаду. Кто быстрее?.. — Он устремляет глаза на карту, и усталое лицо его оживляется, глаза светлеют. — Нет, — произносит он в раздумье, — нельзя допустить, чтобы Верхние Ключи оставались у врага. К моменту подхода танков мы должны занять Верхние Ключи, чтобы иметь выгодные позиции... Как, по-вашему, товарищ полковник?

Полковник встает. И тут становится видно, какой он широкий, костистый, большой.

— Приказывайте, товарищ генерал, — говорит он. — Мы готовы.

Слегка склонив свою крупную голову, он внимательно смотрит на этого невысокого, плотного человека, по-хозяйски положившего руки на карту.

И Ватутин, поймав его взгляд, отвечает не столько на слова, сколько на выражение глаз, на звук голоса:

— Не сомневаюсь. Садитесь-ка вот сюда, поближе. Надо все обдумать. Сколько людей осталось в дивизии по последней сводке?

— Не так уж много в дивизии осталось...

— Нет, дивизия, полковник, есть дивизия! — повышает голос Ватутин. — Гвардейская дивизия! И она будет наступать!.. Как, товарищ полковник, будет?

— Будет, товарищ генерал, — говорит полковник медленно.

— Но гвардейцам надо помочь. Во-первых, весь огонь артиллерии направить на Верхние Ключи. Во-вторых, не бояться оголить фланги. Собрать всех людей в кулак. Везде силен не будешь!

— Ну а если противник узнает об этом? — спрашивает подполковник, и его худое, длинное лицо от волнения еще больше вытягивается. — Что, если узнает?

— А его надо обмануть! — В глазах Ватутина появляется лукавый блеск. — Надо передать по радио без шифра приказ как бы только что прибывшему командиру дивизии, чтобы он занимал позиции там, где мы снимаем солдат. Тогда наше наступление враг объяснит тем, что подошла подмога... А пока его разведка разберется, подмога и в самом деле подойдет. Танковая бригада уже на марше.

— Это идея, товарищ генерал! — говорит подполковник, потирая руки. — Положительно, это идея.

Полковник поворачивается к начальнику связи, лейтенанту с повязкой, который как стоял, так и стоит навтяжку у стола.

— Слышал, что приказывает генерал?

— Ясно слышал, товарищ полковник!

— Справишься? Сумеешь убедить немцев?

— Попробую, товарищ полковник.

— Но надо быть осторожным, — предупреждает Ватутин. — Не должно быть ни одного лишнего слова. Приказ по всей форме!

— Займитесь этим сами, товарищ Кузнецов, — говорит полковник начальнику штаба. — Время не ждет!

Подполковник быстро собирает бумаги и выходит из землянки вместе с начальником связи.

— Ну, полковник, — говорит Ватутин, поднимаясь, — а теперь самое главное дело: пойдём к гвардейцам, поговорим с ними.

3

Дождь прекратился. По небу ползли клочковатые серые тучи. Сосны стояли тихо, устремив вверх свои голые вершины. Уныло и мрачно было в лесу.

Ватутин и полковник молча вышли на опушку. Между деревьями проглянуло поле, осеннее, серое. Неубранная рожь поникла, прибитая к земле дождями и ветром. И там, где проползли по ней танки, остались вжатые в землю полосы, словно по голове с густыми волосами прошли машинкой.

А за полем, у самой речки, изогнувшейся замысловатой петлей, виднелись соломенные крыши деревни. Две избы с краю ярко пылали, и столб черного дыма тянулся над землей, медленно растворяясь в сыром воздухе.

От деревни доносился стук вражеского пулемета. Ему отвечали минометы гвардейцев, спрятанные где-то в ржи.

— Разорение народу, — задумчиво сказал Ватутин, глядя на неубранный хлеб, на полыхающий костер по жара.

— Да, тяжело, — ответил полковник. — Подумать сколько хлеба пропало!..

Они остановились и с минуту молча глядели на горящую деревню.

Вдруг перед командирами, как из-под земли, вырос лейтенант огромного роста, закутанный в зеленую плащ-палатку. Он бесшумно поднялся из-за поваленной сосны и стоял среди путаницы колючих ветвей, почти неразличимый среди них.

— Ишь ты, прямо леший! — одобрительно сказал Ватутин.

А «леший», увидев командиров, вытянулся, расправил свою широкую грудь и, чуть косясь на незнакомого генерала, зычно доложил:

— Командир батальона лейтенант Коробов. Батальон занимает оборону, ведя обстрел деревни Верхние Ключи.

— Славно докладываете, — сказал Ватутин, с улыбкой глядя на великана, который казался еще больше от раздувающейся плащ-палатки. — Где ваши люди?

— Здесь, — ответил лейтенант, сделав неопределенное движение рукой вокруг.

— Надежный народ?

— Замечательный! — горячо ответил лейтенант.

— Замечательный, говорите? — медленно, точно вслушиваясь в звук этих слов, повторил Ватутин и вдруг прямо, пристально взглянул в глаза лейтенанту: — Вот что, товарищ лейтенант, вам и вашему батальону я хочу поручить нелегкое дело... — Коротким, отрывистым движением он показал в сторону деревни: — Верхние Ключи должны быть опять наши! Это трудно. Более чем трудно. Но надо. Необходимо. От этого зависит, скажу прямо, судьба всего фронта.

Он пытливо поглядел в лицо лейтенанту:

— Понимаете, лейтенант? Справитесь?

Лейтенант, прищурив глаза, словно от солнца, смотрел на деревню, не торопясь с ответом. Лицо его не выражало ни волнения, ни страха.

— Людей маловато, — проговорил он раздумчиво и, повернувшись к полковнику, сказал вопросительно: — Дали бы еще человек тридцать, товарищ полковник?

— И не проси, — строго ответил полковник, — людей нет. Получишь двадцать человек... Зато всех вооружу автоматами. Пока ты будешь атаковать деревню, остальные пойдут в обход и ворвутся в нее со стороны Старой Руссы.

Лейтенант деловито кивнул головой:

— Что ж, пойдем!

— Мы вам поможем. Весь огонь артиллерии и пулеметов будет обращен на деревню, — сказал Ватутин. Ему нравилось, что лейтенант держится с достоинством человека, который уверен в своей силе.

— Ну, Константин, не подведи! — сказал полковник и крепко пожал руку лейтенанту.

Лейтенант широко улыбнулся, отвечая на пожатие своего командира. И в эту минуту Ватутину показалось, что в облике их есть что-то схожее: оба большие, широ-

кокостые, светловолосые... Один — седой, у другого — волосы и брови выгорели почти добела.

— Можно идти? — спросил лейтенант.

— Да, ступайте, соберите гвардейцев. Я буду с ними говорить, — сказал Ватутин. — Не забудьте поставить боевое охранение.

— Есть, собрать! — повторил приказ лейтенант, повернулся и исчез в кустах, как будто его и не было.

— Быстрый! — прислушиваясь к удаляющемуся хрусту веток, сказал Ватутин. — Давно он у вас?

— Давненько, — ответил полковник. — С первых дней воюет.

— Он ведь как будто тоже Коробов? Что же, это родственник ваш или однофамилец?

— Да, — сказал полковник. — Да, совершенно верно, Коробов.

— А справится он? — спросил Ватутин. — Может быть, другого пошлем?.. Не молод ли?

Полковник на мгновение задумался. Его густые брови сошлись, тяжелые челюсти так крепко сжались, что под скулами вздулись желваки.

— Нет, не надо другого, — сказал он отрывисто. — Он пойдет! Справится... Разрешите уж мне командовать, товарищ генерал!

Ватутин не стал спорить.

— Командуйте, командуйте! Вам виднее, — сказал он успокоительно и, поднеся бинокль к глазам, принялся рассматривать деревню.

Купаясь в дыму, над деревней кружились черные галки. Они словно рождались из дыма,стая увеличивалась. Черные угольки металась по небу, то снижаясь до уровня деревьев, то взмывая вверх. И странно было видеть это птичье оживление над разоренной, горящей деревней.

Ватутин высматривал подступы к деревне. От опушки леса до самого берега неглубокой реки, обрывистого и поросшего кустарником, тянулось поле. По ту сторону речки вдоль косогора лепились амбары и риги, а за ними в наскоро выкопанных блиндажах вражеские солдаты уже установили минометы и пулеметы.

«Нет, в лоб деревню брать нельзя, — подумал Ватутин. — Лучше с флангов...» Он видел, как на окраинах деревни гитлеровцы копали окопы. Наносить удар надо

скорее... Ватутин понимал, что только стремительный, резкий, неожиданный удар может привести к успеху.

— Товарищ генерал, гвардейцы прибыли!

Ватутин обернулся. Перед ним стоял лейтенант. Он уже был готов к бою: на поясе висели гранаты, в руках он держал автомат. За лейтенантом, в глубине леса, стояли гвардейцы.

Ватутин медленно оглядел их сомкнутый строй, суровые, усталые лица и негромко сказал:

— Стоять не надо. Садитесь! Пошире!..

Лейтенант подал гвардейцам команду рассредоточиться.

— Можем и постоять, товарищ генерал, — сказал молодой гвардеец.

Его лицо, не бритое уже несколько недель, казалось Ватутину таким знакомым, деревенским...

— Постоим, — сказал он. — Пули бояться — на войну не ходить!

Солдаты засмеялись и, вместо того чтобы рассредоточиться, тесней сгрудились около генерала.

— Гвардейцы! — сказал Ватутин. — Враг из Верхних Ключей должен быть выбит! Дело обстоит вот как: к нам идет танковая бригада. Но и к нему спешит помощь. Вы народ обстрелянный и сами, верно, понимаете, какая выгодная позиция Верхние Ключи. Если деревня останется у врага, нам и танки не помогут. В этом болоте танкам не развернуться.

— Ясное дело, — сказал кто-то негромко.

— Вот то-то и оно!.. — подхватил Ватутин. — Подождать наших танкистов, чтобы вместе с ними штурмовать деревню? Рискованно! К немцам помощь может подойти раньше. Кто кого опередит — в этом дело. Понятно?

— Уж чего понятней! — ответил молодой гвардеец.

Над лесом, возвращаясь со штурмовки, пролетело звено наших бомбардировщиков. Распластав короткие крылья, они промчались, едва не задевая верхушки деревьев. Гвардейцы провожали их взглядами. Всем почему-то казалось, что самолеты развернутся над лесом и пойдут бомбить Верхние Ключи. И даже Ватутин, который знал, что они сейчас бомбят вражеские эшелоны, поймал себя на мысли: «А вдруг еще вернутся?»

Но самолеты пролетели, шум их затих вдали...

— Я знаю, что вы устали, — продолжал Ватутин, оглядывая солдат. — Вас мало. Бой предстоит тяжелый. Но оставить в руках у врага Верхние Ключи нельзя. Я приказываю, гвардейцы, именем Родины, пойти в этот бой!..

Ватутин помолчал и спросил:

— Что же мне доложить товарищу Сталину?

Лейтенант повернулся к своим солдатам и сказал просто:

— Товарищи, мы отдали деревню, и мы должны ее взять!.. Приказ будет выполнен, товарищ генерал.

4

Поблизости один за другим разорвались три вражеских снаряда. Между кустами пополз желтый горьковатый дым. Полковник, который наблюдал в бинокль за деревней, обернулся и крикнул:

— Противник!

Ватутин вскинул к глазам бинокль. Со стороны деревни шли вражеские солдаты. Они шли во весь рост, колонной по шестнадцать человек в ряд, небрежно положив на левую руку вороненные автоматы. Эсэсовские фуражки были лихо заломлены набок, рукава черных кителей засучены выше локтя. Впереди колонны, упруго подпрыгивая, шел низкий толстый офицер с большим белым черепом на рукаве.

— Круто дело! — сказал полковник.

— Верно. Совсем другое дело получается! — весело ответил Ватутин. — Да они и выдумать лучше не могли, чем щегольнуть этой атакой. Попробуй-ка драться с ними там, среди всех этих изб, плетней, амбаров!.. А здесь, на открытом месте... Да, если мы их сомнем, деревня наша! Действуй, командир, действуй!

Вражеские орудия открыли беглый огонь по опушке леса, стреляя через голову своих солдат. То там, то здесь рвались снаряды. Гвардейцы залегли в замаскированных ветками окопах.

Полковник, сдерживая волнение, сказал Ватутину:

— Товарищ генерал, не стоит вам быть здесь... Идите на командный пункт!

— Нет уж, отсюда я не уйду, — спокойно ответил Ватутин. — Я буду с гвардейцами до конца. Идите на правый фланг!

Полковник ушел, а Ватутин, опустившись в неглубокий окоп, приложил к глазам бинокль.

Вблизи разорвался снаряд, и дерево, падая, накрыло Ватутина ветвями. Он выкарабкался, но заметив, что ветви делают его невидимым, снова укрылся за ними.

Вдруг за кустами послышалась какая-то возня, хриплый, отрывистый говор, и два гвардейца, таща на руках пулемет, пробежали мимо.

— Что случилось? — крикнул Ватутин.

— Пулеметчика убило, пулемет заклинился, товарищ генерал, — ответил гвардеец, черный от земли. — Хотим вот тут, в яме, исправить!

— Исправлять некогда, — сказал Ватутин. — Там на машине, в чаще, зенитный пулемет. Живо берите его и тащите сюда!

Гвардейцы бросили испорченный пулемет на землю. Не прошло и двух минут, как они вернулись, таща огромный зенитный пулемет, состоящий из четырех пулеметов, соединенных вместе.

— Вот это техника! — говорил молодой солдат, восхищенно глядя на пулемет. — Сейчас, сейчас, миленькие!.. — Его голос дрожал от волнения.

— Куда установить? — неторопливо спросил другой гвардеец. Он был на две головы выше своего товарища, широк в плечах и медлителен в движениях.

— Сюда, за дерево! — приказал Ватутин.

Гвардейцы быстро установили пулемет и навели его на поле, по которому мерно шагали эсэсовцы.

Вот уже между ними и лесом осталось метров двести. Вражеские артиллеристы, опасаясь попасть в своих, прекратили огонь. В лесу наступила тишина.

Ватутин почти не видел гвардейцев, укрывшихся в кустах, но всем своим существом ощущал связь с ними. Он знал, что его присутствие успокаивает и поддерживает их, и понимал, что от его выдержки зависит сейчас исход этого неравного боя. Ни один из гвардейцев не отступит дальше той сосны, у которой лежит оп. Ни шагу назад, генерал Ватутин!..

Уже и без бинокля видны лица эсэсовцев, а в бинокль их можно разглядеть и совсем ясно... Ватутин смотрит на эти лица. Под лихо заломленными фуражками — блуждающие от страха глаза.

— Погодите, голубчики! — шепчет Ватутин и коман-

дует гвардейцам: — Взять эту пьяную банду на прицел!. Без команды не стрелять!

Эсэсовцы шагают, топчя ногами рожь, и, не целясь, стреляют по лесу из автоматов.

— Вы, что ли, эту рожь сеяли? — кричит маленький гвардеец, крепче сжимая ручки пулемета.

Его товарищ гудит:

— Вот и пустим их сейчас на удобрение!

Маленький поворачивается к Ватутину:

— Можно?

— Терпение! — говорит Ватутин. — Пусть еще поближе подойдут.

Еще минута... Пора!

Он взглянул на вшившегося обеими руками в пулемет маленького гвардейца.

— Огонь! — донесся с другого фланга голос полковника.

Казалось, лес вздрогнул от грохота. Пушки били прямой наводкой. Яростно заливались пулеметы. И в общем грохоте, точно дробь падала на листы железа, стучали автоматы. Маленький гвардеец поворачивал свой могучий пулемет то направо, то налево, стреляя красными трассирующими пулями.

Толстый офицер с большим белым черепом на рукаве взмахнул руками, шагнул, спотыкаясь, раз, другой и словно нырнул в рожь. Эсэсовцы бросились было вперед, но передние ряды повалились, скошенные пулеметным огнем.

Остальные повернули назад. Одни из них падали на землю мертвыми, а другие валились в траву, чтобы спастись от смерти.

— Дивизия, вперед!.. В атаку! — скомандовал полковник.

И тотчас же совсем близко ему ответил голос лейтенанта:

— За Родину, вперед!

Выскочив из леса, гвардейцы бросились на врага.

Около Ватутина появился полковник. Осколок снаряда сорвал лоскут кожи у него со лба, и кровь струйкой текла по лицу, но полковник не обращал на это внимания.

— Я послал в атаку всю дивизию, — сказал он.

— Правильно! — ответил Ватутин. — Надо ударить крепко. Они побоятся пускать в ход свои резервы. Я убежден, что они приняли наше радиосообщение...

И в самом деле, гитлеровцы, очевидно, были теперь уверены, что против них не остатки измученной, обескровленной непрерывными боями дивизии, а свежие, только что прибывшие части.

Во ржи трещали автоматы. Среди других выделялась могучая фигура лейтенанта.

Полковник пристально следил за ним, тихо приговаривая: «Давай, Костя, давай!..» и вдруг закрыл лицо руками.

— Что случилось? — спросил Ватутин.

— Ничего, — охрипшим голосом ответил полковник.

— Надо перевязать рану!

— Подождет...

Полковник продолжал неотрывно смотреть в поле, внимательно следя за боем. Гвардейцы уже бежали к деревне, в которой рвались снаряды. Первые из солдат уже спускались к речке по крутому, заросшему кустами берегу. Группа эсэсовцев, отстреливаясь, пыталась закрепиться на берегу, но была смята гвардейцами.

Полковник схватил телефонную трубку:

— Артиллерия! Усилить огонь по деревне!

В разные стороны полетели обломки старого амбара, который находился поблизости от горевших хат. Развалившиеся стены обнажили одинокую вражескую пушку, прислуги возле нее не было.

— Точный удар! — похвалил Ватутин.

Исход боя был ему уже ясен.

На опушку леса прибежал начальник связи, держа в руках донесения:

— Товарищ генерал, радиограмма от командира танковой бригады! Бригада в пяти километрах...

— Попросите, чтобы шли не останавливаясь.

— Другое донесение из штаба фронта... Вражеские войска на машинах вышли из Старой Руссы. Из штаба спрашивают, что с Верхними Ключами?

— Передайте, что Верхние Ключи нами взяты! — сказал Ватутин. — А вам спасибо. Обманули таки врага. Боятся пока лезть... — Ватутин обернулся к полковнику: — Ну, взяла наша дивизия Верхние Ключи?

— Взяла! — сказал полковник, наблюдая в бинокль, как гвардейцы занимают деревню, а оставшиеся в живых эсэсовцы на машинах уходят в сторону Старой Руссы.

— Ну, поздравляю вас, полковник! — сказал Вату-

тин. — Теперь мы с вами удержим позиции. Наши танки придут раньше...

Мимо санитары несли на носилках раненого.

— Лейтенанта видели? — спросил их полковник.

— Видели, — ответил санитар, шедший первым.

— Ну, что с ним? — нетерпеливо спросил полковник. и Ватутин заметил, как дрогнули углы его рта.

Санитар замялся.

— Да... товарищ полковник... — растерянно забормотал он.

— Говори же! — крикнул полковник. — Где он? Что с ним?

— Убили, товарищ полковник, — почти шепотом сказал санитар и двинулся дальше.

Полковник тихо охнул и закрыл глаза. Лицо его по бледнело, и он бессильно привалился к дереву, словно ноги отказывались держать его.

Ватутин подошел и дружески взял его за локоть.

— Что же ты молчал, Николай Иванович?

— А зачем... говорить?.. — с трудом ответил полковник. — Я все равно не мог иначе... Он должен был идти...

— Твой сын герой, Николай Иванович, — сказал Ватутин. — Атака отбита. Фашисты разгромлены! Твой сын сделал все что мог... Родина не забудет его подвига...

Ватутин прислушался. Вдалеке нарастал шум танков, подходила помощь.

ЧЕСТЬ ГВАРДЕЙЦА



Поздно ночью Ватутин получил срочную телеграмму: «Чижевка взята».

В небольшой деревне Чижевке немцы оборонялись упорно и долго. Три дня полк гвардейцев непрерывно штурмовал линию за линией — сложную сеть вражеских укреплений, состоящих из зарытых в землю мин, колючей проволоки, по которой

все время немцы пропускали сильный электрический ток, окопов, траншей и глубоких рвов, преграждавших путь даже тяжелым танкам.

А с вершины холма, на котором находилась Чижевка, смотрел во все стороны злыми глазами большой дот с толстыми стенами из железа и бетона. Дот был настолько крепок, что даже мощные снаряды не могли его пробить.

Трудно приходилось гвардейцам, очень трудно. Враги сверху следили за каждым их шагом. По ночам вокруг Чижевки было светлее, чем днем, — столько ракет посылал враг в небо, так пышно горели эти ракеты, разлетаясь сверкающими звездами.

Издали, пожалуй, можно было подумать, что там, на холме, всякую ночь справляется веселый праздник.

Ватутин понимал, чего стоит гвардейцам каждый шаг по пути к Чижевке. Но он послал их на этот штурм, верил в их победу и был убежден, что, несмотря ни на какие трудности, гвардейцы приказ выполнят.

На командира полка, гвардии подполковника Федоренко, Ватутин знал, можно положиться, это храбрый и умный офицер. И он действительно искусно руководил трудным боем.

Каждый раз, когда надо было преодолеть новую полосу вражеских укреплений, Федоренко приказывал сначала бить из орудий по проволочным заграждениям, и осколки снарядов разрывали колючую проволоку на

куски; вместе с землей и камнями взлетали столбы с обрывками колючей проволоки. Так продолжалось минут десять — пятнадцать, пока, наблюдая со своего командного пункта, Федоренко не убеждался, что проволочные заграждения больше не являются препятствием. Тогда он отдавал приказание перенести огонь артиллерии на траншеи и дот, в которых укрылся противник, и вершина холма покрывалась черной тучей из земли и дыма.

Соппротивление ослабевало, блиндажи и траншеи пустели. Гитлеровцы прятались в щелях, вырытых по ту сторону холма, ища спасения от снарядов. Даже эсэсовцы, сидевшие за толстыми железобетонными стенами дота, стреляли реже.

Пользуясь этими минутами, Федоренко посылал саперов к проходам, проложенным в колючей густой сети проволочных заграждений нашими снарядами.

Вооруженные щупами, где ползком, а где бегом, пробирались саперы к этим страшным воротам. Здесь каждый куст, каждый камень, каждый бугорок таили смертельную опасность. Враг хитер. Каких только ловушек он не наставил! Вот над землей протянулась тоненькая, почти незаметная для глаза проволока. На нее можно и не обратить внимания, особенно если человек бежит и не смотрит под ноги. Но стоит ее слегка задеть — и в тот же миг взорвется мина... Вот у столба проволочного заграждения лежит немецкий автомат. Ну как не взять трофей! Но сапер не берет. Он внимательно осматривает автомат, даже немного подрывает под ним землю и тихонечко отделяет от него тонкую нитку проволоки, которая соединяла автомат с миной, а затем обезвреживает мину.

Наконец путь пехоте проложен. Федоренко подает гвардейцам команду: «Вперед!» И они разом поднимаются, бегут по склонам холма, стреляя по врагу. И вот еще один ряд укреплений позади! Гитлеровцы, которые их обороняли, перебиты или бежали. Рубеж занят. Еще триста метров советской земли освобождено.

Но в это время налетают вражеские самолеты. Они низко кружатся над полем боя и начинают бомбить позиции, только что занятые гвардейцами. Появление самолетов ободряет и успокаивает эсэсовцев, которые сидят в большом доте, немецкие пулеметчики принимаются за свою смертоносную работу с новой силой.

Гвардии подполковник Федоренко гоже вызывает авиацию. Он встревоженно ждет решения командования. Ему неизвестно, что через несколько минут его радиogramма уже передана из штаба армии генералу Ватутину и тот сейчас же приказывает послать на помощь гвардейцам эскадрилью штурмовиков и два звена истребителей.

Над холмом появляются «илы», и в воздухе тоже завязывается бой. Слышатся дробная стрельба пулеметов, частые удары автоматических пушек.

Не теряя времени, гвардейцы окапываются, зарываются в землю. Отсюда они начнут новый бросок — на этот раз на самую вершину холма, где чернеют сожженные эсэсовцами постройки.

Деревня пуста. Никто не живет в ней больше. Где жители Чижевки? Что сделали с ними гитлеровцы? Кто скажет... Ничего не осталось здесь от былой жизни. Даже большие русские печи и те превращены в груды битого кирпича.

Почему же так важно было занять Чижевку? Неужели эта маленькая деревня стояла таких больших жертв? Может быть, предоставлялась возможность обойти ее?

Нет, Чижевку нужно было взять во что бы то ни стало. Гитлеровцы не только видели отсюда далеко вокруг, но и мешали продвигаться нашим войскам. Холм пересекала шоссезная дорога, по которой немцы подвозили к фронту подкрепления, боеприпасы, провиант. Если они лишатся этой дороги, то спустя короткий срок несколько их дивизий останутся без хлеба, снарядов, патронов.

Вот почему Ватутин направил сюда удар своих гвардейцев, вот почему так обрадовался, когда узнал, что его приказ выполнен, Чижевка взята...

Чтобы лучше представить себе, как разворачиваются события, Ватутин решил поехать к месту боя. Он знал: гитлеровцы не могут не дорожить Чижевкой и наверняка предпримут все возможное, чтобы вернуть ее. Поэтому он приказал направить на помощь гвардейцам несколько «катюш».

Через час на своем маленьком вездеходе Ватутин приближался к Чижевке.

Машина мчалась по дороге, и Ватутин слышал, как шофер Вася тихонько напевал:

«Чижевка, Чижевка, родная Чижевка, к тебе мы, как пули, летим...»

Вдалеке в утренних сумерках уже засинел холм, с таким трудом занятый гвардейцами.

— Вот она, Чижевка! — сказал Вася ласково, точно ему приятно было произнести самое это слово «Чижевка».

Ватутин посмотрел на холм.

— Замечательный, замечательный народ наши гвардейцы! — заговорил он, оборачиваясь к адъютанту, который сидел позади. — После этого боя надо будет многих представить к награде. Составьте список вместе с командиром полка... А гитлеровцы теперь еще дальше откатятся. Им больше не за что зацепиться... — Он помолчал. — Досадно за комдива Берегового. Ранили его... Сейчас он был бы так нужен...

Вдруг вдоль склона холма пролетело несколько ярких зеленых струй трассирующих пуль. Перекрепчиваясь, они летели друг другу навстречу: с вершины холма вниз и снизу — от подножия — вверх. Почти тотчас же в Чижевке взвились вверх три красные ракеты.

— Кто-то там балуется, товарищ командующий, — заметил Семенчук. — Видно, на радостях решили праздник устроить.

Но Ватутин по-другому отнесся к тому, что увидел.

— А ну приглуши мотор! — сказал он шоферу.

Вася уменьшил обороты, стало слышно, что в Чижевке идет бой: громко стучат пулеметы — словно тысяча дятлов ударяет клювом по сухому дереву, ухают орудия, с ослепительными вспышками рвутся снаряды.

— Вот тебе и праздник! — воскликнул Ватутин. — Немцы опять в Чижевку вцепились... Поехали быстрее!

На повороте дороги показался человек, одетый в солдатскую шинель. Шел он медленно, держа перед собой винтовку так, словно собирался выстрелить.

Автоматчик, который молча сидел рядом с адъютантом, прижал автомат к груди и приготовился дать по солдату очередь. Семенчук вынул из кобуры револьвер. Вася увеличил скорость. Он считал себя в первую голову ответственным за жизнь командующего. Но проехать мимо солдата ему не удалось.

— А ну-ка остановите машину! — распорядился Ватутин. — Спросим, что случилось.

— Товарищ командующий... Неизвестно, что за человек.

— Раз не прячется, значит, свой.

Вася резко остановил вездеход и сразу же схватил автомат, который всегда находился у него под руками.

Ватутин молча ждал, когда солдат подойдет ближе. Но тот не торопился, шел медленно, тяжело и бранился сквозь зубы:

— Собаки!.. Псы черные!.. Чтоб вас в петле задавило!

Увидев машину, солдат примолк и хотел было пройти мимо.

Теперь уже все — и адъютант, и автоматчик, и шофер Вася — ясно видели, что это был свой. Раненный в правую руку, ниже локтя, он, перекинув ремень через голову, повесил винтовку на шею, придерживая ее здоровой рукой.

— Ты, брат, чего бранишься? — спросил его Ватутин.

Солдат остановился, взглядываясь в Ватутина. Уже рассветало, но на лесной дороге, в тени деревьев, было еще совсем темно, и под широким козырьком фуражки трудно различить черты лица. Да к тому же на Ватутине было надето кожаное пальто без погон. Солдат не узнал в нем генерала.

— Толку нет, вот и ругаюсь! — со злостью ответил он. — Выбили нас из деревни фрицы...

— Как же это? — спокойно спросил Ватутин.

— Перехитрили. Стало чуть светлеть, и видим: идут толпой люди, одетые как крестьяне. Бабы детей на руках тащат, кричат: «Не стреляйте! Свои! Враги нас гонят...» — Солдат вдруг замолчал и, исподлобья оглядев сидевших в машине, спросил: — А вы кто такие будете?

— С вами говорит генерал Ватутин, командующий фронтом, — сказал Семенчук. — Рассказывайте все как есть.

Солдат вытянулся, лицо его стало смущенным.

— Простите, товарищ генерал, что ругался...

— Я бы сам ругался, — сказал Ватутин. — Продолжайте. Как же они вас обманули?

Но солдат не торопился с рассказом. Он растерянно топтался на месте, поглядывая на Ватутина из-под густых рыжих бровей.

— Да что же вы? — нетерпеливо проговорил Семенчук. Но солдат, опустив голову, продолжал упорно молчать. Ватутин внимательно взглянул на солдата и спросил:

— Как ваша фамилия?

— Карпов.

— Товарищ Карпов, вы что — не доверяете? Говорите прямо. Не бойтесь!

Карпов поднял голову, сверкнул глазом из-под рыжей брови и вдруг сказал:

— Ежели вы настоящий генерал Ватутин, то разрешите вопрос задать. А без этого рассказывать тут, па дороге, как да что, я и правов-то таких не имею...

— Что же, вам документы, что ли, предъявить? — сердито-насмешливо спросил Семенчук.

— Дорога здесь лесная, — ответил солдат, — вовсе темно... В документах не разберусь, а вот о жизни о вашей, товарищ генерал, знаю...

— Спрашивайте, — сказал Ватутин, — я отвечу.

— Деревню Ольховку помните ай нет?

— Вообще... помню...

— А председателя колхоза в этой деревне как зовут? — продолжал допытываться Карпов.

— Председателя?.. Не знаю. Откуда же мне знать тамошнего председателя? — И Ватутин с недоумением взглянул на солдата.

— Товарищ командующий, а ведь вы, пожалуй, председателя этого помните. — усмехнувшись, заметил Семенчук. — Он еще для конников фураж не подготовил. Неужто не помните?

— Вот точно! — обрадовался Карпов. — Тот самый!.. Кодюшкин! Он у нас в полку разведчиком теперь. Все вспоминает, как его генерал Ватутин ругал. Хочет письмо вам написать, что исправился. Четырнадцать немцев в плен взял...

Голос солдата потеплел. Он снял с шеи ремень, расправил плечи, вытянулся, покрепче прихватил винтовку левой рукой.

— Ну что же, убедились? — скрывая улыбку, спросил Ватутин.

— Так точно, убедился!

— Вот и хорошо. Рассказывайте-ка теперь, как вас фашисты обманули. Да поскорее! Время дорого.

— А тем и перехитрили, что жалость нас разобрала, — сказал солдат. — Командир наш гвардии подполковник Федоренко — может, знаете? — возьми да и прикажи: «Не стрелять по своим, постараться отсечь...»

— Ну и что же?

— Да люди-то, что к нам пришли, оказались фрицы. Только переоделись под наших! — Солдат с досадой стукнул прикладом винтовки оземь. — Жалостью нашей воспользовались! А как приблизились, то вместо детей у них в руках автоматы да гранаты... Не ожидали мы такого оборота. Как раз пулеметы на фланги перетаскивали... — И солдат подавленно замолчал.

Тихо ворча моторами, мимо, к Чижевке, проехало несколько тяжелых машин. Их кузова были плотно укрыты серым брезентом.

— «Катюши»! — радостно воскликнул солдат.

— Поехали, — обратился Ватутин к шоферу. — Прощайте, товарищ Карпов. Скорей идите на перевязочный пункт.

Но солдат почему-то бросился бежать вслед за машинами.

— Куда же вы? — крикнул адъютант.

— В роту! — ответил солдат на бегу.

— Да ведь рану-то перевязать надо!

— Тут больше крови, чем раны! — крикнул Карпов.

Нагнав «катюши», Ватутин подозвал командира, быстро показал ему по карте, где именно занять позиции, а сам решил проехать на передовую.

— Нельзя вам рисковать, товарищ командующий! — с тревогой сказал Семенчук. — Поедьте лучше в штаб дивизии, а я к вам по телефону вызову, кого прикажете.

Но Ватутин покачал головой:

— Нам незачем заезжать в штаб. Командир дивизии сейчас наверняка вместе с командиром полка.

— Так, может быть, товарищ командующий, вы останетесь вот здесь, в ложбине? А я быстро съезжу и привезу командира...

Ватутин посмотрел на адъютанта удивленно и строго.

— Как вы смеете это предлагать? — спросил он. — Разве можно в такую горячую минуту отрываться от руководства боем!

Семенчук промолчал, зная, что с командующим спорить нельзя. Шофер Вася вздохнул, пригнулся к рулю и повел машину к командному пункту полка одному ему известными дорогами. Он ехал по узким тропинкам, извивающимся среди леса, пересекая поляны, канавы, и когда на пути оказалась мелкая речка, то поехал не берегом, а прямо по дну ее, поднимая колесами тучи хо-

лодных брызг. Высокий крутой берег закрывал машину и делал ее невидимой для противника.

Ватутин ничего не указывал, ничего не говорил шоферу. Знал: Вася — мастер своего дела.

Холм, на котором возвышалась Чижовка, был уже совсем рядом. Ватутин видел, что бой там разгорается все сильнее. Один за другим взметнулись к небу яркие столбы пламени. Земля дрогнула раз, другой, третий... И черная тень вражеского самолета пронеслась низко над головой.

— Гитлеровцы бомбят, — сказал адъютант.

Вася попридержал машину в кустах, а когда самолеты скрылись за лесом, быстро пересек широкое поле и въехал в небольшую рощу.

Вдруг на их пути, как из-под земли, вырос часовой.

— Кто едет? Пропуск! — тихо окликнул он.

— Курок, — так же тихо сказал Семенчук.

— Курск, — ответил шепотом часовой.

— Где командир полка?

— Вот тут, в землянке, с командиром дивизии.

Ватутин вышел из машины и направился к землянке, которая виднелась между деревьями. Когда он спускался по ступенькам к сбитой из неструганых досок двери, то услышал знакомый голос начальника штаба дивизии, полковника, который остался за Берегового и теперь исполнял обязанности командира. Голос у него был зычный, и если он кого-нибудь распекал, то становился особенно громким. «Катюша» заиграла!» — посмеиваясь, говорили в таких случаях офицеры.

Сейчас «катюша» играла, и Ватутин слышал все, что кричал начальник штаба:

— Вы подвели весь фронт, подполковник Федоренко! Я уже доложил командующему... Генерал Ватутин знает, что Чижовка наша. Что я теперь ему скажу? Отдали Чижовку! Нет Чижовки!.. Опять надо брать!.. И это называется гвардейский полк! Как вы могли дать себя обмануть?.. Я вас разжалую! Отстраню от командования!..

Ватутин открыл дверь, вошел в землянку. Начальник штаба сидел на скамейке, спиной ко входу, и не видел командующего. Но подполковник Федоренко, стоявший лицом к нему, приложил руку к козырьку фуражки и вытинулся.

— Здравствуйте, товарищи, — спокойно сказал Ватутин.

Начальник штаба вскочил и подошел, чтобы доложить о случившемся ночью.

— Не надо, знаю, — предупредил его Ватутин и, пройдя к столу с картой, опустился на скамейку.

Подполковник Федоренко не спал несколько суток. Лицо его осунулось, кожа туго обтянула выступившие скулы. Непривычно сутулясь, он молча, глядя себе под ноги, слушал полковника, только изредка поднимая на него усталые глаза. Глина облепила его полевую сумку, футляр бинокля, кусками присохла к рукавам шинели.

Начальник штаба был небольшого роста и рядом с высоким, широким в плечах Федоренко казался совсем щуплым. Было странно, что этот маленький человек может так громко кричать.

— Ну, товарищи, — обратился к ним Ватутин, — докладывайте, как вы думаете отбить Чижевку.

Федоренко молчал.

— Разрешите, товарищ командующий!.. — Начальник штаба провел языком по губам, пересохшим от крика. — Я предлагаю отстранить подполковника Федоренко и передать командование майору Антонову. Это решительный человек. Он немедленно поведет полк в атаку и выбьет врага...

— Понятно... — Ватутин помолчал. — А вы что думаете, подполковник Федоренко?

Федоренко на мгновение поднял голову.

— Люди очень устали, товарищ командующий, — сказал он тихо.

— Устали, говорите?.. — Ватутин потер лоб рукой. — Стало быть, так... Предложение полковника в общем считаю правильным. С небольшими коррективами... Подполковник Федоренко!

Федоренко сдвинул каблуки и выпрямился, готовый ко всему.

Ватутин поглядел на него, чуть прищурясь:

— Идите в свой полк, товарищ Федоренко, и готовьте его к новому штурму. Да смотрите, хорошенько накормите людей! Ровно в шесть надо начать наступление и к восьми Чижевку занять. Нельзя дать врагу закрепиться снова. Понятно?

— Понятно, товарищ командующий, — ответил подполковник.

— Ступайте!

Федоренко повернулся и направился к двери.

— Подождите, — остановил его Ватутин. — Скажите гвардейцам, что командование придало им в помощь дивизион «катюш». А если будет нужно, дадим и самолеты.

Неожиданная улыбка блеснула в глазах Федоренко.

— Не давайте больше врагу провести себя, — продолжал Ватутин, подходя к нему. — Я помню, как вы дрались под Коротояком, и верю: приказ вы выполните!

Федоренко поднял руку, чтобы козырнуть, но не донес ее до фуражки. Его большая, перепачканная глиной рука крепко ухватилась за ремни портупеи на груди.

— Товарищ командующий!.. — заговорил он. — Товарищ командующий... — Но так и не кончил фразы, козырнул и быстро выбежал из блиндажа.

Ватутин и начальник штаба остались одни.

Командующий сел, а полковник встал так, как недавно стоял перед ним подполковник Федоренко.

— Товарищ гвардии полковник, — сказал Ватутин, — я слышал, как вы здесь кричали на Федоренко... Нехорошо! Как бы вы, товарищ полковник, поступили на его месте сами, если бы увидели, что на ваши позиции гонят мирных людей? — Ватутин замолчал, пристально вглядываясь в полковника.

Тот медлил с ответом — вопрос Ватутина застал его врасплох.

— Вот видите, — продолжал Ватутин, — и вы задумались. А пока вы думаете, гитлеровцы уже бросились в атаку и, может быть, вас смяли... Нет, не в том вина подполковника Федоренко, что он не разгадал замысла врага, а в том, что не предусмотрел его и не подготовил своих солдат. Но ведь не он один грешен! Я знаю начальника штаба дивизии, исполняющего обязанности командира, который тоже не предусмотрел этого и не подготовил к такой возможности своих офицеров... — Приподняв одну бровь, Ватутин искоса поглядел на полковника. — Гитлеровцы знают, что самым дорогим для каждого нашего солдата и офицера является жизнь советских людей, — опять заговорил он. — И они решили использовать это. Федоренко и все гвардейцы думали, что фашисты гонят на верную смерть мирных граждан, и хотели их спасти. Это было делом их чести — чести гвардейцев... Да, Федоренко, конечно, допустил ошибку, но это не значит, что он плохой командир. Неудачи учат! И, я думаю, урок не

пропадет даром... А вам, товарищ полковник, надо лучше знать своих офицеров и работать с ними.

Полковник смущенно развел руками.

Ватутин поднялся.

— Ну, давайте проверим, как полк готовится к наступлению, — сказал он полковнику и вышел из землянки.

Стекла полевого бинокля приблизили к его глазам холм, на котором не было места, где бы не чернела воронка от бомбы или снаряда, где бы не торчал обломок вырванного взрывом столба. Не видно ни одного человека. Весь полк зарылся в землю, ожидая приказа к штурму. И только на одном из склонов Ватутин разглядел троицу бойцов, несущих миномет, да в другом месте двоих. Эти ползком тащили ящики с патронами. Зато в роще было оживленно: артиллеристы устанавливали орудия на новые позиции, наводя их на вершину холма; над походной кухней вился голубой дымок, и, размахивая котелками, солдаты бежали за завтраком.

Без четверти шесть Федоренко доложил, что к штурму готовы: гвардейцы накормлены, патроны розданы, «катюши» установлены и только ждут команды, чтобы дать залп.

И вот ровно в шесть часов утра «катюши» ударили. Залп обрушился на вершину холма — туда, где виднелся дот. Взлетел яркий сноп пламени, и весь холм содрогнулся от взрыва. За первым залпом последовал второй, за вторым — третий...

— Ну как, подполковник? — спросил Ватутин по телефону. — Гвардейцы помощь чувствуют?

— Спасибо, товарищ командующий! — оживленно ответил Федоренко. — Теперь-то уж мы будем в Чижевке, хоть противник и бросил против нас свежий полк.

Ватутин уже хотел уйти с наблюдательного пункта, как полковник доложил ему:

— Товарищ командующий, а ведь гитлеровцы устраивают новую провокацию.

— Что такое? Какую еще?

— Опять гражданских людей на наши позиции гонят.

— И опять переодетые солдаты?

— Не похоже. Наверное, жители Чижевки. Взгляните сами...

Ватутин посмотрел в бинокль. По склону холма спу-

скалась толпа женщин, детей, стариков. Они медленно брели к позициям гвардейцев, а за ними крались фашистские солдаты.

— Опять та же история повторяется, — сказал полковник.

— Та же, да не та, — ответил Ватутин. — Днем они решили к маскарэду не прибегать... Ну, что думаете делать?

— Постараться пулеметным огнем с флангов отсечь жителей от фашистов.

— Правильно! Но это надо делать очень осторожно, чтобы не попасть в своих.

Вдруг поблизости из кустов выбежали несколько бойцов. Они тащили пулемет. Среди них Ватутин заметил и давешнего Карпова: здоровой рукой он нес патронные диски. Увидев командующего, солдат приостановился.

— Куда вы? — спросил их полковник.

— В обход идем — с фланга немца отшибать, — пояснил Карпов.

— Ну а как он вас опять в это время с позиций собьет? — спросил Ватутин.

— Не собьет, товарищ генерал! У нас теперь на переднем крае подполковник снайперов поставил, они врагов на выбор бьют, где только покажутся... Да и мы быстрее двигаемся. Ученые!..

Солдаты ушли, а Ватутин спустился в блиндаж и в смотровую щель стал наблюдать, что происходит на позициях. Было совсем тихо. Гвардейцы не стреляли, боясь попасть в своих. Вражеские солдаты по-прежнему крались за толпой, которая продолжала медленно спускаться по склону холма.

Но вот откуда-то с боков застрочили пулеметы. и в ту же секунду гвардейцы, приподнявшись из окопов, стали кричать толпе:

— Сюда! К нам! К нам! Бегите!.. Скорее!..

Передние ряды толпы побежали, за ними следующие, и через несколько мгновений женщины, старики и дети потоком устремились к позициям гвардейцев.

Женщины кричали:

— Спасите! Не стреляйте! Мы свои! Свои!..

А снайперы быстро и точно делали свое тонкое дело, целясь в эсэсовцев, которые все же старались спрятаться за женщинами.

Эсэсовцы — их было больше батальона — не смогли прорваться вперед; теперь справа и слева по ним били пулеметчики.

— Товарищ командующий, поедемте! — сказал Семенчук.

— Теперь, пожалуй, можно, — согласился Ватутин.

Когда его вездеход выехал из рощи, он оглянулся на холм и увидел, что гвардейцы поднялись в атаку.

Но он не остановил шофера. Он был убежден, что на этот раз гитлеровцы безвозвратно потеряли Чижовку.



Стояли теплые, погожие дни. Снег в степи искрился и голубел, а на дорогах разливались озерки, и талый снег был серым, ноздреватым.

Ватутин обдумывал, как проехать на Обоянь. Пожалуй, без особых задержек можно будет добраться по старым шляхам — там нет большого движения.

Его глаза потеплели. Он смотрел на едва заметные черточки, обозначающие на карте холмы, речку, лес, на тонкую темную линию шляха и на коротенькую цепочку мелких букв, складывающихся в знакомое слово — Чепухино. Как давно он не был дома!..

Когда немцы приближались к деревне, его мать и сестры с сельскими активистами пытались уехать на попутном военном грузовике. Но гитлеровцы опередили их, и Ватутины оказались отрезанными от Красной Армии.

Шофер поджег машину и пошел на Россoshь, надеясь пробраться в свою часть. С ним ушли и активисты. Старуха, Вере Ефимовне Ватутиной, не под силу был такой переход, а дочери не решались оставить ее одну, и все четверо вернулись домой.

Об этом Ватутин знал из письма, которое получил от младшей сестры Лены вскоре после освобождения родных мест.

Лена писала также о том, что немцы долго не знали, что они доводятся родными генералу Ватутину. Но среди односельчан нашелся предатель, Василий Балашов, в прошлом кулак и вор, сидевший до войны в тюрьме за кражу. Он пошел на службу к врагу, выдал председателя колхоза. И гестаповцы его расстреляли. Балашов же предал и семью Ватутиных.

Узнав, кто такие Ватутины, гестапо решило учинить над семьей расправу, и не только над матерью и сестра-

ми, но и над дальними их родственниками, которых было много — чуть ли не половина деревни.

Фашистский ефрейтор, которого водил по деревне Василий Балашов, составлял списки всех Ватутиных.

Что их ждало — никто не знал, но на хорошее надеяться не приходилось.

Под смертным страхом прожили все ватутинские несколько дней. Днем никому не работалось, а ночью не спалось. Каждую минуту ждали расправы. И вдруг советские войска неожиданным ударом вышибли из деревни врага.

Это произошло так стремительно, так внезапно, что немцы и опомниться не успели. Домá остались несожженными, люди живыми.

Вот оно, родное Чепухино! Меловые горы блестят на солнце, уходя волнистой грядой вдаль. За ними виден лес, в котором Ватутин так часто бывал в детстве. Речка Палатовка еще покрыта тонкой коркой льда, но вода уже размывла полыньи. А за речкой простираются далекие луга. Как хорошо вернуться на родину!

Деревня растянулась километра на два. Машина бежит между рядами редко стоящих друг от друга хат, и, всматриваясь в них, Ватутин вспоминает, кто где жил во времена его детства.

Каждый дом, каждое деревце ему знакомы, по-родному милы. Опустела, притихла деревня, мало народу на ее широкой улице. И дома подались, осели, сгорбились. Давно здесь никто ничего не чинил, не строил. Не до того было!

Посередине дороги шел старик с доской на плече. Он деловито шагал, не обращая внимания на сигнализировавшую машину. И только когда вездеход совсем уже приблизился и шофер стал тормозить, спокойно посторонился.

Ватутин внимательно посмотрел на старика. Кто же это? Знакомая походка и лицо знакомое. Да, никак, это Тимофей Ананьевич, сосед! Ватутин помахал ему рукой, но Тимофей не понял, чего это незнакомый генерал машет ему, продолжал шагать дальше, покуривая козью ножку.

А вот и ватутинский дом. Он все такой же, только постарел, стал как будто меньше, темнее. Ватутин при-

стально вглядывался в окно, не покажется ли там мать. За частым переплетом рамы мелькнули чей-то платок, лоб, глаза. Но чьи — он не разобрал.

— Сюда, во двор! — сказал Ватутин шоферу.

По-молодому быстро он выскочил из машины и пошел к крыльцу. Увидев остановившийся вездеход, все, кто был дома, выбежали навстречу. Мать и сестры удивленно глядели на военного, который, улыбаясь, шел к ним.

И вдруг руки матери на мгновение приподнялись и сразу же упали.

— Коля! — тихо воскликнула Вера Ефимовна, и слезы потекли у нее по щекам. — Сынок! Коленька!

Ватутин обнял ее, стал целовать.

— Здравствуй, мама! Встречай гостя! Сестренки!

Вера Ефимовна не отпускала его, припала к сыновней шинели и никак не могла остановить слезы. Сын гладил ее платок, волосы, выбившиеся из-под платка.

— Ну что ты, мама! — говорил он. — Чего же ты? Вот я и приехал! Ну, пойдем, пойдем!

С нежностью, счастливый тем, что все они живы, уцелели, Ватутин поцеловал сестер и переступил через порог, расстегивая на ходу шинель.

Его сразу охватило уютом обжитого крестьянского дома, вспомнилось детство.

Повесив шинель на тот же гвоздь, на который вешал когда-то свое детское пальтишко, он огляделся.

Вещи, казалось, приветливо здоровались с ним. «Здравствуй, Николай! — говорил старый, прихрамывающий на одну ногу стол. — На мне еще не зажили метки от твоего перочинного ножика...» — «Здорóво, хозяин! — поблескивал своим лезвием гопор, лежавший на лавке в углу. — Помнишь, как ты мною колол дрова? Я хотя и стар, а еще служу». Со стен смотрели на Николая выцветшие карточки давно умерших старого деда и отца. Почти все осталось таким же, каким было много лет назад, когда он покинул этот дом, но зато как круто переменилась его судьба!

Дед Ватутина был человек трудолюбивый, но суровый. Вся семья — сыновья с женами, дочери с мужьями и белоголовые внуки побаивались старика.

Рано начинался день в ватутинском доме, и поздно приходила сюда ночь. А жилось скудно, тесно. В доме не было лишнего куска хлеба, лишней копейки. Да и не

мудрено: землю арендовали у соседней помещицы Плесковихи, а своей земли было столько, что и курице негде разгуляться.

В этой семье, насчитывающей двадцать пять душ, в декабре 1901 года и родился Николай Ватутин.

Ему еще не исполнилось семи лет, а дед уже смотрел на него как на работника.

Но мальчика тянула к себе сельская школа, которая стояла посередине деревни, рядом с хлебными амбарами.

Сюда ходил учиться старший брат, и Николай каждый день поджидал его дома, чтобы под вечер примоститься у чисто выскобленного стола и, подперев кулаками щеки, смотреть, как тот выводит в тетрадке буквы и цифры.

Когда пришла Николкина очередь переступить порог школы, он уже знал грамоту — прочел букварь от корки до корки — и считать умел не хуже брата, принесшего домой бумагу с печатью об окончании сельской школы.

Первые годы ученья промелькнули для Николая быстро. Многие его товарищи едва еще успели за это время научиться читать по складам и кое-как считать да подписывать свою фамилию, а он уже был знаком с толстыми книгами, которые ему давали учителя. Писал он толково, правильно и чисто, и соседи нередко заходили к Ватутиным, чтобы мальчик сочинил для них просьбу, письмо или жалобу.

Школу в Чепухине Николай окончил успешно.

Дед был доволен, однако же дальнейшую судьбу мальчика захотел решить по-своему. Посмотрев выданную школой бумагу, сказал:

— Ну и ладно! Теперь, брат, за работу берись, а книжки побоку!

До сих пор Ватутин помнит, как тогда он забрался в старую телегу, что стояла в углу двора, и, уткнувшись в колючую, прелую солому, плакал тяжело, горько, неумно.

Он и на ночь остался в телеге. Мать, вздыхая, прикрыла его старым тулупом.

Неизвестно, как дошла до школы весть о горе мальчика — соседские ли ребята разболтали, рассказал ли старший брат или сама Вера Ефимовна, но только к вечеру на ватутинский двор заглянул сельский учитель.

Он уселся против деда, чинившего под окном сброу:

— Пришел я к вам не по делу, да и не без дела. Хочу про внука вашего рассказать.

Учитель долго говорил, горячо, торопливо, и старик с невольной гордостью слушал его, поглаживая бороду темными морщинистыми пальцами. В конце концов он сдался.

— Да не враг же я ему, — сказал он о внуке. — Коли уж такой головастый, пусть обучается. Хоть один ватутинский в ученые выйдет! — Раскрыв дверь в сени, старик громко крикнул: — Колюнька, вылазь! По-твоему решаем.

Осенью Николай уехал в Валуйки.

Нелегко досталась мальчику возможность учиться дальше. Зато когда через год он вернулся домой и показывал своему прежнему учителю список прочитанных за это время книг, тетради по математике, записки по истории, тот уже не пошел убеждать старика Ватутина, а поехал в городок Уразово и добился от земства для своего ученика небольшой стипендии и места в интернате коммерческого училища.

Здесь, в Уразове, и застала Николая Ватутина Великая Октябрьская социалистическая революция.

Наступило трудное, грозное время. Нужно было защищать добытую свободу от многочисленных врагов, которые хотели задуть революцию, и едва Ватутину минуло девятнадцать лет, как он ушел добровольцем в Красную Армию. Давно все это было, а в памяти все еще живут многие эпизоды, многие встречи...

— Ну, рассказывай, мама, как живешь? — спросил Ватутин.

Мать хотела ответить, но ничего не сказала, только всхлипнула и снова припала к сыну.

— Что же ты опять? Ведь я с тобой. Видишь, жив, здоров. А ты все плачешь!

— Натерпелись мы много, Николай, — заметила Лена. — Думали, никогда уж нам тебя не увидеть.

— Устал ты, наверно, Коленька. Садись покушай с дороги, — утирая глаза, сказала Вера Ефимовна и стала собирать на стол. — Только прости, угощу чем бог послал.

— Нет уж, мама! — остановил ее Ватутин. — Меня ты угостишь после войны — таких пирогов напечешь! А нынче я у тебя нежданный гость. Как говорится — нечаянный, негаданный. Так уж позволь мне угощать. Ладно?

Семенчук тут же вышел к машине и вернулся со свертком дорожной снеди.

Ватутин скинул с себя китель, вышел в сени умыться.

А по деревне уже прошел слух о его приезде. Со всех сторон к дому Ватутиных шли люди, чтобы взглянуть на земляка, поздороваться с ним, побеседовать.

Не прошло и десяти минут, как дом стал наполняться гостями.

Ватутин едва успевал пожимать руки, здороваться, отвечать на слова приветов.

Пришел, протиснулся сквозь толпу и встреченный на дороге дед Тимофей. Старик так торопился сюда, что совсем запыхался. Услышав, что в деревне Ватутин, генерал, он сразу же сообразил, кто окликал его из машины.

— Дайте же, соседи, и мне на него посмотреть, — говорил теперь он. — А я-то думаю, что за генерал катит!

— Здравóво, Тимофей Ананьевич! — запросто сказал Ватутин.

— А что ж, здорóво! — ответил старик, подходя к Ватутину. — Вот теперь я вижу: значит, это генерал от инфантерии.

Ватутин обнял Тимофея и поцеловал.

— Садись за стол, Тимофей Ананьевич. Выпей чашечку!

— Это мы можем... Вполне... С возвращением... А ордена где? — спросил старик, придирчиво осматривая генеральский китель, на котором не было орденов.

Ватутин улыбнулся, а Вера Ефимовна, обиженная за сына, обрушилась на Тимофея:

— Что ж ты думаешь, у него орденов нет? Да у него, может, одинх медалей три ряда!..

— Полно, мама... — продолжая улыбаться, успокаивал ее Ватутин. — Я, Тимофей Ананьевич, только на парадном мундире ордена ношу. А сейчас война... Вот победим, тогда на праздник к вам и приеду со всеми орденами... Пей, Ананьевич, да закусывай. Я тебе еще налью.

Вокруг засмеялись:

— Тимофей на слово не верит... На зубок хочет ордена попробовать!

— Угощайтесь, угощайтесь! — звал к столу гостей Ватутин. — Кто там у дверей, подходите ближе, садитесь!..

— А ты со мной выпьешь, Николай Федорович? — спросил Тимофей Ананьевич.

Соседи, поначалу немного смущенные — хоть и свой человек, из одной деревни, да как-никак, а генерал, надо

соблюдать уважение — постепенно освоились, стали веселее и проще.

Заговорили о колхозных делах. И Ватутин подробно стал расспрашивать, сколько лошадей и коров осталось. много ли домов разрушено, кто ранен, кто убит, что пишут земляки с фронта, что думают теперь колхозники делать, как будут восстанавливать хозяйство, чем засеют поля, хватит ли до нового урожая картошки.

Беседа затянулась. Вера Ефимовна ревниво поглядывала на соседей, окруживших сына, и шептала Лене:

— Что за народ такой! С сыном не дадут поговорить! Так бы сейчас всех по домам и разогнала.

Ватутин услышал, ласково посмотрел на мать, прислонившуюся к печке. И она сразу утешилась: стало быть, помнит о ней, хотя и говорит с другими. Слезы горделивой радости заволокли ее глаза. Вот ведь полный дом людей, и все пришли к ее сыну, а он такой сильный, молодой, объясняет им все толково.

— Ты скажи, Николай Федорович, только правду, — спросила молодая колхозница: она стояла у притолоки, тербя уголок белого платка, — а сюда, к нам, немцы еще могут прийти?

— Они сюда уже никогда не придут! — решительно заверил ее Ватутин. — Живите спокойно.

Тимофей Ананьевич втихомолку опрокинул в рот еще рюмочку, отправил вдогонку кружок колбасы и решил порассуждать.

— Вот погляжу я на тебя, Николай Федорович, — начал он, — генерал с погонами! А вот я в русско-японскую воевал. Тоже был у нас генерал, так его «ваше высочайшее превосходительство» звали, и у него пять поместьев было и три дворца. А у тебя дворец так дворец! — и Тимофей весело развел руками.

Ватутин засмеялся, хлопнул старика по плечу:

— Что ж, значит, я генерал не настоящий?

— Нет, ты наш генерал, настоящий. Только вот в старое-то время разве генерал со мной за одним столом сидел? Да если бы генерал в мою хату вошел, я бы со страху под амбар залез. Ей-бо! Помню, в русско-японскую послал меня поручик Елисатов за водкой в офицерское собрание. Бегу сломя голову: потому строгий поручик был. Вдруг слышу — рычит кто-то у меня за спиной: «Стой, чертов сын!» Остановился. Вижу: подходит гене-

рал пьяненький, еле на ногах стоит. Таращит на меня глазища: «Вот как ты, прохвост, царю и отечеству служишь?..» Молчу, а сам чую — пропал! «Какой роты, какого полка?» Отвечаю. «Что хочешь: по морде или на губвахту на пять суток? Выбирай, чертов сын!» Стою, а в голове рассуждение. «Ежели по морде, — думаю, — то в роте не надо докладывать, а если арест получу, то еще в роте добавят». «По морде, — говорю, — ваше превосходительство». Он как развернулся, хрясть меня вот сюда, в переносье, ажно искры у меня из глаз посыпались. Я стою, моргаю, а он засмеялся и пошел себе дальше. За что он мне двинул, до сих пор не знаю. Такой почтенный был генерал царской службы! — Тимофей налил себе еще рюмочку. — А ты — наш генерал! — заключил он с убеждением. — Мы тебя признаем. Только ты своих земляков не забывай, колхозу нашему помоги.

— Молчи, Анапьевич! — набросились на старика со всех сторон. — Совсем совесть потерял. Не слушай его, Николай Федорович! У тебя своих дел много.

— Как не слушать, коли он правду говорит, — улыбаясь, сказал Ватутин. — Уж если генерал свой, то и должен колхозу пользу приносить. Тут не поспоришь. Помогу, дед Тимофей, обязательно помогу. — Ватутин встал. — Ну, друзья, надо мне собираться в дорогу.

— Возьми, Николай Федорович, и меня с собой, — сказал дед Тимофей. — Я еще повоюю. Я старый солдат. В русско-японскую...

— Сиди-ка ты дома, старина, колхозу ты человек пужный. Скоро сеять надо. Повоюй лучше за урожай, а на фронте вместо тебя мы повоюем.

Ватутин подошел к матери и обнял ее.

— Ну, прощай, мама! Пора ехать.

Провожать Ватутина вышли все, кто был в доме. Он пожал десятки протянутых к нему рук, поцеловал на прощанье мать и сестер, сел в машину.

Вездеход медленно покатил вдоль деревни. Вот уж он за околицей и помчался полем, на котором чернела бархатистыми пятнами и дышала под солнечными лучами пробившаяся из-под снега земля.

Ватутин сидел молча. Он увозил в своем сердце радость встречи с матерью, с односельчанами, тепло родного дома.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ЛЕТО

1



В это майское утро, когда солнце после нескольких дождливых дней наконец согрело землю, весна тихо ушла, оставив на память о себе молодую листву на деревьях, свежую густую траву и еще не просохшие дороги. Наступило лето. Оно тоже пришло незаметно и сразу же принялось за дело, начатое весной...

Ватутин распахнул окошко, глубоко вдохнул свежий воздух и вернулся к столу. Но и за столом ему не сиделось; он вновь подошел к раскрытому окну и молча глядел на далекие поля, покрытые зеленью всходов.

Вот уже две недели его не покидало дурное настроение. Ставка не утвердила его плана. Даже больше — сказали, что он не учитывает реальной обстановки, его действия, если с ними согласиться, скорее приведут к поражению, нежели к победе.

А дело было в том, что гитлеровское командование, стремясь взять реванш за Сталинград, начало сосредоточивать крупные силы, располагая их большими группировками на севере у Орла и на юге — близ Харькова и Белгорода. От Орла враг мог нанести удар в сторону Москвы, в то время как южная его группировка под Харьковом заслоном стояла на пути наших частей, мешая им наступать на юг и на юго-запад, по направлению Донбасса и Левобережной Украины. Фронт от Орла и до Харькова был круто изогнут, выдавался далеко на запад и в истории получил название Курской дуги. Обороняли северную часть этой дуги наши войска Центрального фронта, которым командовал Рокоссовский, а южную — Воронежский фронт, куда вскоре после окончания Сталинградской битвы Ставка вновь направила Ватутина.

Захваченный недавними событиями, Ватутин хотел как можно скорее поднять свои армии на новое наступ-

ление, чтобы при помощи Степного фронта, расположенного в тылу Воронежского, внезапным ударом на Белгород и Харьков разгромить вражеские соединения.

Весной наше командование тоже считало возможным осуществить крупные операции по разгрому гомельской и харьковской группировок противника, форсировать Днепр и приступить к освобождению Донбасса и Белоруссии. Ватутин и Рокоссовский даже начали готовить эти операции, но выяснилось, что гитлеровцы перебрасывают под Орел и Харьков большое количество новых дивизий, намереваясь размолоть войска Красной Армии на Курской дуге.

Обстановка менялась, и Ставка учла это. Было решено на Курской дуге перейти к жесткой обороне и, прежде чем начать развернутое наступление, измотать вражеские группировки. Для этого Воронежский и Центральный фронты пока должны были в ежедневной упорной обороне вести борьбу за каждый клочок земли, а соседние с ними — Брянский фронт и Западный на севере и Юго-Западный на юге — быть готовыми действовать более решительно. Позади Воронежского и Центрального фронтов размещался еще один фронт — Степной. Ему была поставлена задача помогать своими силами там, где это будет остро необходимо.

В период наступления этих шести фронтов остальные войска — от Белого моря и до Черного — также должны были активизироваться, чтобы не дать гитлеровскому командованию снимать оттуда воинские части и перебрасывать их туда, где развернутся генеральные бои.

Таков был замысел командования. А Ватутин хотел немедленно нанести удар по врагу, рассчитывая сразу же смешать все его планы...

Счастливым, полный надежд, летел он на самолете в Москву. Недавно отгремевшая Сталинградская битва, в которой стремительность и внезапность ударов привели к победе, казалась ему лучшим доказательством того, что он прав. Он не сомневался, что получит поддержку, что ему скажут: «Действуй, Ватутин! Желаем удачи!» Но все получилось не так. План его был отклонен, признан ненадежным, рискованным.

Не то чтобы проект Ватутина не содержал в себе здоровой и реальной идеи, просто автор не учел всего, что было известно Ставке. Гитлеровское командование, поль-

зуюсь отсутствием второго фронта в Европе, стянуло на Курский выступ огромное количество войск. К весне 1943 года на Восточном фронте насчитывалось двести пятьдесят семь хорошо вооруженных вражеских дивизий — почти на сто дивизий больше, чем их участвовало в первом наступлении на нашу страну в начале войны. Было очевидно, что противник готов идти на любые потери, лишь бы этим летом одержать победу. Заводы Круппа выпустили новые мощные танки — «тигры», «пантеры», самоходное орудие «Фердинанд». На вооружении гитлеровской армии появился также фауст-патрон, который применялся против танков.

Кроме того, было и еще одно важное обстоятельство, которое учло Верховное Командование и не учел Ватутин. В 1941 году гитлеровцы наступали по всему фронту от севера до юга, тогда как теперь, летом 1943 года, готовились наступать на участках, измеряющихся лишь десятками километров. А это значило, что удар будет необычайно сплывный. Можно было принять предложение Ватутина, нанести, говоря военным языком, упреждающий удар, можно было и добиться победы, но какой ценой? Ценой огромных человеческих жертв и огромных потерь в военной технике.

Когда Ватутин поостыл, он сам понял, что был не прав. В конце концов, план, в котором сказалось присущее Ватутину желание действовать, наступать на противника в любой, даже самой сложной обстановке, находился в противоречии с его же собственным постоянным стремлением добиваться победы с наименьшими потерями. Он увлекся, думал только о своем участке фронта и забыл, что кроме наступления есть еще и другие, не менее могучие формы борьбы. И применять их надо так же искусно и смело, как и наступление.

Эта неудача с планом заставила его серьезно поразмыслить. Много он пережил, многое испытал, многому научился, но, видимо, главное всегда впереди. Опыт прошлого важен, но не менее важно учитывать, что требует нынешний и что потребует завтрашний день.

Ну что ж, за работу! Сегодня он обещал приехать в армию Чистякова, там проводятся совместные учения пехоты и танкистов.

Ватутин взглянул на часы и тряхнул головой, прогоняя беспокойные мысли.

Пора! Надо ехать!..

На пыльной деревенской улице его уже поджидала машина.

2

Рокоча моторами, танки выползали из-за рощи и, поднимая рожь, самосевом покрывшую поле, двинулись к широкому крутому холму, у вершины которого проходила причудливо изогнутая линия окопов, пулеметных гнезд, траншей.

Ватутин с опушки рощи наблюдал в бинокль за учебной атакой и изредка обменивался впечатлениями с окружавшими его генералами.

Командующий гвардейской армией генерал-лейтенант Иван Михайлович Чистяков, широкоплечий, осанистый и совсем еще молодой, внимательно и спокойно, почти не прибегая к биноклю, тоже следил за атакой. Время от времени он одобрительно покачивал головой, как будто хотел сказать: «Так! Именно так! Славно!..».

Сдвинув брови и сжав кулаки, смотрел на свои машины командующий танковым соединением генерал Катукوف. Невдалеке от него, в развилке старого дерева, приютился радист с небольшой радиостанцией. Пользуясь условным кодом, он по радио передавал распоряжения Катукова танкистам. А генерал-майор Ястребов, командир той самой стрелковой дивизии, окопы которой штурмовали сейчас танки, ревниво и настороженно прислушивался к распоряжениям Катукова. Лицо Ястребова, худощавое и коричневое от загара, пересеченное от виска к подбородку глубоким белым шрамом (след осколка, ранившего его под Брестом в памятное воскресное утро 22 июня), выражало то тревогу, то радость, то досаду.

Ватутин заметил это. Он повернулся к Ястребову и, шурясь от солнца, сказал:

— Волнуетесь, генерал! Напрасно. Такую-то атаку ваши ребята наверняка отразят. Смотрите-ка, смотрите: с гранатами ползут, пушки выкатывают. Вот это правильно! Жаль только, что немножко поздновато. Необходимо больше учить их взаимопомощи, чувству локтя! — И тут же весело, дружески кивнул генералу танкистов: — Десятка машин у тебя действительно недостает. Согласен!

— Да, да, — оговзвался Катуков, наблюдая за учебным боем. — Нелегко бы пришлось моим, будь это настоящие гранаты.

— В этой дивизии есть такие специалисты! — сказал Ватутин. — По десяти танков на текущем счету имеют.

Ястребов невольно улыбнулся. Было приятно, что командующий фронтом хвалит его людей, приятно и то, что эту похвалу слышит командующий армией.

Танки кружились вокруг окопов, то наезжая на них, то отступая. У танкистов это называлось обкатывать пехоту: приучить не бояться танков, тренировать их в отражении танковых атак.

Ватутин взглянул на часы.

— Пожалуй, восьми атак за день хватит, — проговорил он. — Людям пора обедать. Товарищ Катуков, давайте отбой! Товарищ Ястребов, вы тоже сделайте все распоряжения, а потом приходите с начальником штаба. Будьте готовы доложить, как у вас организована оборона дивизии. Подумаем, посоветуемся.

Радист передал в микрофон команду, и тотчас танки на холме начали разворачиваться и сползать с окопов.

Ватутин прошелся, разминая затекшие ноги, расстегнул на груди китель.

— Жарко! — заметил он. — Танкистов, должно быть, здорово припекает.

— Да, в танке сейчас хоть чайник кипятит, — откликнулся Катуков.

Прошли колонной машины с открытыми люками. Танкисты, сняв шлемы, высунулись из люков: подставляли себя ветру. Затем показалась артиллерийская батарея. Несколько грузовых машин везли на прицепах зачехленные пушки. Сидевшие в грузовиках артиллеристы с интересом рассматривали генералов на обочине дороги.

Один из артиллеристов, молодой парень, примостившийся на борту грузовика, перегнулся через кузов, чтобы получше разглядеть начальников. И надо же было случиться несчастью — уронил каску; сверкнув в лучах солнца и несколько раз перевернувшись, она упала в траву, к ногам генералов.

Кто-то застучал о крышку кабины шофера. Машина, проехав метров пятнадцать, затормозила, но виновник задержки не решился спрыгнуть на дорогу: его охватила оторопь.

Из кабины, приоткрыв дверцу, высунулся лейтенант и сердито спросил:

— В чем дело?

— Сержант Курбатов каску потерял! — ответил то-то.

Лейтенант рассердился.

— Растяпа! — ругнулся он. — Вылезай скорее!.. А ну, бегом!

Курбатов вздохнул, беспомощно глянул на сидящих рядом солдат и, поняв, что положение безвыходное, перемахнул через борт машины.

В машине примолкли, ожидая, как развернутся события. А каску Курбатова уже поднял невысокий генерал и, рассматривая ее, о чем-то весело говорил с командующим армией.

Курбатов быстро оправил на животе ремennую пряжку, одернул гимнастерку и нерешительно направился к генералам, считая уже совершенно невозможным бежать к ним, как это приказывал лейтенант.

Курбатова так и подмывало приложить руку к пилотке, но все же он этого не сделал, может быть, просто не успел. Генерал, который поднял каску, неторопливо шел к нему навстречу.

— Чего же это вы, товарищ сержант, казенное имущество разбрасываете? — сказал он, усмехаясь. — А ремешок для чего?.. Забыли?..

Курбатов остановился. И вдруг с веселостью, какая появляется у людей в минуту крайнего возбуждения, сказал:

— Это, товарищ генерал, я отметил рубеж, за который отходить уж никак не буду.

— А собирался?

— Да всяко на войне бывает. И отходили. А вот сейчас решил: если уж очень поднажмут, до каски дойду, а дальше ни шагу.

Ватутин покачал головой:

— Ты, сержант, вижу, хитер! Как фамилия?

— Курбатов, товарищ генерал.

— Бери свою каску, товарищ Курбатов, и покрепче носи ее, чтобы голова целее была. Да думай, как идти вперед, а не назад! Понял?

— Понял, товарищ генерал!

— Ну, беги, товарищи-то ждут.

Курбатов надел каску и, быстро повернувшись, побежал к машине, забыв даже проститься с генералом.

С машины навстречу ему протянулось сразу с десяток рук, и в одно мгновение сержант оказался на борту, рядом со своим дружкой Морозом.

Его стали расспрашивать, о чем с ним говорил генерал, но Курбатов отмалчивался, подставляя лицо теплому ветру.

3

Начальник разведки генерал Виноградов положил на стол перед Ватутиным последнюю разведсводку и, отступив на шаг, ждал вопросов командующего.

Ватутин прочитал сводку, подчеркнул некоторые строчки и откинулся к спинке стула.

— Садитесь, товарищ Виноградов, — предложил он.

Генерал подсел к столу. Его худощавое, с острым профилем лицо было сосредоточенно. Раскрыв тонкую синюю папку, он вынул бумаги и стал их перелистывать.

— Значит, вы считаете, товарищ Виноградов, что немцы могут ночью атаковать нас? — спокойно спросил Ватутин.

— Для этого есть данные, товарищ командующий.

— Давайте взвесим их. Я вас слушаю.

— Как вы помните, товарищ командующий, — начал Виноградов, — вчера на участке дивизии генерала Ястребова разведчики в ночном поиске добыли «языка» — ефрейтора Курта Верке. Пленный показал, что в его части фортификационные работы прекращены. Фашистские офицеры разъяснили солдатам, что в ближайшие дни начнется наступление и укреплять оборону нет необходимости.

— Так! — внимательно слушая, произнес Ватутин.

— Это же подтверждено и словенцами, перебежавшими на нашу сторону из семьдесят восьмой немецкой пштурмовой дивизии.

— Кстати, очень показательно, — перебил Ватутин, — гитлеровское командование уже посылает против нас словенцев, которым оно не очень-то доверяет и которых мобилизовали насильно. Стало быть, приходится туго. Ну, дальше...

— За последние два дня наша авиаразведка отмечает, что передвижения войск в глубоком тылу противника к

фронту значительно уменьшились. Не свидетельствует ли это, что немецкое командование в основном закончило перегруппировку, предшествующую наступлению...

— Дальше!

— И наконец, последние данные, товарищ командующий. Сегодня утром немецкое командование отдало приказ полностью заправить горючим баки танков и автомашин.

Ватутин спросил:

— Все?

— Все, товарищ командующий. — Генерал вложил бумаги в папку, захлопнул ее и положил на край стола.

Ватутин задумчиво поглядел в окно, за которым медленно угасал закат.

— Все это как будто убедительно, — заговорил Ватутин, — и в то же время не совсем. Помните, в начале июня они на одном участке даже начали снимать минное поле и накапливаться для атаки. А что произошло потом?.. Потом они сняли свои части и перебросили на другой участок. Разминирование было предпринято только для того, чтобы сбить нас с толку. Почему бы и сейчас им не попытаться обмануть?

— Нет, товарищ командующий, сейчас показания более серьезные, — возразил генерал. — За эти две недели гитлеровцы значительно укрепили свои группировки у Орла и Белгорода. Кстати, я связывался с Центральным фронтом. Там примерно такие же признаки.

Зазвонил телефон. Ватутин взял трубку:

— Слушаю!.. Товарищ Шумилов... Ах, вот как! Это точно?.. Так, хорошо. Принимайте меры... — И, кладя трубку, Ватутин сообщил Виноградову: — Ну, вот еще один признак. Шумилов докладывает, что установлена переброска вражеских войск из глубины к переднему краю.

Ватутин вызвал адъютанта и распорядился пригласить начальника штаба.

Через несколько минут в комнату вошел высокий, могучего телосложения генерал Иванцов. Его загорелое лицо от привычки жмуриться на солнце было иссечено белыми морщинами. На вид ему лет тридцать пять, а то и меньше. Он на мгновение задержался в дверях, кого-то торопливо поприветствовал, а затем подошел к столу.

— Слушаю, товарищ командующий, — сказал он, обменявшись взглядом с начальником разведки.

Ватутин похлопал тыльной стороной ладони по сводке:

— Это видели?

— Видел, товарищ командующий.

— С выводами разведки согласны?

Вопрос был поставлен в упор. Как бы едва заметная тень прошла по лицу Иванцова. Конечно, в точности сообщений разведчиков он уверен, но означает ли это близость удара...

— Вижу, колеблетесь, — сказал Ватутин и сердито махнул рукой. — Давайте продумаем положение...

Иванцов раскрыл такую же, как у Виноградова, папку, которую держал в руках, вынул из нее несколько новых документов и положил их перед Ватутиным.

— Поглядите, товарищ командующий. Только что получено от Чистякова...

Когда генералу Иванцову из Ставки предложили перейти на Воронежский фронт, он не отказался. За недолгое время, которое Иванцов провел в сражениях бок о бок с Ватутиным, он нашел с ним много общего. Особенно их сблизили после боев у Сталинграда трудные мартовские дни 1943 года, тяжелые бои под Харьковом и Мерефой.

Многое было пережито вместе с Иванцовым. И Ватутин видел: не ошибся, когда после трагической гибели начальника штаба Юго-Западного фронта, убитого в декабре, назначил на его место молодого генерала. Новый начальник штаба оказывал большую помощь в руководстве войсками.

А то, что готовилось в апреле, мае и июне на Курской дуге, по своим масштабам намного превосходило все, что предшествовало Сталинградской битве и развернувшемуся затем сражению на Среднем Дону.

Последнее время разведка доносила о непрерывных передвижениях больших масс войск по ту сторону фронта, о новых вражеских танках и самоходных орудиях. Но к лету 1943 года вооружение нашей армии намного пополнилось и улучшилось. Появились большой пробивной силы нового типа орудия, усовершенствовались танки Т-34, был создан тяжелый танк ИС... Было что противопоставить танкам врага, его орудиям, самоходкам,

Укрепления, о которые должен был разбиться наступательный порыв гитлеровцев, строились на глубину до ста пятидесяти километров. Войска располагались так, чтобы они могли нанести ответные контрудары, перейти в контр-наступление.

Один военный историк подсчитал, что за три месяца до битвы на Курской дуге было вырыто почти десять миллионов метров траншей и ходов сообщения. Вытянутые в одну линию, они составили бы глубокую канаву, по которой человек мог бы пройти от Атлантического до Тихого океана, видя над головой только небо. А если использовать труд, затраченный на всю эту работу, в мирных целях, то можно было бы вырыть судоходный канал протяжением почти в две тысячи километров.

Только на одном Воронежском фронте саперы установили свыше шестисот тысяч мин, а количество стрелковых и пулеметных окопов приближалось к семидесяти тысячам. Все важнейшие населенные пункты приспособляли к круговой обороне. Мосты на случай прорыва вражеских танков подготовили к взрыву.

У Обояни особенно прочно укреплялся участок, занимаемый армией Чистякова, где ожидали главный удар гитлеровских войск. Здесь построили около половины всех препятствий и установили наибольшее количество противотанковых мин...

Было над чем работать и было о чем думать Ватутину, его штабу и всем командирам частей! Сложность расположения войск, находившихся в Курском выступе, заключалась еще и в том, что войска Рокоссовского, оборонявшие фронт со стороны Орла, и войска Ватутина, обращенные на юг — к Белгороду и Харькову, соприкасались в глубине обороны своими тылами. Если гитлеровцы сумеют прорваться в тылы Воронежского фронта, то тем самым они выйдут и в тылы Центрального фронта. А это грозило тяжелейшими осложнениями. Поэтому Ватутин стремился как можно яснее представить, где же те участки, с которых гитлеровцы нанесут самые сильные удары.

Гитлеровскими войсками, действовавшими против фронта Ватутина, командовал фельдмаршал Манштейн, гот самый, что хотел прорваться к окруженной сталинградской группировке и любой ценой освободить ее. Тогда, в декабре прошлого года, Ватутин нанес сокрушительный удар по этим войскам, разрушив планы Манштейна.

У Манштейна с Ватутиным были свои счеты, они были уже «старыми знакомыми». Реванш за Сталинград одновременно должен был стать реваншем генералу, который доставил ему, Манштейну, столько серьезных неприятностей.

Ставленник Гитлера действовал скрытно, но размеры огромной группировки сами выдавали ее. День за днем Ватутин терпеливо следил, как Манштейн сосредоточивает части, и тем самым все более и более проникал в замыслы врага.

В Ставке понимали сложность обстановки на Курской дуге. Представители Ставки помогали командующим фронтами организовать оборону, взаимодействовать.

Сейчас на линии фронта обманчивое затишье. Такая тишина, что соловьи, знаменитые курские соловьи, заливаются на заре, навевая солдатам воспоминания о доме, думы о мире, о том часе, когда можно будет лежать на траве, раскинув широко руки, и смотреть, смотреть в небо.

Солдатам, уставшим в боях, думается, вернее — хочется думать, что затишье продлится долго. Но в штабе фронта уже считают дни до первых залпов артиллерийской подготовки, которая вспугнет соловьев, заставит их забиться в самую гущу зеленых рощ...

Нет, в эти предгрозовые дни Ватутин не был одинок. И все же среди своих войск он оставался единоначальником и полностью отвечал за предстоящую операцию. И сейчас он напряженно следил за тем, как Иванцов и Виноградов анализируют обстановку, сопоставляют факты. Да, все говорит о том, что час сражения неумолимо наступает...

— И все-таки что-то здесь не то, — запальчиво произнес Ватутин, круто поворачиваясь и подходя к карте, развешенной на стене. — Все слишком уж демонстративно, грубо... — Он взглянул на генералов и тихо, но убежденно добавил: — Я не верю, что они сегодня начнут.

Виноградов молча смотрел на Ватутина. И по острому блеску его глаз Ватутин понял, что начальник разведки ждет объяснения.

— Давайте подумаем за противника, — предложил Ватутин, глядя уже на карту. — Предположим, гитлеровцы

сегодня хотят наступать. И вот они вдруг ни с того ни с сего лишают себя самого важного преимущества — тайны — и перебрасывают войска на виду у нашей авиационной разведки... Нет, после Москвы и Сталинграда немцы не будут действовать столь опрометчиво... Ну, как думаете, товарищ Виноградов?

Виноградов встал:

— Я еще кое-что проверю, товарищ командующий.

— Проверьте. Надо постараться немедленно добыть «языка». Организуйте-ка поиск.

— Есть, товарищ командующий!

Виноградов взял папку и вышел. Иванцов направился вслед за ним.

Уже несколько раз обстоятельства складывались так, что казалось, противник вот-вот перейдет в наступление. Разведчики сообщали факты, которые будто бы свидетельствовали, что час битвы близок. Но среди всех доказательств, в отдельности вполне убедительных, при сопоставлении и их проверке не оказывалось того последнего, которое завершило бы все предположения и привело бы к неопровержимому выводу.

Так было и сейчас. Фронт насторожился. Но Ватутин не верил, что немцы именно сегодня начнут наступать.

В два часа ночи начальник разведки опять вошел к Ватутину.

— Товарищ командующий, — сказал Виноградов, — поиск удался, пленный захвачен!

Ватутин на мгновение оторвался от лежащих перед ним телеграмм:

— Я уже знаю. Шумилов звонил. На переднем крае немцы заменяют одни части другими. Очевидно, фашистское командование не может положиться на дивизии, где много словенцев.

И опять опустил голову, пробегая глазами по строкам донесений. Генерал продолжал стоять, досадливо покашливая.

— Что? Вы недовольны? — спросил Ватутин, искоса взглянув на Виноградова. Он знал эту привычку генерала покашливать, когда ему что-нибудь не нравилось.

— Да как же, товарищ командующий! Работал, работал — и все насмарку, — сказал Виноградов и устало

махнул рукой. — А ведь, казалось, точно установили. Обидно...

— А знаешь, что я тебе скажу? — Ватутин вдруг дружески перешел на «ты». — Знаешь, что скажу? Я хотя и не разведчик, но, сдается, понимаю, в чем тут дело...

Виноградов вопросительно взглянул на командующего.

— Дело в том, что Гитлер и сам еще не решил, когда начать наступление. Хотя гитлеровская пропаганда и кричит: «Лето принадлежит нам», но это, как говорится, бабушка надвое сказала. Мы еще посмотрим, кому будет принадлежать лето...

А через пять дней на фронте было получено сообщение из Ставки: наступления немецко-фашистских войск следует ожидать между 3 и 6 июля.

4

Солнце заливало степь горячим потоком лучей. Вдалеке, на склоне крутого холма, стояла мельница. Ветер тихо, как будто украдкой, поворачивал ее крылья. По дороге к мельнице шел грузовичок, и легкое облачко белой пыли ползло за ним. Совсем низко над полем пролетел У-2. Заржала лошадь, и чей-то сердитый, с хрипотцой голос крикнул:

— Ну, ты, Гитлер, не лягайся! Копыто, копыто, говорят тебе, подними!..

Издалека донеслись, сливаясь в рокошующий грохот, приглушенные удары.

Ватутин, стоя у окна, прислушался. Едва слышно стучали зенитные пушки. «Бомбят», — решил он и повернулся к пленному обер-лейтенанту. Тот, вытянувшись и прижимая перевязанную руку к лохмотьям когда-то щегольского мундира, растерянно глядел на «железные кресты», еще недавно украшавшие его грудь, а теперь кучкой валяющиеся на столе около чернильницы.

— Крестов жаль, лейтенант? Не жалейте! Скоро им никакой цены не будет.

Обер-лейтенант жалко и виновато улыбнулся.

— Дайте ему закурить, — сказал Ватутин подполковнику, который тут же записывал показания пленного.

Подполковник протянул обер-лейтенанту пачку. Немец взял здоровой рукой папиросу и ищуще посмотрел

по сторонам. Подполковник понял и зажег спичку. Тот глубоко, с жадностью затянулся.

— Значит, вы утверждаете, — продолжал допрос Ватутин. — что ваша армия сегодня ночью переходит в наступление?

— Да, да, господин генерал, — с готовностью проговорил по-немецки обер-лейтенант. — Сегодня на рассвете!

— Поэтому-то солдатам и был выдан пятидневный паек?

— Да, господин генерал. При этом было сказано, что следующая выдача в Курске.

Ватутин усмехнулся:

— Если все, что вы сказали, правда, вы сохранили себе жизнь, лейтенант Швальбе. Но если солгали... Вы понимаете?

Обер-лейтенант наклонил голову:

— Господин генерал может быть уверен, что я хочу жить...

— Что еще пишет Гитлер в своем приказе?

— Это есть грандиозное наступление, господин генерал, последнее сражение за победу Германии.

— Уведите его! — распорядился Ватутин.

Обер-лейтенант круто повернулся и вышел вслед за подполковником.

Несколько минут Ватутин стоял, закрыв глаза, затем решительно подошел к своему столу.

Нельзя ожидать, пока немцы нанесут удар первыми. Нужно спутать их расчеты, лишить преимуществ нападающей стороны. Даже такая маленькая подробность, как пятидневный паек, выданный солдатам, говорит, что час вражеской атаки близок. Интересно, что происходит сейчас у Чистякова?..

Ватутин связался с ним по телефону.

В голосе Чистякова звучала тревога. Пять минут назад противник начал артиллерийский обстрел высот в районе деревни Бутово, самолеты сбросили на высоту 230.8, где находилось боевое охранение 67-й гвардейской дивизии, две тысячи пятьсот бомб. Передовые отряды гитлеровцев перешли в наступление. Боевое охранение ведет бой...

— Так. Стало быть, начинают, — заключил Ватутин. — Сдерживайте противника. Иван Михайлович! Мы примем меры. Ждите приказа!..

Маневр противника становился все яснее.

Предприняв наступление на разъезд Герцовка, деревня Бутово, высота 230.8 и, с другой стороны, на деревню Драгунское, где были расположены части армий Чистякова и Шумилова, гитлеровцы боем хотят прощунать оборону наших войск, ищут стыки армий и частей стремятся отбросить боевое охранение и улучшить свои позиции.

А что, если смешать противнику все его планы? Это пленный лейтенант утверждает, что наступление назначено на 3 часа 30 минут. Если это так, то чуть стемнеет и враг начнет подтягиваться к переднему краю. К 24 часам в основном перегруппировка войск у него закончится. Значит... Значит, надо провести контрартподготовку по основным скоплениям противника!..

Ватутин зашел к начальнику штаба и рассказал о своем намерении.

Иванцов с живым интересом слушал Ватутина.

— А может быть, товарищ командующий. — предложил он, — провести контрартподготовку по двум участкам и в два приема?

Ватутин задумался:

— Что ж, откроем артиллерийский огонь в двадцать два часа тридцать минут. Как раз в это время у немцев все будет в движении. Но артиллерия пусть работает не только у Чистякова, но и у Шумилова...

— А если привлечь еще и артиллерию из армии Москаленко? Для усиления огня... Да взять еще фронтовую

— Согласен. Действуйте!

Иванцов быстро направился к двери, но Ватутин остановил его:

— Да, вот что не забудьте!.. Не забудьте про «катиш». И чтобы армии были начеку!

Темная ночь плотно облегла землю. Из степи ветер доносил далекий скрежет танковых гусениц, цскрестук пулеметов, едва слышную переключку голосов. В небе под звездами, прошли самолеты. На горизонте навстречу друг другу взвились лучи прожекторов. Несколько секунд они крест-накрест пересекали небо, потом внезапно исчезли, и небо стало еще темнее.

А затем темнота словно разорвалась, и несколько ярких, как молнии, вспышек озарило горизонт.

«Началось!» — подумал Ватутин.

В ту же секунду грохот потряс землю, поглотив все остальные звуки ночи. Ватутин прислушался к канонаде и вспомнил, как однажды под Воронежем обманул врага, заставил его целую ночь без толку швырять снаряды, рубить лес и вскапывать поля... Беспокойная то была ночь... Но не обманут ли и он? Как будут злорадствовать враги, если артналет окажется нанесенным впустую!.. Но нет, не может быть! Враг там, где ложатся снаряды. А вдруг?..

Грохот орудий нарастал, и тяжелым гулом ему вторила земля.

Соединив за спиной руки, стиснув зубы, Ватутин молча смотрел на горизонт, где плясали языки пламени.

И вдруг тишина...

Тишина!.. Артиллерийская канонада окончена.

Минут через двадцать Иванцов принес сводку сообщений из армий. Командармы донесли, что артиллерийскому обстрелу подверглись семнадцать пунктов, где противник сгруппировал танки и пехоту, столько же наблюдательных пунктов и двенадцать наиболее активно действующих артиллерийских батарей.

Что ж? Если снаряды попали в цель, то противнику нанесен серьезный ущерб, система управления войсками у него, несомненно, нарушена...

Однако же на участке армии Чистякова события продолжали развиваться по-своему. Боевое охранение гвардейцев у деревни Бутово и у высоты 230.8 оказалось под сильным натиском гитлеровцев. Они увеличивали нажим, вводя в бой танки. Гвардейцы отражали атаки до полуночи, пока им не приказали отойти. На этом участке противник вырвался вперед, дошел до главной полосы обороны. Зато у деревни Драгунское все попытки сбить с позиции наше боевое охранение остались тщетными.

Что бы в эту ночь, с 3 на 4 июля, ни делал Ватутин, он все время думал: а что предпримет Манштейн, когда поймет, что день и час наступления его войск раскрыты и он уже лишен основного своего козыря — внезапности? Не двинет ли он войска в другом направлении?..

«Нет, — отвечал себе Ватутин, — не смогут гитлеровцы перестроиться на ходу. Их заставят наступать тысячи тонн военных грузов, которые они скопили за линией фронта. Для того чтобы перебросить все эти грузы, всю военную технику на новое место, потребовались бы ме-

сяцы. Немцы должны были наступать из Томаровки, и они, конечно же, были там под градом артиллерийского обстрела. Не может быть иначе!»

В 3 часа ночи Ватутин приказал армиям Чистякова и Шумилова повторить артиллерийскую контрподготовку и особенно сильный удар нанести по понтонному мосту, который гитлеровцы начали наводить через Дон. По этому мосту должны переправляться «тигры»... Затем отдал распоряжение генералу Красовскому нанести удары по аэродромам врага.

И опять загремели орудия.

Эскадрильи бомбардировщиков поднялись в воздух и легли на боевой курс.

Наступал рассвет. Ватутин наблюдал, как светлеет на востоке небо. Скоро утро... Скоро можно будет в бинокль увидеть позиции гитлеровцев, и тогда станет ясно, что эта ночь дала нам и что отняла у врага.

И вот показалось солнце, вся степь засветилась. Какое ясное и чистое наступило утро! Серебристой рыбой заблестела река, на далеком холме все отчетливее вырисовывается водяная мельница, и небо безоблачно. В его глубине за легкой, чуть видной тенью густеет свежая могучая синева.

Ватутин запросил армии: что сообщила разведка? Разведка еще не вернулась.

Ничего не поделаешь, надо ждать!..

И вот звонок. Ватутин взял трубку, услышал напряженный голос генерала Чистякова:

— Товарищ командующий?.. Докладываю...

— Ну!.. Ну!..

— Гитлеровцы понесли огромные потери. Побито много техники. Уничтожено двадцать артиллерийских батарей. Еще пятнадцать наблюдательных пунктов. Много танков. Мост через Дон разрушен... Потери людьми пока установить нельзя, но, очевидно, потери немалые...

— Очень хорошо! Очень хорошо, Иван Михайлович!.. Но держите войска в боевой готовности. Враг все-таки будет наступать!

Он поглядел на часы: уже утро, пятый час, а противник молчит. Неужели его обманули?

И в это мгновение до него донесся глухой грохот артиллерийской стрельбы.

Ватутин прислушался.

— Вот когда они начали артподготовку! Мы не ошиблись!.. — И, стукнув рукой о стол, он повторил: — Мы не ошиблись, черт возьми! Им уже не удастся расстроить нашу оборону и вывести из строя нашу систему огня. А это — главное!..

Так началось сражение на Курской дуге. Гитлеровские войска упорно шли навстречу своей гибели.

5

В этот день генерал Ястребов и начальник штаба дивизии полковник Потапов убедились на опыте, как прав был Ватутин, когда требовал, чтобы до мельчайших подробностей они продумали план обороны дивизии.

Дивизия оказалась на участке, где немцы предприняли наисильнейший натиск.

За два дня боев китель да и лицо генерала покрылись пороховой копотью и пылью. А у полковника Потапова в усах застряли комочки желтой глины, но он этого и не замечал.

Он под огнем переходил из полка в полк, и везде у него находилось дело. В одном месте надо было спешно перегруппировать силы, в другом — заменить раненого командира, в третьем — просто помочь советом или словом ободрения. Замполит Карасев, раненный в голову, не уходил в тыл. Ему сделали перевязку, и он остался в дивизии.

Уже было отбито девятнадцать танковых атак врага, в которых участвовало по сто пятьдесят — двести машин.

Несмотря на то что первые танки обычно попадали на мины и подрывались, их тотчас же обходили другие. Когда же и этих поражала противотанковая артиллерия, на позиции набрасывались эскадрильи «юнкеров», и вслед за ними надвигалась третья волна «пантер» и «тигров».

Казалось, перед ними уже нет ничего живого, но из сплошной мглы еще не осевшей от взрывов земли выныскивались советские танки. Десять... двадцать... пятьдесят... восемьдесят... сто... Тщательно замаскированные, зарытые в землю так, что над поверхностью возвыща-

лись одни башни. они в упор расстреливали прорывавшиеся машины.

Вслед за нашими ганками с этих, как будто уже уничтоженных, рубежей огонь открывали и противотанковые пушки, и один за другим «тигры» загорались, а вражеская пехота пряталась во ржи и гибла там.

В небе быстрой каруселью кружили самолеты. «Миги» дрались с «мессершмиттами», прикрывавшими «юнкерсов». Стучали автоматические пушки, и время от времени, не завершив полета, самолет срывался в отвесное пики, и когда это был вражеский, в окопах кричали: «Ребята, еще фрицу капут!..», а когда наш — отворачивались, чтобы не видеть, как самолет ударится о землю.

Фашисты все же прорвались в нескольких местах, но и на этих участках наши войска отошли только ко второй линии. Однако по всему фронту и на этих участках остались группы, стойко отражавшие атаки. а там, на второй линии, гитлеровцы натолкнулись на свежие силы, натренированные и обученные. И тем не менее они еще рвались вперед, еще надеялись преодолеть сопротивление советских армий.

Противник сразу же оценил свое преимущество на участке дивизии Ястребова, понял, что именно здесь сходятся фланги различных частей и, стало быть, тут надо искать щель, чтобы проникнуть в глубину обороны. Высота, на которой укрепилась дивизия Ястребова, давно уже привлекала внимание немцев. С нее далеко простреливалась равнина, и, если бы врагу удалось занять ее, задача прорыва на Обоянь была бы для него значительно облегчена.

Чистяков приказал Ястребову стоять насмерть. И Ястребов принял этот приказ со всей ответственностью боевого командира.

— Ну что, Потапыч? — спросил оп начальника штаба, когда, оглушенные взрывом, они вылезли из обвалившегося блиндажа. — Ты живой?

— Живой! — ответил Потапов, протирая глаза и выплеывая землю.

В то же мгновение они оба спрыгнули в окоп. Опять со свистом летели бомбы. Фашистские самолеты «накрывали» опушку рощи, которая им показалась чем-то подозрительной. Только когда самолеты прошли дальше, Ястребов и Потапов смогли оставить окоп.

Враг наносил дивизии огромные потери, но атака его танков уже захлебывалась, была замедлена.

Центр сражения все отчетливее и отчетливее перемещался на левый фланг, к оврагу, и Ястребов видел: справа, где действовала соседняя с ним дивизия, из глубины обороны били орудия, методично расстреливая «тигров». Но левый фланг...

— Надо немедленно еще сильнее укрепить стыки частей, — сказал он Потапову, вспоминая о предупреждающих словах командующего. — Пусть Федоренко перекинет сюда противотанковую артиллерию...

Полк Федоренко занимал правый фланг дивизии.

Положив на колено тетрадь, Потапов быстро написал ему приказ о переброске артиллерии на левый фланг и послал в полк ординарца.

Рискованно, очень рискованно оголять правый фланг, но другого выхода не было. Как ни трудно пришлось Ястребову, но ему и в голову не приходило требовать у Чистякова помощи. На своем маленьком участке он делал то же, что Ватутин делал в масштабе фронта.

Бой, жестокий и стремительный, завершался как будто в пользу противника. Но из ста его танков не более пятнадцати прорвались к позициям дивизии Ястребова. Правда, за ними широкой цепью двигалась пехота.

6

Это была уже двадцатая атака. Сержант Курбатов стоял около орудия, в опаленной гимнастерке, багровый от жары и усталости. Впрочем, в горячке боя он не чувствовал, что устал. Сбитая с головы стальная каска лежала у колеса пушки, но Курбатов не замечал и этого. Он не замечал многого из того, что творилось вокруг, и был поглощен только одним: как бы получше прицелиться по вражескому танку и выстрелить...

Ему казалось, что прошло всего несколько минут, как осколком снаряда ранило его друга, сибиряка Николая Мороза, который сейчас лежал, привалившись боком к краю окопа, и сжимал обеими руками живот. После каждого выстрела Курбатов оборачивался к нему и кричал:

— Коля, да иди же на перевязку!

В разгоряченном сознании Курбатова, где-то в самой глубине, жила неугасимая тревога: а что, если Колька

Мороз, с которым они вместе прошли путь от Сталинграда до Белгорода, так и не дожидется санитаров?.. Да нет, не может того быть. Такой здоровый мужик!

Невдалеке разорвался снаряд. Курбатова осыпало землей и градом мелких камней. Оглушенный взрывной волной, он на мгновение ослеп, затем снова бросился к оружию... Если бы у него было время подбежать к своему другу, он увидел бы, что тот мертв, и мертв уже давно... Мороз умер больше часа назад, а Курбатову казалось, что не прошло и пяти минут, как того ранило.

У оружия оставались два человека: он, сержант Курбатов, командир оружия, и подносчик снарядов Кутенков — воронежский колхозник, рябоватый парень с крепкими, мускулистыми руками. Кутенков был медлителен в движениях, нетороплив, словно не снаряды подносил, а таскал на мельницу мешки с мукой.

Но если эта неторопливость раньше, до сражения, раздражала стремительного Курбатова и он объяснял ее ленью, то теперь, когда кругом рвались снаряды, когда из всего оружейного расчета уцелели только они двое, Курбатову даже легче было от невозмутимости Кутенкова.

— Давай, давай, двигайся! — покрикивал он по старой памяти, хотя подносчик снарядов справлялся на этот раз со своим трудным делом быстрее обычного.

Орудие Курбатова уже подбило два танка. Когда первый из них вдруг остановился и пламя жадно охватило броню, затанув белые кресты клубами густо-серого дыма, у Курбатова радостно зашлось сердце, но все же он не посмел себе поверить, что подбил неуправляемую стальную махину. Ведь сотни орудий, рассыпанных вдоль высоты, били по немцам — и в упор, и издалека, из тыла, через голову своей пехоты, и каждое из них могло настичь эту тяжелую машину.

Но когда второй вражеский танк неуклюже развернулся и замер, а из-под правой гусеницы у него вспыхнуло яркое пламя, Курбатов уже точно знал, что это — дело его пушки, его руки, и сразу почувствовал себя намного смелее и спокойнее.

Уже третий танк полз вверх по склону. На этот раз Курбатов не стал торопиться; он выждал, пока танк подойдет поближе, и целился медленно, так медленно, что у Кутенкова хватило времени перевести дух и оглядеться

по сторонам. Тут он и заметил неподвижное, окаменевшее лицо Мороза, со сжатыми поголубевшими губами.

Краем глаза Курбатов увидел, что Кутенков повернул Мороза на спину, прикрыл его лицо каской, и сразу понял, что случилось, понял, но не отошел от орудия и не сказал ни слова — продолжал следить за танком...

И этот и еще один танк подбили Курбатов с Кутенковым. Они работали дружно, как у наковальни кузнец с подручным, точно и слаженно, не зная, кто еще, кроме них, уцелел на высоте.

Второе орудие батареи, которым командовал старшина Грищук, было разбито прямым попаданием бомбы, там все погибли, в том числе и командир. А третье орудие хотя и стреляло, но кто там остался, не было видно из-за бугра. И Курбатов чувствовал: он один отвечает за то, чтобы эта высота по-прежнему оставалась грозной и неприступной.

Он поднял свою каску, надел ее и застегнул под подбородком ремешок. Потом взял обломок доски, обтер ее рукавом, вытащил из кармана карандаш и, посплюнявив, написал на дереве большими неровными буквами: «Умру, но с рубежа не уйду». Доску воткнул в землю.

Опять суматошно забили зенитки, небо сразу же покрылось белыми пушистыми шариками разрывов. В пике шли десятки «юнкерсов». Оглушающе-пронзительно закричали бомбы — «ревуны». Взрыв, другой, третий... Туча черной пыли окутала позиции дивизии.

А издали уже доносился многоголосый крик:

— Хох! Хох!..

Крик приближался, нарастал. Вот он уже совсем близко. Вверх по склону холма вслед за танками — справа, слева — бежали серые фигуры, строча из автоматов.

Двадцать первая атака!.. Дивизия обескровлена, по врагу стреляли только отдельные орудия да пулеметы — от края оврага и от центра его, из-за густых кустов.

Вражеская пехота устремилась к новому рубежу. Он свободен, надо спешить!

«Тигры» тяжело переползали через окопы, в которых все было как будто мертво. Цепь эсэсовцев уже совсем близка. Видны их злобные лица, их глаза, руки, сжимающие автоматы...

И вдруг надвигавшиеся на высоту танки остановились, пехота противника залегла, неожиданно оборвав свой бег,

а вражеские минометы, спрятанные в посевах, перенесли свой огонь куда-то дальше, вглубь...

Курбатов не столько понял, сколько почувствовал: за его спиной есть что-то такое, что устрало врага. Еще не видя, откуда идет помощь, он уже ясно ощущал ее и, почти задыхаясь от горячего чувства, в котором были и радость, и облегчение, и злость, крикнул Кутенкову хрипло, прерывисто:

— Живем, Кутенков! Врешь! Наша возьмет!..

Командир орудия сержант Курбатов и не догадывался, что в это время в дело вступил корпус Кравченко.

Молчавшие в глубине обороны батареи внезапно ожили. Рев орудий слился в сплошной гул. Забили станковые пулеметы, отсекая вражескую пехоту от танков, заухали минометы, застучали противотанковые пушки. И навстречу вражеским машинам из-за рои стремительным потоком выползли тридцатьчетверки, в небе появились десятки «лагов» и «илов». Снизившись до бреющего полета, «лаги» расстреливали фашистов, оказавшихся под перекрестным огнем. Теперь уже врагам было не до атаки укреплений. Основная их масса, отстреливаясь, начала в беспорядке отходить.

Когда атаку отбили, Курбатов присел, вытащил из горлышка фляги черную резиновую пробку и долго тянул теплую воду — все не мог напиться. Потом он вытер рукавом с лица пот и осмотрелся. Невдалеке, на снарядном ящике, сидел Кутенков и, кряхтя, перевязывал раненую ногу. Труп Мороза по грудь засыпало землей. Каска сдвинулась с лица убитого, и теперь он, казалось, глядел полужакрытым глазом, словно щурился от яркого солнца. В пятидесяти шагах от Мороза, на скате холма, стоял развороченный, с вздыбленной пушкой, еще дымящийся фашистский танк. Это был шестой или даже седьмой танк, подбитый Курбатовым в бою.

7

6 июля войска Центрального фронта нанесли контрудар по северной вражеской группировке. Но с юга немцы продолжали рваться по шоссе к Обояни и Курску.

В нескольких местах гитлеровцы продвинулись на семь-восемь километров. И хотя было заметно: возможности их уже истощены, они атакуют осторожнее и значи-

тельно меньшими силами, бросая в бой теперь лишь по двадцать — двадцать пять танков, тем не менее враг стремился развить успех, и сражение не затихало ни днем, ни ночью.

Генерал Ястребов и замполит полковник Карасев сидели в землянке. Голова у Карасева была забинтована. Пятна крови проступали сквозь марлю, и он держал голову неестественно прямо, точно боялся пошевелить ею.

— Петр Петрович! — возбужденно говорил ему Ястребов. — Ведь выстояли, а? А ведь выстояли же, а? Ты смотри: от Ватутина благодарность всей дивизии! — И он протягивал Карасеву телеграмму, которую замполит уже знал наизусть.

— Размножим и пошлем по всем частям, — сказал, морщась от боли, Карасев. — Пусть люди узнают...

— Вот бы Потапов обрадовался!

— Да, жаль старика. Можно сказать, за пять минут до конца боя царапнуло...

Теперь дивизия Ястребова могла передохнуть. После многодневных боев гитлеровцы поняли, что на этом направлении им не пройти, и перенесли удар на левый фланг армии Чистякова.

Ястребов приказал выставить боевое охранение, а солдатам разрешил спать. И солдаты спали, лежа на траве, спали так крепко, что их не мог разбудить танковый бой, развернувшийся всего в двух километрах.

И вот в эти часы такого желанного и давно заслуженного и необходимого отдыха в землянку к Ястребову спустился офицер связи армии.

— Товарищ генерал, — обратился он к командиру дивизии, — вам боевой приказ. — И передал синий конверт с красными сургучными печатями.

Сломав печати, Ястребов вынул из конверта приказ, прочитал и отдал Карасеву.

Они ни слова не сказали друг другу.

«Что ж, приказ есть приказ, — подумал каждый из них. — Надо выполнять».

Офицер связи, выпив из кружки воды, которую принес ординарец, продолжал стоять, видимо чего-то выжидая.

— Что еще? — спросил его Ястребов.

— Начальник политотдела армии приказал передать, чтобы троих солдат — Курбатова, Пикапорова и Кутен-

кова — немедленно направили в штаб фронта. Командующий фронтом лично вручит ордена Ленина.

— Никаноров и Кутенков ранены, в госпитале, — сказал Карасев. — А Курбатов, этот есть.

— Фомин! — крикнул Ястребов ординарцу. — Сейчас же найди Курбатова.

Когда ординарец нашел Курбатова, тот спал около дощечки, на которой его же рукой было написано: «Умру, но с рубежа не уйду».

8

Напряжение битвы усиливалось, как усиливается ливень, когда гроза на исходе и на горизонте проглядывает голубое небо.

Наблюдая за тем, как развиваются события, Ватутин все больше понимал: гитлеровцы долго не выдержат. Они рассчитывали на стремительность, а их вынудили к длительной, изнуряющей битве, в которой сможет победить лишь тот, у кого не только больше сил, но и больше выдержки, упорства. События ближайших дней подтвердили это.

Восьмого июля с согласия Ставки генерал Москаленко со своей армией перешел в контрнаступление. Его войска продвигались медленно, но все же продвигались.

Правда, в этот же день на другом участке фронта Манштейн нанес удар по центру армии Крученкина, стремясь привлечь сюда резервы Ватутина и в то же время расширить прорыв к востоку. Свои неудачи в наступлении на Обоянь враг решил возместить ударом на Корочу. Но армия выдержала и этот нажим.

Девятого июля, по плану Гитлера, Манштейн должен был овладеть Курском, но он даже не сумел вывести свои танки в назначенный срок к Северному Донцу. А между тем резервы его 4-й танковой армии уже были исчерпаны.

Одиннадцатого июля войска Манштейна, получив подкрепление, перешли в новое наступление на Прохоровку с запада и юга. Танковое сражение продолжалось всю ночь и на другой день достигло наивысшего напряжения...

Широки поля вокруг Прохоровки. Залитые солнцем, они в мирные дни дышат благоуханной свежестью поле-

вых цветов, колышут волны желтой пшеницы. А сейчас здесь kloкотало невиданное сражение.

Тысячу танков собрал Манштейн под Прохоровкой, не зная о резервах Ватутина. И вот навстречу танкам Манштейна утром 12 июля из села Прелестное двинулись сотни тридцатьчетверок. Это армия генерала Жадова, прибывшая из резерва Ставки, заняла боевые рубежи и теперь шла на сближение с фашистскими танками, которые, выстроившись в виде огромной буквы «П», двигались к позициям гвардейцев. А над полем боя танков «миги» и «лаги» вели напряженные воздушные бои с «мессершмиттами» и «юнкерсами».

Густой дым тяжелыми волнами заволок сияющую на солнце степь. Танки горели, и черное чадное пламя пожирало посевы. Солдаты умирали, падая лицом в зеленую, пахнущую ромашкой траву.

Гитлеровцы, в воображении которых с новой силой возникли картины их разгрома под Москвой и Сталинградом, уже не верили, что чудесное русское лето, напоенное солнцем, запахом трав, буйно росших на раздольных полях, когда-нибудь будет принадлежать им. Нет, это были чужая земля, чужой воздух, чужое лето.

Манштейн снова проиграл. Ватутин собрал свои резервы как раз восточнее Прохоровки, где они и сослужили свою великую службу.

Вечернее солнце как будто с удивлением смотрело на картину, которую освещало первый раз с тех пор, как загорелось на небе. На полях и на склонах холмов догорили «тигры» с черными крестами. Вот, взыбавшись, застыли в смертной схватке «пантера» и тридцатьчетверка. Еще подбитый танк, еще... А вот наше орудие, раздавленное гусеницами... Но и сам вражеский танк далеко не ушел. А вот, у края окопа, лежат три бойца. У одного из них зажата в руках так и не кинутая им в машину противотанковая граната. На обочине дороги, уткнувшись в кювет, стоит большой штабной автобус. На распахнутых зеленых дверцах парисован желтый дракон с тремя головами — опознавательный знак эсэсовской части.

К вечеру 12 июля, потеряв более четырехсот танков, фашисты перестали рваться к Курску. Более того они

кое-где начали отходить, а Ватутин усилил нажим. В бой были введены армии Жадова и Ротмистрова. Противник снова начал отходить.

В тот же день по приказу Ставки перешли в наступление войска Западного и Брянского фронтов, расположенные севернее и восточнее Орла. И к 15 июля за три дня фронт противника был прорван на протяжении сорока километров и наши войска продвинулись в глубину вражеской обороны, освободив более пятидесяти населенных пунктов.

Красная Армия и здесь, и еще дальше, на севере — по всему фронту — наращивала свои удары. Орловская группировка противника распадалась, и ее уже громили по частям.

9

Курбатов хорошо представлял себе штаб полка, раз да был и в штабе дивизии, что же касается штаба армии и штаба фронта, то о них он только слышал. Он считал, что штаб фронта обязательно должен располагаться в глубоких блиндажах и допускаются туда лишь немногие, знающие особые пароли.

Но вот запыленная полуторка, на которой ехали бойцы, остановилась у железнодорожного переезда, невдалеке от станции Ржава. Из кабины высунулся шофер и крикнул:

— Эй, орлы, приехали! Вылезайте!

Курбатов огляделся и увидел обычные глинобитные домики. Около некоторых из них похаживали часовые. Под деревьями стояли машины. По тропинке, вьющейся рядом с дорогой, шли два полковника и о чем-то беседовали, не обращая никакого внимания на приехавших. Следом за полковниками шел высокий, худощавый генерал. Он свернул в сторону и скрылся между хатками.

Вот тебе и штаб фронта — в обычной деревне!

А минут через пятнадцать он уже стоял перед усталым немолодым майором, работником политуправления, который втолковывал ему, где находится баня, где столовая и где хатка, куда надо будет отправиться ночевать.

Перед тем как отпустить Курбатова, майор критически оглядел выдающую виды, выгоревшую на солнце гимнастерку сержанта и, покачав головой, смущенно сказал:

— Гимнастерка-то у тебя... Ты уж ее постирай, что ли. Все же перед командующим стоять будешь...

Кроме Курбатова, артиллериста и сапера, с которыми сержанта свела фронтовая дорога, в штаб было вызвано еще человек пятнадцать, отличившихся на разных участках фронта.

Вручение орденов должно было состояться на следующий день, утром, а до этого можно было отдыхать. Курбатов помылся в бане, устроенной в блиндаже, более часа просидел в столовой у связистов и неторопливо ел праздничный обед. Их всех угощали каким-то особенно вкусным пловом, а затем, на третье, дали по большому куску самодельного торта.

Правда, Курбатов тревожился, как бы не узнал его Ватутин и не получилось каких-либо осложнений. Сам решил не напоминать о себе командующему. Одно дело случайно поговорить на дороге и совсем другое — здесь, в штабе, когда вокруг так много начальников.

На другой день, утром, майор построил награжденных в две шеренги, устроил переключку и затем повел их строем в глубину густого сада. Здесь, на небольшой площадке, уже стоял стол, покрытый красной материей, и на нем лежали коробочки с орденами. Майор скомандовал «Вольно», ушел было куда-то, но тут же вернулся.

По тому, как быстро шел майор, по-строевому взмахивая руками и несколько торжественно неся голову, бойцы поняли: сейчас появится и командующий, и подровнялись, приняли, что называется, бравый вид.

И действительно, следом за майором появился Ватутин. Вместе с ним к столу подошли еще несколько генералов...

Все время, пока Ватутин говорил, обращаясь с поздравлением к награжденным, Курбатов смотрел на его лицо и, заметив, что командующий глядит на него так же, как и на других, успокоился. Не узнал!..

Майор вынул из папки приказ, отпечатанный на машинке, прочитал его и стал по алфавиту вызывать награжденных. Первым к Ватутину подошел артиллерист Анищенко — красный, смущенно-радостный.

Ватутин подал ему орден левой рукой, а правой крепко пожал руку и сказал несколько слов, которые Курбатов не слышал. В ответ Анищенко быстро и неуклюже кивнул головой, повернулся и пошел в строй. Затем

майор вызвал сапера Дементьева — коренастого, русоголового. Тот, прежде чем пойти, вдруг с беспомощной улыбкой оглянулся на товарищей.

Курбатова вызвали пятым или шестым. Ощущая холодок от волнения, сержант пошел прямо на Ватутина, быстро взял орден, пожал руку.

— Поздравляю, товарищ Курбатов, — сказал Ватутин. — Желаю вам получать ордена почаще...

Курбатов уже собрался повернуться, чтобы отойти, но Ватутин остановил его:

— А ведь мы, товарищ сержант, где-то уже встречались!

Курбатов в нерешительности молчал.

— Где-то мы уже встречались! — повторил Ватутин и с немым вопросом повернулся к рядом стоящему генералу.

Тот пожал плечами.

— На дороге мы встречались, товарищ генерал, — поборов смущение, напомнил Курбатов. — Я тогда каску обронил, а вы подняли!..

— Верно — на дороге! — подхватил Ватутин. — Ну, я вижу, каска вам пригодилась. Голова цела... Что ж, выходит, мы старые знакомые. Вот — встретились...

К вечеру Курбатов уже был в своей роте. И здесь припомнил, как он был в штабе фронта; ему казалось удивительным, что все получилось, в конце концов, очень просто: на груди у него орден Ленина, с ним разговаривал командующий фронтом. Да полноте, с ним ли, с Курбатовым, все это было!..

А Ватутин вечером уже ехал на новый командный пункт. Наши армии наступали.

ЛЮБИМАЯ КНИГА



Как бы ни был занят Ватутин, он всегда находил время читать. Ему нравились исторические романы. Он очень любил «Войну и мир» Льва Толстого.

Уезжая из дому, он намеревался взять «Войну и мир» вместе с необходимыми вещами. Но последние два тома никак не уместались в чемодане,

и Ватутин решил не брать их.

— Где-нибудь там достану, — сказал он.

Но разыскать конец романа потом оказалось не так-то просто.

В городах и селах, разоренных войной, почти не было книг. Кое-где библиотеки были эвакуированы в глубокий тыл, а чаще оказывались сожженными, уничтоженными.

Когда наши войска вступили в Сумы, Ватутин, разговаривая с секретарем Военного совета, попросил:

— У меня к вам, товарищ, личная просьба. Разыщите для меня где-нибудь последних два тома «Войны и мира». Первые два у меня с собой, только что перечитал. А третий и четвертый не захватил.

Просьбу Ватутина секретарю очень хотелось уважить.

В первую же свободную минуту он отправился разыскивать городскую библиотеку.

Но библиотеки в Сумах не оказалось. Немцы давно закрыли ее. И куда делись книги — никто не знал.

Наши войска стремительно продвигались вперед. Вскоре они заняли Миргород.

В этом городе библиотека как будто сохранилась.

— Нет ли у вас «Войны и мира»? — спросил секретарь библиотекаршу, пожилую, усталую женщину, которая копалась в книгах, сваленных среди комнаты в кучу.

— Да нет, молодой человек, — ответила женщина, взглянув на него печальными подслеповатыми глазами. —

Немцы сожгли сочинения Толстого. Да и не только Толстого. У нас не осталось ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Горького...

А между тем Ватутин нет-нет да и спрашивал секретаря:

— Ну как, не нашли «Войну и мир»?

— Пока еще нет, — смущенно отвечал секретарь, — но обязательно найду!

И он искал. В каждом отвоеванном городе он наведывался в дома, где раньше были библиотеки — городская, клубная или школьная, — расспрашивал библиотекарей и даже сам рылся среди книг на пыльных, поломанных полках.

Но «Войны и мира» нигде не было. Не было лучших книг — славы русской литературы! Фашисты везде уничтожали все, что дорого советским людям.

Как-то раз, выслушав очередной рапорт секретаря о новой его неудаче с поисками, Ватутин сказал ему чуть насмешливо и в то же время серьезно:

— Плохо, друг, ищите. Зря вы ходите по всем этим библиотекам. Вы лучше у народа спросите. Народ наверняка Толстого сохранил.

И вот, приехав в Переяслав-Хмельницкий, секретарь разузнал, где живет местный учитель литературы, и вечером зашел к нему.

Учитель, глубокий старик с морщинистым суровым лицом, выслушал его и сказал:

— Нет у меня «Войны и мира», немцы отобрали. Все книги были сданы в городскую управу, а там их уничтожили. — Подумав, прибавил: — Вот у доктора нашего были прекрасные книги...

— А не можете ли вы сказать мне его адрес? — спросил секретарь.

— Адрес? — Учитель поверх очков поглядел на секретаря! — Отчего же... Зеленая улица, дом двенадцать, квартира два. Да только ни улицы этой больше нет, ни дома, ни доктора.

— Но неужели ни у кого во всем городе не сохранилось книг? — с тревогой спросил секретарь.

— Да ведь и город-то, как видите, не сохранился, — с горечью заметил старик. — А уж книги... Впрочем, поискать можно. У меня среди учеников много было любителей. Собирали книги, берегли, я это поощрял. Полез-

ная, благородная страсть!.. Я вам, пожалуй, назову несколько фамилий и адресов, попробуйте наведаться.

Путешествие по квартирам школьников оказалось еще более сложным и печальным, чем странствия по школьным и городским библиотекам.

Улицы, засыпанные кирпичом, обугленные деревья садов, поваленные плетни, редко где уцелевшие дома с выбитыми окошками. А за каждой дверью — свое горе. Нет, найти здесь «Войну и мир» было невозможно!..

Уже потеряв всякую надежду, что отыщет книгу, секретарь уныло подошел к домику на углу улицы Котовского, — если можно было назвать улицей длинную полосу изрытой, опаленной земли.

Он достал записную книжку, проверил. Да, должно быть, это тут. Вон там, наискосок, развалины водонапорной башни, рядом — остатки большого вырубленного сада. Стало быть, в этом низеньком домике с повисшими, полусорванными ставнями, с извилистой трещиной от подоконника до земли живут Харитоновы, жила Надя Харитонова, ученица десятого класса. Как рассказывал учитель, она очень любила книги и собирала их, но Надю фашисты угнали в Германию... Впрочем, книги, может быть, остались...

Секретарь поднялся по ступенькам покосившегося крыльца, постучал. Дверь открыла старая женщина с ясными, умными глазами.

— Да, у меня есть «Война и мир», но я не могу отдать книгу, — сказала она. — Ее любила моя девочка. На многих страницах есть ее пометки. — Она достала книгу, бережно обернутую белой бумагой, и показала страницы. — Видите? Вот тут... и тут... Как же я отдам? Нет, не могу! Уж вы меня извините.

— Вот досада! — огорчился секретарь. — Две недели ищу... Дело, конечно, понятное, я вас понимаю. Я так и командующему скажу. Он поймет.

— Кому скажете? — спросила женщина, поднимая брови.

— Командующему фронтом генералу Ватутину. Это он просил разыскать ему «Войну и мир». Ну, доброго здоровья! Извините. Я пойду.

— Постойте! — остановила его женщина. — А зачем ему «Война и мир»?

— Да это, знаете ли, его любимая книга, — ответил

секретарь. — Дома-то у него, конечно, она есть. Ну а в походе целую библиотеку таскать за собой не станешь...

— Любимая книга, говорите? — повторила женщина. — Ну знаете тогда что... Возьмите! Если это ему нужно, то пусть читает. — И она протянула секретарю толстый том. — Передайте командующему мой поклон. Скажите: пусть идет дальше, до самой Германии идет и выручает мою Надю.

Она заплакала и ушла в другую комнату. А секретарь некоторое время стоял, не зная, чем утешить женщину, затем поклонился ей вслед и сказал погромче:

— Благодарю вас. Я передам. Сегодня же вечером передам...

Но увидеть Ватутина в тот же вечер ему не пришлось. Он передал книгу только через несколько дней, уже на новом месте.

— Спасибо, — сказал Ватутин секретарю. — С большой охотой еще раз прочту. — И, взвесив на руке толстую книгу в белой обертке, спросил: — Ну, а сами-то вы любите «Войну и мир»? Как вы относитесь к образу Кутузова, например?

Секретарь наморщил лоб, припоминая, что он читал о Кутузове.

— Отношусь... товарищ командующий... — начал он неуверенно.

Ватутин улыбнулся:

— Вы когда-нибудь думали, в чем сила Кутузова? Ведь это же очень важно!.. Он глубоко верил в силу русского народа, который поднялся против Наполеона. Кутузов был убежден, что русский народ победит. А какой тогда был наш народ? Крепостной, подневольный, и помещики его угнетали, и царь угнетал... — Ватутин сделал несколько шагов по комнате: — Как же силен теперь свободный русский народ! Нет, покорить его нельзя... Вот потому-то и люблю я читать «Войну и мир». Тут об этом и говорится, очень сильно говорится!..

Секретарь молча выслушал командующего и собрался было уйти, но Ватутин остановил его.

— Постойте! Вы мне еще не рассказали, как же вам все-таки удалось раздобыть эту книгу. Где вы нашли ее?

— Целая история, товарищ командующий. — И секретарь поведал Ватутину о своем разговоре с матерью Нади Харитоновой.

Ватутия внимательно слушал его, не торопя и не прерывая.

— Вот что, друг, — сказал он, когда тот замолчал. — У меня к вам еще одна личная просьба. Подробно разузнайте, когда и с кем угнали дочку Харитоновой фашисты. А матери сообщите, что я благодарю за подарок и постараюсь его заслужить... Нет, дайте-ка мне ее адрес. Я ей сам напишу и поблагодарю...



Ватутин изо всех сил растягивал пружину. Она звенела, рукоятки до боли впились в ладони. Почувствовав, что лицо багровеет, Ватутин со злостью рванул пружину, стараясь распрямить руки. Но не тут-то было, пружина дальше не подалась, и сколько он ни напрягался, справиться с ней уже не мог.

— Дьявол тебя возьми! — выругался Ватутин и в сердцах бросил пружину на землю.

Она, точно живая, несколько раз подпрыгнула на густой траве и упала в тени под вишней.

Ватутин стоял посреди небольшого украинского садочка, скинув с себя китель, который лежал на скамейке, и с удовольствием грелся на солнце. В это сентябрьское утро оно светило совсем по-летнему, было жарко. Лицо, шея, кисти рук у Ватутина почти черные от загара, а грудь и спина совсем белые.

Рослый автоматчик сержант Шустиков нагнулся и поднял пружину.

— Разрешите мне, товарищ командующий...

— Давай, давай! — поощрил его Ватутин. — Поработай...

Шустиков положил на траву автомат, ослабил пояс, затем ухватил своими огромными руками рукоятку пружины, закинул ее за спину и стал медленно растягивать. Мускулы у него на шее и на плечах напряглись; казалось, вот-вот под напором взбурившихся мускулов лопнет гимнастерка.

— Давай, Шустиков, давай! — подбадривал Ватутин. — Еще, еще нажми!.. Еще!..

Шустиков разжимал пружину. Гимнастерка треснула. Казалось, еще одно мгновение — и пружина будет растянута на всю ширину рук, но... заряд сил кончился. Пру-

жина вновь со звоном полетела на траву, так и оставшись непобежденной.

— Этого, Шустиков, я от вас не ожидал, — с улыбкой сказал Ватутин. — Взялся крепко, а не выдюжил...

— Дыха не хватило, товарищ командующий, — оправдывался Шустиков. — А вот если пояс сниму, я ее враз растяну. Как гармошку! Что в ней такого особенного...

— Ну так снимайте пояс! — подзадорил Ватутин. — Поглядим-посмотрим!

Шустиков расстегнул пояс, поднял пружину и снова взялся за ее рукоятки. Под выпцветшей гимнастеркой вновь заиграли мускулы. Ватутину было жалко смотреть на это отчаянно-напряженное, покрывшееся крупными каплями пота лицо. Сержант боролся с пружиной, как со своим заклятым врагом. И наконец победил — растянул ее.

— Все! — сказал Ватутин. — Рекорд поставлен!.. Смотри, правый рукав-то лопнул... А вообще, молодчина! — И он пожал сержанту руку.

Шустиков вытер рукавом мокрое лицо, затянул пояс и поднял автомат. У сержанта был вид хорошо поработавшего, довольного собой человека. Ватутин посмотрел на него и невольно вздохнул: «Да, молодость кончилась! А какое было замечательное время!..»

Шустиков так и не понял, почему вдруг командующий посуrowел лицом и, быстро надев китель, забыв в траве пружину, направился к дому...

И все же Ватутин перешагнул порог своей комнаты в хорошем настроении. Он хотел уже взять полотенце, чтобы умыться, как Семенчук позвал его к ВЧ.

— Кто там? — спросил Ватутин.

— Черняховский, товарищ командующий.

Ватутин перекинул через плечо полотенце и прошел в кабинет, где в желтых кожаных чехлах стояли два полевых телефона.

— Слушаю, Иван Данилыч! — весело сказал он в трубку. — Чего звонишь с утра пораньше?

Сквозь шумы и шелест расстояния ему ответил знакомый басовитый голос Черняховского.

— Да вот дело есть к вам, Николай Федорович!

— Какое дело? Важное?

— Важное, Николай Федорович! Хочу к вам проситься...

— То есть как это?

— Очень просто. Хочу просить Ставку, чтобы разрешили брать Киев!.. И чтобы всю мою армию передали вам...

Ватутин помолчал.

— Вы слушаете меня? — встревоженно спросил Черняховский. — Я хочу вместе с вами брать Киев!

— Ну, а Рокоссовский, Константин Константинович, как? Он-то вас согласится передать мне? — спросил Ватутин.

Теперь медлил с ответом Черняховский.

Ватутин усмехнулся. Он хорошо знал и любил Черняховского, да и не мешало бы иметь еще одну армию в таком большом деле, как взятие Киева. Левофланговые армии Центрального фронта — Черняховского и Пухова — движутся к Днепру севернее Киева. Что ж, будет неплохо, если Ставка передаст в состав Первого Украинского фронта эти две армии!

— Вот что, Иван Данилович, я тебе посоветую, — сказал Ватутин, хитровато прищурясь. — Воюй лучше, выходи скорее к Днепру! А там видно будет, может, и очутиться на моем фронте.

Черняховский по ту сторону провода вздохнул.

— Ну что ж, Николай Федорович! Буду действовать! До побачения!..

А через полчаса Ватутин уже с головой погрузился в дела.

Начальник разведки фронта доложил сведения, полученные от экипажа вражеского самолета, сбитого ночью. Оказывается, Манштейн дал приказ искать понтоны, без которых, по мнению гитлеровского командования, переправа через Днепр невозможна.

Слушая начальника разведки, Ватутин все более укреплялся в своем решении начать форсировать Днепр буквально с ходу — на лодках, плотках, не дожидаясь, когда подвезут переправочные средства. Немцы ищут понтоны на дальних дорогах, а в это время на правый, занятый ими берег уже перебирается их противник. Соблазнительная идея!..

Степь! Куда только глаз хватает — степь, потемневшая, осенняя. Бугорки, поросшие верболозом; у дорог высокие тополя. Ветер срывает с деревьев медные листья

и, то играя, устиляет ими шлях, то загребают своей могучей ладонищей и вскидывают высоко над землей, и они летят, разлетаются по степи стайкой вспугнутых птиц. И тот же ветер приносит густой запах гари. Дымы поднимаются к небу и висят черной тучей. Горят деревни... Куда ни поглядишь — дымы, дымы, дымы...

Медленно вдоль опустошенной и выжженной деревни движется полк. Позвякивают котелки, мерно стучат сапоги о гравий, ржут кони, запряженные в двуколки. Солдаты хмуро смотрят на пепелища.

Четыреста километров прошел полк в непрерывных боях. Дон остался далеко позади. Скоро уже Днепр. Уже ветер напоен влажным дыханием могучей реки. Завиднелись оранжевые скалы правобережья, а Днепр — под ними. Совсем близко.

Из строя выбегает старший сержант. Перескочив канаву, он круто сворачивает к еще не остывшему пожарищу. От хаты ничего не осталось, только чудом сохранившийся плетень по-прежнему огораживает участок, где стояла хата, окруженная вишнями. На верхней суковатой жерди плетня сидит голодный, измазанный сажей, одичавший кот. Увидев устремившегося к нему человека, он зло выгибает спину и, спрыгнув, исчезает в траве.

Старший сержант перелезает через плетень, подходит к самому пожарищу и, сняв фуражку, долго смотрит на золу, на обгорелый, битый кирпич.

— Что, товарищ старший сержант, пригорюнился? Знакомые места, что ли?

Старший сержант оборачивается и видит генерала в кителе защитного цвета и с серовато-зелеными погонами. Генерал невысокий, плечистый, с широкоскулым лицом и чуть улыбающимися прозрачно-серыми глазами.

— Точно, товарищ генерал, знакомые... Батько в ненькою жили, — глухо говорит старший сержант и быстро надевает фуражку, оправляет ремень. — А де вони — люди не кажут... Може, вбили, а може, зигнали...

Сержанту всего лет двадцать. На нем просоленная, выжженная солнцем гимнастерка, облегающая узкие плечи; за спиной старый, много раз стиранный вещевой мешок, а на груди, отливая вороненой сталью, чернеет автомат. Ватутин видит, что боец с трудом сдерживает себя, чтобы не заплакать, он весь поглощен созерцанием руин.

— Как вас зовут, товарищ старший сержант?

— Петро Дробот, товарищ генерал!

— Тяжело, товарищ Дробот, я понимаю, — произносит генерал и невольно задерживает взгляд на черепке макитры в жухлой траве. — Одно скажу: твое горе — это и мое горе, и горе всех наших товарищей, всего народа, можно сказать... Отомстим, Петро, и за твою мать и за отца!

— Був я на того фашиста злий, товарищ генерал, — тихо, сквозь зубы, цедит сержант, — а вже теперь зовсим лютий стану!..

Генерал кивает головой:

— Полк уходит! Догоняй, Дробот! Да помни: чем быстрее пойдешь вперед, тем меньше деревень сожгут фашисты. Это сейчас в наших руках... Ну, беги!

Сержант козыряет генералу и убегает — догоняет роту.

А Ватутин направился к поджидающей его машине, около которой столкнулся с командиром полка. Ватутин пригляделся к нему и узнал Федоренко.

— Здорово, гвардии подполковник Федоренко! — дружески воскликнул Ватутин.

— Здравия желаю, товарищ командующий!

Вся грудь офицера в орденах, да и держится он сейчас намного увереннее, спокойнее, словно находится в своем, хорошо обжитом доме.

— Ну, товарищ Федоренко, рад, что по Украине ка-тишь? — спросил Ватутин, оглядывая рослого, крепко сбитого командира. — Где родился-то?

— В Житомире, товарищ командующий, — сказал Федоренко и кивнул в сторону проходившей колонны солдат, словно они уже входили в его родной городок.

Ватутин указал на колонну:

— Полк твой?

— Мой, товарищ командующий!

Некоторое время Ватутин молча смотрел на солдат:

— Хорошо идут... Людей по штату?

— Полный состав, товарищ командующий!

Гремя гусеницами, «челябинцы» тащили тяжелые орудия на больших колесах. Артиллеристы, увидев генерала, приосанивались, проверяли на себе, все ли в порядке, принимали бравый вид.

Ватутин взглянул вдоль плеча. Конца войскам не было видно. Вдалеке, спускаясь с холма, двигалась на

машинах мотопехота. В небе, патрулируя, пролетали штурмовики. По обочине, обгоняя тягачи, проехал, пыля, грузовичок, в кузове которого сидели две девушки в пестрых сарафанах, мужчина с положенным на колени футляром со скрипкой и еще несколько человек, одетых в военную форму, но без погон.

— Это кто такие? — поинтересовался Ватутин.

— Артисты, — сказал Федоренко и добавил уважительно: — Из Москвы, товарищ командующий. Политуправление прислало. Движутся с нами в походном порядке... Здорово пляшут девчата, да и поют хорошо. Бойцы довольны.

— Ты, брат, не только для солдат концерты устраивай, ты и крестьян зови, — заметил Ватутин. — На первый взгляд это как будто пустяки, а на самом деле важно...

— Слушаю, товарищ командующий!

— Какая твоя боевая задача? — вдруг спросил Ватутин.

— Форсировать Днепр, товарищ командующий! — каким-то другим, четким, напряженным голосом ответил Федоренко.

— Правильно! — сказал Ватутин. — Задача трудная. Гитлеровцы сидят на высоком берегу, но не сплошным фронтом.... Успех зависит от стремительности, с которой твои ребята переправятся через Днепр. Чем быстрее, тем меньше потерь...

Ватутин смолк, обратив внимание на лафет орудия. На нем лежал раненый. Повязка на его голове почернела от спекшейся крови, рот глубоко ввалился, под глазами темнели заметные даже издали широкие тени.

— Остановите-ка трактор! — распорядился Ватутин.

Федоренко помахал водителю «челябинца», сержанту в синем комбинезоне, и тот затормозил — трактор остановился, вздрагивая от работающего мотора.

Ватутин подошел к лежащему на лафете солдату.

— Почему везете раненого? — строго спросил он подбежавшего сержанта, грузина, ловкого и быстрого в движениях.

Тот сбивчиво доложил:

— Недавно ранило, товарищ генерал... Бомбил по дороге. Не успели в лазарет отправить.

Ватутин подошел к солдату и склонился над ним:

— Что, браток, тяжело?.. В госпиталь тебе надо!

Раненый приподнялся на локте:

— Ось на Днипро подывлюсь трохи, тоди и в госпиталь можно...

Ватутин улыбнулся:

— На Днепр ты еще успеешь наглядеться! Вот поправишься...

— Та не отправляйте, товарищ генерал! — попросил раненый.

— Разрешите ему, товарищ генерал! — вступился за солдата сержант. — Он украинский человек, а я кавказский человек... Я на Куре родился, товарищ на Днепре родился... Хочет товарищ на Днепр взглянуть. Что тут скажешь? Его река! Не могу человека обидеть, в радости ему отказать... Разрешите, товарищ генерал!

— Нет, нет! — запротестовал Ватутин. — Он же совсем слаб, вы растрясете его. Обидеть не хотите — и погубите ни за что... Сейчас же отправьте его в тыл! Немедленно!

3

А навстречу машинам, войскам идут люди, идут обрванные, усталые, но оживленные. Они несут убогие узелки, жалкий скарб, на который не позарился враг. У женщины на руках дети... Вот, окруженные толпой, плетутся волы — тащат нагруженный доверху воз, на котором сидит седобородый старик со сплюснутым картузом на затылке и дымит своей трубочкой-носогрейкой...

Куда идут эти люди?..

Ватутин вспомнил день, когда он ехал к Воронежу. Тогда так же навстречу, на восток, шли люди и так же несли свой скарб. Как невыносимо тяжело было глядеть на них тогда!..

А теперь народ возвращался к родным местам, пусть испепеленным войной, но к своим, издавна любимым. Люди знают, что поля их потоптаны, сады вырублены, хаты сожжены. И все же лица их не угрюмы, не полны отчаяния, люди озабочены предстоящим трудом, они уже ждут не дождутся, когда смогут взять в руки топор, лопату, пилу, чтобы начать строить...

Толпа обтекает военные машины, и те уменьшают ход. Волы неторопливо и как будто нехотя уступают им дорогу.

Крестьяне с любопытством рассматривают сидящего в своем вездеходе генерала. И вдруг прямо к Ватутину из гущи людей устремляется молодая женщина в пестром платке. Глаза ее широко раскрыты; она радостно улыбается и протягивает два больших румяных яблока.

— Возьмите, товарищи военные! Кушайте! — говорит она и, кинув на колени Ватутину яблоки, смущенная своей смелостью, тут же прячется за чью-то спину.

Ватутин приветливо машет женщине рукой, но та уже исчезла в толпе...

Идет высокий, опирающийся на суковатую палку, дед. Он в самотканых шароварах, в старой свитке — заплата на заплате, за спиной у него тощий мешок. Старик шагает не спеша, привычно переставляя ноги, и кажется, он может пройти так сотни и сотни верст.

— Откуда, дедушка? — спрашивает его Ватутин. — Куда?

Дед останавливается, кладет на палку длинные костлявые руки:

— До хаты идемо... Вид тих вороженькив-нимцив тикали...

Вокруг вездехода собираются крестьяне. Им хочется посмотреть на генерала, послушать, что он скажет. Дед подходит поближе, и Семенчук протягивает ему папиросу. Старик с достоинством берет папиросу и, поразмыв в ней табак, ждет, пока дадут прикурить. Он затягивается дымом с удовольствием.

— Эх, давно вже я доброго тютюну не палив!

Два загорелых паренька, выглянув из-за его плеча, тоже берут по папиросе и отходят в сторону. Затем к пачке протянулось еще несколько рук, и она мгновенно опустела.

— Берите, берите! — угощал Семенчук, раскрывая другую пачку.

— Ну, дедушка, расскажи, как же вы утекли от немцев? — спрашивает Ватутин и чуть наклоняется вперед, чтобы лучше слышать.

— Як тикали? — неторопливо повторяет дед. — Той немец нас, як худобу, гнав. Усих! Никого не жалив — ни малых, ни старых, ни жинок, ни дидов... Ось мени симь-десять рокив, и то сигнал...

— А что? — крикнула из толпы молодая женщина, которая подарила Ватутину яблоки. — Ты, дид Хвыля, у

нас зараз молоденький. Еще семьдесят годков проживешь!

Дед Хвыля грозит ей пальцем.

— Не слухай оцей жинки, товарищ генерал, бо вона з роду дурна. А тикали мы от нимца з переправы...

И он рассказал Ватутину, как на переправе угнанный немцами народ попал вместе со своим конвоем под бомбежку. Конвоиры перепугались, попрятались, а народ в это время разбрелся потихоньку да полегоньку — кто в гай, кто в степь, а кто в балку. Так и утекли.

— Все ушли? — спросил Ватутин.

— Ни, де там! — ответил старик, горестно покачав головой. — Богато людей погнажи вороги!

Он отбросил окурок, тут же взял у адъютанта новую папиросу и опять жадно закурил.

— Куда же теперь идешь, дедушка? — поинтересовался Ватутин.

— До дому.

— А что, хата у тебя цела?

— Ни, хати нема.

— А что есть?

— А ничого нема. Тилько ридна земля да добре житя!..

Старик так бодро и спокойно произнес эти слова, что Ватутин улыбнулся.

— Ну, счастливого пути, дед! — протянул он старику руку и попросил адъютанта: — Дайте-ка ему еще тютюну на дорогу.

Машина тронулась и стала медленно пробиваться сквозь толпу. Те, кто еще не видели Ватутина, тянулись, чтобы взглянуть на него, поклониться.

— Товарищ генерал! Товарищ генерал! Подождите трохи! — вдруг закричал кто-то из самой гущи толпы.

Ватутин обернулся и увидел, что к нему, расталкивая людей локтями, пробираются два паренька. Их старые, рваные пиджаки перетянуты ремнями. В руках по автомату.

— Затормози, — сказал Ватутин шоферу. — Что за люди?

Парни подбежали к машине, смущенно остановились. И Ватутин увидел, что перед ним совсем еще мальчики, лет по шестнадцати-семнадцати, не больше, запыхавшиеся, с загорелыми, обветренными, вспотевшими лицами.

Мальчики стояли плечом к плечу, словно чувствовали себя в строю.

— Что вам, ребята? — спросил Ватутин.

— Партизаны мы, товарищ генерал!

— Партизаны? — Ватутин внимательно поглядел на пареньков. — Что ж, у вас весь отряд из таких хлопцев состоит?

— Ни. Тилько мы, разведчики, молодые. А то у нас всякий народ — и старики и жинки... И дид Хвыля з нами.

— С вами? Какой же это дед Хвыля?

— А вот, что тут, на дороге, стоял. Вы еще с ним разговаривали.

— Этот самый старик? Да его же немцы из села вместе со всем народом угнали? Разве он партизанил?

— Эге ж, товарищ генерал, — сказал один из юных партизан. — Он хочь и на селе жил, а дуже нам помогал: за немцами следил, нас прятал...

— Как же ваш отряд называется? Большой он?

— Отряд наш зовется «Октябрьская революция». А уж сколько в нем народу, то мы одному только командующему скажем. Ватутину, генералу. Как бы нам до него добраться, товарищ начальник? Очень нужно!..

— Ну, если очень нужно, так я за него.

— Це як же?

— А очень просто. Я и есть Ватутин, генерал.

Партизаны удивленно переглянулись, словно не веря, что вот так, на дороге, можно встретить самого командующего. Большой начальник, командующий фронтом! Его не сразу найдешь, да и могут не допустить до него. А тут — встретили и запросто поговорили!.. Им в отряде никто и не поверит...

— А хибя ж вы и вправду Ватутин? — спросили пареньки, всматриваясь в генерала.

Автоматчики, сидевшие позади Ватутина, засмеялись. Этот смех успокоил молодых партизан.

— До вас, товарищ генерал, нас и послали, — начали они торопливо объяснять, проникаясь доверием к Ватутину и ко всем, кто сидел с ним в машине. — Отряд наш переправу подготовил. В зарослях лодки собраны, бочки, плоты!..

— Вот кстати! — воскликнул Ватутин. — Это вот настоящая помощь! Спасибо вашему отряду, ребята!.. — Он

повернулся к адъютанту: — Посадите хлопцев в машину. Пусть едут за нами.

Машина тронулась к Днепру. А навстречу ей все шли и шли люди, возвращались из фашистской неволи...

4

Еще во время боев под Курском гитлеровское командование, очевидно предвидя возможность поражения своих войск, усилило строительство мощной линии укреплений на западном берегу Днепра. Отсюда, с высокой, обрывистой кручи, открывался далекий обзор. Отсюда было удобно обороняться, высматривать на другом, низком, берегу важные цели. И теперь гитлеровцы полагали, что после долгого отступления на запад их войска смогут отдохнуть и перегруппироваться, — русским не удастся преодолеть Днепр. Большинство населенных пунктов у побережья немцы превратили в опорные пункты и узлы сопротивления с круговой обороной. На каждой высоте установили доты с пушками, каждый бугор приспособили под пулеметные гнезда. Дороги и поля, где могли пройти танки, они густо заминировали, а в лесах устраивали завалы. Новая крепость стала на пути наших войск. Но если овладеть ею, славный, древний Киев будет освобожден!

Ночь становится все темнее. Дует резкий, холодный ветер, косо летят крупные капли дождя. Где-то в тучах с ноющим звуком проходят вражеские бомбардировщики. С западного берега Днепра взвиваются белые ракеты и нависают над рекой, освещая воду призрачным, бледным светом. Огоньки игриво перебегают по волнам, и темными пятнами проступают островки и кусты, склонившиеся над водой.

Вот с западного берега, через весь Днепр, протянулась струя трассирующих пуль. Стремительно несется пунктир из красных, зеленых, белых искр. Слышен тревожный стук пулеметов. И вдруг откуда-то из-за рощи немцам начинает отвечать автоматическая пушка: она бьет трассирующими снарядами, и уже не искры, а огненные птицы одна за другой летят через реку. Яркие вспышки озаряют сизое небо и сизую осеннюю воду. Р-ррру, р-рру!.. —

грохочут где-то обвалы, и далеко по реке разносятся тяжелый гул. Это рвутся бомбы.

Ватутин, зябко поеживаясь, идет к землянке. В эти решающие ночные часы он почти все время в войсках. На широком фронте идет переправа через Днепр.

Враги не знали, где начнется переправа, и нервничали, растягивали свои силы, метались. Разведка доносила, что они то укрепляют один участок, то снимают с него войска и бросают их на другой. Нельзя давать врагу передышки. Необходимо тщательно скрыть от немцев основное направление удара. Пусть противник гадает, где будут наступать главные силы.

В темноте к Днепру подходят новые и новые части, движутся темные громады орудий, слышен сдержанный говор солдат.

Ватутин идет узкой тропинкой, уводящей в глубь небольшой рощи. Из темноты его тихо окликает часовая. «Сталинград!» — так же негромко отвечает и Ватутин. «Сталинград» — это пароль нынешней ночи.

Пробежав по небу и озарив края туч, над рощей склоняется луч прожектора, и на мгновение причудливым узором возникает над головой переплетение сучьев.

— Сюда, сюда, товарищ командующий! — говорит офицер, идущий за Ватутиным. — Вот мы тут расположились, проходите.

Но Ватутин и сам видит неясные очертания землянок под деревьями. Около них стоят люди.

По ступенькам Ватутин спускается в землянку. Крепко срубленная, она сразу приняла обжитой вид. У стены сложены вещевые мешки, рядом с ними пристроились телефонисты. Посередине землянки небольшой стол, за которым сидят подполковник Федоренко, офицеры, седоусый человек в полувоенной форме и те два паренька-партизана, которых утром Ватутин встретил на дороге. Тут же присутствует и еще один человек, при виде которого командующий невольно улыбается. Это дед Хвыля. Он пьет чай из большой эмалированной кружки, притулившись у края стола. Фигура старика по-военному подтянута. Он опоясан широким солдатским ремнем с двумя подсумками, полными патронов, а рядом с ним стоит прислоненная к стене винтовка.

Увидев Ватутина, Федоренко поспешно встает. Встают и остальные. Дед Хвыля расплескал чай и косит гла-

зом на лужицу, которая, расплываясь, грозит подмочить карту местности, разложенную у другого края стола. Ватутин слышит, как Федоренко шепнул седоусому:

— Командующий фронтом!..

— Я вижу — тут военный совет! — весело говорит Ватутин, делая знак, чтобы все сели. — Какое решение принято?

Седоусый прикладывает руку к козырьку фуражки:

— Разрешите представиться, товарищ командующий фронтом! Командир партизанского отряда «Октябрьская революция» Фролов.

Ватутин подходит к нему. И они здороваются, пожимая друг другу руки, при этом небольшая кисть Ватутина чуть не скрывается в огромной, темной от загара ладони партизана.

— Силен! — говорит Ватутин одобрительно.

— Рабочие руки, — добродушно отвечает партизан.

— Откуда вы?

— Из Донбасса. С шахты «Ирмино».

— Шахтер?

— Да.

— Как же сюда попали?

— Судьба занесла... В сорок первом во время отступления ранили, чуть не пропал. Вот дед Хвыля выходил! — Партизан кивает на старика, который в эту минуту украдкой рукавом смахивал чай со стола. — Потом партизанить стал... Собрал отряд. Сначала маленький. А как люди порасслышали — так и пошли к нам. Сейчас у нас в отряде двести семьдесят человек... Разрешите доложить о действиях отряда?

— И рад бы послушать, да некогда теперь. — Ватутин оглянулся и, увидев, что все продолжают стоять, смутился: — Садитесь же, товарищи! Что вы как на параде!..

Ватутина пододвинули ящик из-под мин, и он сел напротив Фролова. Дед Хвыля и молодые партизаны продолжали стоять.

— Садись, садись, дедушка, чего же стоишь! — сказал Ватутин. — Будь гостем.

— Да нет, я пиду с хлопцами робить, товарищ генерал. — И дед Хвыля взял винтовку.

Но по всему его виду было заметно, что старику очень хочется остаться и послушать разговор генерала с командиром партизанского отряда

— Успеешь, — остановил его Ватутин. — Подожди, попей чайку, тогда и пойдешь.

Хвыля покорно поставил винтовку на прежнее место и обоим паренькам погрозил глазами, чтобы вели себя тихо.

Федоренко пододвинул карту к Ватутину, опять начавшему разговаривать с Фроловым.

— Есть ли у вас какие-нибудь переправочные средства? — спрашивал Ватутин.

— Есть, товарищ командующий! Здешние болота я и сам хорошо изучил. А в отряде много рыбаков. Как потвоему, дед Хвыля, тропы есть кому показать?

К Хвыле вернулось спокойствие. Пригладив усы тыльной стороной руки, он ответил с достоинством:

— Скризь любую тропку перейдем, чоботов не замочим!

Все засмеялись.

— Откуда у вас столько лодок? Как вы их сберегли от немцев? — поинтересовался Ватутин.

Ему нравились эти люди, смело делавшие свое дело под самым носом у немцев. Он чувствовал, что на них можно положиться. Такой правдивостью, такой скромной, сдержанной силой веяло от ладного облика Фролова, от его больших рук и легкой усмешки, прячущейся под седыми усами!.. А дед Хвыля? Сколько решимости и смелости в его хитроватых мудрых глазах!.. Да, хорошие, настоящие советские люди!

Думал это Ватутин и в то же время внимательно слушал Фролова.

А Фролов говорил густым, чуть глуховатым голосом:

— Откуда лодки, спрашиваете? То, товарищ командующий, долго рассказывать. Всем народом таскали... Немцы на берегу укрепления строят, а мы лодки прячем: водой заливаем, в песок закапываем... Крестьяне штук пять тайком построили, мы их тоже на острове замаскировали.

— И дед Хвыля работал? — одобрительно взглянув на старика, спросил Ватутин.

— Ну как же! Он у нас первый плотник!

Хвыля откашлялся и опять разгладил усы.

Ватутин придвинулся к столу, и все почувствовали, что сейчас начнется основной разговор, ради которого сюда и пришел командующий.

Федоренко снял и опять надел фуражку, расстегнул и застегнул полевую сумку. Фролов грудью навалился на стол, чуть покосившись на Хвылю, а тот, в свою очередь, строго посмотрел на обоих пареньков, и без того сидевших тихо.

— Вот что, ребята, выйдите! — обернулся к ним Фролов. — Покурите-ка на свежем воздухе.

Партизаны быстро поднялись, встал и дед Хвыля и, густо закашляв, пошел вслед за ними.

— Товарищ Федоренко, а где ваш замполит? — спросил Ватутин.

— Он сейчас с партийной комиссией в полках — принимает бойцов в партию, — сказал Федоренко. — Вызвать?

— Нет, пусть. Но когда вернется, подробно информируйте его... Итак, товарищ Федоренко, сегодня ночью при помощи партизан вы должны будете начать переправу...

5

2 сентября 1943 года наши войска овладели городом Переяслав-Хмельницким, где почти три века назад казацкая рада, созванная Богданом Хмельницким, решила присоединить Украину к Московской Руси. Сейчас древний город лежал в развалинах. Фашисты разграбили и сожгли его...

По шляхам южнее Переяслав-Хмельницкого мчались танковые колонны генерала Рыбалко. Густая серая пыль повисла над полями дымовой завесой. Автоматчики, закутавшись в плащ-палатки и надвинув низко на глаза зеленые стальные каски, лепились на броне.

Когда передовые части Первого Украинского фронта подходили к Яготину, по приказу Военного совета танкисты генерала Рыбалко, находившиеся в резерве фронта, двинулись в направлении Переяслав-Хмельницкого, обгоняя передовые части, и к вечеру 22 сентября, выйдя к Днепру южнее города, с ходу форсировали реку. Такого стремительного удара немцы не ожидали. Танкисты не встретили организованного сопротивления противника. На плотках и паромках они переправили мотомехпехоту на правый берег и, отразив атаки, овладели несколькими прибрежными населенными пунктами.

У Переяслава Днепр широк и глубок. Перегравляться здесь оказалось нелегко. Если в первые часы еще можно было пользоваться подручными средствами, то для переправы основных сил армии, танков и машин необходимы были мосты.

Ватутин придавал огромное значение постройке надежного моста, и такой мост построили под огнем противника, и по нему пошли танки, которые тут же вступили в бой, расширяя занятый плацдарм.

А несколько севернее передовых отрядов генерала Рыбалко через Днепр переправились танкисты генерала Москаленко и также завязали борьбу за расширение плацдарма.

Смелые и решительные действия танкистов значительно облегчали начало переправы главных сил.

Гитлеровцы поняли, что допустили большую оплошность, и навстречу нашим частям, форсировавшим Днепр, двинули крупные танковые соединения и моторизованные войска.

Чтобы прервать переброску через Днепр наших войск, фашистские самолеты днем и ночью бомбили переправы. Над рекой стоял вой бомбардировщиков, грохот взрывающихся бомб; вода кипящими гейзерами взлетала вверх и оседала каскадами брызг.

Навстречу вражеским бомбардировщикам вылетели наши истребители, и в воздухе завязалось многочасовое непрерывное сражение.

Особенно ожесточенные бои развернулись около Великого Букрина, где советским войскам удалось занять значительный плацдарм. Чтобы ликвидировать его, немцы направили сюда и авиацию, и новую резервную танковую дивизию, и еще две пехотные дивизии...

Севернее Киева за подступы к нему успешно боролись войска генерала Черняховского, мечта которого в конце концов сбылась: Ставка разрешила ему участвовать в битве за Киев.

Заняв приднепровские городки, группы разведчиков Черняховского начали переправляться через Днепр, с боем захватили клочки береговой полосы — где рощицу, где песчаную косу, где каменистую гряду — и, утвердившись на них, шаг за шагом отвоевывали землю правого бережья

Но гитлеровцы были уверены, что советские войска нанесут свой главный удар не здесь, а южнее Киева. Тогда фельдмаршал Манштейн и направлял все новые и новые соединения, ослабляя другие участки фронта.

Так начиналась битва за Киев, начиналась великая переправа через Днепр, еще раз прославившая доблесть советского солдата.

6

Ватутин, командующий армией и с ними подполковник Федоренко и его замполит, майор Корнев, шли берегом.

Уже более часа назад Ватутин отдал последнее распоряжение, но возвращаться с берега Днепра на командный пункт ему не хотелось.

Наступили ответственные минуты боя. Если войскам не удастся закрепиться на том берегу, это уже поражение, которое потребует новых усилий и жертв...

Ватутин искоса поглядывал на Корнева. Тот шагал неловко — приподняв плечи и напряженно вглядываясь в темноту. И трудно было представить себе, что этот сутуловатый, немолодой и неувереннодвигающийся в сумраке человек только что просил разрешить ему переправиться на ту сторону на первой же партии лодок и плотов. Ватутин не разрешил. В ответ Корнев только молча приложил руку к козырьку. Но было видно, что отказ огорчил и обидел его.

В эту ночь в полку Федоренко вступили в партию двести семьдесят бойцов и офицеров. Уже стало славной традицией, что перед ответственным боем поток заявлений с просьбой о приеме в партию увеличивается.

Ватутин знал, что полк Федоренко идет в новое сражение, знал, что это очень трудно, но понимал, что предоставить войскам отдых не может. Если руку, занесенную для удара, остановить, удар потеряет силу.

Прислушиваясь к движению на берегу, к негромкой команде офицеров, к сдержанному говору солдат, что вязали плоты или подтаскивали к воде ящики с патронами, минометы, мины, пулеметы, он с волнением ждал минуты, когда первый отряд двинется через Днепр.

В темноте за кустами тюкал топор, трещали сучья, скрипел под тяжелыми сапогами песок. Бледный свет вражеских ракет путался в ветвях, застревал в них, не проникая в глубину.

— Ух, курить до дьявола хочется! — сказал чей-го хрипловатый голос за кустами. — Товарищ старший, можно... в рукав?

— Ни, друже, подожди трохи, а то пулю в рот получишь.

— А я ее проглочу! — ответил солдат.

В кустах засмеялись.

Ватутину показался знакомым голос человека, которого называли старшим. Где он его слышал?.. Ах да, там, на дороге, у сожженной хаты. Петро Дробот... И Ватутин остановился, прислушиваясь.

— У, хвороба тебе в печенку! — вдруг выругался кто-то, возившийся у самой воды. — Шо ты мене толкаешь? Обережно! Хиба тут лужа? Тут Днипро, чи ты не бачишь!..

— Бачу! Бачу! — передразнил сердитый голос. — Ни черта я не бачу!.. Заноси правой, правой заноси, говорю... Руби сучья!

Застучали топоры.

— Покурить бы! — опять протянул тот же хрипловатый голос. — Товарищ старший сержант, я же в рукав... Хотите, наземь лягу?.. Только затянуться разок! Душа ноет.

— А ты заховай свою душу, друже!

— Не могу... Терпения нет!

В кустах чиркнула спичка.

В ту же секунду послышался короткий мягкий удар — очевидно, кто-то выбил спичку из руки, и она мгновенно погасла. Раздался взрыв возмущенных голосов, но их перекрыл голос старшего сержанта:

— Та ты, разумиешь, що ты робишь, Яхлаков?! У тебя разум есть?

— Есть, — буркнул Яхлаков. — Самому хватит и другим останется...

— Тю, разум! — крикнул еще один голос. — Не голова у него, а гарбуз!

— Надо лейтенанту доложить!

— Чего докладывать! Всыпать ему, и все!

— А вы не грозитесь, не боюсь!.. Дальше переднего края не пошлют...

— То правда, що не пошлють, — сказал старший сержант Петро Дробот. — А як пошлють, то ми вас з собою не визьемо.

От презрения он даже перешел с Яхлаковым на «вы».

— Куда это не возьмете?

— А на той берег... Доверия у нас к вам нема. Разумиете?

— Правильно, товарищ старший сержант! Пусть катится к филькиному дядьке...

— Отправить его отсюда подальше. Трус он!

— Это я-то трус! Кто сказал?

— Я сказал.

— Да я!..

— Чего орешь! Не пойдешь ты с нами... Ясно тебе говорят: доверия нет! И довольно!

— Да у меня орден и три медали «За отвагу». Да я, может, пять «языков» привел!.. Да я... — Яхлаков захлебнулся от чувства горькой обиды.

— Горазд! А ну идите с теми вашими медалями до лейтенанта и доложите ему, шо ви приказ порушили, — сказал старший сержант Дробот. — Хай вин виришае, що з вами треба робити...

Солдаты замолчали.

— Молодец! — тихо сказал Ватутин командирам. — Здорово он его!..

— Ну, шо ви стоите, як та дубина на огороде? Идите себе! — опять донесся из кустов строгий голос старшего сержанта.

— Да что вы, ребята, на самом-то деле? — уже просяще заговорил Яхлаков, видимо сдавая позиции. — Я в разведке, у самых немецких постов, и то курил. Перед немцем кланяться заставляете!

— Ладно, будет врать! Иди!

— Ребята! Ну, чего вы? Ну, не буду курить, ежели так...

— Это ты лейтенанту объясняй.

— Да ну, ребята, чего ж вы на самом-то деле! — Голос Яхлакова стал обиженным и жалобным. — Как с врагом...

— Ты и есть враг, когда Гитлеру огнем сигналы даешь!..

Браня Яхлакова на все корки, солдаты не переставали работать. Стучали топоры и молотки, ударялись друг о друга бревна.

— А ну, хлопцы, перестаньте з ним балакать! — сказал Дробот. — Чувахин, визьми у Яхлакова топор!.. Хай соби иде до лейтенанта.

— Ребята, а ребята! — продолжал упрасивать Яхлаков.

— Заплакал! Маленький!..

— Ему бы соску да бутыл с первачом.

— Ты комсомолец, Яхлаков?

— Комсомолец.

— Зря. Выгнать надо. И выгоним...

— Ребята!..

— Заладил: «Ребята, ребята!» Иди отсюдова! Не мешай!..

— Ребята, да ведь я, ей-богу, не буду больше!.. Пусть у меня...

В кустах примолкли. Очевидно, солдаты, сорвав первую злость, не могли уже с прежней суровостью гнать Яхлакова.

— Значит, осознал? — помолчав, спросил его старший сержант.

— Осознал.

— Совсем осознал?

— Совсем.

— Ну, дивись!.. Чувахин, отдай ему топор!..

Этот простой, случайно подслушанный солдатский разговор, то суровый и гневный, то добродушный и шутиливый, Ватутину понравился, и он оценил его не меньше, чем письменные сводки из частей о моральном состоянии войск и высокой сознательности бойцов.

— Надо будет взгреть еще этого Яхлакова! — тихо сказал командарм подполковнику Федоренко. Ему было неловко перед командующим, который оказался свидетелем недисциплинированности его солдата.

— К чему? — услышав командарма, возразил Ватутин. — Сильнее, чем товарищи, взгреть его нельзя. Он это теперь надолго запомнит...

Они прошли еще метров сто и у небольшого мыса, поросшего густыми кустами верболоза, увидели группу солдат и партизан, спускавших на воду лодки. Тут был и командир партизан Фролов.

Когда Ватутин подошел к мысу, на воде покачивалось уже больше десятка рыбачьих лодок. А метрах в пятидесяти, за песчаным холмом, готовился к переправе передовой отряд.

Федоренко исчез на минуту, потом вынырнул из темноты и доложил:

— Товарищ командующий, плоты и лодки готовы! Разрешите начинать посадку?

— А люди?

— И люди готовы, товарищ командующий.

— Начинайте!

— Есть начинать!

Голос Федоренко стал глуше. Операция была рискованная. Кто знает, что ждет первый отряд там, на скалистом, обрывистом берегу? Да и доплывут ли они до него? Подполковнику Федоренко было бы много легче, если бы он сам пошел с первым отрядом. Но он должен распоряжаться боем отсюда, должен подготовить отправку и второй и третьей групп, должен прикрыть огнем, когда понадобится, своих передовых бойцов...

И он не столько представил себе, сколько почувствовал все, что должно было сейчас произойти: и стремительную высадку на правом берегу, и короткий бой с растерявшимся от неожиданности врагом, и счастливое ощущение того, что ты первый утвердился на новых позициях, а за тобой идет вся армия. Ох, скорей бы уж все начинать!..

Федоренко сильно устал. Подготовить передовой отряд к отправке было нелегко. Надо быстро и прочно прикрепить к плотам пушки, которые все время стремились сползти в воду; надо найти способ передвигать по реке эти тяжелые плоты, придумать, как довести, не подмочив, сухой паек в бумажных мешках. Да мало ли еще что!.. Удачно вышло, что под рукой оказался этот партизанский начальник, Фролов. Полезный человек — сметливый, расторопный, приученный ко всему годами трудного партизанского быта...

Дружная, тихая работа на берегу заканчивалась. За несколько часов Федоренко успел провести несколько репетиций, и солдаты уже хорошо знали, как им надо действовать, когда начнется переправа.

Ватутин, не вмешиваясь, одобрительно следил, как распоряжается Федоренко.

Вдруг прямо перед генералами из темноты вынырнула высокая фигура деда Хвыли с веслами на плече.

— Уже воюешь, дедушка? — узнав его, спросил ласково Ватутин.

— Воюю, воюю, товарищ генерал Николай Федорович! — ответил старик.

— Сам тоже — на тот берег?

— Пиду... Покажу бойцам стежку, трохи побуду и — назад, за другими.

— А хватит у тебя сил?

— Э, силы в мене богато, — посмеиваясь, ответил старик. — Дай боже, штоб така сила у всякого доброго казака була!

— Ну, иди, иди! Спасибо!

Дед скрылся в темноте. Небольшими группками на берег стали выходить солдаты и молча рассаживаться по лодкам.

Лязгали в темноте пулеметы. Много хлопот доставили орудия, покачивающиеся на зыбких плотках. Несколько раз над самым местом погрузки нависали горящие ракеты, но немцы словно не замечали лодок с солдатами.

Федоренко и Корнев обходили лодки, отдавали распоряжения. Все понимали, что предстоит необычайный бой. Как только лодки окажутся на быстрине, они тут же попадут под прямой обстрел орудий противника с гребня, и спастись от этого огня можно лишь стремительным форсированием Днепра.

С тихим шумом набегали на берег волны. С севера дул холодный, пронизывающий ветер. В тучах гудели самолеты.

Одна за другой лодки стали отходить от берега и исчезать в темноте. Тут же, в кустах, чуть ли не рядом с Ватутиным, примостился телефонист с трубкой, прижатой к уху. Черный телефонный провод уходил в реку. Где-то вдалеке на лодке негромко верещала катушка, с которой разматывался провод... Еще полчаса — и телефонный кабель свяжет берега.

Заложив руки за спину и крепко сцепив пальцы, Ватутин слушал удаляющийся скрип уключин.

Прошло минут пять. На вражеской стороне вспыхнул прожектор. Луч его, медленно прощупав небо, угас, так и не осветив реку.

Густой мрак висел над Днепром. Лодки словно растаяли, растворились в нем. Что там с нашими? Ничего не слышно, не видно. Но, судя по тому, что немцы не стреляют по этому участку реки, можно предположить, что переправляющиеся пока не обнаружены.

Из-за реки непрерывно, методично бьют орудия. Снаряды разрываются в воде, вздымая бурлящие фонтаны. Случайный снаряд может попасть и в лодку.

Время тянется медленно. Ватутину пора на командный пункт, но он не уходит, решает подождать еще. Если высадка удастся здесь, то она удастся и на других участках фронта.

Подходит Федоренко и молча останавливается. Ватутин слышит его прерывистое дыхание, слышит, как трещит у него в руках ветка, которую он нетерпеливо крошит на мельчайшие куски. Знакомая лихорадка тревоги и ожидания...

— Скоро, Федоренко, будешь в Житомире, а?

— Как возьмем, товарищ командующий... — отвечает Федоренко, стараясь попасть в тон. — Темно, ничего не видно! Даже ракет не бросают!

— А это хорошо, что не бросают. Значит, не обнаружили.

— Не люблю неизвестности, товарищ командующий.

— Терпение, товарищ Федоренко, терпение...

— Да я, товарищ командующий, просто за людей беспокоюсь...

— А ты давно из Житомира?

— С детства уехал.

— Куда?

— Сначала в Москву, учиться — дядя к себе взял, — а потом в Воронеж. Там и жил пятнадцать лет.

Ватутин усмехается:

— Выходит, ты воронежец, а не украинец.

Говоря это, он продолжает всматриваться в даль. Но там ни единого признака начавшегося боя.

— Должны бы уже высадиться, — со скрытой тревогой говорит Федоренко.

— Они и высадились.

— Что же молчат?

— Значит, обстановка такая...

Федоренко и сам достаточно опытный командир, чтобы понимать это. Но ему хочется, чтобы скорей начался бой, чтобы томящая неизвестность развеялась, чтобы стало ясно, что и как предпринимать дальше.

— Ничего не слышно? — спрашивает он телефониста, сжавшегося в комок у подножия дерева.

— Даже не щелкает, товарищ командир.

— Беда, прямо!.. Наверно, провод порван. Проверьте!

На песке и в кустах лежат солдаты, приготовившиеся к бою, если надо будет поддержать высадившихся. На противоположный берег наведены орудия и пулеметы. Тысячи невидимых глаз вглядываются в ночь, стараясь угадать, что происходит за черной пеленой.

Наконец послышался скрип уключин, и на воде появились неясные очертания лодки.

— Разрешите, товарищ командующий, я пойду посмотрю? — сказал майор Корнев.

— Идите!

Корнев, ломая кусты, напрямик побежал к месту, где причаливала лодка.

— Товарищ командующий, — через минуту доложил он взволнованным шепотом, — наши достигли берега! Немцы их пока не обнаружили... Не пора ли перебросить еще людей? Лодки идут сюда.

— А это кто приехал?

— Старший сержант Дробот. С ним дед Хвыля.

— С деда хватит и одной поездки, — сказал Ватутин. — Поберегите-ка его... И... начинайте посадку второй группы!

— Теперь и мне можно, товарищ командующий? — спросил Корнев.

— Теперь и вам. Отправляйтесь! Организуйте там дело.

Корнев мгновенно исчез в кустах, где ждал своей очереди резерв.

Одна за другой из темноты появлялись лодки. Солдаты рассаживались и сейчас же отталкивались от берега.

Федоренко не сразу заметил, что его замполит ушел.

— Эх, и не попрощались!.. — досадливо пробормотал он. — Да и не надо было мне его отпускать. И здесь для него дел хватит...

Внезапно над Днепром вспыхнули десятки ракет. И лодки этой, второй партии, едва достигнув середины

реки, оказались видными как на ладони. Четыре немецкие батареи тяжелых минометов разом обрушили свой огонь. Стараясь определить по звуку, откуда стреляют минометы, Федоренко приказал бить по ним из всех орудий.

По-прежнему не вмешиваясь в распоряжения подполковника, Ватутин внимательно наблюдал за ним. Ему нравилась решительная точность приказов Федоренко. Когда дело дошло до боя, он был на своем месте. Да, несомненно, на своем месте!

На Днепре яростно рвались вражеские снаряды. Осветительные ракеты теперь висели в небе целыми гроздьями. Над ними металась черная тень «юнкерсов». Рвались бомбы, поднимая тысячи тонн воды.

Вот мертвенный, чуть зеленоватый свет ракеты осветил разбитую лодку. Она так быстро погружалась в воду, словно кто-то тянул ее вниз. Доплывет ли хоть кто-нибудь из ее команды?.. А на той стороне снизу вверх тонкими струйками летят уже красные и зеленые огоньки. Это дерутся те, кто достиг правого берега.

Ватутин, не отрывая глаз, все вглядывается и вглядывается туда. Удержатся ли? Уцелеют ли?..

— Киев! Киев! — вдруг отчаянно закричал телефонист. — Да, слышу, слышу!.. Орел!.. Орел!.. А, чтоб вас!.. Куда вы там подевались? Думал, уже всех порубали! Кто это?.. Петро Дробот? Здесь командир!..

Телефонист хотел что-то сказать Федоренко, но тот сам выхватил у него трубку:

— Кто говорит?.. Лейтенант Макеев! А где Корнев?.. Да, Корнев!.. — Тревога за жизнь замполита не оставляла его. Он ругал себя, что молчаливо согласился с просьбой Корнева, не настоял перед командующим, чтобы тот отменил свое решение. — Как не прибыл?.. Что? Потоплена лодка?.. Ах, черт возьми!.. А это точно?.. Ну, а у вас что?.. Ага! Да, да... Слышу... Слышу! Держитесь!.. Держитесь, говорю! Поможем!.. Обязательно поможем!..

Федоренко отдал было телефонисту трубку, но Ватутин перехватил ее:

— Лейтенант Макеев!.. Говорит Ватутин! Передайте бойцам, что все они представляются к званию Героя Советского Союза!.. Ни шагу назад! Расширяйте плацдарм!..

Бой нарастал. Орудия гремели по всему фронту. Переправа через Днепр началась во многих местах реки...

На рассвете, после объезда частей своего фронта, Ватутин вернулся на командный пункт. В машине он немного вздремнул, но как только вошел в землянку, сразу же приказал соединить себя с Федоренко.

— Как дела, подполковник? Что немцы? Пытались сбросить, но не удалось? Так, значит, не удалось... Значит, закрепились?.. Да ведь это ж победа! Вы понимаете: победа!.. Держитесь, Федоренко, держитесь!..

Наступал день, новый день битвы на Днепре.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Повесть	
Пять дней	5
Рассказы	
Атака	271
Честь гвардейца	284
До́ма	297
Кому принадлежит лето	305
Любимая книга	334
Днепр	339

Александр Исаевич Вощов
БАТУТИН. Повесть и рассказы
Редактор Рудин М. З.
Художник Абакумов Н. А.
Художественный редактор Гречиго Г. В.
Технический редактор Коновалова Е. К.
Корректор Челак Л. В.

* * *

Сдано в набор 9.1.69 г. Г-60121.
Подписано к печати 8.7.69 г.
Формат 84×108¹/₃₂ 11¹/₂ печ. л. = 19,32 усл. печ. л.
18,972 уч.-изд. л.
Бумага типографская № 2. Тираж 150 000 экз.
Цена 70 коп.
Изд. № 4/1333 Зак. 680.

* * *

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР. Москва, К-160
Набрано в 1-й тип. Воениздата
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3
Отпечатано с матриц в типографии
газеты «Коммуна»
Воронеж, пр. Революции, 39

Воинов А. И.

В65 Ватутин. Повесть и рассказы. Воениздат, 1969.

В книгу включены цикл рассказов о жизни генерала Ватутина и повесть «Пять дней», посвященная его деятельности на Юго-Западном фронте в дни окружения и разгрома гитлеровцев под Сталинградом

Образ генерала Ватутина, одного из виднейших советских полководцев, рисуется автором в тесной связи с важнейшими военными операциями, в которых Ватутин принимал участие. Прославленный полководец изображается писателем в постоянном общении с солдатами и офицерами, с населением. Генерал Ватутин предстает в книге как народный герой, посвятивший всю свою жизнь защите Родины

7-3-2

288-68

Р2

Цена 70 коп.

